

Всеволод Соловьев
ЗЛЫЕ ВИХРИ

Всеволод Сергеевич Соловьёв

Злые вихри

В 90-е годы Всеволод Соловьёв написал два произведения на злобу дня: роман «Злые вихри» (1893) о пустоте идейных желаний тех, кто стремился к прогрессу революционным путем, и неоконченное произведение «Цветы бездны» (1895- 1896) – о проникновении в Россию нищестанства. В «Злых вихрях» автор обнажал лицемерие высшего света, где все творится «по шаблону». Это настоящий нравоописательный роман. Резкому обличению подвергались и фанатики толстовского учения – «обезьянство ничтожных, жалких людей, бегущих одинаково толпою за вещим пророком и за лжепророком, пустосвятом».

В романе «Злые вихри» он показал, что спиритизм может быть просто смешным явлением. Здесь смех и сатира выполняют функцию обличения того, с чем писатель не был согласен по своим религиозно-философским убеждениям.

Содержание

#1	0007
#2	0008
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0009
I.	0009
II.	0017
III.	0028
IV.	0038
V.	0048
VI.	0061
VII.	0069
VIII.	0081
IX.	0092
X.	0097
XI.	0106
XII.	0115
XIII.	0121
XIV.	0128
XV.	0143
XVI.	0155
XVII.	0165
XVIII.	0175
XIX.	0188
XX.	0196
XXI.	0207
XXII.	0217

XXIII.	0230
XXIV.	0243
XXV.	0253
XXVI.	0263
XXVII.	0268
XXVIII.	0275
XXIX.	0283
XXX.	0291
XXXI.	0301
XXXII.	0309
XXXIII.	0318
XXXIV.	0330
XXXV.	0339
XXXVI.	0346
XXXVII.	0356
XXXVIII.	0364
XXXIX.	0372
XL.	0382
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	0396
I.	0396
II.	0407
III.	0421
IV.	0431
V.	0439
VI.	0446
VII.	0457
VIII.	0471
IX.	0482

X.....	0494
XI.....	0502
XII.....	0511
XIII.....	0520
XIV.....	0525
XV.....	0531
XVI.....	0538
XVII.....	0547
XVIII.....	0555
XIX.....	0564
XX.....	0571
XXI.....	0580
XXII.....	0587
XXIII.....	0596
XXIV.....	0604
XXV.....	0615
XXVII.....	0617
XXVIII.....	0624
XXIX.....	0637
XXX.....	0642
XXXI.....	0648
XXXII.....	0657
XXXIII.....	0667
XXXIV.....	0677
XXXV.....	0689
XXXVI.....	0695
XXXVII.....	0700

**Всеволод Сергеевич
Соловьев
Злые вихри**

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

...а міра сего тлѣннаго и вихровъ, исходящихъ отъ злыхъ чловѣкъ, не перенятъ, потому что во всемъ свѣтѣ разсѣяни быша, точію бо чловѣку душою предъ Богомъ не погрѣшитъ, а вихри злые, отъ чловѣкъ нашедшіе, кромѣ воли Божіей, что могутъ учинить?

(Изъ письма царя Алексѣя Михайловича Ордину Нащокину)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Наталья Порфирьевна остановилась въ дверяхъ между двумя гостиными, гдѣ сосредоточилось, на этотъ разъ, все оживленіе, и окинула быстрымъ, внимательнымъ взглядомъ ту и другую комнату. На ея губахъ еще не успѣли застыть послѣднія слова только что произнесенныхъ ею безсознательно заученныхъ фразъ, всегда казавшихся, какъ ей самой, такъ и другимъ, новыми и умными.

Сейчасъ произнесетъ она другія, подобныя же фразы. Ея бѣлыя, пухлыя щеки, дряблость и морщинки которыхъ таятся за незамѣтнымъ слоемъ искуснаго притиранья, уже дрогнули отъ привычно вызываемой, тихой и безконечно мягкой полуулыбки. Это та самая полуулыбка, о которой лѣтъ двадцать тому назадъ, послѣ аудіенціи, давно уже замолкшія, ласковыя уста сказали: «*Cette bonne madame Vilimsky a le sourire d'une sainte*».

Теперь репутація святости Натальи Порфирьевны Вилимской-Талубьевой была общеизвѣстнымъ, несомнѣннымъ фактомъ, отпраздновала свой юбилей, а ея мягкая, тихая полуулыбка получила оффиціальное значеніе и неизмѣнно находилась на своемъ посту, при исполненіи своихъ обязанностей.

Внимательный взглядъ на обѣ гостинья доложилъ Натальѣ Порфирьевнѣ, что все обстоитъ благополучно. Да и могло ли быть иначе? Развѣ она, полноправная хозяйка этого чуднаго дома, гдѣ каждая мельчайшая подробность носила на себѣ слѣды неподдѣльнаго стариннаго барства, не обладала, рядомъ со своею святостью, знаніемъ всѣхъ глубочайшихъ тайнъ свѣтской жизни? Развѣ не восприняла она съ юныхъ лѣтъ своею художественною душой всю гармоничную красоту внѣшнихъ формъ этой жизни? Развѣ не была она иной разъ незримымъ, но вѣчно дѣйствующимъ капельмейстеромъ прекрасно разучивающаго свои партіи оркестра, носящаго названіе «большого свѣта»?..

Шла третья недѣля Великаго поста, а потому вечеръ Натальи Порфирьевны имѣлъ, ко-

нечно, соотвѣтствующій этому времени характеръ. Длинная анфилада парадныхъ комнатъ отъ яркаго освѣщенія двухъ гостиныхъ казалась потонувшей въ полумракѣ. Приглашенныхъ насчитывалось всего около сорока человѣкъ. Однако, это вовсе не было случайное собраніе добрыхъ знакомыхъ хозяйки. Наталья Порфирьевна не любила, да и не хотѣла даже признавать ничего случайнаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ и стала проводить зимы въ этомъ домѣ, то есть уже болѣе тридцати лѣтъ, каждый день ея жизни имѣлъ свою задачу, былъ стремленіемъ къ какой-либо определенной цѣли. Сначала дни и вечера оказывались нужными для устройства ея собственныхъ дѣлъ. Когда всѣ эти дѣла были устроены, когда она почувствовала, что создала свое положеніе «на скаль», которую не расшатываютъ никакія волны, она вовсе и не подумала складывать руки. Въ ней жила, не слабѣя и не притупляясь съ годами, жажда дѣятельности, потребность строить планы и приводить ихъ въ исполненіе.

Эта женщина, объявленная образцомъ се-

мейныхъ добродѣтелей, эта Пенелопа нашихъ дней, безусловно вѣрная своему вовсе; не «хитроумному», но вѣчно пребывавшему въ разныхъ отлучкахъ Улиссу, знала въ жизни одно лишь наслажденіе, наслажденіе побѣды. Задумать -- и исполнить. И чѣмъ труднѣе достиженіе цѣли, чѣмъ хитрѣе и тоньше пущенные въ ходъ дипломатическіе и стратегическіе приемы, тѣмъ наслажденіе полнѣе.

Такой страсти Натальи Порфирьевны многія, иной разъ и дѣйствительно общепользныя, предпріятія были обязаны своимъ процвѣтаніемъ, а сотни мужчинъ и женщинъ -- устройствомъ своихъ дѣлъ, карьеры, даже, если хотите, счастья. Она протезировала охотно и творила просто чудеса. Только надо было умѣть поймать ее въ такую минуту, когда запасъ ея «насущнаго хлѣба» истощался, и она, чувствуя первые приступы голода, спрашивала себя: «что бы такое устроить? чего бы добиться?»

Если же «хлѣба» у нея было достаточно, -- она превращалась въ камень и оставалась равнодушною къ страданіямъ всего

человѣческаго рода. На ея лицѣ сіяла святая улыбка; но значеніе этой улыбки становилось безнадежнымъ. Оставалось выждать болѣе подходящаго времени, а если дѣло не допускало отлагательства, то ставить на немъ крестъ.

Нѣсколько заранѣе подготовленныхъ партій предстояло Натальѣ Порфирьевнѣ разыграть и въ этотъ вечеръ. Она уже выставила первые вѣрныя ходы и обдумывала дальнѣйшіе. Въ такъ называемой «маленькой» гостиной, за двумя карточными столами, партнеры были соединены съ «доброй цѣлью». Въ «большой» гостиной образовались группы и велись достаточно оживленные, но до того малозвучные разговоры, что они не покрывали собою позвякиванія ложечекъ о севрскій фарфоръ чайныхъ чашекъ.

«Кого же еще нѣтъ?» -- подумала Наталья Порфирьевна, вспомнила кого именно, сдѣлала почти неуловимую недовольную мину -- и вернулась на свое мѣсто, между двумя немолодыми уже дамами, погруженными въ тихую, малооживленную бесѣду и въ какое-то рукодѣлье.

Въ эту минуту маленькій, очень развязный молодой человекъ ловко и неслышно пробирался черезъ всю огромную комнату. Онъ останавливался на мгновение, обмѣнивался то съ тѣмъ, то съ другимъ двумя-тремя словами, и спѣшилъ дальше. На его замѣчательно красивомъ, хотя черезчуръ женственномъ лицѣ, въ его большихъ черныхъ глазахъ, въ невольномъ поднятіи шнурочкомъ выведенныхъ бровей, читалось изумленіе и въ то же время какъ бы нѣкоторая радость.

Теперь ужъ можно было видѣть, что онъ направляется къ человеку, только что покинутому сказавшею ему нѣсколько словъ молодой, но некрасивою дамой и остановившемуся въ сторонѣ.

-- Миша! милый! est-ce bien toi?-- ласково и весело заговорилъ маленькій красавецъ, сжимая протянувшуюся къ нему руку своей нѣжною рукой, до того красивой и выхоленной, что ей могла позавидовать любая кокетка.-- Ты ли это? и какими судьбами здѣсь? и давно ли въ Петербургѣ? Вѣдь, я думалъ, что ты гдѣ-нибудь за тридевять земель, chez les

antipodes... я ужъ панихиды по тебѣ заказывалъ... просвирки вынималъ pour le salut de ton âme... вѣдь, сколько... да, четыре года, какъ ты исчезъ!, покажись-ка! все тотъ же! и ничевошеньки-то ты не постарѣлъ!

— Да, вѣдь, и въ тебѣ, Вово, никакой переменъ!-- услышалъ онъ давно, знакомый, звучный, но сдерживаемый голосъ:-- на тѣхъ же крылышкахъ порхаешь, съ тѣмъ же лукомъ и колчаномъ за плечами.

— Это я-то? à d'autres, mon cher, voyez un peu Ça![1]

Онъ наклонилъ голову, комичнымъ жестомъ указывая на свои сильно рѣдѣющія, коротко подстриженные кудри и затѣмъ внезапно стихая.

— La belle et la bête!-- торжественно возвѣстилъ онъ, поведя глазами ко входнымъ дверямъ и слегка подтолкнувъ локтемъ пріятеля.

Въ гостиную входилъ маленькій, толстый человѣчекъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ лицомъ не только некрасивымъ, но противнымъ и глупымъ до послѣдней степени. Этотъ господинъ вель подъ руку молодую женщину,

бывшую почти на голову выше его и поражающую своею яркой, побѣдоносной красотой. При первомъ же взглядѣ на эту пару каждый долженъ былъ согласиться, что болѣе мѣткаго, остроумнаго ея опредѣленія, чѣмъ опредѣленіе Вово, нельзя было и придумать. Дѣйствительно -- *la belle et la bête!*

Однако, тотъ, за упокой чьей души Вова вынималъ просвирки, не успѣлъ улыбнуться. Онъ взглянулъся въ «*la belle*» и сразу поблѣднѣлъ и застылъ, какъ только умѣютъ блѣднѣть и застывать черезчуръ нервныя люди.

II.

Двѣ маленькія дѣвушки,-- одна маленькая, дѣленькая, синеглазая, а другая черноволосая, съ горячими глазами и такая огромная, что видно было, какъ она дѣлаеть послѣднія, бесплодныя усилія, чтобы казаться меньше,-- проходили мимо пріятелей.

-- Князь,-- сказала маленькая:-- рѣшите нашъ споръ...

Вово тотчасъ же къ нимъ присоединился, и они прошли дальше.

Его пріятель остался на своемъ мѣстѣ, будто приросъ къ нему. Онъ видѣлъ, какъ «la belle» и «la bête» приближались къ хозяйкѣ, какъ она встала и сдѣлала два, три шага имъ навстрѣчу.

Вотъ она подводитъ ихъ къ сидящей рядомъ съ нею дамѣ. «La belle» дѣлаеть граціозный реварансъ; «la bête» склоняется и почтительно приклепывается губами къ протянутой ему рукѣ. «La belle» остается съ дамами, присаживаясь въ указанное ей Натальей Порфирьевной кресло. Она что-то говоритъ, чуть-чуть опустивъ глаза и невинно улыба-

ясь, приче́мъ сверкаю́тъ ея ровные хороше́нькіе зубы, а на правой ще́кѣ образу́ется прелестная ямочка. «La bête», осторожно пята́сь, отходитъ и присоеди́няется къ группѣ мужчи́нь, которымъ онъ пожимае́тъ руки.

Все это ви́дитъ пріате́ль князя Во́во и не ви́дитъ ниче́го ино́го. А на него уже́ обра́щаются внима́ніе. Онъ сли́шкомъ выдѣ́ляется своимъ одино́чествомъ, своею засты́вшей по́зой. Да и самая нару́жность его какъ-то не совсѣ́мъ у мѣ́ста въ этой гости́ной -- въ немъ е́сть что-то неуло́вимое, но премо́ говоря́щее, что онъ не прина́длежитъ къ этому свѣ́ту, что онъ здѣ́сь не свой, а то́лько случа́йный по́сѣтитель.

Его не́большая плотная фи́гура изя́чна, но своеобразнымъ изя́ществомъ, съ которымъ спори́тъ не то устало́сть, не то приви́чная лѣ́нь и разсѣ́янность. Его мя́гкіе волосы небре́жно зачесаны, и блѣ́дно золоти́стая прядь ихъ то и дѣ́ло непослу́шно спадае́тъ на широ́кій бѣ́лый лобъ. Ему уже́, оче́видно, за три́дцать лѣ́тъ, а то, пожа́луй, даже и больше; но воо́бще онъ оче́нь моло́жавъ и то́лько во́кругъ свѣ́тлыхъ гла́зь съ тяжелы́ми вѣ́ками

густилась темная тѣнь и собрались мелкія морщинки. Эти глаза и взглядъ ихъ изъ тѣхъ, которые часто раздражаютъ, отталкиваютъ мужчинъ и сводятъ съ ума женщинъ.

-- Вово, съ кѣмъ ты это сейчасъ говорилъ?-- спрашивалъ видный молодой человекъ хорошенкаго князя, когда тотъ покончилъ свою бесѣду съ маленькой и огромной барышнями.

-- Что? гдѣ? и когда?-- разсѣянно проговорилъ Вово.

-- Да сейчасъ, вонъ тотъ... такой странный...

-- Странный? чѣмъ же? C'est mon vieil ami, Аникѣевъ.

-- Аникѣевъ? это что-жъ такое? и почему онъ здѣсь? откуда взялся.

Вово пристально взглянулъ своими бархатными глазами на собесѣдника.

-- Его не было въ Петербургѣ года четыре, а теперь вотъ онъ вернулся. Здѣсь онъ потому, что Наталья Порфирьевна его очень любитъ, elle a été jadis très liée avec sa mère. Да неужели ты никогда о немъ не слыхалъ, графъ? Онъ такой умница, plein de talents, какой музыкантъ, какъ поетъ...

-- Аникѣевъ! да, теперь вспоминаю... mais, cher, s'est un homme, qu'on ne connaît pas!

Въ лицѣ Вово что-то дрогнуло, и на лбу появилась морщина.

-- Qu'on ne connaît pas? почему же это? Откуда тебѣ померещилось, когда, видишь, онъ здѣсь et quand je te dis qu'il est mon vieil ami?-- очень серьезно произнесъ онъ.

-- Enfin... нѣтъ, я вспомнилъ,-- презрительнымъ тономъ подтвердилъ графъ:-- была какая-то скверная исторія... quelque chose de très vilain...

-- Что такое? Какая исторія?

-- Была, была, и прескверная... тутъ женщина еще замѣшана... его жена или чужая... онъ кого-то обманулъ, ограбилъ... или его тамъ, что ли, ограбили, словомъ, что-то невозможное, скандалъ по всей формѣ... и его нигдѣ не принимали. А тутъ вдругъ... у Натальи Порфирьевны! Времена!

Молодой человекъ пожалъ плечами и, оставивъ своего собесѣдника, величественно подошелъ къ дамамъ. Вово остался съ разинутымъ ртомъ. Онъ хотѣлъ было остановить графа, отвѣтить ему, но вдругъ услышалъ

вблизи свое имя въ устахъ маленькой бѣленькой барышни, весело рассказывавшей что-то молодому флигель-адъютанту.

-- Княжна, по какому это поводу вы произносите мое имя всуе?-- повернулся онъ на своихъ лакированныхъ башмачкахъ безъ каблучковъ, и забылъ и графа, и Аникѣева, и всю его «скверную» исторію.

-- Если «по поводу» -- значить, не всуе!-- отвѣтила барышня, лукаво скользнувъ по его лицу смѣющимся, дѣтски-веселымъ взглядомъ...

Аникѣевъ все слѣдилъ за «la belle». Ни одно малѣйшее движеніе ея прелестнаго лица не ускользнуло отъ его пристального взгляда. И онъ видѣлъ, какъ все въ ней, начиная отъ слабой улыбки, показывавшей кончики сверкавшихъ зубовъ и ямку на щекѣ,-- обдуманно, взвѣшено, законченно и совершенно. Онъ не могъ слышать того, что она говорила; но былъ увѣренъ, что и слова ея такъ же взвѣшены, хладнокровно обдуманы, какъ выраженіе лица, мины и позы.

Около шести лѣтъ не видалъ онъ ея. Онъ зналъ, что раньше или позже, вѣроятно, ее

встрѣтитъ, и не разъ представлялъ себѣ ту перемену, какую найдетъ въ ной. Вѣдь, ей уже двадцать восемь лѣтъ, насколько же померкла ея ослѣпительная красота за это время? Вѣдь, женская красота -- такой нѣжный, быстро-отцвѣтающій цвѣтокъ.

И вотъ онъ видитъ, что она не только не померкла, но стала еще болѣе торжествующей, всепобѣдной. Для нея время даже и не остановилось, а будто пошло назадъ и вернуло ей всѣ самыя свѣжія краски первой юности...

Но вмѣстѣ съ этимъ какая переменна! Совсѣмъ новое существо, свѣтская актриса, да и какая еще -- первостепенная, безукоризненная... А онъ пророчилъ ей, что та жизнь, на какую пошла она, скоро ее измучаетъ, состаритъ и убьетъ!..

Грустная усмѣшка мелькнула и застыла на губахъ его.

И, погруженный въ свои мысли, воспоминанія, наблюденія со средоточенныя на одномъ, всецѣло притянувшемъ его къ себѣ центрѣ, онъ не замѣтилъ, какъ въ гостиной и вблизи отъ него превзошло. нѣкоторое

движеніе. Онъ очнулся, только слыша аккорды рояля. Старый князь Бирскій, съ видомъ человѣка, приступавшаго къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, высоко поднимая руки, ударялъ по клавишамъ. Позади его табуретки, на приличномъ другъ отъ друга разстояніи, стояли кавалеръ и дама. Дама была молода, не хороша и не дурна, съ очень смѣлыми и холодными глазами. Кавалеръ былъ безукоризненно приличный молодой человѣкъ, и выраженіе его лица говорило, что онъ намѣренъ, во что бы то ни стало, идти впередъ, ни подъ какимъ видомъ не останавливаясь и пользуясь всѣмъ, что можетъ попасться ему на дорогѣ.

Кавалеръ и дама обмѣнялись быстрымъ взглядомъ сообщниковъ и заплѣли подъ аккомпаниментъ князя Бирскаго.

Строго относиться къ ихъ пѣнію было нельзя, да и никто не думалъ объ этомъ. Они детонировали, но не особенно; ихъ маленькіе голоса были не безъ пріятности, и все дѣло заключалось, конечно, въ выбранномъ ими дуэтѣ. Этотъ дуэтъ изъ оперы, поставленной передъ масляницей, только что начиналъ вхо-

дять въ моду.

Послѣ дуэта тотъ же скромный и безукоризненный молодой человекъ, аккомпанируемый тѣмъ же княземъ Бирскимъ, пропѣлъ старинный французскій романсъ, изо всѣхъ силъ постаравшись сдѣлать это со вкусомъ. Затѣмъ, быстро и неувовимо, произошло слѣдующее. Старый, но сохранившійся въ отличномъ порядкѣ и представительности господинъ, уныло дремавшій подъ пѣніе и глядѣвшій на всѣхъ до безнадежности безучастно, вдругъ, поддакивая оказавшейся рядомъ съ нимъ Натальѣ Порфирьевнѣ, похвалилъ и старинный романсъ и его исполненіе...

Онъ рѣшительно не зналъ, что такое, какъ и къмъ было пѣто, потому что сознательно ничего не слышалъ и потому что, несмотря на свою репутацію меломана, давно ужъ потерялъ охоту ко всякому пѣнію. Наталья Порфирьевна хвалила, и онъ, естественно, выразилъ свое полное одобреніе. Она отозвалась о пѣвцѣ, какъ о прекрасномъ молодомъ человекѣ, способномъ къ серьезной службѣ, исполненномъ самыхъ лучшихъ стремленій.

Старый господинъ отозвался, что это весьма утѣшительно и похвально.

Тутъ молодой пѣвецъ, какъ бы магически привлеченный, очутился возлѣ нихъ и былъ представленъ старому господину. Въ доброй улыбкѣ Натальи Порфирьевны и въ ея ласково и побѣдно сіявшихъ глазахъ, обращенныхъ къ пѣвцу, сказалось: «я на сегодня свое сдѣлала, теперь вы ужъ постарайтесь -- *et bonne chance!*»

Пѣвецъ отвѣтилъ ей благодарнымъ взглядомъ, почтительно присѣлъ на стулъ, отодвинувъ его чуть-чуть назадъ, чтобы не быть на одной линіи съ тѣмъ, кому онъ былъ представленъ, и началъ стараться, вдохновляемый надеждой на исполненіе своихъ завѣтныхъ мечтаній

Въ это время гостиная оглашалась высокими, форсированными нотами тоже стариннаго, но уже не французскаго, а нѣмецкаго романса. Принявъ изящно скромную позу и видимо пытаясь по возможности меньше раскрывать ротъ, пѣвица невольно своими смѣлыми и холодными глазами смотрѣла все по одному и тому же направленію.

Она видѣла, какъ Наталья Порфирьевна подсѣла къ дамѣ, съ которой такъ долго и съ такимъ замѣтнымъ успѣхомъ бесѣдовала предъ тѣмъ «la belle».

Наталья Порфирьевна шепнула нѣсколько словъ дамѣ, та отвѣтила ей замѣтнымъ наклономъ головы, и вотъ ласково и ободрительно глядитъ на пѣвицу.

Пѣвица томно опустила глаза и вытянула такую опасную ноту, что сама было испугалась. Но все сошло благополучно, и романсъ закончился при общемъ шопотѣ одобренія. Пѣвица уловила два призывающіе ее взгляда и, вспыхнувъ отъ удовольствія, устремилась за полученіемъ своей aubaine, подготовленной ей «этой милой-милой, этой ангельски-доброй Натальей Порфирьевной»...

Прошло именно столько времени, сколько надо было, чтобъ испарилось впечатлѣніе и замолкли разговоры, вызванные моднымъ дуэтомъ и двумя старинными романсами. Когда всевидящій взглядъ и всеслышащія уши хозяйки убѣдились въ томъ, что настало самое подходящее мгновеніе, она незамѣтно оказалась возлѣ Аникѣева.

-- Михайль Александровичъ,-- дружескимъ тономъ и достаточно громко, чтобы многіе это слышали, сказала она -- доставьте намъ удовольствіе послушать вашъ голосъ и вашу музыку, вѣдь, это, во всѣхъ смыслахъ, такое рѣдкое удовольствіе!

Аникѣевъ, какъ ей показалось, очень странно взглянулъ на нее, проговорилъ: «слушаю-съ» -- и лѣниво подошелъ съ нею къ роялю.

-- Что вы намъ споете?-- шепнула ему Наталья Порфирьевна.

-- Я еще и самъ не знаю,-- разсѣянно отвѣтилъ онъ.

Она посмотрѣла на него почти съ испугомъ. Онъ придвинулъ табуретъ, сѣлъ, опустилъ руки на колѣни, закрылъ глаза. Такъ прошло около долгой, долгой минуты. Можно было подумать, что онъ заснулъ.

Всѣ глядѣли на него съ едва замѣтнымъ насмѣшливымъ изумленіемъ, и кое-кто уже переглянулся между собою. Съ лица Натальи Порфирьевны сбѣжала безъ остатка ея святая полуулыбка, брови ея поднялись...

III.

Вдругъ нѣсколько сильныхъ, смѣлыхъ аккордовъ огласили гостиную. Аникѣевъ выпрямился, поднялъ голову, и его бѣлыя руки съ длинными гибкими пальцами привычно, какъ бы безъ участія его воли, забѣгали по клавишамъ. Онъ глядѣлъ затуманившимся, широко раскрытыми глазами прямо передъ собою и видѣлъ клубящійся голубоватый туманъ, наплывавшій со всѣхъ сторонъ и отдѣлявшій его отъ остального міра. Ощущеніе глубокаго одиночества быстро охватило его, и въ то же время по всѣмъ нервамъ пробѣжалъ знакомый трепеть. Что-то кипѣло въ сердцѣ, въ мозгу, во всемъ существѣ его. Проносились, обгоняя другъ друга, неясныя воспоминанія; неуловимыя, какія-то таинственныя ощущенія появлялись и пропадали.

Весь этотъ странный, волшебный хаосъ воплощался въ бессознательно вызываемыхъ звукахъ, сливался съ ними...

Это была необычная гармонія, возбуждавшая самые крѣпкіе и спокойные нервы; въ

ней было что-то захватывающее, опьяняющее -- и всѣ слушатели ощутили на себѣ ея вліяніе. Даже бывшій меломанъ прервалъ свою полу-дремоту и спрашивалъ себя: хорошо это или плохо, и вообще что же это такое?

Между тѣмъ туманныя вереницы ощущеній и образовъ, пронесившихся передъ Аникѣевымъ, мало-по-малу исчезли. Ему казалось теперь, что онъ лежитъ, какъ лежалъ когда-то, у открытаго окна, и что темная южная ночь глядитъ на него всѣми своими звѣздами, дышитъ на него всѣмъ своимъ горячимъ благоуханіемъ. А на сердцѣ смутно, въ мысляхъ темно -- и томить мучительная бессонница. Это все ужъ было, не разъ было, и онъ даже когда -то передалъ это словами и переложилъ на музыку...

Онъ вспомнилъ слова, вспомнилъ музыку, незамѣтно, тихими, подбирающимися звуками перешелъ къ ней, глубоко вздохнулъ всей грудью -- и запѣлъ:

*Мучительно тянется время ночное,
Какъ жизнь одинокая, вяло, безъ
цѣли...*

*И мрачныя думы толпой
налетѣли...
И кровью заплакало сердце боль-
ное...*

У него былъ сильный, хорошо обработанный теноръ, чистый и звонкій въ высокихъ нотахъ и совсѣмъ мягкій въ низкихъ. Съ этимъ послушнымъ гибкимъ голосомъ онъ могъ, какъ истинный, поддающійся вдохновенію художникъ, дѣлать что угодно. Главное же, придя въ такое настроеніе, въ какомъ теперь находился, онъ совсѣмъ не замѣчалъ своей творческой работы -- онъ игралъ и пѣлъ безсознательно, испытывая при этомъ сладкое и мучительное наслажденіе.

Наслажденіе это было капризно и являлось вовсе не часто, а когда его не было -- Аникѣевъ не любилъ ни играть, ни пѣть, такъ какъ ему приходилось, въ такихъ случаяхъ, играть и пѣть не свое, но чужое, не вылившееся изъ собственной души его. Для слушателей онъ оставался превосходнымъ пѣвцомъ и піанистомъ: но ему самому это было скучно.

Поэтому, съ юности много поработавъ

надъ своимъ даромъ и пройдя хорошую школу, онъ никогда не выступалъ не только на театральныхъ подмосткахъ, но даже и въ большихъ концертахъ. Наталья Порфирьевна, говоря, что его музыка и пѣніе во всѣхъ смыслахъ рѣдкое удовольствіе,— сказала только правду.

До сихъ поръ было издано всего нѣсколько его романсовъ и пьесъ, настолько своеобразныхъ и настолько терявшихъ въ обыкновенномъ, не его, исполненіи, что они среди «публики» не могли имѣть особеннаго успѣха. Лучшія же его фантазіи не только не были изданы, но оказывались даже и не записанными: онѣ были въ немъ, онѣ никому не хотѣлъ ихъ отдавать, да и законченности въ нихъ не было, потому что, исполняя ихъ, онъ каждый разъ придавалъ имъ иной видъ, включалъ въ нихъ много новаго, для него самого неожиданнаго, внезапной импровизаціи.

Когда находилъ на него мучительно-сладкій трепеть, и дѣйствительность исчезала передъ безплотными образами -- онъ, самъ того не замѣчая, импровизировалъ. Въ его мозгу внезапно создавались мѣрныя рифмо-

ванныя фразы, одѣвались переливами его голоса и пополнялись звуками инструмента, послушно оживавшаго подъ его пальцами. Потомъ онъ часто хотѣлъ вспомнить и слова, и мелодію, но не могъ этого.

Импровизировалъ онъ и теперь на нѣсколько прежнихъ словъ и мотивовъ...

... Бессонница становится мучительнѣе. Все, что отравило жизнь, все, что обмануло -- встаетъ теперь въ сердцѣ неотвязнымъ, злымъ призракомъ...

Немолчные стоны тоски, униженья.

Любви опозоренной горькія слезы.

Разбитая вѣра, погибшія грезы.

Мучительный ядъ и вражды и презрѣнья...

Куда скрыться отъ этого призрака, въ чемъ найти забвенье?.. Проклятъя! проклятъя! безумныя муки!..

Но вдругъ... будто искра небеснаго свѣта,

Но вдругъ -- будто капля тепла и привѣта,

Закралися въ душу забытые зву-

Ки...

Это все тѣ же звуки далекой чистой любви, сулившей когда-то дѣтски наивному, просившему счастья сердцу неизвѣданное и безпредѣльное блаженство. Это голосъ, нѣжный и ласковый, не умѣющій лгать и притворяться... Это она -- и онъ видитъ ее такою, какою была она въ ясные дни и долгіе блѣдныя вечера той далекой весны, когда вокругъ нихъ осыпались бѣлыя лепестки со старыхъ яблонь, грушъ и вишенъ... Осыпался цвѣтъ весенній!.. и опять призракъ!..

Но жизнь все же зоветъ, зовутъ добро, правда, всѣ завѣтные идеалы. Въ нихъ -- спасенье! Кипитъ борьба, напрягаются силы, а послѣ долгихъ лѣтъ,-- уставшія руки, уставшая голова, уставшее сердце и -- вѣтряныя мельницы съ машущими, даже неполоманными крыльями...

Что-жъ остается?

И вотъ, какъ бы изъ самой глубины черного, душистаго мрака этой южной ночи, доносится, глухой призывный голосъ. Онъ зоветъ къ наслажденію, ибо внѣ грубаго, животнаго наслажденія -- ничего нѣтъ въ этомъ мірѣ...

Что-то жгучее и жуткое пробѣжало по клавишамъ рояля -- и застонало, а потомъ засмѣялось злымъ, мучительнымъ смѣхомъ. Голосъ Аникѣева замеръ послѣднимъ вздохомъ на самой высокой, незамѣтно ушедшей въ безпредѣльность поткѣ,-- потомъ быстро упалъ до своихъ крайнихъ низкихъ нотъ и, дѣйствительно, будто изъ глубины бездны, началъ жутко-циничнѣйшій призывъ къ наслажденію.

«Боже мой! Что-жъ это онъ такое поетъ!-- вся насторожившись и въ неподдѣльномъ ужасѣ соображала Наталья Порфирьевна.-- Вѣдь, это ужаси! Это безнравственно... и у меня!.. молодежь тутъ... Lise... маленькая княжна Ninette... другія... слушаютъ! во всѣ уши слушаютъ... и теперь Великій постъ, наконецъ! Да онъ просто съ ума сошелъ... Богъ мой, какъ я обманулась»...

Она ужъ давно не видала такой неблагодарности. Она такъ обласкала его, «все поняла -- и простила», взялась его реабилитировать,-- а онъ вотъ чѣмъ отплачиваетъ! «Но, вѣдь, это хоть безнравственно, а дивно хорошо то, что онъ поетъ, съ какою душой, съ ка-

кою страстью! Хоть бы слова-то не такъ ясно выговариваль...»

Она повела однимъ глазомъ въ самыя опасныя мѣста -- и увидѣла, что всѣ какъ бы парализованы, всѣ подъ обаяніемъ этихъ необычныхъ, чудныхъ звуковъ...

«Enfin c'est un vrai artiste!» -- рѣшила она, забыла свою тревогу -- и слушала.

Исходящій изъ глубины бездны голосъ сверкающими мрачнымъ тогнемъ звуками убѣждалъ:

*Неизбѣжный законъ -- сладостра-
сть...*

*Для земного, мгновеннаго сча-
стья*

*Онъ природою мудрою данъ;
Въ этомъ мѣрѣ безплодныхъ
стремленій,*

*Сновъ прекрасныхъ и злыхъ
пробужденій*

Все иное -- обманъ!

*Пусть на днѣ этой чаши лишь
тлѣнье --*

*Изъ нея ароматъ наслажденья,
Къ ней припавъ, не смущаясь ты
пей.*

*Пусть полна она грязи и яда.
Но краса вся и неба и ада
Отразилась лишь въ ней!...*

Послѣдній звукъ, замеръ, слившись съ оглушительнымъ, торжествующимъ аккордомъ... Аникѣевъ поднялся будто выросшій, съ блѣднымъ, какъ слоновою костью, лицомъ и сверкавшими, лучистыми глазами. Нѣсколько мгновений въ огромной гостиной стояло полное молчаніе. Никто еще не пришелъ въ себя, не шевельнулся.

-- Вотъ такъ пѣніе! Вотъ музыка!-- первый произнесъ сановный меломанъ, совершенно вышедшій изъ своей полудремоты.-- Давно ужъ я не испытывалъ такого художественнаго удовольствія!-- прибавилъ онъ тише, обращаясь къ «la bête», оказавшемуся его сосѣдомъ.

Потомъ онъ невольно, прежнимъ привычнымъ движеніемъ, поднялъ руки и громко ими хлопнулъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ гостиной раздались и тутъ же прилично смолкли рукоплесканія.

Наталья Порфирьевна окинула всѣхъ взглядомъ, приподнялась и подошла къ

Аникѣву съ протянутой рукою.

-- Спасибо вамъ, Михаилъ Александровичъ,-- громко сказала она, пожимая ему руку:-- вы, кажется, никогда еще такъ дивно не пѣли!

Она подвела его къ только что покинутой ею дамѣ, дотронулась до кресла, приглашая его сѣсть, и затѣмъ сдѣлала общій обходъ гостиной.

-- Oui, c'est beau!-- говорила она то тамъ, то здѣсь.-- Это необыкновенно хорошо... Онъ истинный артистъ, un grand artiste... И онъ имѣетъ право кой о чемъ забыть и слушаться только своего вдохновенія...

Эти слова, а главное, ихъ тонъ, объявляли всѣмъ, что ничего компрометантнаго не случилось, и что позволительно только восхищаться.

IV.

-- Я подумала о томъ, какое бы удовольствіе доставлялъ такой вашъ талантъ Софѣ Михайловнѣ,-- сказала дама, опуская свое рукодѣлье и останавливая на Аникѣевъ ласковый взглядъ большихъ, спокойныхъ глазъ.

-- Да, ваше--ство, моя мать очень заботилась о томъ, чтобы я сдѣлалъ изъ моихъ музыкальныхъ способностей все, что можно... вѣдь, это ея наслѣдство,-- отвѣтилъ Аникѣевъ.

Онъ уже очнулся отъ припадка вдохновенія и владѣлъ собою. Весь его внутренній міръ, еще за минуту кипѣвшій и наплывавшій: на него со всѣхъ сторонъ, внезапно заснулъ, исчезъ, будто его никогда и не бывало. Только легкое и довольно пріятное утомленіе чувствовалось въ тѣлѣ.

Вспомнилось далекое время, когда мать давала первые уроки музыки, когда онъ такъ любилъ тихими вечерами слушать ея пѣніе. Матери давно нѣтъ, она забыта, а ужъ особенно въ этомъ «большомъ свѣтѣ», гдѣ такъ скоро все забывается. И вотъ ее вспомнили!

Его собесѣдница прочла и почувствовала въ его глазахъ благодарность.

-- Софья Михайловна чудесно пѣла,-- отозвалась она на эту благодарность.-- Я какъ теперь помню... она часто бывала у насъ до своего замужества, когда мы были еще дѣтьми, да и потомъ, прїѣзжая въ Петербургъ... Мы съ сестрой ее очень, очень любили!.. И нельзя было не любить ее... Мы были такъ поражены ея слишкомъ ранней кончиной... Вѣдь, вы не одни? Elle nous parlait de ses enfants...

-- У меня есть и братья, и сестры, ваше--ство.

-- Гдѣ же они?

-- Всѣхъ насъ вырвали изъ родного гнѣзда и разметали по свѣту злюю вихри.

-- Злые вихри!-- тихо повторила она,-- Васъ они, должно быть, далеко теперь носили! Нѣсколько лѣтъ не слыхали мы вашего пѣнія...

Аникѣевъ сказалъ сколько, было надо о своихъ далекихъ путешествіяхъ, о своей деревенской жизни. Его слушали съ живымъ интересомъ, глядѣли на него съ очевидной добротой и симпатіей. Наталья Порфирьевна

долго не прерывала этой бесѣды и была ею довольна.

Наконецъ, она рѣшила, что ея «артистъ», по крайней мѣрѣ, на сей вечеръ, достаточно реабилитированъ, а потому подошла именно въ то мгновеніе, когда порвалась нить разговора. Аникѣевъ почтительно уступилъ ей свое кресло и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оказался рядомъ съ княземъ Вово, который шепнулъ, ему, крѣпко сжавъ его руку.

-- Ну, Мишенька, удружилъ! *je sms dans les pnes!* Ужъ какъ ты тамъ себѣ хочешь, а заберусь я къ тебѣ завтра же на весь вечеръ -- и пой! Знаешь, что мнѣ сейчасъ одна дама сказала? Отъ такого пѣнія, говоритъ, и святая можетъ стать великой грѣшницей... Угадай кто?

-- Это все равно,-- улыбаясь, отвѣтилъ Аникѣевъ:-- вотъ если бъ она сказала, что великая грѣшница можетъ стать святою -- тогда стоило бы еще потрудиться...

-- Князь, представь меня, пожалуйста!-- любезно произнесъ, проходя, молодой человекъ, въ началѣ вечера увѣрившій Вово, что Аникѣевъ -- *un homme qu'ou ne connait pas.*

Хорошенькій князь повелѣ на него своими великолѣпными черными глазами, закусилъ губу и оффиціальнымъ тономъ произнесъ:

— Графъ Ильинскій, о добродѣтеляхъ котораго ты, конечно, много наслышанъ.

Важный молодой человекъ чуть-чуть сморщилъ брови, но тутъ же сталъ еще важнѣе.

— Къ несчастію, я о добродѣтеляхъ вспоминаю только Великимъ постомъ, да и то къ вечеру, весь день провозившись съ благотворительницами,— сказалъ онъ, пожимая руку Аникѣева.— Я, увы, всѣмъ въ мірѣ добродѣтелямъ предпочитаю вотъ хоть бы такое удовольствіе, какимъ вы насъ, сегодня подарили, *monsieur* Аникѣевъ. И особенно великолѣпенъ этотъ призывъ къ наслажденію... все иное -- обманъ! *oui, c'est èa!* но и смѣлы же вы... пропѣть такую вещь въ этой гостиной и, вдобавокъ, постомъ! Если бы вы видѣли, какъ вытянулись нѣкоторые лица... *on a voulu crier au scandale*, да Наталья Порфирьевна стала всѣмъ объяснять, что для артистовъ (онъ подчеркнулъ это слово) -- законъ не писанъ. Да, жестоко вы съ ней посту-

пили...

Все это графъ Ильинскій проговорилъ съ видомъ полнѣйшаго добродушія и даже наивности.

«Экая дрянъ!» подумалъ про него князь Во-во.

Аникѣевъ ничего о немъ не подумалъ; но только теперь сталъ вспоминать и соображать, что, вѣдь, дѣйствительно, онъ пѣлъ нѣчто совсѣмъ не подходящее къ мѣсту и времени и что, конечно, поставилъ въ неловкое положеніе любезную и добрую хозяйку. Вѣдь, онъ зналъ, отправляясь сюда, что долженъ будетъ пѣть и даже рѣшилъ спѣть два романса, выборъ которыхъ Наталья Порфирьевна непременно бы одобрила.

Отказать ей онъ не могъ и готовился къ исполненію непріятной для него обязанности. И все шло очень хорошо. Онъ споетъ два романса и потомъ постарается какъ-нибудь незамѣтно, или подъ благовиднымъ предлогомъ, уѣхать пораньше.

Но почему же онъ зналъ, что увидитъ здѣсь Алину -- и увидитъ «такою»? Прежняго въ немъ нѣтъ, но оно вспомнилось... Онъ ужъ

не могъ пѣть приготовленныхъ романсовъ, онъ долженъ былъ пѣть то, что вдругъ наполнило всю его душу и не вылей онъ всего этого въ звуки -- онъ бы задохся...

Вотъ и подвелъ Наталью Порфирьевну, да и самъ сдѣлалъ большую неловкость... Хорошо еще, если сочтутъ за дерзость, за нахальство, за вызовъ, а то, вѣдь, просто: *intrus mal élevé* -- и больше ничего...

Ему стало неловко и противно. Графъ Ильинскій достигъ своей цѣли.

«Поскорѣе бы отсюда! И зачѣмъ только попалъ я сюда!» устало думалъ онъ, почти бессознательно отвѣчая на вопросы своего новаго знакомца.

Но Вово вдругъ повлекъ его куда-то.

-- Съ тобой непременно желаетъ познакомиться княжна Хренелева, Ninette... Она премиленькая и преумненькая... совсѣмъ ребеночкъ... Говорятъ, этотъ Ильинскій имѣетъ у нея успѣхъ и жениться собирается. Жаль будетъ, она стоитъ чего-нибудь получше...-- быстрымъ шопотомъ объяснилъ онъ, подводя Аникѣва къ маленькой, бѣленькой дѣвушкѣ, бывшей на этотъ разъ безъ своей громадной

подруги и сидѣвшей въ уютномъ уголкѣ.

— Вотъ вамъ и онъ, получайте съ рукъ на руки!-- весело и дружески глядя на нее, проговорилъ Вово и упорхнулъ.

Она поистинѣ была очень мила, эта живая саксонская куколка, со своимъ почти еще дѣтскимъ личикомъ и большими синими глазами, горѣвшими радостью жизни, изумленіемъ и любопытствомъ. Ей недавно исполнилось восемнадцать лѣтъ, и ее только что стали вывозить эту зиму. Она очень смущалась и хотѣла казаться совсѣмъ развязной.

Ея крохотная рука черезчуръ крѣпко сжала руку Аникѣева.

— Я непременно хотѣла вамъ сказать, что никогда не могла себѣ представить ничего такого. Вы какой-то волшебникъ, ваша игра, ваше пѣніе, именно, чудо. Не отвѣчайте... это, вѣдь, не комплиментъ и не похвала; хвалить васъ и дѣлать вамъ комплименты я не имѣю никакого права, и понимаю это. Только я думаю, вы должны знать, какое впечатлѣніе производите, отъ васъ не надо, не должно скрывать этого. И потому я вамъ говорю, что я совсѣмъ какъ-то подавлена и ничего не по-

нимаю. Я знаю только вотъ что: до тѣхъ поръ, какъ вы подошли къ роялю, я была какъ всегда, а съ той минуты, какъ вы отошли отъ него, я стала другая. Не знаю, долго ли останется это такъ; но вы меня и восхитили, и ужаснули, мнѣ хочется и смѣяться, и плакать, и чего то ужасно-ужасно жалко! вотъ!..

-- Вы меня смущаете, княжна,-- сказалъ Аникѣевъ, любуясь ея оживленнымъ лицомъ и сверкавшими, даже какъ-то жутко сверкавшими глазами: -- я вовсе не хотѣлъ производить такого сильнаго впечатлѣнія, такъ потрясать чьи-либо нервы. Я пѣлъ совсѣмъ не то и не такъ, какъ бы слѣдовало, и теперь, послѣ вашихъ словъ, особенно жалѣю объ этомъ.

-- Нѣтъ, нѣтъ, не жалѣйте!-- быстро и горячо воскликнула княжна.-- Вѣдь, такого, можетъ быть, никогда въ жизни больше и не услышишь...

Она остановилась. Она увидѣла свою мать, величественно подходившую къ нимъ съ такимъ лицомъ, которое не предвѣщало ей ничего добраго.

-- Мaman... monsieur Аникѣевъ...-- прошеп-

тала бѣдная Ninette, опуская свои внезапно померкшіе глаза.

Княгиня Хренелева, дама еще красивая и такая же бѣлокурая, какъ дочь, только почти на голову выше ее ростомъ, окинула «артиста» холоднымъ, какъ ледъ, взглядомъ и, на его поклонъ, отвѣтила вѣжливымъ наклоненіемъ головы. Лицо ея было серьезно и строго, и очень ясно внушало ему, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.

Онъ не, успѣлъ очнуться, какъ обѣ онѣ ужъ исчезли.

-- Cousin, вы меня совсѣмъ не узнаете!-- слышалъ онъ за собою рѣзкій, скрипящій голосъ.

Онъ обернулся и увидѣлъ «la bete».

Трудно было и представить себѣ что-нибудь противнѣе этого человѣка. Его лысъющая голова съ низкимъ и покатымъ лбомъ и съ такими шишками черепа, по которымъ френологъ узналъ бы развитіе самыхъ неблагородныхъ свойствъ, его желтоватые масляные глаза, черезчуръ тонкій носъ, оканчивающійся спускавшимся къ верхней

губъ утолщеніемъ, выдвинутая впередъ челюсть, покрытая рѣденысой и жесткой растительностью, короткое круглое туловище на тоненькихъ ножкахъ, и этотъ скрипящій, рѣзкій голосъ -- все было подъ стать одно другому.

-- Узнаю, князь,-- отвѣтилъ Аникѣевъ:-- васъ не узнать трудно, вы все тотъ же.

-- Зачѣмъ же измѣняться,-- кривя толстыя губы въ улыбку и показывая два ряда слишкомъ ослѣпительныхъ вставныхъ зубовъ, скрипѣлъ князь.-- Ну, какъ же я радъ, что вы въ Петербургъ... Вѣдь, Алина здѣсь, а вы ее и не видѣли... впрочемъ, вы никого не видите... вы въ эмпиреяхъ... ну, а мы всѣ только на васъ и глядѣли... Ахъ, какъ вы поете, mon cher, чортъ возьми, какъ вы поете! Пойдемъ же къ Алинѣ. Она вамъ намылитъ голову за то, что вотъ уже сколько дней въ Петербургъ, а къ намъ ни ногою! къ роднымъ-то!

Аникѣевъ могъ только съ удивленіемъ глядѣть на него и слушать, едва вѣря своимъ ушамъ: «cousin», «къ роднымъ» откуда подулъ этотъ вѣтеръ?

-- Идемъ же!-- опять проскрипѣлъ «la bête»,

беря его подъ руку.

V.

«La belle» встрѣчала его своей самой прелестной и въ то же время нѣсколько загадочной улыбкой, смыслъ которой онъ, такъ хорошо когда-то изучившій это лицо, не могъ теперь разобрать. Ея рука крѣпко сжала, но тотчасъ же, даже слишкомъ поспѣшно, отпустила его руку.

— Пожалуста, будь строже съ твоимъ кузеномъ, Алина; онъ, право, заслушиваетъ отъ тебя примѣрнаго взысканія,— странно ослабляясь, не то любезнымъ, не то насмѣшливымъ тономъ проговорилъ «la bête», и покинулъ ихъ.

Однако, «la belle» очевидно не желала быть строгой. Она глядѣла на Аникѣева грустными и нѣжными глазами, то есть, именно тѣмъ самымъ взглядомъ, которымъ въ прежніе годы ей такъ легко было послать его на какое угодно преступленіе.

— Неужели вы, дѣйствительно, такъ бы и не подошли ко мнѣ, Michel, если бъ я сама не отправила его за вами?— тихо спросила она.

-- Конечно!-- еще тише отвѣтилъ Аникѣевъ.

-- Чѣмъ же я заслужила это? Я отпускала васъ какъ друга... шесть лѣтъ прошло... что же такое случилось за это время? относительно васъ я все та же...

-- Вы знали, Алина, что за эти года я два раза былъ въ Петербургъ...

-- Знала, и очень бы хотѣла васъ видѣть... но тогда это было невозможно.

-- Ничто не измѣнилось и теперь, развѣ вотъ, что мы встрѣтились здѣсь, что я пѣлъ безнравственную пѣснь и что, несмотря на это, со мною все же милостиво бесѣдовали...

-- А хоть-бы и такъ!.. одного желанія слишкомъ мало, надо имѣть хоть самую крохотную возможность... и вотъ я ухватываюсь за первую такую возможность. Вы ничего не понимаете, Michel, не хотите понимать, вы -- неисправимый идеалистъ. Ну, и что-жь? Вамъ тепло, что ли, на свѣтѣ отъ вашего идеализма, котораго, вдобавокъ, никто въ васъ и не признаетъ кромѣ меня? довольны вы жизнью? вы не говорите ужъ, какъ прежде, что жизнь -- страданіе?

-- Все осталось постарому, только, вѣдь, я если помните, никогда и не ожидалъ никакой переменѣны,-- сказалъ Аникѣевъ спокойнымъ равнодушнымъ тономъ.

-- Да, но, однако, вы чего-то все ищете, вы бѣгаете за призраками счастья,-- говорила она и опять глядѣла на него грустными и нѣжными глазами:-- вѣдь, я многое о васъ знаю, я всѣ эти годы старалась какъ можно больше узнавать о васъ...

Онъ хотѣлъ сказать ей, что самое вѣрное средство узнать о немъ было -- написать ему, что со дня ихъ разлуки онъ два долгихъ года ждалъ отъ нея письма, клятвенно обѣщаннаго ею. Но онъ не сказалъ ничего этого. И онъ тоже, пока не находилъ на него «припадокъ звуковъ», умѣлъ владѣть собою и не выдавать своихъ чувствъ и мыслей. Только этому онъ и научился какъ слѣдуетъ отъ жизни.

-- Вы надолго?-- спрашивала Алина.

-- Развѣ я когда-нибудь могу отвѣтить на такой вопросъ; я усталъ путешествовать, усталъ скучать въ деревнѣ, пріѣхалъ сюда, взялъ квартиру на годъ, а что будетъ дальше,

не знаю.

-- Что-жъ, миръ и старая дружба? Приѣдете? Когда? Будемъ говорить обо всемъ... приѣзжайте завтра обѣдать, а теперь -- отойдите.

Все это было сказано такъ, какъ только можетъ сказать женщина, навѣрное знающая, что ей ни въ чемъ не будетъ отказа.

И отказа не послѣдовало. Онъ отвѣтилъ: «хорошо» -- и послушно отошелъ.

Его взглядъ встрѣтился со взглядомъ графа Ильинскаго; но ему некогда было удивляться тому выраженію, съ какимъ глядѣлъ на него этотъ молодой человѣкъ. Притомъ же все это было очень мгновенно: мелькнула и коснулась чуткихъ нервовъ «артиста» направленная на него изъ чужихъ глазъ злоба -- и только.

Такое ощущеніе было ему давно и хорошо знакомо; онъ испытывалъ его почти всегда въ людныхъ собраніяхъ, гдѣ приходилось сталкиваться со знакомыми и полужнакомыми. Поэтому онъ и не любилъ большихъ собраній, поэтому многіе и считали его за мрачнаго нелюдима, за человѣка съ тяжелы-

мъ, непріятнымъ характеромъ, и когда кто-нибудь изъ близкихъ его пріятелей увѣрялъ, что онъ въ сущности крайне добръ, способенъ на дѣтскую экспансивность и веселость -- этому не хотѣли вѣрить.

Вообще, сталкиваясь съ новыми людьми, онъ почти всегда возбуждалъ къ себѣ внезапную симпатію или антипатію, -- середины не бывало. Антипатія оказывалась несравненно чаще, и онъ всякій разъ это безошибочно и бользненно чувствовалъ. Но и помимо того, его чуткость, особенно въ тѣ дни, когда онъ былъ «музыкально» настроенъ, до и послѣ «припадка звуковъ», оказывалась совсѣмъ необыкновенной.

Находясь въ театральной или концертной залѣ, въ многолюдномъ обществѣ, онъ очень быстро выходилъ изъ своего обычнаго спокойнаго состоянія, ощущалъ на себѣ вліяніе окружавшей его толпы, превращался въ какую-то губку, невольно вбиравшую въ себя чужія ощущенія.

Такое свойство, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ его созналъ и даже нерѣдко анализировалъ, -- очень быстро его опьяняло, утомля-

ло, доводило до мучительнаго раздраженія. Онъ возвращался домой разбитымъ, съ тяжелой головою, какъ послѣ долгой попойки, и только мало-по-малу приходилъ въ себя, освобождался отъ незримыхъ бактерій, попавшихъ въ него изъ чужихъ организмовъ.

Конечно, онъ никому не рассказывалъ о такихъ своихъ странностяхъ,— въдь, и такъ уже многіе, даже иногда самые близкіе ему люди, почему-то склонны были считать его «фокусникомъ» и не довѣрять его искренности, тогда какъ именно искренность, доходившая до наивности, была отъ юныхъ дней его отличительнымъ качествомъ или недостаткомъ...

Не будь Аникѣевъ такъ поглощенъ теперь подробностями своей встрѣчи съ Алиной, онъ больше бы обратилъ вниманія на графа Ильинскаго, такъ какъ давно ему не случилось внезапно, и безо всякаго со своей стороны желанія создать себѣ такого врага. Этотъ важный, изящный молодой человѣкъ съ перваго взгляда почувствовалъ къ разсѣянному «артисту» самую рѣшительную злобу.

Графъ Ильинскій, несмотря на свою моло-

дось,— ему было всего лѣтъ двадцать семь или восемь,— уже начиналъ имѣть въ обществѣ и въ служебномъ мѣрѣ значеніе, возраставшее съ каждымъ годомъ. О немъ говорили, какъ о человѣкѣ, предназначенномъ для крупной карьеры. Ни способностей, ни знаній, ни трудолюбія у него не было; но за нимъ числились самыя важныя качества: полезное родство и связи, умѣнье красиво говорить пріятнымъ голосомъ, умѣнье устраивать и поддерживать отношенія съ нужными ему людьми, отсутствіе какихъ-либо «нравственныхъ предразсудковъ», всепобѣждающая наглость и, наконецъ, мстительная зависть ко всему, что такъ или иначе, выдѣлялось изъ сѣрой посредственности.

Съ такими качествами ему, конечно, была открыта гладкая, удобная дорога, которая обѣщала привести его очень далеко и высоко.

По своимъ свойствамъ графъ Ильинскій, естественно, оказывался прирожденнымъ врагомъ всего выходящаго изъ узкихъ и строго очерченныхъ рамокъ того круга, гдѣ онъ вращался,— если бы въ его власти было, онъ бы оградилъ этотъ кругъ такой китайской

стѣною, черезъ которую не имѣль бы доступа даже самый воздухъ.

И вотъ этотъ строжайшій «цензоръ нравовъ», среди своего законнаго общества, да вдобавокъ еще въ гостиной Натальи Порфирьевны, увидѣль Аникѣева. Онъ сразу призналъ въ немъ человека съ чужой планеты и притомъ почему-то и чѣмъ-то выдающагося. Этого было за глаза достаточно, чтобы заставить его возмутиться. А тутъ еще какая-то, возбуждавшая въ свое время толки, исторія!

Графъ Ильинскій относился свысока ко всякому искусству и всѣ ихъ считалъ, по меньшей мѣрѣ, бесполезными; но все же, послѣ импровизаціи Аникѣева, онъ не могъ не почувствовать огня и силы его оригинальнаго таланта. Тогда въ немъ поднялась обычная зависть, дошедшая до ненависти, когда онъ увидѣль вниманіе, оказываемое «артисту»

Но дальше случилось уже совсѣмъ неожиданное. На сцену явилась княжна Ninette. Онъ незамѣтно подслушалъ ея горячія слова, обращенныя къ Аникѣеву, видѣль ея возбужденіе и восторгъ, видѣль, какими глазами она глядѣла на «волшебника».

Княгиня Хрепелева была недалеко. Онъ поспѣшилъ къ ней и шепнулъ что надо, указавъ на возмутительный tête-à-tête княжны съ этимъ безнравственнымъ пѣвцомъ и напомнивъ о томъ, кто такое этотъ Аникѣевъ «avec за vilaine histoire».

При этомъ онъ велъ тутъ сложную игру, и обстоятельства складывались для него неожиданно благопріятно. Аникѣевъ оказался его невольнымъ сообщникомъ.

Еще съ прошлой весны графъ Ильинскій ухаживалъ за Ninette, а въ послѣднее время, какъ всѣмъ было отлично извѣстно, состоялъ ея женихомъ, хоть еще и не объявленнымъ. Въ интимномъ кружкѣ Хрепелевыхъ знали, что свадьба будетъ лѣтомъ, что приданое невѣсты уже заказано въ Парижѣ. О томъ, что это, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, партія очень подходящая и что молодые люди неравнодушны другъ къ другу, было рѣшено и подписано.

Но вотъ уже больше мѣсяца, какъ въ мысляхъ Ильинскаго произошла рѣшительная переменна. Онъ увидѣлъ, что, выбравъ Ninette, чуть было не сдѣлалъ непоправимой ошибки.

Любви или чего-либо подобнаго у него не было къ этой прелестной дѣвушкѣ. Сначала, рѣшивъ, что ему слѣдуетъ именно теперь жениться, что пришло время, когда этого требуютъ планы дальнѣйшаго преуспѣянiя на житейскомъ поприщѣ, онъ считалъ Ninette самой подходящей невѣстой. Онъ взвѣсилъ ея красоту и юность, цифру ея приданнаго, новыя связи, приносимыя ему этимъ бракомъ, -- и всего этого оказалось достаточно.

Сближенiе ихъ, уже въ качествѣ жениха и невѣсты, привело его, однако, къ тревожнымъ вопросамъ. Онъ видѣлъ, что Ninette увлекается имъ больше и больше; но въ то же время, пристально ее разглядывая, подмѣчалъ въ ней нѣкоторыя свойства характера, идущiя въ разрѣзъ съ его планами. Несмотря на свою крайнюю юность, маленькая княжна была, какъ говорится, «съ душкомъ», проявляла самостоятельность и упорство.

Главное же -- направление ея самостоятельности и упорства было отвратительно жениху. Она именно отрицала то, что она признавала, и обратно. Она всѣмъ своимъ юнымъ существомъ возмущалась не только китай-

скими стѣнами, но и менѣе прочными перегородками, отдѣляющими ея ограниченный міръ отъ остального безпредѣльнаго Божьяго міра. Она чувствовала себя въ клѣткѣ и рвалась на просторъ, къ солнцу, хоть и не знала, гдѣ это солнце и какіе пути ведутъ къ нему.

Когда маленькая княжна признала въ себѣ что-то особенное, новое, повлекшее ее къ этому красивому и важному молодому человѣку, о которомъ всѣ отзывались съ такимъ одобреніемъ, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе и родители ея дали свое согласіе, она рѣшила, что очень счастлива. Она вдругъ стала взрослой и получила право громко говорить обо всемъ, о чемъ до сихъ поръ молчала и только про себя думала.

У нея явился слушатель. Кому же ей и говорить все-все, какъ не ему! Онъ долженъ все знать, всѣ ея мысли. А такъ какъ этихъ мыслей, беспорядочныхъ и горячихъ, накопилось много въ быстро работавшей головкѣ, она и говорила, говорила безъ умолку въ тѣ рѣдкіе часы, когда свѣтская жизнь, разгаръ сезона, позволяли имъ оставаться вмѣстѣ подъ надзоромъ княгини или старой англичанки.

Женихъ внимательно слушалъ и съ каждымъ разомъ все больше и больше возмущался направленію мыслей своей невѣсты и несомнѣннымъ признакамъ ея упорства, подмѣченнаго имъ въ разныхъ случаяхъ.

Онъ никакъ не ожидалъ ничего подобнаго. Вѣдь, Хрепелевы совсѣмъ безукоризненно порядочные люди; Ninette, ея двѣ младшія сестры и братъ, хорошенькій пажикъ, воспитываются по самой лучшей программѣ. Откуда же взялось все это? Значить, оно сидитъ въ самой природѣ Ninette, значить, она, такая изящная и безупречная по внѣшности, въ сущности, нравственный уродъ. Положимъ, она очень молода еще, почти ребенокъ, ее можно вылѣчить... но, вѣдь, это цѣлая возня, и ему вовсе не когда заниматься перевоспитаніемъ жены...

Неизвѣстно, къ какимъ рѣшеніямъ пришелъ бы графъ Ильинскій, еслибы въ свѣтъ не появилась невѣста, несравненно болѣе выгодная во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ Ninette, и уже безо всякихъ нравственныхъ недостатковъ, о чемъ она сама и заявляла съ первыхъ же словъ. Такая невѣста появилась -- и гра-

фѣ рѣшилъ, что необходимо спастись отъ Ninette, пока это еще не поздно.

Положеніе его было трудно и щекотливо, требовалось дѣйствовать крайне осторожно, такъ, чтобъ остаться на высотѣ своей репутаціи и даже, по возможности, еще больше ее возвысить въ глазахъ «порядочныхъ» людей.

До сихъ поръ это не удавалось, да и времени было слишкомъ мало.

Сейчасъ же вотъ, вслушиваясь въ «неприличные и глупыя» слова Ninette, вглядываясь въ выраженіе ея глазъ, устремленныхъ на Аникѣева, графъ почувствовалъ, что рѣшительный мигъ насталъ и что надо ковать желѣзо, пока оно горячо.

Его внезапная ненависть и зависть къ артисту осложнились новымъ еще ощущеніемъ. Это ощущеніе было: ревность къ дѣвушкѣ, которую онъ не любилъ, отъ которой хотѣлъ отказаться. Она, по его мнѣнію, дѣлала именно то, что давало ему въ руки необходимое противъ нея оружіе, а онъ негодовалъ на нее, злился и ревновалъ. Впрочемъ, это была, конечно, не настоящая рев-

ность, а исключительно одно самолюбіе, которое и всегда-то составляет чуть ли не девять десятыхъ самой даже законной ревности.

VI.

Между тѣмъ настало время собравшимся въ этой гостиной испытать новое эстетическое наслажденіе. Молодой дипломатъ, съ лицомъ, похожимъ на блѣдную загадочную маску и съ очень солидной лысиной, славившійся не столько дипломатическими способностями, сколько мастерскимъ чтеніемъ французскихъ proverbes и эффектныхъ монологовъ,— обратилъ на себя общее вниманіе

Съ книжкой въ рукѣ, кидая направо и налево объяснительныя фразы, онъ подошелъ къ столу, выдвинутому по сосѣдству съ роялемъ, непринужденно подсѣлъ къ нему, удобнѣе перемѣстивъ подсвѣчникъ съ четырьмя свѣчами, прикрытыми длиннымъ абажуромъ -- и выжидалъ пока всѣ займутъ свои мѣста.

Въ гостиной водворилось молчаніе. Тогда

онъ началъ чтеніе небольшой пьесы, пересыпанной блестками французскаго остроумія и съ совершенно неуловимымъ содержаніемъ. Молодой лысый дипломатъ оказывался на высотѣ своей репутаціи -- онъ читалъ отлично, гармонія его «дипломатическаго» французскаго языка была удивительна.

Дамы болѣе или менѣе прилежно занимались своимъ рукодѣльемъ и, послѣ каждой особенно яркой блески остроумія, обмѣнивались легкими одобрительными улыбками. Сановный меломанъ надѣлъ темное *pinse-nez*, чтобы удобнѣе закрывать глаза.

Нижняя его челюсть отвисла, онъ скоро самъ себя поймалъ на легкомъ всхрапѣ, потрянулъ головою, скинулъ *pinse-nez* и уныло повелъ вокругъ себя почти безжизненными глазами. Глядя на его томительную борьбу съ усталостью и сномъ, на его очевидныя мученія, никакъ нельзя было понять -- зачѣмъ же онъ здѣсь, когда ему совсѣмъ необходимо быть въ постели.

«*La belle*» сидѣла на видномъ мѣстѣ, облитая мягкимъ свѣтомъ, въ застывшей позѣ, и каждый завитокъ ея волосъ, каждая складка

ея тяжелаго платья говорили: «любуйтесь мною». Было не мало глазъ, слушавшихся этого приказа и невольно любовавшихся ею. Аникѣевъ старался не глядѣть на нее; но не всегда могъ справиться съ собою -- слишкомъ ужъ много возбуждала она въ немъ жгучихъ и печальныхъ воспоминаній.

Графъ Ильинскій помѣстился недалеко отъ Ninette и наблюдалъ за нею. Онъ хорошо видѣлъ, что она вовсе и слушаетъ чтенія, что ея возбужденіе вовсе не прошло, а только еще усилилось. Онъ никогда не видалъ ее такой: глаза неестественно горятъ, румянецъ то ярко вспыхиваетъ, то совсѣмъ потухаетъ, смѣняясь блѣдностью, грудь высоко, нервно дышитъ. Онъ стискиваетъ зубы и мысленно повторяетъ: «вотъ какъ! тѣмъ лучше».

Князь Вово вынулъ крошечную записную книжку, съ веселостью школьника въ нѣсколько штриховъ карандаша рисуетъ удачныя и смѣшныя изображенія то того, то другого изъ присутствующихъ, вырываетъ листки изъ книжки и передаетъ ихъ сосѣдямъ. Листки таинственно ходятъ по рукамъ, вызывая улыбки и производя легкій

безпорядокъ.

Всевидящая Наталья Порфирьевна замѣчаетъ это, понимаетъ въ чемъ дѣло и едва замѣтно грозитъ ему пальцемъ, только поощряя его этимъ къ дальнѣйшему вдохновенію. Лысый читающій дипломатъ съ тонкой улыбкой на растянутыхъ губахъ, а также ведущій отчаянную борьбу со сномъ меломанъ -- вышли особенно удачно.

Вово принялся за почтенную старушку, бывшую лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ украшеніемъ петербургскихъ салоновъ, а теперь составлявшую ихъ неизбѣжную принадлежность, когда чтеніе закончилось и гостиная вся какъ бы всколыхнувшись, оживилась.

Дипломатъ, на своемъ изысканномъ языкѣ, довольно громко излагалъ дамамъ свои взгляды на новѣйшую французскую литературу. Онъ разъяснялъ стремленія различныхъ новаторовъ. Далеко было слышно:

-- On a imaginé un nombre incalculable d'essentielles bagatelles qui obscurcissent le fond unique et réel de toutes choses... Le rêve dû Vrai!.. Le Beau!.. Mais d'abord, que sait s'il existe? Est-il dans les objets ou dans notre esprit? L'idée

du Beau, ce n'est peut-être qu'un sentiment immédiat, irraisonné, personnel, qui sait?

Наконецъ, онъ сообразилъ, что лекція не входитъ въ программу сегодняшняго вечера, да къ тому же немного сбился и начиналъ забывать что же дальше...

-- Enfin, est-ce la décadence, la vraie, on l'aurore du jour nouveau?-- заключилъ онъ свои фразы вопросомъ и затѣмъ, уже по-русски прибавилъ: -- пока, мнѣ кажется, слѣдуетъ воздержаться о опредѣленнаго отвѣта, надо имъ дать время совершенно высказаться... но все-таки тутъ есть что-то... что-то смущающее.

Дамы не стали возражать противъ этого.

Французское чтеніе значительно сократило время. Слишкомъ, затягивать великопостный вечеръ было нельзя, и черезъ нѣсколько минутъ общество, уже бодрѣе и оживленнѣе переговариваясь, открыло шествіе къ ужину. Аникѣевъ встрѣтился со взглядомъ Алины -- и очень ясно прочелъ въ этомъ взглядѣ, что она хотѣла бы имѣть его за ужиномъ своимъ кавалеромъ, но что если онъ вздумаетъ подойти къ ней, онъ сдѣлаетъ глупость и будетъ

наказанъ за это. Его отвѣтный взглядъ долженъ былъ ее успокоить. Онъ не претендовалъ на такую честь и даже рѣшилъ, что какъ можно дальше отъ нея сядеть.

Передъ нимъ мелькнула прелестная фигурка Ninette, но онъ не успѣлъ еще сообразить, какая была бы съ его стороны безтактность и жестокость, еслибъ онъ повелъ эту свою новую поклонницу къ ужину,— какъ она уже прошла мимо него подъ руку съ графомъ Ильинскимъ.

Сама Наталья Порфирьевна, обо всемъ думавшая и заботившаяся, нашла для своего «артиста» настоящую даму. Незамѣтнымъ образомъ направила она его къ madame Туровой. Это, какъ и всегда, съ ея стороны было умно и въ интересахъ обѣихъ сторонъ.

Madame Турова, уже далеко немолодая, но интересная женщина, жена одного изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ, могла очень и очень пригодиться Аникѣеву въ смыслъ его дальнѣйшей реабилитаціи.

Она сама считалась превосходной піанисткой: по крайней мѣрѣ, старикъ Гензельтъ оставилъ ей репутацію своей лучшей

ученицы. Ея характеръ и положеніе ставили ее выше всякихъ возможныхъ и невозможныхъ сплетенъ, и она имѣла право позволять себѣ, какъ и Наталья Порфирьевна, интересоваться кѣмъ угодно. Она уже немного знала Аникѣева въ прежнее время и ставила его очень высоко, понимала всю оригинальность его таланта.

Проходя съ нею длинной галлереей, увѣшанной и уставленной произведеніями стариннаго искусства, въ глубинѣ которой, за рѣзной дубовой дверью, помѣщалась столовая, Аникѣевъ сразу почувствовалъ себя непринужденно. Онъ понялъ, что съ этой женщиной нечего бояться скуки. Она не станетъ вынимать изъ кармана болѣе или менѣе избитыхъ фразъ, не заставитъ придумывать приличныхъ отвѣтовъ на обычные комплименты. У нея, въ сужденіяхъ объ искусствѣ, есть кое-что свое, продуманное, пережитое ею, а потому, во всякомъ случаѣ, интересное.

Она, съ первыхъ же словъ, и сказала ему что она понимаетъ его артистическое отшельничество, что по достоинству цѣнить и уважаетъ въ немъ его исключительное во всѣ

времена, а ужъ тѣмъ болѣе въ наше время, равнодушіе къ толпѣ, къ успѣху, къ извѣстности.

— Я, кажется, въ первый еще разъ слышу подобное одобреніе!— весело улыбнувшись, воскликнулъ Аникѣевъ.— Меня обыкновенно упрекають именно за это «артистическое отшельничество», находятъ его нелѣпымъ. Но я не хочу оставлять васъ въ заблужденіи относительно его настоящей причины. Я думаю, что тутъ у меня вовсе не равнодушіе...

— Не страхъ же! не трусость? Ихъ у васъ быть не можетъ!

— Почему знать, бываютъ разныя причины страха. Вѣдь, мы всѣ, если строго разбирать, не совсѣмъ нормальны -- у каждаго есть какой-нибудь «пунктикъ», навязчивая, преслѣдующая идея, и пунктики эти многочисленны и разнообразны. Иныхъ вотъ преслѣдуетъ страхъ смерти; кого-нибудь можетъ преслѣдовать «страхъ жизни» въ смыслѣ вѣчнаго волненія, суеты, ожесточенной борьбы, столкновенія страстей, интересовъ, этой вѣчной трагикомедіи...

Madame Турова повернула къ нему свое

поблекшее, но очень пріятное лицо и внимательно глядѣла на него умными глазами. Она чувствовала, что онъ говоритъ искренно и серьезно. Это, вѣдь, такая рѣдкость. Разговоръ завязался даже, пожалуй, слишкомъ крѣпко для времени и мѣста.

VII.

Громадная столовая, въ строго выдержанномъ стилѣ, вся изъ темнаго дуба, встрѣчала проголодавшихся гостей Натальи Порфирьевны, уже давно имъ знакомымъ, красивымъ величіемъ. Весело затопленный въ ея глубинѣ каминъ, своими очертаніями и размѣрами, переносилъ воображеніе въ какой-нибудь, художественно реставрированный, средневѣковый замокъ.

Огни высокихъ тяжелыхъ канделябровъ выдѣляли, по темнымъ стѣнамъ, матовый блескъ разнообразной серебряной утвари, огромная коллекція которой, носившая на себѣ слѣды многихъ поколѣній, была одною изъ рѣдкостей этого дома.

Ужинъ оказался сервированнымъ на нѣсколькихъ небольшихъ круглыхъ столахъ,

уютно размѣщенныхъ недалеко отъ камина. Такъ всегда бывало у Натальи Порфирьевны во время ея интимныхъ собраній, когда число приглашенныхъ не превышало сорока, самое большее пятидесяти человекъ. Лакеи въ чулкахъ и башмакахъ, съ гербомъ Вилимскихъ-Талубьевыхъ на пуговицахъ, подъ командой почтеннаго дворецкаго, до неприличія похожаго на хорошіе портреты Гете въ старости, артистически и безшумно дѣлали свое дѣло.

Аникѣевъ и его дама продолжали, съ видимымъ интересомъ, отвлеченную бесѣду, не забывая, однако, тонкаго ужина Натальи Порфирьевны и осторожно отдавая должную дань винамъ ея домашняго погреба. Этотъ погребъ былъ гордостью отсутствовавшаго хозяина -- Улисса, нарочно объѣзжавшаго ежегодно всѣ мѣста Европы, славящіяся лучшими винами. Погребъ то и дѣло пополнялся новыми сокровищами, а изъ самой глубины его, по реестру за собственноручной подписью хозяина, въ дни званыхъ обѣдовъ и ужиновъ, появлялись на свѣтъ такіе «старички», какихъ нельзя было найти индѣ въ Петербургѣ.

Аникѣевъ былъ доволенъ, что «la belle» далеко отъ него и онъ даже ея не видитъ. Это дало ему возможность, сдѣлавъ надъ собой усиліе, о ней не думать. Но оказалось другое отвлеченіе и отъ разговора съ madame Туровой, и отъ превосходнаго ужина и отъ рѣдкихъ винъ. Очень близко отъ него, за сосѣднимъ столомъ и, вдобавокъ, такъ, что ему не надо было повертывать головы для того, чтобы ее видѣть, сидѣла Ninette.

Ихъ взгляды то и дѣло встрѣчались.

Аникѣевъ и въ болѣе юномъ возрастѣ не былъ фатомъ, а ужъ особенно сегодня вовсе не думалъ о томъ, чтобы «культивировать» впечатлѣніе, произведенное его игрою и пѣніемъ на молоденькую дѣвушку. Онъ уйдетъ черезъ часъ изъ этого дома и, можетъ быть, никогда больше не встрѣтится съ нею, ничуть о томъ не жалѣя.

Мало ли юныхъ сердець и пылкихъ воображеній зачаровывалъ онъ своимъ искусствомъ, дѣйствующимъ непосредственно. Только, вѣдь, это недолговѣчныя чары: замерли волшебные звуки въ которыхъ выливается душа его, и съ каждой минутой слабѣетъ и

слабѣтъ ихъ власть, ихъ вліяніе.

Ninette очень мила и граціозна; въ ней чувствуется, особенно рѣдкое среди этого свѣта, что-то цѣльное, нетронутое, чистое... Но стоитъ ему допустить въ себѣ ощущеніе женскаго обаянія, и его тотчасъ же влечетъ совсѣмъ иная красота, имѣющая очень мало общаго съ дѣвственной чистотою.

Отчего же онъ не можетъ оторваться отъ Ninette и то и дѣло глядитъ на нее съ возрастающей тревогой? его чуткіе нервы все громче и громче подсказываютъ ему, что непременно, вотъ-вотъ сейчасъ, должна случиться какая-нибудь бѣда съ этимъ прелестнымъ полуробенкомъ. Не онъ одинъ глядитъ на нее и ее видитъ; но никто ничего не замѣчаетъ.

Еслибъ онъ только могъ, онъ сейчасъ бы кинулся къ ея матери и шепнулъ ей: «скорѣй, скорѣй увозите вашу дочь, не то ей непременно грозитъ здѣсь какая-то бѣда». Онъ до такой степени наконецъ, увѣренъ въ неминуемости этой бѣды, что не сталъ бы думать о себѣ, еслибы такой его поступокъ могъ достигнуть цѣли. Но онъ отлично зналъ, что

только сдѣлаеть себя общимъ посмѣшищемъ и вдобавокъ скомпрометируетъ дѣвушку, возбуждавшую его жалость...

Зачѣмъ же пришла эта глупая мысль? Зачѣмъ не уходитъ мучительное, назойливое, почти непреодолимое желаніе идти къ такъ враждебно взглянувшей на него женщинѣ и шепнуть ей слова, которыя на законномъ основаніи, будутъ приняты всѣми за неслышанную дерзость или прямое доказательство его сумасшествія? Такъ и тянетъ, такъ и тянетъ!..

«Вотъ одна изъ причинъ моего «отшельничества»,— подумалъ Аникѣевъ,— вѣдь, пожалуй, братъ Николай и правъ, когда вертитъ пальцемъ у лба и объявляетъ, что у меня «въ этомъ мѣстѣ того... не всѣ дома!.. да, пожалуй, онъ и правъ!..»

И какъ бы для того, чтобы вѣрнѣе доказать себѣ это, онъ тихо сказалъ madame Туровой:

— Взгляните на княжну Хрепелеву, вы не находите въ ней чего-нибудь особеннаго?

Madame Турова съ удивленіемъ посмотрѣла сначала на него, а потомъ на Ninette.

-- То есть, какъ это, особеннаго?-- спросила она.

-- Мнѣ кажется... она, вотъ теперь, не такая, какъ всегда какъ была, ну, часъ что ли тому назадъ... Она въ какомъ-то неестественномъ возбужденіи, будто въ горячкѣ... можетъ быть, оно больна, только еще сама не понимаетъ или не хочетъ понимать этого...

Madame Турова нѣсколько мгновений очень внимательно всматривалась въ дѣвушку, которая, замѣтя ея взглядъ, ей совсѣмъ по-дѣтски улыбнулась, не прерывая своего оживленнаго разговора съ графомъ Ильинскимъ и съ красивымъ флигель-адъютантомъ, сидѣвшимъ по другую ея сторону.

-- Какія, однако, у васъ мрачныя и, полагаю, на этотъ разъ невѣрныя наблюденія!-- сказала madame Турова, слегка пожалвъ плечами и усмѣхаясь.-- За что вы хотите уложить въ постель и даже надѣляете горячкой эту хорошенькую княжну? Она, конечно, ужъ гораздо здоровѣе насъ съ вами. У нея горячка юности и здоровья, а можетъ быть, почти даже навѣрно, и счастья... Она очень мила и не можетъ не нравиться художнику, поэтому ва-

мъ лучше совсѣмъ не смотрѣть на нее, car, vous savez, puisque tout le monde le sait: la place est prise...

Между тѣмъ Аникѣевъ былъ правъ.

Возбужденіе маленькой княжны достигало высшаго предѣла, становилось болѣзненнымъ, истеричнымъ. Здоровая и выносливая, несмотря на свою кажущуюся хрупкость фарфоровой куколки, она все-таки съ дѣтства была всегда очень нервна и впечатлительна. Сегодня же у нея весь день гуляли нервы. Она, изъ-за какого-то пустяка, чуть не поссорилась со своей шестнадцатилѣтней сестрой, Кэтъ, которую особенно нѣжно любила. Ее заставили надѣть на вечеръ не то платье, какое она хотѣла. Наконецъ, уже передъ самымъ выѣздомъ, она вдругъ, сама не зная почему, всплакнула. Все это было очень глупо и совсѣмъ на нее не похоже. Она разсердилась на себя; но что-то давило ей грудь, подступало къ горлу, точно клубокъ какой.

Потомъ, когда она вошла въ гостиную Натальи Порфирьевны, все какъ рукой сняло. Ей сдѣлалось даже необыкновенно легко и весело. Женихъ показался ей особенно краси-

вымъ, и она трепетно чувствовала его присутствіе. Князь Вово, ея старый другъ и пріятель,— она его часто называла даже своей «подругой»,— былъ, какъ и всегда, миль и забавень. Всѣ, начиная съ Натальи Порфирьевны, относились къ ней такъ ласково и внимательно.

Но эта игра, это страшное, волшебное пѣніе Аникѣева! Оно осталось въ ней и звучитъ, звучитъ, наполняя ее трепетомъ, восторгомъ и ужасомъ... Онъ, конечно, не такой человѣкъ, какъ другіе; но что же въ немъ: добро или зло? Ей такъ хотѣлось послушать, что онъ будетъ говорить ей, хотѣлось понять, разглядѣть...

А тутъ мама... съ такимъ лицомъ... такъ холодно, такъ обидно отнеслась къ нему... А потомъ ей выговоръ, тихо, кратко, такъ что никто, разумѣется, не замѣтилъ; но какія слова: «ты бы сама могла понимать, что для тебя прилично и что нѣтъ». Больше ничего; но, вѣдь, кажется, черезчуръ довольно и слишкомъ ясно! За что же это?! Неприлично поблагодарить се *grand artiste* (сама Наталья Порфирьевна такъ его называетъ) за его волшебное

пѣніе, пожать ему руку, поговорить съ нимъ!..

Она никакъ не можетъ примириться съ такою очевидной и злой несправедливостью... она ни за что не уступитъ, она будетъ спорить съ мама и докажетъ ей, да, докажетъ, что не сдѣлала ничего неприличнаго, а напротивъ, напротивъ!

-- Графъ!-- вдругъ обратилась она къ Ильинскому, совершенно безсознательно выпивая почти залпомъ рюмку густого, душистаго вина, которую онъ ей подставилъ:-- вы, вѣдь, знакомы съ Аникѣевымъ... я видѣла, какъ вы съ нимъ говорили...

-- Такъ что же?

Онъ покосился на нее, и въ глазахъ его мелькнуло самое злое выраженіе.

-- Я очень прошу васъ уговорить мама и привезти его къ, намъ, если только онъ захочетъ... Я непременно должна еще разъ слышать его пѣніе, чтобы понять...

-- Что вы такое говорите!-- какъ бы съ ужасомъ прошептала ей Ильинскій.-- Бога ради тише... я просто не вѣрю ушамъ своимъ... Я увѣренъ, что княгиня сильно раскаивается, что повезла васъ на этотъ ужасный вечеръ...

Маленькой княжнѣ сдѣлалось душно и жарко. Кровь быстро прилила ей въ голову и въ виски застучало. Въ то же время она почувствовала сильную жажду, у нея совсѣмъ пересохло горло.

-- Я васъ не понимаю, Жоржъ,-- прошептала она:-- тутъ просто какая-то тайна... пожалуйста, объясните мнѣ ее...

Графъ Ильинскій въ это время потянулся, чтобы взять ея тарелку, такъ какъ увидѣлъ возлѣ своего плеча подаваемое блюдо.

-- Нѣтъ, нѣтъ, не кладите!-- поспѣшно сказала Ninette.

-- Но, вѣдь, вы совсѣмъ ничего не кушаете, вы какъ есть ни до чего не дотронулись...

-- У меня сегодня никакого аппетита, я и объдала, плохо... А вотъ пить ужасно хочется...

«Бабочка сама летитъ въ сѣтку!» подумалъ графъ Ильинскій, указывая на стаканъ стараго бургундскаго, его стараніями стоявшій передъ нею.

-- Да, вѣдь, это вино! Вы знаете -- я не люблю вина... и оно, навѣрно, крѣпкое.

-- Нѣтъ, это слабое вино и очень вкусное, оно освѣжаетъ, попробуйте.

Она поднесла стаканъ къ губамъ, сдѣлала глотокъ и кивнула головой.

— Правда, очень вкусно!

Она, не отрываясь, медленно выпила до дна.

— Хотите еще?

Онъ оглянулся, лакей уловилъ его взглядъ, и стаканъ снова полонъ.

— Вы увѣрены, что это не крѣпко?— спрашивала она.

— Для меня не существуетъ крѣпкихъ винъ, да, вѣдь, вы же сами должны были почувствовать, слабо оно или крѣпко.

— Кажется, нѣтъ, очень вкусно... и я такъ пить хочу!

Флигель-адъютантъ, все время разговаривавшій со своей дамой, повернулъ голову къ Ninette.

— Это очень крѣпкое вино, княжна, особенно съ непривычки,— серьезно сказалъ онъ.

Ея стаканъ уже былъ пустъ.

Сидѣвшій за тѣмъ же столомъ напротивъ чтець-дипломатъ поглядывалъ на нее, и выраженіе его глазъ, его не то насмѣшливая, не то плотоядная усмѣшка, кривившая кон-

чики тонкихъ губъ, ясно говорили: «fichtre! èa promet!»

Но она, кажется, даже и не подозрѣвала его существованія! У нея начинала кружиться голова, мысли путались, хотѣлось то заплакать, то засмѣяться.

-- Да!-- вспомнила она.-- Объясните же мнѣ, Жоржъ, эту тайну, почему... почему вы называете этотъ вечеръ ужаснымъ... и мама разсердилась...

-- Вы все о томъ же!-- съ недоброй улыбкой произнесъ графъ Ильинскій.-- Вы ставите, однако, меня въ очень странное положеніе, и я, право, не знаю, что думать... завтра я буду у васъ... мы обо всемъ потолкуемъ, если угодно, сегодня же вы въ такомъ... настроеніи...

-- Въ какомъ, въ какомъ?..

Ея голова кружилась все больше и больше. Она хотѣла говорить, но языкъ сдѣлался какимъ-то деревяннымъ. Вдругъ вернулось ощущеніе клубка, поднимающагося къ горлу. Это было такъ мучительно, такъ невыносимо, и притомъ же ей ясно почувствовалось, что она обижена, оскорблена и не въ силахъ вынести этой обиды. Она поблѣднѣла, какъ

мертвая, откинулась на высокую спинку стула, взвизгнула не своимъ голосомъ, дико захохотала. Хохоть тотчасъ же перешель въ громкія, отчаянныя рыданія.

Впечатлѣніе было произведено -- настоящее.

VIII.

Всѣ встали со своихъ мѣсть и растерянно взглядли другъ на друга. Княгиня Хрепелева, съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ, кинулась къ дочери.

-- Боже мой, что-жъ это съ нею?!-- отчаянно повторяла она.-- Вѣдь, никогда, никогда ничего подобнаго не бывало... *au nom du Ciel!.. que faut-il faire... je perds la tête!..*

Откуда-то появился стаканъ воды. Княгиня, дрожавшей рукою, разливая воду на шею и платье дочери, старалась заставить ее выпить. Наталья Порфирьевна протягивала флакончикъ съ англійской солью и громко шептала: «*Ah! la cherie! la pauvre petite!*»

Но ея святая полуулыбка исчезла, ея лицо становилось все мрачнѣе. Вѣдь, и у нея въ домѣ «никогда ничего подобнаго не бывало!»

Дамы и мужчины безцѣльно суетились.

Бѣдная княжна Ninette извивалась и билась, какъ рыбка, выброшенная на песокъ, оглашая громадную столовую порывами истерическаго хохота и рыданіи.

Графъ Ильинскій и Аникѣевъ, не стовариваясь, внезапно и рѣшительно подошли къ ней, подняли ее и, крѣпко держа, понесли. Наталья Порфирьевна спѣшила впереди; княгиня, окруженная нѣсколькими дамами, то и дѣло спотыкаясь, вся въ слезахъ, замыкала это шествіе.

Княжна все билась, вырывалась, кричала: «душно! душно!.. пустите!» Аникѣевъ, крѣпко охвативъ ее тонкую талію, дѣлалъ послѣднія усилія, чтобы не выпустить ее изъ рукъ. Наконецъ, онъ возмутился и вознегодовалъ на нее, на себя, на всѣхъ и на все.

-- Перестаньте! замолчите! успокойтесь!-- произнесъ онъ раздраженнымъ и повелительнымъ голосомъ.

Ninette широко открыла глаза, увидѣла и узнала возлѣ своего лица его лицо, его строгіе блестящіе глаза. Она внезапно стихла, вѣки опустились, тѣло ея вытянулось, руки повис-

ли. Если бы не порывистое дыханіе, ее можно было бы принять за мертвую...

Въ столовой безпорядокъ продолжался. Великолѣпный старикъ-дворецкій, похожій на Гете, неслышно ступая, подходилъ то къ тому, то къ другому и почтительно приглашалъ къ столамъ. Но его никто не слушалъ. То тамъ, то здѣсь слышалось: «нашъ нервный вѣкъ», «la grand histèrie», «Шарко», «гипнотизмъ».

-- L'hystèrie! mais voyons! y est elle pour quelque chose, I quand la petite demoiselle s'est tout bêtement grisée!-- конфиденціально сообщилъ чтець-дипломатъ стоявшему возлѣ него «la bête».

-- Allons donc!-- съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, но радостно воскликнулъ «la bête», сразу оживляясь.

-- Quand je vous le dis! я, да и не я одинъ, многіе видѣли какъ она, будто воду, осушала старый «Кло» стаканъ за стаканомъ... Ну, думаю, молодець! обѣщаетъ!-- et v-la! trop verte!

-- Tiens! c'est joli... прелесть!

«La bête» тихонько отошелъ отъ дипломата, и черезъ двѣ-три минуты не оставалось

никого, кто бы не зналъ, въ чемъ дѣло.

Теперь повторялось:

«Ну, что-жъ княгиня! Сама виновата, такъ дѣтей не воспитытють!..»

«Кого жаль, такъ это Ильинскаго... Вѣдь, онъ, кажется, былъ серьезно неравнодушенъ... всѣмъ извѣстно -- женихъ... и приданое заказано... свадьба весною...»

«Да неужто онъ послѣ этого женится?! Вѣдь, онъ долженъ понимать... Это было бы и съ его стороны непростительно... Нѣтъ, онъ благоразуменъ... et tout le monde sera de son coté... vous savez, il y a des choses... des choses...»

Князь Вово пробовалъ было заступаться за бѣдную Niurette.

-- Ecoutez... c'est trop méchant!-- горячо толковалъ онъ.-- Она, вѣдь, еще такой ребенокъ.

-- Tant pis!-- возражали ему.

-- Да тутъ вовсе не вино,-- не сдавался онъ:-- приче́мъ тутъ вино! просто нервы... ну тамъ, можетъ быть, корсетъ слишкомъ затянуть... que sais-je! право нельзя же! И если бы даже такъ, вѣдь, Ильинскій былъ рядомъ съ нею, это было его дѣло остановить... развѣ она понимаетъ!..

-- Всѣ знаютъ, князь, что вы не изъ друзей Ильинскаго, но теперь онъ въ такомъ положеніи... его и не друзья пожалѣть могутъ!-- замѣтилъ кто-то.

Вово долженъ былъ замолчать. Онъ хорошо понималъ, что не ему измѣнить внезапно сложившееся мнѣніе свѣта. Какъ бы ни было нелѣпо это мнѣніе, разъ оно установлено, съ нимъ ничего не подѣлаешь, пока оно само собою, такъ же неожиданно и быстро, какъ со-здалось, не разсыпется безъ слѣда и помина.

Одинъ только флигель-адъютантъ дѣйствительно слышалъ, видѣлъ и понималъ все происшедшее. Но Ильинскій былъ ему очень нуженъ для его собственныхъ, личны-хъ дѣлъ, и онъ не могъ наживать себѣ въ немъ врага: это было бы ужъ черезчуръ глупо. Поэтому онъ запретилъ себѣ думать объ этомъ вздорѣ и рѣшительно сводилъ разгово-ръ со своей дамой на посторонніе предме-ты.

Появилась Наталья Порфирьевна, собользнущая, разстроенная и въ то же вре-мя, очевидно, скрывающая свое законное раздраженіе.

Едва вступивъ въ столовую и ни съ кѣмъ не сказавъ еще и двухъ словъ, она уже, какимъ-то таинственнымъ способомъ, была увѣдомлена обо всемъ.

-- Elle est à plaindre, cette jeune personne,-- многозначительно сказала она:-- она больна, бѣдняжка... это очень, очень жаль, но...

Она не договорила. Ея «но» было окончательной, безапелляціонною конfirmaціей составленнаго здѣсь приговора...

Минуть черезъ десять въ картинной галереѣ Аникѣевъ нагналъ хорошенькаго князя, быстро, почти скользя, стремившагося въ своихъ маленькихъ башмачкахъ по мозаичному паркету.

-- Вово,-- сказалъ Аникѣевъ:-- мнѣ какъ-то не по себѣ и просто жутко моего одиночества... мы такъ давно не видались, поѣдемъ ко мнѣ...

-- Милый, avec plaisir!-- отвѣтилъ князь, беря пріятеля подъ руку.

Они спустились съ лѣстницы, надѣли шубы, вышли на подъездъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями. Вово усадилъ Аникѣева въ свою карету, спросилъ адресъ, повторилъ

его кучеру и захлопнулъ за собой дверцу. Прозябшія лошади помчались.

Аникѣевъ закрыль глаза, поддаваясь ощущенію нервной усталости, сразу его охватившей.

Ну, развѣ не правъ онъ, отказываясь отъ общества, гдѣ, какъ ему всегда говорили, онъ могъ бы играть роль и многого достигнуть! Чего достигнуть? Какихъ такихъ благъ, за которыя стоило бы заплатить этимъ вѣчнымъ раздраженіемъ, усталостью души, смятеніемъ мыслей? Вѣдь, вотъ, стоило только окунуться на нѣсколько часовъ,— и сколько путаницы, сколько тяжелыхъ, утомившихъ впечатлѣній!..

Ему вспомнились слова Алины: «Однако, вы чего-то все ищете; вы бѣгаете за призраками счастья». Чего-чего не испробоваль онъ въ самомъ дѣлѣ! И все-таки вернулся опять сюда, въ этотъ петербургъ, къ вѣчному, когда-то такъ замучившему его утомленію. Зачѣмъ же онъ вернулся? А вотъ затѣмъ, что это неизбѣжно, что пришло такое время, когда онъ не можетъ больше владѣть собою...

Прежде это было не такъ часто, находило и

уходило, забывалось. А теперь, уже сколько мѣсяцевъ, ночью и днемъ, и все чаще и чаще слышится ему тоненькій голосокъ маленькой дѣвочки; «папа! гдѣ ты, папа?»

Только и всего, эти четыре слова. И каждый разъ, когда онъ слышитъ ихъ, ему тяжело и душно. Такъ жить нельзя...

— Прежде я любилъ всѣхъ,— вдругъ заговорилъ Всво, какъ-то по-кошачьи кутаясь въ шубу, подбираясь и уютясь въ своемъ углу кареты:— теперь я люблю только дѣтей, да вотъ иногда старенькихъ-старенькихъ старушекъ, которыя давно-давно забыли свои грѣхи, сдѣлались совсѣмъ святыми, всѣмъ интересуются, и какъ есть ровно ничего не понимаютъ. Вотъ такихъ я люблю, я у нихъ цѣлую ручки, а онѣ меня въ плѣшку... Батюшки, не отъ этого ли волосы такъ вылѣзть стали!

Онъ засмѣялся своимъ веселымъ смѣхомъ и продолжалъ:

— Non, sérieusement, je les aime, ces petites vieilles... есть у насъ такія, да съ ними бѣда: сегодня ты у ней ручки цѣлуешь, она тебѣ всякія миленькія исторійки рассказываетъ, а черезъ недѣлю: «съ душевнымъ

прискорбіемъ извъщаютъ»... Иной разъ ночью проснешься, послѣ похоронъ-то, такъ и ждешь, войдетъ она -- и въ плѣшку! Бр!.. А потому только дѣти и остаются. Ихъ тоже мало, есть такія, что похуже взрослыхъ, совсѣмъ испорченныя, ледація, злыя,-- черти, а не дѣти. Но все-таки еще попадаются настоящія дѣти, и лучше ихъ у насъ нѣтъ ничего и быть не можетъ. Такой была и эта бѣдняжка Ninette... Вѣдь, они, какъ грибы, растутъ, вчера еще была совсѣмъ крошка, въ куклы со мною играла, въ «ангельскомъ-чинѣ» состояла, comme disaient nos chères няни russes, dont la race s'est éteinte... А сегодня вотъ выросла... Споткнулась на гладкомъ мѣстѣ, и только на недѣлю о ней разговоръ, а затѣмъ... coulée!..

-- Забудется!-- сказалъ Аникѣевъ.

-- Никогда. Ты, вѣдь, не слышалъ, приговоръ произнесенъ... Entre nous, этотъ негодяй Ильинскій навѣрное подпоилъ ее потому, что расхотѣлъ на ней жениться. Теперь онъ, конечно, свободенъ. И замѣть, что онъ правъ, мнѣ слова сказать не дали, это, видишь ли, у меня противъ него личность, я его всегда недолюбливалъ. Ninette исключена изъ спис-

ка живыхъ, держу какое угодно пари, ее нигдѣ больше не примутъ... У насъ все дозволено, больше чѣмъ все; но только за прозрачною ширмочкой, на которой написано: «безъ именныхъ билетовъ никто не впускается»...

Онъ остановился и потомъ прибавилъ:

-- Да и какъ тутъ быть? Нельзя, вѣдь, тоже допускать такихъ публичныхъ представлений... и гдѣ же! у Натальи Порфирьевны!.. А все ты виноватъ, одинъ ты!

-- Я?-- спросилъ Аникѣевъ, тоскливо чувствуя, что есть много странной правды въ такомъ обвиненіи.

-- Конечно, ты, и это очень на-руку Ильинскому... Ты будешь героемъ исторіи,-- *je t'en réponds!*

Они замолчали.

Аникѣевъ опять закрылъ глаза, и ему представилось, съ ясностью почти вещественной, почти осязательной, женское лицо. Но это было не Ninette и не Алина. Эта была тоже очень красивая женщина. Она глядѣла на него, сдвинувъ брови, глядѣла холоднымъ, злымъ и упрекающимъ взглядомъ. Ему слышался ея голосъ:

«Вздоръ! Все это потому, что у тебя нѣтъ сердца, ты безнравственный человекъ, ты эгоистъ! Ты никогда никого не любишь и любить не можешь... Ты любишь только какія-то тамъ свои фантазіи, а до всего остального тебѣ нѣтъ дѣла! Ты безсердечный деспотъ, и ничего больше!..»

На него пахнуло тѣмъ адомъ, отъ котораго въ конецъ истерзанный, весь полный негодованія, возмущенія и жгучей боли, онъ бѣжалъ, очертя голову.

«Папа! гдѣ ты, папа?» -- раздалось нѣжнымъ и невыносимо жалобнымъ призывомъ въ сердцѣ.

Онъ задыхался. Карета остановилась.

IX.

Имъ пришлось долго звонить и стоять на подъѣздѣ подъ порывами вѣтра и пронизывавшей сырости. Вово переминался съ ноги на ногу и попрыгивалъ отъ холоду въ своихъ лакированныхъ башмачкахъ.

-- Однако, тебя; видно, здѣсь не балуютъ.. Sapristi! quer ogre de suisse!-- не выдержалъ онъ.

Анкѣевъ нѣсколько разъ рванулъ колокольчикъ изо всей силы.

Наконецъ, послышался звукъ повертывающагося въ замочномъ отверстіи ключа, и толстая дубовая дверь тяжело пріотворилась.

Заспанный губошлепъ, въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу и съ ливреей, накинутой на плечи, пропустилъ пріятелей. Онъ не спѣша заперъ дверь, а потомъ, опять-таки не спѣша, зашлепалъ вслѣдъ за ними по лѣстницѣ, слабо озаряя ихъ путь маленькою ручною лампочкой.

-- Encore?-- спрашивалъ Вово при каждомъ поворотѣ;

-- Encore,-- отвѣчалъ Аникѣевъ.

На площадкѣ третьяго этажа онъ остано-
вился у двери и, нащупавъ кружокъ электри-
ческаго звонка, придавилъ костяную пуговку.
Въ то же время свѣтъ мгновенно погасъ, и за-
спанный губошлепъ исчезъ, какъ призракъ;
даже его калоши не было слышно.

Изнутри, у двери, раздался глухой голосъ:

-- Баринъ, это вы?

-- Я, я! Да отворяй же скорѣе, извергъ, не
держи въ темнотѣ... бою-юся!-- крикнулъ Во-
во.

-- Кто-жъ это? не барица голосъ... чего ва-
мъ угодно? кто такое? этакъ-то я, вѣдь, и не
отопру!-- какимъ-то грустнымъ, по вмѣстѣ и
рѣшительнымъ тономъ объявилъ голосъ изъ-
за двери.

-- Никакъ все онъ же? Платонъ Пирожко-
въ?-- вопросительно шепнулъ Вово.

-- Кому-жъ другому быть... мой вѣчный Ле-
порелло!-- тоже шопотомъ отвѣтилъ
Аникѣевъ и уже почти весело приказалъ:

-- Платонъ, отворяй!

Дверь отворилась, и передъ Вово, озарен-
ная лампой, поставленной на подзеркальный
столъ тѣсной передней, оказалась давно ему

знакомая, маленькая худощавая фигура. Тѣ же рѣденькіе, прилизанные, бѣлобрысые волосы, тотъ же неестественно длинный острый носъ, огромные желтые усы, печально повисшіе съ двухъ сторонъ едва замѣтнаго за ними бритаго подбородка, унылый взглядъ широко разставленныхъ глазъ. Не человекъ, а дятель, да и только! Дятель былъ въ вышитой «русскимъ узоромъ» косовороткѣ и свѣтло-сѣромъ, съ барскаго плеча, пиджачкѣ, черезчуръ для него просторномъ.

Вово приподнялся на носки, раздулъ щеки, скорчилъ страшное лицо и кинулся впередъ рыча:

— А! отворилъ! ну, теперь тебѣ капуть!

Платонъ Пирожковъ въ одинъ отчаянный прыжокъ отскочилъ къ противоположной двери и уже готовился заорать не своимъ голосомъ, да вдругъ узналъ князя.

Онъ ослабилъ, причемъ его носъ выступилъ еще больше, а подбородокъ исчезъ совсѣмъ.

— Ваше сіятельство! вотъ кого Богъ послалъ... и напугали же вы меня... шутникъ вы!

— А ты все такой же трусь! съ твоимъ-то

носомъ!-- засмѣялся Вово, сбрасывая ему на руки свою пушистую соболью шубку и опять попрыгивая, чтобы согрѣть озябшія ноги.

-- Да что носъ!-- уныло говорилъ дятель, вѣшая шубку и спѣша къ Аникѣеву.-- На носъ кто нынче посмотреть, кто его испугается... вонъ у землячка одного былъ онъ не моему чета, куда объемистѣй и словно мраморный, темно-сизый съ жилками, а все-жъ таки, лѣтъ семь это тому будетъ, напали невѣдомо кто въ верстѣ отъ села, на «шасѣ», онъ имъ -- носъ, а они хватъ по переносью -- и духъ вонъ!... Нынче народъ балованный... намедни, въ Московской части, чай, изволили слышать?

-- Что такое въ Московской части?-- отозвался Вово, причесывая свои черные кудерки и плѣшку передъ зеркаломъ.

-- Не слыхали-съ? Вотъ этакимъ-же манеромъ, въ часъ ночной, замѣсто барина, позвоилъ, вошелъ, лакея пристукнулъ, ограбилъ все какъ есть начисто, и ушелъ, будто дѣло сдѣлалъ... Баринъ-то возвращается, дверь отперта, а лакей въ крови разлитанной -- «мм!» -- мычитъ и больше ничего, такъ Богу душу и отдалъ. Какъ же тутъ отпирать дверь всякому

безъ разбору? и днемъ-то опасно, а ужъ ночью -- и-и!

-- Да, вѣдь, это ты все врешь, Платонъ Пирожковъ, ничего такого не было въ Московской части!

-- Какъ не было-съ!-- весь вспыхнулъ и смѣшно будто оцетинился Платонъ, переходя за Аникѣевымъ въ слѣдующую комнату и чиркая спичками.-- Обижать изволите, ваше сіятельство. Это точно, бываютъ такіе, что и врутъ, а я вратъ передъ господами за грѣхъ почитаю. Было все это, какъ докладываю, самъ-съ, своими глазами, вчерась въ «Листкѣ» читалъ и весь этотъ пассажъ съ доподлинностью тамъ ихній «рапорторъ» пропечаталъ... Закусить прикажете? А не то крушончикъ... у насъ три бутылки «езельціора», «финь», есть настоящій и апельсинчики,-- прибавилъ онъ, зажигая лампу, и уже совсѣмъ другимъ, дѣловымъ тономъ.

-- Ну, подавай скорѣ!-- зѣвнувъ, проговорилъ Аникѣевъ, почти падая въ широкое низенькое кресло.

Х.

Яркая лампа, заслоненная только односторонним абажуромъ освѣтила обширную, довольно высокую комнату.

Ничего въ ней не было роскошнаго, ни одного предмета значительной цѣнности, но все вмѣстѣ производило художественное и оригинальное впечатлѣніе. Это именно оказалась музыкальная комната, гдѣ каждая вещь гармонично сливалась съ другою, дополняла, выясняла ея смыслъ, поднимая ея цѣнность, гдѣ не встрѣчалось ни одного кричащаго разнозвучія.

Тяжелыя, фантастическаго рисунка занавѣси на окнахъ и дверяхъ, восточные ковры и темныя французскіе обои, даже совсѣмъ вблизи похожіе на старыя гобелены, своимъ мягкимъ круглящимся узоромъ уничтожали всякую пустоту. Каждый столикъ, стулъ, этажерка, вазочка, бездѣлушка были своеобразны и до того на своемъ мѣстѣ, что если хоть что-нибудь взять и переставить -- тотчасъ нарушится цѣлость, будто отрубится палецъ отъ руки.

Со стѣнь, изъ прекрасныхъ рамъ, глядѣли совсѣмъ живыя лица. Особенно выступала сильно освѣщенная лампой молодая женщина въ ореолѣ чудныхъ золотистыхъ волосъ и съ глубокими мечтательными глазами. Она чуть-что не говорила, прелестно приподнявъ удивительно хорошенькую верхнюю губку своего маленькаго рта, въ которомъ заключалось особенное очарованіе.

Это былъ портретъ матери Аникѣева въ лучшую пору ея жизни. Сынъ сильно походилъ на нее; но не чертами; а чѣмъ-то неуловимымъ, въ чемъ, однако, и заключается очень часто истинное, сразу поражающее сходство...

Вово неслышно мелькалъ то тамъ, то здѣсь, все осматривая и даже трогая. Наконецъ, онъ остановился, кинулъ вокругъ себя общій взглядъ и подсѣлъ къ пріятелю.

-- Ахъ, Миша, какъ у тебя здѣсь мило,-- сказалъ онъ:-- un nid adorable... впрочемъ, какъ и всегда. Когда только ты успѣлъ это устроить?.. уютно, будто вѣкъ здѣсь живешь...

-- Долго ли! Въ два дня устроилъ, какъ могъ... чтобъ не задыхаться,-- отвѣтилъ Аникѣевъ:-- ты знаешь, я не въ своей обста-

новкѣ, если кругомъ меня гадко -- просто задыхаюсь, боленъ дѣлаюсь, дня не могу прожить...

-- И у тебя прелестно, ты изъ ничего умѣешь создать красоту; только знаешь ли, что я тебѣ скажу... вотъ сейчасъ почувствовалъ... уютно здѣсь, красиво, тепло, а все-жѣ таки есть что-то такое... жуткое и грустное -- будто бы духи печальные витають... того и жди какой-нибудь жалобный вздохъ услышишь!..Нѣтъ, хоть убей меня, я ни за какія сокровища здѣсь бы одинъ не остался!

Аникѣевъ повернулъ голову и ласково взглянулъ на хорошенькаго князя.

-- Вотъ за это я и люблю тебя, Вово,-- ты мотылекъ порхающій, ты какая-то свѣтская записная книжка «на каждый день»; но въ тебѣ душа живая, ты иной разъ чувствуешь и понимаешь, *par intuition*, такое, чего самые серьезные люди не поймутъ и не почувствуютъ. За это и люблю! Вѣрно, голубчикъ: у меня и жутко, и грустно, печальные духи вокругъ меня витають... и часто я слышу ихъ вздохи...

Вово вдругъ засмѣялся.

-- Чего ты?

-- Да помилуй... вотъ мы о духахъ... я и вспомнилъ. Вѣдь теперь у насъ спиритизмъ понемногу въ моду входитъ... Я, знаешь, какъ и ты, кажется, въ духовъ вѣрю... и до смерти боюсь ихъ. Только у насъ совсѣмъ не то, у насъ завелись «сеансы» съ побоями.

-- Съ побоями?

-- Еще и съ какими! Тутъ есть старичокъ одинъ, Бундышевъ, спирить «убѣжденный». Такъ устраиваютъ сеансы, чаще всего у Гагариныхъ, и зовутъ на Бундышева... Забавно! Тушится все, свѣчи и лампы, дѣлаютъ ночь, столъ поднимается, стучить, колокольчикъ звонить, а потомъ начинаютъ Бундышева бить куда попало, щипать... на прошлой недѣлѣ ему чуть ухо не открутили. Онъ кричитъ, визжитъ, молить, а на слѣдующій день по всему Петербургу ѣздить и съ восторгомъ рассказываетъ, какъ его духи избили, какихъ пощечинъ ему надавали, синяки показывать. При дамахъ отвертываетъ рукава и показываетъ -- parole! Коко Гагаринъ не выдержалъ, признался ему: это я самъ, говоритъ, вотъ этою рукой васъ и щипаль и тумака ва-

мъ даль въ шею. Такъ, вѣдь, тотъ не вѣритъ, ни за что въ мiрѣ, «jeuno homme,— говоритъ,— on ne profane pas impvfnément les vérités sacrées! vous allez subir les conséquences de votre mensonge!» Кoko озлился «Такъ я же васъ такъ изобью,— говоритъ,— что поневолѣ мнѣ повѣрите!» И избилъ, а старичокъ, какъ ни въ чемъ не бывало, духовъ прославляетъ и синяки дамамъ показываетъ. Сегодня у княгини Червинской показывалъ... кругомъ хохотъ, а онъ въ позу -- и цѣлую лекцію о perisprit reincarnations и ужъ не знаю о чемъ еще...

-- Чортъ знаетъ что такое!-- устало проговорилъ Аникѣевъ.-- Неужели ничего не могутъ придумать поумнѣ этого издѣвательства надъ старымъ и, очевидно, больнымъ чelовѣкомъ?

-- А ну-ка придумай! Вѣдь, скука тоже! Изъ дома въ домъ однѣ и тѣ же небылицы переносятся, всѣ передаютъ ихъ другъ другу, connaissant fort bien leur généalogie, ровно ничему не вѣря и все-таки дѣйствуя и судя такъ, будто бы всѣ эти враки были святою истиной...

Но Аникѣевъ уже не слушалъ или, вѣрнѣе, слышалъ совсѣмъ другое.

Платонъ Пирожковъ внесъ на поднось «крушончикъ» и роздалъ прохладительный напитокъ въ высокіе тонкіе стаканы.

Аникѣевъ чокнулся съ Вово, медленно выпилъ до дна и подошелъ къ піанино.

И снова, какъ передъ блестящимъ обществомъ Натальи Порфирьевны, холодныя клавиши ожили и заплѣли. Но это были ужъ не мечты, не погибшія надежды, не борьба жизни, не пожаръ страсти и отчаянный призывъ къ наслажденію. Это было именно то, что почудилось Вово въ жилищѣ артиста: грустный шопоть витающихъ призраковъ, ихъ жалобныя вздохи.

Вово сидѣлъ съ забытымъ стаканомъ въ рукѣ и жадно слушалъ.

Дятель стоялъ у двери, уныло опустивъ носъ, но скоро неодобрительно мотнулъ рукою и тихонько вышелъ.

А призраки плѣли такъ внятно, такъ хватали за душу, что Вово почти уже начиналъ понимать, о чемъ именно поютъ они, на что жалуются. Вдругъ въ ихъ мелодію ворвалось

что-то новое, звонкая, серебристая нотка безпечнаго дѣтскаго смѣха. Только смѣхъ этотъ сейчасъ же замеръ, и опять зашептали, залетали въ мучительной истомѣ тоскующіе души... Тише, тише... такъ тихо, будто въ безсонной темнотѣ стучить только, обливаясь кровью, усталое сердце, а потомъ... нѣтъ, это невыносимо, это мучительнѣй и жалобнѣй, чѣмъ всѣ вздохи призраковъ...

-- Перестань, ну чего ты! *c'est insoutenable*... будто ребенокъ тонетъ, зоветъ и плачетъ!-- крикнулъ Вово, подбѣгая къ піанино и хватая руки Аникѣева.

Все смолкло.

Аникѣевъ повернулъ къ пріятелю блѣдное лицо, испуганно взглянулъ на него сухими, расширившимися глазами.

-- Ты понялъ?!. Въ этомъ все... и я не могу больше,-- прошепталъ онъ.

Вово начиналъ соображать. Ему стало очень неловко. Онъ налилъ стаканы, заставилъ Аникѣева выпить и принялся болтать всякій вздоръ, чтобъ отвлечь пріятеля отъ печальныхъ мыслей. Онъ разсказалъ даже нѣсколько смѣшныхъ и неприличныхъ анек-

дотовъ, которыхъ у него былъ всегда неистощимый запасъ, невѣдомо откуда бравшійся.

Но Аникѣевъ, въ другое время громко смѣявшійся и неприличному анекдоту, лишь бы онъ былъ остроумень, теперь очевидно ничего не понималъ. Его внезапно охватила такая слабость, что онъ легъ на диванъ, вытянулся, заложилъ руки за голову и закрылъ глаза. Ему казалось, что его заливаютъ какая-то волна и что онъ вмѣстѣ съ нею опускается все ниже и ниже. Голосъ Вово все слабѣлъ, удалялся,— и все исчезло.

— Миша!.. да никакъ ты спишь?

Вово прислушался и увидѣлъ, что это предположеніе вѣрно.

Носъ дятла показался у двери. Онъ не спѣша, осторожно ступая, подошелъ къ дивану и грустнымъ тономъ громко произнесъ:

— Баринъ, а баринъ!

Отвѣта не послѣдовало.

Тогда онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, зажегъ свѣчу, стоявшую на столѣ, взялъ ее и таинственно поманилъ Вово.

— Ваше сіятельство, пожалуйста-ка!

Вово прошелъ за нимъ въ сосѣднюю ком-

нату, оказавшуюся спальней. Тутъ было тоже уютно. Вово втянулъ въ себя воздухъ.

-- Чѣмъ это такъ сильно пахнетъ?-- спросилъ онъ.

-- А вотъ-съ, изволите видѣть, этимъ самымъ-съ,-- мрачно произнесъ Платонъ Пирожковъ, беря съ туалетнаго стола бутылку ярко-зеленой жидкости и подавая ее князю.-- Варвена-съ индѣйская, настоящая, вотъ такими громадными бутылками выписываемъ и по нѣскольку разъ на дню прыскаемъ всю спальню, бѣлье, все. Больше трехъ лѣтъ какъ безъ этого жить не можемъ, а по-моему-съ духъ тяжелый, пронзительный, и сколько разъ у меня отъ него голова болѣла.

-- Нѣтъ, ничего, пахнетъ не дурно,-- сказалъ Вово, наливая себѣ на ладонь изъ бутылки, а потомъ растирая руки.

Платонъ усмѣхнулся.

-- Да, вѣдь, чего стоятъ-съ, выписки-то эти.. А я, знаете, хотѣлъ спросить у вашего сіятельства... какъ вы нашли барина?

Вово присѣлъ въ кресло у кровати и пристально смотрѣлъ на дятла.

-- Ну, вотъ что, Платонъ Пирожковъ, раз-

сказывай все по порядку,— серьезно и внушительно произнесъ онъ.

XI.

Платонъ взглянулъ въ дверь, прислушался и тотчасъ же возвратился.

— Спать, теперъ ежели не расшевелить, до утра не проснутся. Это у насъ, вѣдь, давно завелось, не по-людски. И въ деревнѣ, да и за границей то же было. Иной разъ всю ночь, до поздняго утра, за книжкой либо просто со своими мыслями просидятъ на одномъ мѣстѣ. Часу въ десятомъ будить придешь, а они: «а? что? никакъ ужъ утро?» Другой разъ вотъ такимъ манеромъ, во всемъ какъ есть, одѣвшись, приткнутся гдѣ-нибудь на диванѣ и спать. Боже упаси разбудить,— такой крикъ пойдетъ, что хотъ святыхъ уноси... Да нешто одно это! Одно слово, ваше сіятельство, никакъ невозможно. Замыкался я совсѣмъ, несогласенъ больше, уходить хочу...

— Это ты-то? Уходить отъ Михаила Александровича? Хорошъ гусь!

— Нечего гусь! Каковъ ни гусь, а все-жъ таки и я человѣкъ... всю-то жизнь какъ рабъ за

ними, какъ цѣпная собака стерегу, а что въ томъ проку? Какая мнѣ отъ нихъ благодарность? дѣло начну толковать, а они только ругаются: «ничего, мошь, ты не понимаешь, дуракъ, едеотъ!» Обидѣть-то легко, едеотомъ-то, а ужъ чего тутъ не понимать... кто другой, можетъ, а я ихъ понимаю вотъ какъ! наскрость вижу. Да и кого угодно со стороны спросить,-- всякъ скажетъ, что при такой жизни до добра не дойти: либо смерть моментальная приключится, либо желтый домъ. Такъ-то-сь.

-- Однако, постой, Платонъ Пирожковъ,-- перебилъ его Вово: -- говори ты толкомъ.

-- Толкомъ и я хочу, ваше сіятельство,-- вздыхая, протянулъ дятель:-- какъ увидѣлъ васъ, такъ и осѣнило. Все выложу какъ на духу, образумьте вы барина, не то я ни часу, вотъ какъ Богъ святъ, не останусь. Вы баринъ ласковый, настоящій, съ измальства я на васъ, ровно какъ на родного нашего... чай, помните, пажикомъ-сь еще хаживали, при барынь Софьѣ Михайловнѣ, а потомъ при бабушкѣ... Можетъ, во всемъ Питерѣ у насъ такого... дружбою и пріятельствомъ любящего,

такъ сказать, друга не найдется...

-- Такъ что-жъ ты тянешь?

-- Я не тяну-сь, а нельзя-жъ безъ объясненія... кабы вы все видѣли, такъ сами бы то же сказали... Одно слово: сотворите вы божескую милость, ваше сіятельство, уговорите ихъ, помирите съ барыней, съ Лидіей Андреевной...

-- Съ Лидіей Ангреевной?! Ты никакъ и впрямь рехнулся...

-- Не рехнулся я... знаю, что трудно, да коли другого ничего не остается,-- какъ тутъ быть? А вотъ зачѣмъ мы сюда пріѣхали,-- спросите!

-- Ну?

Платонъ сдѣлалъ испуганное лицо, таинственно наклонился къ Вово и, чуть задѣвъ его по щекѣ носомъ, шепнулъ:

-- По Сонечкѣ стосковались.

Вово кивнулъ головой. Слова дятла были для него только новымъ подтвержденіемъ.

-- Ну, а Сонечку-то намъ не дадутъ,-- продолжалъ Платонъ уже громче:-- объ этомъ и думать нечего. Это разъ. А другое,-- все ровно такъ жить невозможно, дѣла-то, ваше сіятельство, не прежнія.

-- И это знаю, что не прежнія.

-- Нѣтъ, видно мало знаете, можетъ, я одинъ только и знаю, каковы у васъ дѣла-то. Еще когда все въ раззоръ пошло! какъ померла барыня Софія Михайловна, за дѣлежку эту промежь себя съ братцами и сестрицами сдѣлали. А потомъ годъ отъ году хуже и хуже. Лидія-то Андреевна рвали и металы, чуяли, что не къ добру идетъ. «Служи да служи!» -- ничего только изъ этого не вышло. А потомъ пріятель, господинъ Медынцевъ, подвернулся,-- тутъ все прахомъ и пошло.

-- А Снѣжково-то?

Платонъ безнадежно махнулъ рукой.

-- Снѣжково въ рукахъ и теперь золотое дно, да руки-то у насъ гдѣ? Снѣжково-то, помяните мое слово, черезъ годъ съ «аукціону» пойдетъ,-- и званія отъ него не останется. Какъ вышла эта послѣдняя, значитъ, ссора, какъ рѣшили они барыню, Лидію Андреевну, значитъ, оставить,-- такъ что сдѣлали? откуда денегъ добыли? Снѣжково заложили. Два года ио заграницамъ мы, прости Господи, слонялись, а деньги водой текли. Потомъ, какъ ужъ не осталось ничего, въ Снѣжково переѣхали.

Зажили. Хозяйство и все такое. Только вижу я, по глазамъ вижу, не будетъ въ томъ проку. Такъ, по моему, и вышло. Прохозяйничали годъ -- и доходовъ ровно на половину убавилось. Прохозяйничали другой,-- одна четверть осталась. А Лидіи Андреевнѣ деньги въ сроки подай и подай. Все, что было,-- то и высылали. Вѣрите ли, ваше сіятельство, эти полгода почитай безъ копѣйки въ карманѣ прожили. Иной разъ по недѣлямъ изъ комнаты не выходили, пѣть, играть забыли, отъ пищи отбиваться стали. Того и ждалъ,-- руки на себя наложить...

-- Да ты бы, дуракъ, ко мнѣ написалъ, и я бы къ нему пріѣхалъ!

-- Эхъ, ваше сіятельство!-- убѣжденнымъ тономъ отвѣчалъ Платонъ.-- И не пріѣхали бы, гдѣ ужъ вамъ отсюда въ нашу глушь vybrаться. Собираться, это точно, стали-бы, а пріѣхать-то и не удалось бы... Да я не къ тому, я и жительство-то вашего не зналъ... А вдругъ приказъ: «укладывайтесь!» Ковры это, картины, вещи, книги, мебель любимую -- въ ящики, и въ три дня -- сюда! Остановились въ Европейской, номеръ пятнадцать рублей въ сут-

ки... Я скорѣе по квартирамъ... Богъ помогъ, вотъ эту сразу найти удалось. Перевезъ ихъ... вотъ видите, а что будетъ дальше, чѣмъ жить будемъ -- этого я знать не могу...

Вово сморщилъ лобъ и сдѣлалъ печальную мину, отъ чего сразу подурнѣлъ и постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ, сталъ на себя непохожимъ.

-- Ну, ужъ вотъ этого я не ожидалъ никакъ!-- проговорилъ онъ тоже не своимъ голосомъ.-- Что-жъ онъ, Сонечку видѣлъ?

-- Никакъ нѣтъ-съ... они, вѣдь, туда, четыре года тому рѣшили, ни въ жизнь ни ногой. Съ запиской я бѣгалъ, просили прислать барышню, да Лидія Андреевна не пускаютъ, записку прочли, вышли ко мнѣ. Я было къ ручкѣ, а онъ отъ меня, какъ отъ гадины, голову закинули и такъ гордо: скажи, молъ, своему барину, что онъ напрасно писать безпокоится. Я не стерпѣлъ... про барышню... о здоровья испрашиваю... думалъ, не выбѣжить-съ ли... вѣдь, на рукахъ носилъ Сонечку, а она меня за усы таскала, любила меня, «платочкомъ» все называла... Да куда тебѣ! повернулись Лидія Андреевна и дверь за собой затворили.

Постояль я, постояль въ прихожей, все барышню поджидалъ, да такъ ни съ чѣмъ и отъѣхалъ. А вы-то, ваше сіятельство, нешто у Лидіи Андреевны не бываете?

-- Не бываю; но изрѣдка встрѣчаю...

-- И барышню вы видѣли?

-- Недавно видѣлъ... показали мнѣ ее, а то не узналъ бы, вытянулась, вотъ какая большая!

Платонъ опустилъ носъ и высчитывалъ.

-- Какъ же не большая, вѣдь, черезъ три мѣсяца двѣнадцать годковъ будетъ,-- сказалъ онъ.

-- И прехорошенькая, въ отца, или вотъ въ бабушку Софью Михайловну,-- кивнулъ Вово на большой фотографическій портретъ, висѣвшій надъ кроватью.

-- Какъ же теперь быть?-- растерянно прибавилъ онъ.

-- Да ужъ сдѣлайте божескую милость, помирите вы насъ съ Лидіей Андреевной -- одно осталось.

Вово раздражительно повелъ плечами.

-- Ты опять съ этимъ вздоромъ! Неужели ты понять не можешь, что этого никакъ нель-

зя?..

-- А коли окромя этого неминуемая гибель?..

Они не слышали, какъ проснулся Аникѣевъ, какъ онъ прошелъ по мягкому ковру, и замѣтили его ужъ, когда онъ нѣсколько мгновений стоялъ у двери.

Платонъ, какъ ужаленный, заметался и юркнулъ въ дверцу въ глубинѣ спальни. Вово тоже совсѣмъ сконфузился, густо покраснѣлъ и не могъ взглянуть на пріятеля,

Аникѣовъ потянулся, зѣвнулъ.

-- Прости, голубчикъ,-- сказалъ онъ:-- видно, я слишкомъ много выпилъ старыхъ винъ у Натальи Порфирьевны... не знаю, такъ это вдругъ заснулъ... Охъ, какъ ужъ поздно!-- прибавилъ онъ, взглянувъ на часы.

-- Да, пора мнѣ!-- встрепенулся Вово.-- Ну, прощай, Миша, Христось съ тобою!

Онъ звонко поцѣловалъ Аникѣева и совсѣмъ по-старушечьи, три раза, быстро-быстро перекрестилъ его.

-- А quand?-- спрашивалъ онъ, выходя въ первую комнату и ища свой «клякъ» и шапку.

-- Если ужъ этотъ дурень развивалъ передъ тобой свои планы и на меня жаловался,

такъ поговоримъ, я только съ тобой и могу говорить обо всемъ этомъ... Но теперь нельзя же,-- и поздно, и силъ нѣтъ; прїѣзжай завтра вечеромъ, часовъ въ одиннадцать... можешь?

-- Конечно, могу.

Платонъ Пирожковъ, свѣтя князю на лѣстницѣ, шепнулъ:

-- Слышали они... всегда спятъ такъ, что пушками не разбудишь, а нынче вонъ грѣхъ какой... Да ужъ все одно... я уйду, безпремѣнно уйду... силъ моихъ нѣту...

Вово обернулся и молча показалъ ему кулакъ.

ХІІ.

На слѣдующій день, ровно въ половинѣ двѣнадцатаго, лакей разбудилъ князя Во-во. Онъ, глядя на часы, десять минутъ зѣвалъ, потягивался и разминался подъ своимъ алымъ атласнымъ стеганнымъ одѣяломъ, а затѣмъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и спрыгнулъ съ кровати.

Просунувъ ноги въ мягкія туфли и накинувъ мохнатый купальный халатъ, онъ, какъ сумашедшій, кинулся въ сосѣднюю со спаль-ной ванную. Здѣсь лакей уже ожидалъ его и подхватилъ на ходу сброшенный халатъ. Во-во съ крикомъ, визгомъ и фырканиемъ оку-нулся въ холодную, душистую ванну, поплескался въ ней съ минутой -- и выскочилъ продолжая визжать и отфыркиваться.

Лакей накинулъ на него халатъ и принялся, съ почтительнымъ и серьезнымъ выраженіемъ, растирать его до-красна.

Затѣмъ послѣдовалъ, въ строгой постепенности, обрядъ умыванья, чистки зубовъ, лощенія ногтей и всякаго прихорашиванья.

Къ половинѣ перваго Во-во, въ визитномъ

одѣяніи, свѣжій, сіяющій, сидѣлъ въ небольшой своей столовой за завтракомъ. Онъ пробѣжалъ политическія новости въ газетѣ, просмотрѣлъ уже болѣе внимательно, перемѣщенія по службѣ и назначенія, заглянулъ въ объявленія о смертяхъ и панихидахъ -- и отбросилъ газету.

Окончивъ завтракъ, онъ перешелъ въ свой кабинетъ. Кабинетнаго и вообще мужского въ этой комнатѣ оказывалось весьма мало. Это былъ настоящій будуаръ легкомысленной, избалованной женщины. Причудливая низенькая и мягкая мебель. Всюду припиленные и набросанные куски старинныхъ пестрыхъ матерій и парчи. Пушистые ковры, тигровыя шкуры, душистые цвѣты въ корзинкахъ, фарфоровыя куколки, мелкія вещицы, альбомы, фотографіи пріятелей и пріятельницъ.

Вово подсѣлъ къ маленькому дамскому письменному столу, просмотрѣлъ кучу приглашеній и записочекъ, а потомъ развернулъ свой бюваръ. На болѣе чѣмъ полдюжинѣ крохотныхъ бумажекъ съ художественно сдѣланнымъ гербомъ Вово набросалъ кал-

лиграфическимъ почеркомъ по нѣскольку привычныхъ французскихъ фразъ, заклеилъ въ конвертикъ съ такимъ же гербомъ и подавилъ пуговку звонка.

-- Вотъ, отошли,-- сказалъ онъ вошедшему лакею:-- да закладывать скорѣе и никого не принимать, скажи швейцару, а какъ Петръ подастъ карету, сейчасъ же доложи мнѣ.

Сдѣлавъ эти распоряженія, Вово быстро замелькалъ по своимъ коврамъ и тигровымъ шкурамъ, находясь, очевидно, въ необычномъ нервномъ настроеніи. Ему, дѣйствительно, приходилось рѣшать задачу, а это никакъ ужъ не входило въ его всегдашнее утреннее препровожденіе времени.

Вово нерѣдко брался исполнить чьи-нибудь порученія, даже иной разъ и довольно деликатнаго свойства, требовавшія отъ него осмотрительности и такта. Онъ всѣмъ былъ радъ услужить. Но при этомъ онъ относился къ дѣлу всегда очень спокойно и равнодушно, чужіе интересы и затрудненія не волновали его, не нарушали его внутренняго равновѣсія.

Теперь же онъ волновался,-- этотъ «Миша» не выходилъ у него изъ головы и не давалъ

ему покою. Вчера, возвращаясь отъ него и даже лежа въ постели, онъ думалъ о словахъ Платона Пирожкова.

Сегодня проснулся, и опять, сразу, тѣ же мысли.

Кончилось тѣмъ, что онъ рѣшилъ побывать у Лидіи Андреевы.

Это было не особенно для него пріятно, Лидія Андреевна, со времени своего разрыва съ мужемъ и внезапнаго его отъѣзда изъ Петербурга, сдѣлала все, что можетъ только сдѣлать женщина, для того, чтобы удержать при себѣ всѣхъ его друзей и знакомыхъ. Относительно большинства, и большинства подавляющаго, ей удалось это. Но все же оказалось нѣсколько человекъ, незамѣтно прекратившихъ посѣщать ее. Въ ихъ числѣ, и даже раньше другихъ, былъ князь Вово.

Съ тѣхъ поръ, изрѣдка встрѣчая Лидію Андреевну, онъ ясно видѣлъ, что она не только вычеркнула его изъ своего списка,-- а прежде онъ пользовался всѣми знаками большого ея расположенія,-- но прямо занесла его въ новый списокъ -- своихъ личныхъ враговъ. Онъ зналъ, что многіе изъ «ея друзей», поддержи-

вающихъ съ нею постоянныя сношенія, не стѣсняются осуждать ее и подсмѣиваться надъ нею. Онъ же никогда и никому не говорилъ о ней ничего дурного.

Вся эта семейная драма оставалась ему непонятною, и онъ склоненъ былъ считать въ ней виноватымъ, главнымъ образомъ, Аникѣва. Но дѣло въ томъ, что онъ безсознательно любилъ «артиста», влекся къ нему, а Лидія Андреевна никогда не казалась ему привлекательной.

Пока закладывали лошадей, Вово нѣсколько разъ измѣнялъ свое рѣшеніе... Ъхать сегодня и сейчасъ, чтобы застать навѣрно, ъхать до вечерняго свиданія съ Аникѣвымъ. Можетъ быть, что-нибудь и выяснится. Потомъ являлась мысль: нѣтъ, лучше подождать; послушать что онъговорить будетъ... Однако, вѣдь, «дятель» сказалъ достаточно, и все ясно...

Ъхать ужасно не хотѣлось.

Все-таки, садясь въ карету, Вово объяснилъ кучеру адресъ Лидіи Андреевны и даже прибавилъ: «пошелъ скорѣе».

Карета остановилась у большого, новаго

дома на Фурштатской. Швейцаръ весьма предупредительно распахнулъ двери и на вопросъ Вово отвѣтилъ, что госпожа Аникѣева дома. По широкой отлогой лѣстницѣ, на каждой площадкѣ которой оказывалось четыре двери, Вово поднялся въ третій этажъ и прямо передъ собою увидѣлъ ярко-вычищенную мѣдную дощечку Лидіи Андреевны.

Онъ позвонилъ. Ему тотчасъ же отперла франтоватая горничная, впустила его, повѣсила его шубу въ темной передней, пригласила войти и пошла докладывать.

Вово оказался среди просторной гостиной, гдѣ все находилось на своемъ мѣстѣ, какъ всегда бываетъ въ «приличныхъ» домахъ среднего круга. Вово узналъ не мало знакомыхъ прежнихъ вещей. Вотъ и Мишинъ рояль. Но Мишинаго духа, его вкусовъ и слѣда не осталось въ этой комнатѣ... Она полна Лидіей Андреевной, она представляетъ полную противоположность тому жилищу, гдѣ вчера ночью витали призраки и слышались ихъ печальные вздохи. Здѣсь нѣтъ, да чувствуется, что и не можетъ быть никакихъ призраковъ.

XIII.

Въ сосѣдней комнатѣ легкое покашливанье, шорохъ,— спущенная портьера раздвинулась и пропустила высокую, темноволосую, массивную фигуру Лидіи Андреевны. Совсѣмъ еще молодое,— ей было не больше тридцати лѣтъ,— лицо ея съ крупными очертаніями и большими сѣрыми глазами многими признавались очень красивымъ. Въ немъ, однако, недоставало главнаго: изящества и выраженія. Глаза ея ровно ничего не говорили. Вся она казалась какою-то тусклою, несмотря на блескъ волосъ и здоровой румянецъ, почти никогда не сходявшій съ ея крѣпкихъ, круглыхъ щекъ.

Лидія Андреевна оказалась въ темномъ, но весьма нарядномъ платьѣ, которому, впрочемъ, тоже недоставало изящества.

На губахъ ея мелькнула не то улыбка, не то усмѣшка, когда она, немного прищурясь, взглянула на Вово и протянула ему руку.

Онъ почтительно поцѣловалъ эту бѣлую, крупную руку и попробовалъ было сдѣлать ту самую милую и невинную фізіономію, за ко-

тору ю ему обыкновенно прощалося очень многое.

На этотъ разъ, однако, «фізіономія» не подѣйствовала.

— Князь, какими судьбами? Чему я обязана удовольствію васъ у себя видѣть?— медленно произнесла Лидія Андреевна, присаживаясь на диванчикъ и указывая ему на кресло передъ собою.

«Parbleu! le commencement ne promet pas grand'chose!» подумалъ онъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, Лидія Андреевна...

— Я очень хорошо знаю, что безъ дѣла вы бы не пріѣхали, знаю, вѣроятно, и больше того... Вы, конечно, по порученію Михаила Александровича.

— Даю вамъ слово, что безъ всякаго порученія и что онъ бы изумился, если-бъ узналъ, что я у васъ. Пожалуйста, вѣрьте мнѣ, я скажу вамъ все... если-бъ я пріѣхалъ отъ него или съ его вѣдома, то не сталъ скрывать отъ васъ... *souyez-moi, je vous prie!*

— Но, вѣдь, вы его видѣли, конечно... я знаю, что онъ въ Петербургъ уже нѣсколько дней.

-- Да, вчера я съ нимъ встрѣтился на вечерѣ у madame Вилимской и потомъ къ нему заѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ...

-- Вчера... у madame Вилимской?-- съ удивленіемъ, помимо своей воли, переспросила Лидія Андреевна и сильно покраснѣла

Отъ Вово не скрылись ни ея удивленіе, ни краска, ни выраженіе явнаго неудовольствія, мелькнувшее на лицѣ ея.

«Проговорился!» -- подумалъ онъ и продолжалъ:

-- Миша прямо мнѣ ничего не сказалъ; но изъ двухъ-трехъ его намековъ я не могъ не понять, что онъ и пріѣхалъ-то сюда главное затѣмъ, чтобы видѣть Союю... Voyons, Лидія Андреевна, не дѣлайте сердитаго лица, будемъ говорить откровенно.

Она неласково усмѣхнулась и пожала плечами.

-- Говорить съ вами, князь, если-бы вы обратились ко мнѣ по порученію Михаила Александровича... это я еще понимаю...

-- Ну, хорошо конечно... вы правы... Только, вѣдь, вы знаете мои отношенія съ Мишей... Et quis... enfin... я могу обратиться къ нему по ва-

шему порученію... Затѣмъ я и пріѣхаль...

Она опять усмѣхнулась, потомъ сдвинула брови, очевидно соображая.

— Я охотно просила бы васъ передать ему что-нибудь,— медленно сказала она:— но въ томъ-то и дѣло, что мнѣ передавать ему совсѣмъ нечего... Наши взаимныя отношенія и дѣла окончательно выяснились уже больше четырехъ лѣтъ тому назадъ... и никакихъ вопросовъ, какъ есть ничего, съ моей стороны, по крайней мѣрѣ, теперь, быть не можетъ... Я все пережила, какъ смогла, но теперь... теперь это для меня далекое прошлое.

— Вопросъ только въ Сонѣ,— проговорилъ Вова:— отецъ хочетъ видѣть своего ребенка и, я надѣюсь, вы не будете настолько жестоки, чтобы желать лишить его этого права.

— Ah! ne parlons pas de cruauté!— воскликнула, оживляясь, Лидія Андреевна.— Съ моей стороны никогда не было и не будетъ никакой жестокости. Какъ ни тяжело мнѣ это, какъ ни вредно это, наконецъ, для моей дочери, я не въ силахъ отказать ему увидѣться съ нею здѣсь, въ моемъ домѣ... Но, вѣдь, онъ, по своему всегдашнему упрямству, по своему

деспотическому характеру, чтобы только поставить на своемъ, требуетъ ее къ себѣ. Этого никогда не будетъ! Слышите, князь,-- никогда!

Лицо ея вдругъ исказилось, стало злымъ и совсѣмъ некрасивымъ. Она поднялась съ мѣста и трагически произнесла:

-- Только черезъ мой трупъ Соня переступитъ порогъ его дома! Я переносила все, я всегда поддавалась, не имѣла своей воли... но всему есть предѣлъ, и въ этомъ вопросѣ ни ему, да и никому со мной не справиться. Онъ зналъ, на что идетъ, онъ самъ отказался отъ дочери. А у меня только она одна и осталась. Я, кажется, его ни въ чемъ не стѣсняла и не стѣсняю, я ничего ни прошу и мнѣ ничего не надо... Если бъ онъ оставилъ меня безъ всякихъ средствъ, совсѣмъ нищей -- я и тогда бы не сказала ни слова, я стала бы работать, чтобы кормить мою дѣвочку. У меня все, какъ есть все отнято, и я молчу; но единственного моего сокровища, моего ребенка, я не отдамъ! Передайте же ему это!

Вово глядѣлъ на нее во всѣ глаза и уже почти былъ готовъ восхищаться ею. Онъ нико-

гда не видалъ ея такою, въ такомъ экстазѣ. Жалко Мишу: но, вѣдь, и она права, она мать... и вотъ ей ничего не надо, она готова работать, чтобы кормить своего ребенка.

Однако, онъ все же началъ соображать кое-что и вспоминать. Его всегдашняя невольная антипатія къ этой женщинѣ прорвалась сквозь восхищенія ея горячей рѣчью.

-- Хорошо,-- со вздохомъ сказалъ онъ:-- je vais lui dire tout... съ вашей стороны вы, конечно, правы. Сочувствуя Мишѣ, я все же не могу не сочувствовать и вамъ, особенно какъ подумаю о будущемъ... Счастье еще, что вы такъ мужественны!..

Лидія Андреевна насторожилась.

-- О чемъ вы говорите?-- тревожно спросила она.

-- Вы, конечно, ужъ знаете, каковы теперь денежныя дѣла Миши?

-- Ничего я не знаю,-- вся замирая, прошептала Лидія Андреевна.

-- Онъ разоренъ въ конецъ, благодаря этому негодяю Медынцеву. Снѣжково почти не приноситъ дохода, какой же Миша хозяинъ! Въ банкъ платитъ нечего, того и гляди съ

аукціона продать придется...

Лидія Андреевна забыла все.

-- Господи, что же это! Только этого и недоставало!-- всплеснула она руками и вдруг заплакала горько, неудержимо.

Вово поднялся. Но она внѣ себя, всхлипывая, его удерживала.

-- Князь... постойте... мнѣ надо поговорить съ вами... пожалуйста, устройте наше свиданіе... вѣдь, онъ въ дѣлахъ какъ малый ребенокъ... я должна помочь ему... мнѣ необходимо его видѣть...

-- Ну, вотъ мы и договорились,-- скромно сказалъ Вово:-- только знайте одно, сѣге Лидія Андреевна, никто не помышляетъ отнимать у васъ единственное, что вамъ дорого,-- вашу Соню... но Миша непременно долженъ ее видѣть... отъ этого зависитъ очень многое...

-- Боже мой... да развѣ я противъ?!. Вы очень, очень ко мнѣ несправедливы... Привезите его ко мнѣ, уговорите его... это будетъ съ вашей стороны истинная дружеская услуга...

XIV.

Садясь въ карету, Вово увидѣлъ сподѣзжавшія извозчичьи сани, а въ саняхъ толстую даму неопредѣленныхъ лѣтъ, съ крупнымъ мясистымъ лицомъ, круглыми сѣрыми глазами на выкатъ, со вздернутымъ и въ то же время какъ-то странно загнутымъ носикомъ,

«Вдовица Бубеньева... совушка!» -- мелькнуло у него въ головѣ, и онъ приподнялъ свою маленькую «котиковую» шапочку.

Но дама, по своей крайней близорукости, не замѣтила ни его самого, ни его поклона. А онъ, несмотря на свою всегдашнюю любезность и услужливость, не нашель нужнымъ подойти къ ней. Онъ скорѣе захлопнулъ за собою каретную дверцу, спустилъ переднее стекло, крикнулъ кучеру, куда его везти, и помчался.

«Бѣдный Миша!-- не то съ гримасой, не то съ усмѣшкой подумалъ онъ.-- Вѣдь, теперь и косточекъ отъ него не оставятъ вдовица Бубеньева съ Лидіей Андреевной, on va le massacrer... en effigie»...

Между тѣмъ толстая дама, до смѣшного оправдывавшая одно изъ своихъ прозвищъ: «совушка-вдовушка», съ помощью швейцара выльзла изъ саней и стала подниматься по лѣстницѣ.

Время отъ времени она комично подпрыгивала, глядя передъ собою во всѣ свои круглые совиные глаза, и все-таки наткнулась на кресло, поставленное на одномъ изъ поворотовъ лѣстницы. Она испуганно прищурилась, сразу не отдавая себѣ отчета, на что это такое наткнулась, на неодушевленный предметъ, или живого человѣка. Затѣмъ она грузно упала въ кресло и крикнула:

— Швейцаръ, гдѣ ты тамъ!? Да позвони же къ Лидіи Андреевнѣ, чтобы дверь мнѣ отворили поскорѣе!

Швейцаръ внизу разслышалъ ея пронзительный голосъ, подошелъ къ проведеннымъ изъ квартиръ, помѣщавшимся у вѣшалки электрическимъ звонкамъ и позвонилъ.

Черезъ минуту дверь наверху отворилась.

Тогда толстая дама закричала:

— Катя, это вы?

Франтоватая горничная Лидіи Андреевны,

узнавъ ея голосъ, спустилась къ ней по лѣстницѣ.

-- Снимите съ меня, милая, шубку!-- отдуваясь и вздыхая, калобно заговорила дама.-- По четвертой лѣстницѣ нынче поднимаюсь, замучилась совсѣмъ... мое больное сердце...

Горничная, не безъ труда, боясь какъ бы гдѣ не лопнуло, стянула съ нея шубку и стала помогать ей взбираться.

Лидія Андреевна встрѣтила madame Бубеньеву въ гостиной и звонко расцѣловалась съ нею:

-- Ахъ, chère amie, прикажите стаканъ сахарной воды!-- съ глубокимъ вздохомъ выговорила «совушка», протягиваясь на низенькой кушеткѣ.-- Сердце у меня... сердце!.. Едва забралась къ вамъ, думала умру на лѣстницѣ... Всю-то жизнь, всѣ неприятности въ одно мѣсто... прямо вотъ сюда, въ сердце! Ну, и нельзя вынести... Je finirai mal, je le sens...

-- Mais vous, chère, qu'avez vous donc? Что съ вами!-- воскликнула она, вдругъ оживляясь, прищуривая глаза и замѣчая слѣды волненія и слезъ на лицѣ своей пріятельницы.

Лидія Андреевна печально махнула рукой.

-- Ахъ, дорогая Варвара Егоровна!-- съ глубокимъ вздохомъ произнесла она.

Варвара Егоровна забыла свое сердце, спустила ноги съ кушетки и захватила пухлыми руками руку Лидіи Андреевны.

-- П у а du nouveau?! Что такое, что?! Какъ хорошо, что я собралась къ вамъ, у меня это просто предчувствіе вѣрно было, съ утра я о васъ думала и сердце за васъ щемило... Разскажите все, отведите душу... Вы знаете, какъ я люблю васъ, какъ высоко цѣню всѣ ваши душевныя качества и героизмъ въ несчастіяхъ. Вы знаете, что я все это время, всѣ эти годы, вашъ самый горячій адвокатъ!

-- Знаю, милая Варвара Егоровна!-- съ новымъ вздохомъ сказала Лидія Андреевна, цѣлуя пріятельницу въ толстую, дряблую и пылавшую щеку.-- Вы не встрѣтили на лѣстницѣ князя Вово?

-- Князя Вово?-- протянула Бубеньева.-- Нѣтъ! Правда, мнѣ показалось, когда я подъѣзжала, какъ будто карета стояла и кто-то въ нее садился. Вы знаете, я такъ удивительно близорука... Могъ бы, кажется, подойти, не со вчерашняго дня знакомы!.. Такъ онъ

быль у васъ? Посланцемъ, конечно?

Лидія Андреевна заперла дверь въ переднюю, печально подсъла къ пріятельницѣ, еще глубже вздохнула. Во всей ея фигурѣ, грустно упавшихъ на колѣни рукахъ, въ глазахъ, безнадежно устремленныхъ куда-то прямо передъ собою, въ опущенныхъ и жалобно подергивающихся углахъ губъ,— выражалась кроткая покорность судьбѣ.

Тихимъ и зачѣмъ-то таинственнымъ шопотомъ рассказала она во всѣхъ подробностяхъ свою бесѣду съ хорошенькимъ княземъ. Она ничего не перепутала и даже не прибавила. Но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе нѣсколькихъ штриховъ и оттѣнковъ, бесѣда эта въ ея устахъ приняла совсѣмъ новый характеръ. Изъ-за нея вдругъ выглянулъ ужасный человѣкъ, злодѣй и мучитель.

И этотъ ужасный человѣкъ, злодѣй и мучитель былъ, конечно, Аникѣевъ. Выходило достаточно ясно, что онъ и разорился-то съ единственною цѣлью истерзать сердце Лидіи Андреевны.

Именно такъ отнеслась къ этой печальной новости Варвара Егоровна.

-- C'est abominable!-- взвизгнула она и всплеснула руками.-- За что вамъ такое испытаніе, бѣдная моя? Вѣдь, это непрости-тельно, ужасно! Только этого недоставало!

-- Только этого и недоставало!-- трагиче-скимъ голосомъ повторила за нею Лидія Ан-дреевна свою любимую фразу, и неудержи-мая слезы, какъ въ ту минуту, когда Вово со-общилъ ей горькую новость, брызнули изъ глазъ ея.

Однако, она ихъ удержала и заговорила, прижимая къ глазамъ платокъ.

-- Но, вѣдь, вы понимаете, нельзя же допу-стить это... нельзя! Мнѣ ничего не надо, я дав-но уже отказалась отъ всего... Не во мнѣ тутъ дѣло, а въ Сонѣ! За что же онъ ее нищей дѣлаетъ?!

-- Да! Ужъ его отношеніе къ дочери!-- вос-кликнула Варвара Егоровна,-- *Сa n'a pas de pot...* и онъ очень ошибается, думая, что все можно. Нашъ свѣтъ прощаетъ многое, смот-ритъ сквозь пальцы на всякій развратъ, но такое отношеніе къ своему ни въ чемъ непо-винному ребенку, нѣтъ, на этомъ онъ обо-рвался! Знаете, когда я кому-нибудь рассказы-

ваю... что бы я ни говорила о немъ -- ничто не производитъ никакого впечатлѣнія; только и всего, что отмалчиваются, пожимаютъ плечами, говорятъ: «Ну да, конечно, это дурно, очень дурно», и въ то же время я чувствую, что это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то, нѣтъ никакого возмущенія, слова и больше ничего! А вотъ какъ я скажу о Сонѣ, сразу всѣ приходятъ въ ужасъ и васъ жалѣть начинаютъ. Ваша сила въ Сонѣ, я вамъ давно это говорю...

-- Да, вѣдь, я же и не спорю!-- сказала Лидія Андреевна.-- Боже мой, Боже мой, что вынесла я въ жизни ради этой дѣвочки! Никто въ мірѣ не знаетъ, каково мнѣ было. Я скрывала отъ всѣхъ... вѣдь, вы сами считали насъ счастливыми, примѣрными супругами и, помните, какъ удивились тогда... вѣрить не хотѣли...

-- Еще бы!-- крикнула Варвара Егоровна.-- Какъ съ небесъ упало; онъ мнѣ казался всегда такимъ хорошимъ, гуманнымъ человѣкомъ и, главное, человѣкомъ съ сердцемъ. Я всѣмъ такъ и говорила про него: вотъ семьянинъ, вотъ идеальный человѣкъ!.. Эти годы вашего молчаливаго страданія, я всегда всѣмъ на нихъ указываю... Потомъ, какъ ужъ это случи-

лось, я, конечно, многое припоминать стала и поняла. О, онъ хитрый человекъ, онъ умѣль отводить глаза!

— Конечно, умѣль!-- усмѣхнулась Лидія Андреевна, и по лицу ея пробѣжала злая гримаса.-- Я, разумѣется, молчу и теперь передъ всѣми. Я не изъ тѣхъ, которыя любятъ выставлять на показъ все некрасивое, всю грязь... Наконецъ, я все же ношу его имя; но иной разъ таить въ себѣ все тяжелое...

Она ударила себя въ грудь рукой и приготовилась плакать...

Варвара Егоровна кинулась къ ней, обняла ее, начала громко цѣловать.

— Успокойтесь, голубушка, не разстраивайте себя, знаю я, какъ тяжело все таить, но себѣ знаю... Я, вѣдь, тоже таю не мало, моя жизнь не легче вашей, можетъ быть, еще ужаснѣе. Но, вѣдь, мнѣ-то, мнѣ вы можете говорить все, вы знаете, какъ я люблю васъ... Довѣренное мнѣ не пропадетъ, все равно какъ положенное въ государственный банкъ на храненіе...

Ей показалось, что она состригла, и она сама себѣ улыбнулась.

«Вотъ дура!» пронеслось въ мысляхъ Лидіи

Андреевны.

Но это было совсѣмъ, совсѣмъ невольнo, и тотчасъ же забылось.

Она глядѣла на круглое совиное лицо вдовушки, на ея влажные, быстро мигавшіе глаза съ дружескимъ довѣріемъ.

Она заговорила:

— Отъ васъ не таюсь. Правда, иной разъ силъ нѣтъ молчать... Что меня убиваетъ, такъ это фальшь. Вѣдь, онъ самый фальшивый человѣкъ, какого можно себѣ представить! Подумайте только... Я на него молилась, я ему вѣрила, какъ Богу, я считала его просто святымъ какимъ-то, готова была за нимъ въ огонь и воду... И все это только маска, всѣ его громкія фразы, вся его поэзія... Это человѣкъ безъ нравственныхъ убѣжденій, лѣнтяй и деспотъ. Къ тому же, повѣрите ли, иной разъ я поневолѣ начинала думать, что онъ... что у него въ головѣ не совсѣмъ въ порядкѣ...

— Я это давно уже говорю, всѣмъ говорю!— перебивая ее, воскликнула Варвара Егоровна.

Лидія Андреевна подняла глаза, и взгляды ея случайно упалъ на довольно большой портретъ Аникѣева, не безъ цѣли выставлен-

ный въ этой гостиной. На нее, какъ живое, глянуло тонкое лицо артиста съ этой характерной прядью волосъ, непослушно падавшій на широкій лобъ. Свѣтлые глаза, своимъ загадочнымъ и строгимъ выраженіемъ, будто спрашивали ее: «Такъ я сумасшедшій?»

И она потупилась. Но тутъ же ее вдругъ охватила вся злоба, все негодованіе, вся жажда мести, которыя давно, давно ее душили.

-- Если онъ сумасшедшій, для него же лучше,-- сказала она:-- тогда ему есть хоть оправданіе. Нѣтъ, онъ не сумасшедшій, онъ просто-на-просто избалованный эгоистъ безо всякаго чувства! Онъ никогда, никогда не любилъ меня и не цѣнилъ. Ну, скажите, вы меня знаете, развѣ ужъ я въ самомъ дѣлѣ такая дурная женщина? Развѣ я была ему плохою женой?!

-- Ахъ, что вы говорите!-- крикнула madame Бубеньева, опять принимаясь цѣловать ее.-- Ужъ относительно него вы чисты, какъ кристалль! Онъ былъ за вами какъ за каменной стѣною. Вы говорите «избалованный», да вы же первая его избаловали.

-- Нѣтъ, не я,-- съ убѣжденіемъ отвѣтила

Лидія Андреевна.— Онъ попалъ мнѣ въ руки совсѣмъ испорченнымъ. Да и потомъ.. Вѣдь, я была такъ молода, почти ребенокъ, развѣ я что-нибудь понимала! А когда понимать стала -- было уже поздно. Самое ужасное это то, что онъ никогда и ни въ чемъ меня не слушался. Онъ считалъ меня глупой и даже не скрывалъ этого. Умень былъ только онъ одинъ...

-- Нечего сказать, очень!-- язвительно перебила Варвара Егоровна.-- Если бъ умень былъ, такъ теперь все было бы совсѣмъ иначе.

-- Именно, что все было бы совсѣмъ иначе,-- согласилась съ нею Лидія Андреевна:-- я все, все заранѣе предчувствовала, и Богъ видитъ, что сдѣлала все для того, чтобъ отвратить гибель. Когда, послѣ кончины тата и раздѣла, дѣла стали запутываться, все можно было еще спасти, все было въ рукахъ. Ему необходимо было начать службу. Я умоляла, я приставала до того, что онъ, наконецъ, согласился. Былъ причисленъ... Вы знаете ли, я дѣйствовала очень осторожно и почти все уже совсѣмъ устроила. Было обѣцано прекрасное назначеніе. И чѣмъ же все кончи-

лось! Я со всѣми моими хлопотами въ дурахъ только осталась. Онъ, видите, не сошелся во взглядахъ, онъ, видите ли, не можетъ говорить то, чего не думаетъ, не можетъ дѣлать того, что считаетъ бесполезнымъ или вреднымъ. Онъ не можетъ торчать въ переднихъ, лебезить и подлизываться -- это его выраженія... Одинъ умнѣйшій человѣкъ, да и вы его знаете,-- Николай Ѳедоровичъ,-- просто рвалъ и металъ тогда, себя ему въ примѣръ ставилъ, былъ такъ добръ, что училъ его.

-- И что же?

-- А онъ ему вдругъ при мнѣ: развѣ вы тоже достигли своего положенія такимъ путемъ, развѣ вы тоже по переднимъ бѣгали и кланялись? А Николай Ѳедоровичъ, это, вѣдь, добрѣйшій человѣкъ, и онъ къ намъ расположенъ былъ, онъ ему прямо. «да, говоритъ, только и добился этимъ, что же дѣлать». Ну, словомъ, ничего не вышло, кромѣ непріятностей. Кричалъ, кричалъ, мучилъ меня: я, видите ли, заставляю его унижаться, отравляю ему душу, я запрятала его въ темный чуланъ, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни воздуха. Это его любимое сравненіе было. А какой же

чуланъ, куда я могла его запереть, когда никакого вліянiя я на него не имѣла, когда онъ всегда все дѣлалъ по-своему! Мнѣ оставалось только глядѣть на эти чудачества и мучиться. Мошенникъ придетъ въ домъ, на лицѣ написано, что мошенникъ, подольстится къ нему, и онъ сейчасъ же его за святого считаетъ. Тотъ ему въ карманъ лѣзетъ; а онъ ему карманъ и выворачиваетъ. Вѣдь, его, я думаю, всѣ петербургскіе жулики знали, такъ прямо и идутъ, расскажутъ какую-нибудь сказку, онъ имъ и выложитъ свои послѣднія деньги. Мнѣ нужно на хозяйство, на Сою, на самыя первыя необходимости -- нѣтъ денегъ. Да гдѣ же онъ, вѣдь, недавно сколько было?! Тутъ вотъ и приходилось узнавать всякія прелести.

-- Воля ваша, или сумасшедшій, или ужъ отъ своего этого ужаснаго характера, чтобы вамъ досадить и страдать заставить!-- перебила madame Бубеньева. Но Лидія Андреевна, поглощенная воспоминаніями, не обратила вниманія на ея слова и продолжала:

-- Я письма перехватывала, никого до него не допускала, и все-таки не уберегла.

Довѣрился онъ этому каторжнику Медынцеву, отдалъ ему весь капиталъ. Я какъ узнала, въ ужасъ пришла. Только, конечно, сама еще тогда не знала, какой это негодяй Медынецвъ... А онъ меня успокаиваетъ, говоритъ: «вотъ ты меня считаешь ни на что неспособнымъ, непрактичнымъ, такъ я докажу тебѣ обратное. Меньше чѣмъ черезъ годъ нашъ капиталъ удвоится». Ну, вы знаете, черезъ годъ не было ни капитала, ни Медынцева. Кажется, урокъ хорошій на всю жизнь, кажется, послѣ этого можно придти въ себя и начать меня слушаться, а онъ -- какимъ былъ, такимъ и остался.

-- Да, ужасный, ужасный человекъ!..-- повторяла, качая головою, Варвара Егоровна.-- Счастье еще, что у васъ одна Соня.

-- Хоть и одна Соня, а все же, вѣдь, и ей жить надо!-- съ отчаяніемъ въ голосъ воскликнула Лидія Андреевна.

-- Что же вы теперь думаете дѣлать?

-- А ужъ и не знаю. Я въ такомъ чаду, что не могу собраться съ мыслями.

-- Знаете что?!-- внезапно сообразила Варвара Егоровна.-- Времени терять нечего, вѣдь,

теперь все ясно, онъ расточитель, его необходимо взять подъ опеку, только этимъ способомъ можно еще спасти то, что осталось!

Лидія Андреевна задумалась.

Потомъ она схватила свою голову руками и громко заплакала.

-- Я не могу больше!-- кричала она, совсѣмъ уже не владѣя собою.-- Я не хочу нищеты, я его жалѣла, я не жаловалась, выносила все. Но вижу, что моя деликатность съ нимъ насъ только погубить... Я его не буду жалѣть больше... я сорву съ него маску... пусть всѣ видятъ, какой это человѣкъ!.. Ахъ, скажите, пожалуйста, артистъ, талантъ, идеалистъ, художникъ!.. развратный, низкій человѣкъ -- и ничего больше, самый жестокой эгоистъ -- вотъ онъ кто!..

Она остановилась, переводя духъ.

Въ это время за спущенной портьерой, изъ сосѣдняго будуара, раздались громкія всхлипыванія.

Лидія Андреевна стремительно кинулась туда и заглянула за портьеру.

Прелестная худенькая дѣвочка съ длиною тяжелою бѣлокурою косой стояла посре-

ди будуара, вся какъ-то съежившись, вся трепеща и горько, горько плача.

-- Зачѣмъ ты здѣсь? Что ты тутъ дѣлаешь? Чего ты ревешь? Какъ ты имѣешь подкрадываться? Вѣдь, я тебѣ сколько разъ запрещаю!!-- крикнула Лидія Андреевна.

Дѣвочка подняла великолѣпные глаза, полные слезъ, испуганно и бессмысленно посмотрѣла на нее, притиснула руку съ мокрымъ платкомъ себѣ къ груди -- и стремительно убѣжала.

XV.

Лидія Андреевна заперла на ключъ дверь Лизъ будуара въ коридоръ и вернулась къ своей гостьѣ.

-- Что это съ Соней?-- спрашивала Варвара Егоровна,-- Она плакала? неужели слышала?

-- А вотъ видите!-- заговорила Лидія Андреевна, въ волненіи ходя по гостиной.-- Это еще мое мученіе... несносная дѣвочка, вѣчно какъ-то подкрадывается и слышитъ то, чего ей не слѣдуетъ слышать. Плакса, нервная, обидчивая... мука, мука мнѣ съ нею! Вѣдь, сколько времени просто дышать она мнѣ не давала --

все объ отцѣ, все объ отцѣ... такая тоска! и никакими мѣрами я не могла съ нею сладить. Ну, наконецъ, славу Богу, перестала, ни слова теперъ о немъ никогда...

-- Вы думаете, она его забыла?

-- Нѣтъ, я этого не думаю... Только... дѣти, вѣдь, очень чутки, она понимать начинаетъ, какъ онъ виноватъ передо мною... такъ никогда о немъ и не заговариваетъ... Вотъ эти слезы ея, эта нервность!.. Надо лѣтомъ непременно везти ее, если не за границу, такъ хоть въ Крымъ... Въ морѣ ей купаться, чтобы окрѣпнуть... Кумысъ тоже ей принесетъ пользу... Я ужъ съ докторомъ говорила, онъ со мною согласенъ, находитъ, что надо везти ее непременно... А тутъ эти дѣла, эти ужасы относительно Снѣжкова! Что-жъ такое будетъ!

-- Я говорю, надо опеку,-- рѣшительно объявила Варвара Егоровна:-- а то, вѣдь, чего добраго, онъ послѣднее возьметъ, да и отдастъ кому-нибудь, какой-нибудь женщинѣ...

-- Вы слышали? что такое? новое еще?-- глухимъ голосомъ произнесла Лидія Андреевна, остановись передъ нею.

-- Нѣтъ, я ровно ничего не слыхала... я та-

къ, свое предположеніе...

-- Говорите, говорите все, не скрывайте отъ меня, ради Бога!

-- Милочка, не волнуйтесь, та parole, я ничего не слыхала... если бы слышала что... развѣ вы меня не знаете, я бы ни минуты не могла скрыть отъ васъ, прямо бы къ вамъ...

Лидія Андреевна, дѣйствительно знала ее, а потому могла ей повѣрить. Стала бы она скрывать!-- Первая прибѣжала бы, да еще и съ разными прибавленіями.

-- Ахъ, зачѣмъ только вы коснулись этой гадости!-- съ брезгливымъ жестомъ вдругъ воскликнула Лидія Андреевна.-- Отвратительно, тошно и подумать! Ну, какъ же не фальшь, не жалкая, грязная комедія! Идеалистъ, художникъ! Вѣдь, это началось съ перваго времени, я вамъ, кажется, говорила... Какой же онъ мужъ, какой семьянинъ? И чего онъ отъ меня требовалъ! Смѣшно и противно вспомнить. Онъ не могъ выносить ночной кофты, папильотокъ, ну и всего такого... онъ былъ бы доволенъ, еслибъ я сидѣла всегда передъ нимъ въ бальномъ платьѣ, съ цвѣтами въ волосахъ, сидѣла бы и съ нимъ кокетнича-

ла, принимала разныя граціозныя позы, вела поэтическіе разговоры.

-- Жизнь не бальная зала и не поэзія, la vie est toujours la vie -- глубокомысленно замѣтила Варвара Егоровна.-- Безъ ночныхъ кофточекъ можно только простуду схватить -- и ничего больше!

-- Вотъ это самое и я ему говорила, хоть и была еще тогда совсѣмъ дѣвчонкой... Я ему говорила: я тебѣ жена, а не танцовщица!... Вѣдь, не могла же я въ самомъ дѣлѣ стѣснять себя съ утра и до вечера у себя въ домѣ, играть вѣчно роль куртизанки... Аспазіи какой-то, чтобы ему нравится. Я никогда ни на одного мужчину не взглянула; но это, кажется, ему было не по вкусу. «Если не для меня, такъ хоть для другихъ будь привлекательна, будь женщиной!» Такъ и говорилъ...

-- C'est un monstre de perversité! Чудовище!-- въ негодованіи взвизгнула madame Бубеньева.

-- И двухъ лѣтъ не прошло послѣ нашей свадьбы, какъ онъ сталъ все чаще и чаще объявлять мнѣ, что я «оскорбляю его эстетическое чувство». Я, говоритъ, не могу жить

безъ красоты и гармоніи... Какъ вамъ это покажется! вѣдь, повѣрить трудно!

— Dieu Sait quoi!

Варвара Егоровна пожала плечами и фыркнула своимъ совинымъ носикомъ.

— Ну, скоро и стала я замѣчать, что онъ ищетъ эту свою красоту и гармонію... сначала, конечно, мучилась, оскорблялась, унижалась до ревности, объяснялась съ нимъ, плакала, больная лежала, а потомъ ужъ и рукой махнула. Я слышала, онъ обвинялъ меня въ томъ, что я рѣдко дома бывала... Прежде я любила и музыку, и пѣніе; но, вѣдь, всему есть предѣлъ, онъ до одуренія меня довелъ своею музыкой, своимъ пѣніемъ, своею этою артистичностью и поэзіей! Дуры всякія, въ него влюбленныя, появляться стали, а онъ все браковалъ: не то, говоритъ не то! Каково же было все это выносить порядочной женщинѣ!

— А, вѣдь, у васъ весело бывало!— неожиданно для самой себя воскликнула Варвара Егоровна, очевидно вспомнивъ что-то пріятное.

— Можетъ, кому и было весело, только не мнѣ. Всѣ веселились, а я хлопотала и видѣла,

что мы живемъ не по средствамъ. Къ тому же, я терпѣть не могу этого вѣчнаго цыганскаго табора, этой безалаберщины, шума. И чего, чего стоили всѣ эти обѣды, да ужины! А дѣла -- хуже, да хуже! Со службой ничего не вышло. Вдругъ -- полное разочарованіе! Все надоѣло, все невыносимо, скорѣе въ деревню, въ Снѣжково. Это въ февраль-то, въ глушь! Для меня, вы знаете, хуже деревни быть ничего не можетъ. Мнѣ надо очень, очень мало; но безъ Петербурга я жить не могу. Отправился одинъ; я сократила расходы... Приѣзжаю въ Снѣжково въ концѣ мая. Онъ неузнаваемъ, загорѣлъ, глаза блестятъ... Такъ сразу и встрѣтилъ: кузина, кузина, Алина, Алина! Какая еще тамъ кузина проявилась! Никогда о ней и слуху не было, седьмая вода на кисель...

-- Да развѣ же вы ее прежде не знали?

-- И во снѣ не снилась... татап никогда ни слова... Въ Харьковѣ онѣ жили... отецъ, Лукановъ, служилъ тамъ, предсѣдателемъ что ли какой-то палаты. Умеръ, жить нечѣмъ, дѣвчонка эта съ больною матерью поневолѣ и переѣхала въ деревню, совсѣмъ маленькое у нихъ имѣніице, въ пяти верстахъ отъ

Снѣжкова...

-- Что-жъ, вы такъ сразу и замѣтили?

-- Онъ и не скрывался! тотчасъ же отрекомендовалъ свою красавицу... Отъ нея не отходить, такъ и ѣсть ее глазами, всѣ дни тамъ, въ ихъ старомъ гниломъ домишкѣ пропадаетъ. А потомъ вдругъ пришелъ -- и прямо:

-- Lydie, я не могу молчать, я люблю ее безумно, фатально, дѣлай что знаешь...

-- Что-жъ вы ему на это? Вѣдь, вы никогда, никогда такъ подробно объ этомъ мнѣ не рассказывали,-- съ жаднымъ интересомъ спрашивала madame Бубеньева.

-- Развѣ мнѣ пріятно вспомнить объ этихъ гадостяхъ!-- съ большимъ достоинствомъ произнесла Лидія Андреевна. Я отстранилась, я не хотѣла ничего видѣть, ничего знать. Я въ началѣ августа взяла Сою съ гувернанткой и вернулась въ Петербургъ. Что-жъ другое я могла сдѣлать?

-- Еще бы! О, моя бѣдная!-- съ нѣкоторымъ разочарованіемъ протянула «совушка», хлопая глазами.-- Mais enfin, ну, скажите мнѣ, я никому... если хотите, да и какая же тутъ тайна?.. Было между ними что-нибудь...

-- Это ужъ надо спросить у ея умнаго и красиваго князя, за котораго она выскочила... какъ она такое смастерила -- удивительно! Но, вѣдь, у меня свои глаза, и я имъ вѣрю...-- съ гадливою гримасой медленно проговорила Лидія Андреевна.

-- Я такъ всѣмъ и говорила... Михайль Александровичъ былъ тогда, предъ ея свадьбой и послѣ, ужасень... я помню!

-- Да, я помню это, конечно, лучше чѣмъ вы... Я все на себѣ вынесла... цѣлыхъ полтора года! Никакія влюбленныя въ него психопатки его не развлекали. Только все же отошло, перемололось, кончилъ онъ свой трауръ по Алинѣ и опять началъ искать «красоту и гармонию». Ну, и нашелъ, наконецъ, психопатку, бросилъ меня и Соню, скрылся со своею «артисткой» за границу, а тамъ, кажется, очень скоро она его самого бросила...

-- Фуроръ теперь она здѣсь производитъ. Вы были на ея послѣднемъ концертѣ?

Лидія Андреевна только посмотрѣла съ удивленіемъ на «совушку», дернула плечомъ и даже ничего ей не отвѣтила.

Въ дверь раздался стукъ и, получивъ

разрѣшеніе, горничная внесла чай съ вареньями и печеніемъ.

— А наливки хотите?..— спросила хозяйка.

— Вы знаете, я отъ этого никогда не отказываюсь; у васъ такія чудныя наливки, и совсѣмъ не крѣпки.

Лидія Андреевна едва замѣтно улыбнулась.

Пріятельницы подсѣли къ маленькому чайному столику и внезапно, сами того не замѣчая, измѣнили тему разговора. Слѣды слезъ и волненія исчезли съ лица Лидіи Андреевны. На сцену выступила скабрзная исторія общей пріятельницы, которая, отправивъ мужа въ долгую командировку, увлеклась молодымъ учителемъ сына самымъ «нагляднымъ» образомъ. Пріятельницу смѣнилъ романъ Поля Бурже, потомъ Михайловскій театръ, несравненные, прелестные его актеры: Вальбель и Гитри и, наконецъ, все померкло и стушеввалось предъ новостями Гостинаго двора.

Варвара Егоровна очень ловко и незамѣтно уничтожала рюмку за рюмкой густую сладкую вишневку, пока, наконецъ, ли-

цо ея не стало пылать, а круглые глаза не подернулись масляною пленкою.

На сцену опять появилась легкомысленная пріятельница.

-- C'est ignoble!-- негодовала Лидія Андреевна.

-- Et avec ça, вѣдь, ея Иванъ Ивановичъ... il est très bien... прекрасный мужчина! Очень, очень пріятный, я вотъ именно такимъ могла бы увлечься!-- откровенно объявила «совушка».-- Съ ея стороны это просто развратъ... О, Боже мой! Вотъ я сколько лѣтъ вдовой, я только про то знаю, какъ мнѣ это трудно... но, вѣдь, я же себѣ никогда, никогда ничего не позволила! Замужъ, да! а такъ... хоть умереть,-- честь дороже всего въ мірѣ! Я не способна на паденіе!

Добродѣтельная «совушка» уже болѣе десяти лѣтъ упорно искала по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ и министерствамъ того, кто толкнулъ бы ее такъ, чтобы она упала. Но всѣ ея старанія оставались всегда тщетными. Не обладая красотой и богатствомъ, она, вдобавокъ, не умѣла скрывать своихъ матримоніальныхъ цѣлей. Мужчины бѣгали

отъ нея, какъ отъ огня, и пуще всего боялись оставаться съ нею глазъ на глазъ. Поэтому ей очень часто казалось, что ее обижаютъ. Она любила дать понять, что такой-то и такой-то къ ней равнодушенъ, и что если бъ не ея добродѣтель и строгость... Она любила двусмысленные разговоры, могла перепить любого мужчину, жаловалась на болѣзнь сердца и время отъ времени впадала въ истерику -- отъ избытка добродѣтели. Она, конечно, убавляла себѣ по меньшей мѣрѣ лѣтъ восемь и была искренно увѣрена, что ей вѣрятъ.

-- Богъ мой, какъ я съ вами засидѣлась! всегда такъ!-- воскликнула, наконецъ, Варвара Егоровна, къ самымъ глазамъ поднося свои часики.-- Такъ что-жъ, chère, вы послѣдуете моему совѣту? Опека и, главное, скорѣе!

-- Увидимъ!-- раздумчиво отвѣтила Лидія Андреевна: -- я должна, какъ это ни ужасно, съ нимъ увидаться...

-- Онъ у васъ будетъ! только бы съ нимъ не столкнуться... Я не хочу его видѣть, а если увижу, вы меня знаете, выскажу все мое презрѣніе... Я слишкомъ люблю васъ!

Она поднялась съ кресла и схватилась за

сердце.

-- Ахъ, мое бѣдное сердце! оно чувствуетъ ваши несчастія какъ свои... Ай-ай голова!

У нея, дѣйствительно, кружилась голова отъ предательски крѣпкой, на спирту настоящей вишневки. Пошатываясь вышла она въ переднюю.

-- Ужъ вы, милая Катя, пожалуйста, сведите меня съ лѣстницы,-- говорила она горничной, одѣваясь:-- отъ сердца голова кружится...

Горничная, благо было темно въ передней, пофыркивала себѣ въ кулакъ, застегивая ея шубку.

Сползла «совушка» съ лѣстницы благополучно, швейцаръ кликнулъ извозчика, усадилъ ее въ сани и пристегнулъ полостью.

На поворотѣ сани столкнулись съ другими извозчичьими санями. «Совушка» близко-близко разглядѣла красивое лицо молодого незнакомаго офицера, не воздержалась -- и очень выразительно ему подмигнула.

«Ишь, старая сова!.. туда же!» -- весело подумалъ онъ отъѣзжая.

XVI.

У подъѣзда на набережной остановилась щегольская карета. Выѣздной лакей паразитительно быстро слетѣлъ съ козелъ и распахнулъ дверцу. Въ то же мгновеніе чудесная сквозная дверь дома, черезъ которую по вечерамъ прохожіе могли любоваться на художественную обстановку широкихъ сѣней съ колоннами и перспективу отлогой лѣстницы,-- безшумно отворилась.

Княгиня Алина, пахнувъ неопредѣленнымъ, какимъ-то весеннимъ запаховъ тонкихъ духовъ, мелькнула на подъѣздѣ, потомъ у лѣстницы, сбросила подбитую темнымъ соболемъ накидку на руки лакея и легко, едва касаясь мягкаго ковра, поднялась къ себѣ, въ обширную квартиру втораго этажа.

-- Князь у себя?-- спросила она.

-- Съ полчаса какъ изволили выѣхать, ваше сіятельство,-- отвѣтилъ ей мягкимъ басомъ старый лакей, почтительно обращая ея вниманіе на серебряный подносикъ съ нѣсколькими визитными карточками лицъ,

пріѣзжавшихъ къ ней въ ея отсутствіе изъ дому.

Она перебрала карточки своею маленькою тонкою рукой, затянutoю въ перчатку. Увидѣвъ одну изъ нихъ, она едва замѣтно сама себѣ кивнула головой -- вслѣдъ за этимъ визитомъ непременно должно получиться важное для нея приглашеніе, которое она подготавливала уже двѣ недѣли. Остальныя карточки были не особенно интересны.

Алина прошла дальше, черезъ нѣсколько высокихъ, съ большимъ вкусомъ устроенныхъ комнатъ -- и очутилась въ своей спальнѣ, передъ большимъ трюмо, отразившимъ ея прелестную фигуру. Снявъ шляпку, она прижала пуговку электрическаго звонка на туалетномъ столѣ.

Вошла молоденькая, стройная горничная, въ темномъ шерстяномъ платьицѣ и шелковомъ передничкѣ, съ манерами скромной институтки, съ хорошенькимъ, весьма неглупымъ лицомъ, которому она, очевидно намѣренно, придавала постное выраженіе.

-- Скорѣе, Вѣра, переодѣваться... я ужасно устала -- и поздно!-- сказала княгиня, и по

едва уловимому оттънку въ тонѣ этого обращенія можно было заключить, что хорошенькая горничная пользуется ея особенными милостями.

-- Что же, надѣнете, ваше сіятельство?--
освѣдомилась Вѣра.

-- Я никого сегодня не принимаю и вечеромъ никуда не выѣду... со мной будетъ только обѣдать мой пріѣзжій родственникъ, котораго я давно-давно не видала... Принеси что-нибудь мягкое, теплое...

Вѣра подняла на княгиню свои большіе, зеленеватые, хитрые глаза, но тотчасъ же ихъ опустила и вкрадчивымъ голоскомъ произнесла:

-- Слушаю-съ... понимаю.

Она исчезла, а княгиня, уйдя вглубь спальни, за свою высокую кровать, устроенную по заграничному въ нишѣ подъ балдахиномъ, стала спѣшно раздѣваться...

«La belle» провела этотъ день, какъ и всегда. Она проснулась въ обычный часъ, во-время одѣлась, позавтракала съ аппетитомъ. Она только приказала подать себѣ «меню» сегодняшняго обѣда, чего почти никогда не

дѣлала, и очень смутила повара, потребовавъ отъ него значительныхъ измѣненій.

Въ третьемъ часу она выѣхала, сдѣлала нѣсколько необходимыхъ визитовъ и заѣхала въ благотворительное учрежденіе, гдѣ была «главною дѣятельницею».

Никто не могъ замѣтить въ ней чего-либо новаго. Та же ослѣпительная красота, сознающая себя и требующая восторженнаго, почти-тельнаго поклоненія. Каждое слово, каждое движеніе обдуманно, такъ что ни къ чему нельзя придратъся.

Въ свѣтъ, конечно, не могли не злословить и не подшучивать надъ Алиной по поводу ея «невозможнаго» мужа; но злословіе и шуточки съ каждымъ годомъ стихали. Она сумѣла себя поставить, побѣдила зависть, возбужденную ея рѣдкою красотой, отняла оружіе у вражды своимъ тактомъ и безупречнымъ поведеніемъ.

Въ первые годы ея замужества на ея сердце была самая ожесточенная травля и облава. Такъ молода, такая красавица и такой отвратительный идіотъ мужъ! Не находилось, кажется, ни одного свѣтскаго человѣка, кото-

рый бы не испробовалъ надъ нею свои чары, не подвергъ ее самому разнообразному ухаживанію! Но она оставалась холодна и неприступна. Очень ловко и рѣшительно указывала своимъ поклонникамъ ихъ настоящее мѣсто. Притомъ она дѣлала все въ мірѣ, чтобъ ихъ не обидѣть, не нажить себѣ враговъ. Ей удавалось это, такъ какъ она никому не отдавала предпочтенія, и всѣ это чувствовали.

Она всюду являлась подъ руку съ уродомъ мужемъ, выдѣляя еще больше свою красоту его безобразіемъ и усугубляя его безобразіе своею красотой. Наконецъ, рѣшили, что она не женщина, а только внѣшнимъ образомъ оживленная статуя.

Впрочемъ, Вово разносилъ другую легенду: онъ увѣрялъ, что «la bête» разъ навсегда привелъ ее въ ужасъ, и вотъ она вѣчно живетъ подъ этимъ впечатлѣніемъ.

-- Онъ увѣрилъ ее, что онъ такой же мужчина, какъ и всѣ -- и съ тѣхъ поръ она чувствуетъ отвращеніе ко всему мужскому роду... que voulez-vous! c'est plus fort qu'elle... parole! je le tiens do bonne source!-- съ самымъ серьезны-

мъ лицомъ толковалъ онъ, всюду, особенно дамамъ.

У нея не было друзей, ни мужчинъ, ни женщинъ, не было своего интимнаго кружка; но пожилыя дамы, во главѣ съ Натальей Порфирьевной, очень къ ней благоволили и устроили ей въ обществѣ прекрасное положеніе. О томъ -- счастлива ли она или несчастна, какъ живетъ, что скрывается подъ этою великолѣпною оболочкой -- никто не зналъ, да и знать не хотѣлъ: «дитя не плачетъ -- мать не разумѣетъ», а ужъ свѣтъ и подавно...

Между тѣмъ, хоть и незамѣтно было въ Алинѣ и на этотъ разъ никакой переменны, хоть она и продолжала имѣть видъ холодной статуи, на которую можно только любоваться, -- переменна была, и даже большая.

Здѣсь, въ своей спальнѣ, быстро, не по-всегдашнему, скинувъ визитное платье и ожидая возвращенія Вѣры, она сразу изъ статуи превратилась въ живую женщину. Такого выраженія въ ея великолѣпныхъ темныхъ глазахъ не видалъ никто: что-то горячее, и ясное, и мечтательное мерцало въ нихъ, то

вспыхивая, то потухая.

Вдругъ она пойти подбѣжала къ туалетному столу, быстро выдернула изъ головы шпильки, и ея темно-каштановые, почти черные волосы, тонкіе и блестящіе какъ шелкъ, скользнули густою волной по обнаженной шеѣ. Она потрянула ими; они разсыпались и охватили ее всю, доходя ей почти до колѣнъ. Тогда она подняла руки, красивѣе и бѣлѣе которыхъ нельзя было себѣ представить, и тонкими, почти прозрачными пальцами искусно и привычно заплела сначала одну длинную косу, а потомъ другую, совсѣмъ даже не замѣчая, что Вѣра стоитъ сзади и съ удивленіемъ смотритъ.

— Ваше сіятельство, позвольте я сдѣлаю... какъ прикажете?— наконецъ, проговорила горничная.

— Оставь, ты не умѣешь... я сейчасъ!

Черезъ минуту новая прическа была готова. Переплетенныя косы тяжелымъ узломъ легли низко на затылокъ, совсѣмъ измѣнивъ форму головы и общее впечатлѣніе.

— Смотри, ничего такъ?— обратилась Алина къ горничной.

Та глядѣла все съ возраставшимъ удивленіемъ.

-- Ничего-то ничего,-- фамиллярно сказала она,-- такую красавицу развѣ что можетъ испортить!.. Только къ чему этакъ? Всегдашняя прическа не въ примѣръ лучше... и никто нынче такимъ способомъ не носитъ...

-- А развѣ нужно носить какъ всѣ? У меня съ утра голова болитъ, такъ легче гораздо... Ну, покажи-ка, что ты принесла? Да, это самое! Давай, я надѣну...

Это было что-то среднее между капотомъ и платьемъ, что-то неопредѣленнаго дымчатаго цвѣта и неопредѣленной, мягкой матеріи, все отороченное дорогимъ, переливчатымъ, мѣстами совсѣмъ серебристымъ мѣхомъ хинхиллы.

Алина стояла предъ трюмо, вопросительно глядя на свою высокую стройную фигуру, на свое лицо, измѣненное теперь въ этой новой прическѣ. Потомъ она выдвинула одинъ изъ внутреннихъ ящичковъ шифоньерки, вынула оттуда довольно большой, въ складномъ футлярѣ, портретъ и подала его Вѣрѣ.

-- Смотри и говори только правду, похоже?

Измѣнилась, я? очень постарѣла?

Она такъ и впиалась глазами въ глаза Вѣры.

Та взглянула: эта прическа! Съ портрета перевела взглядъ на княгиню и сказала:

-- Похоже, конечно, только лучше вы стали, безъ сравненія лучше!

-- Не лги! Постарѣла я?

-- Вотъ какъ передъ Богомъ! ишь что выдумали: постарѣть... да вы какъ есть барышня молоденькая... красавица... во всемъ мѣрѣ такой нѣту!..

Говоря это, Вѣра граціозно опустилась на колѣни, прижалась губами къ рукѣ Алины и глядѣла на нее снизу вверхъ влюбленными глазами. Алина рѣзко и съ видимымъ неудовольствіемъ отстранила ее.

-- Теперь уходи,-- сказала она: -- и какъ только снизу швейцаръ позвонитъ, сейчасъ же иди сюда и скажи мнѣ.

Вѣра поднялась, опустила глаза, сдѣлала постное лицо и выскользнула изъ спальни.

«Куда-жъ дѣвались эти годы?» -- думала Алина, разглядывая свой старый портретъ,-- «Будто недавно, а шесть ужъ лѣтъ! Говорятъ,

если весело живешь, такъ не замѣтишь времени! Какая неправда. Хорошо мое веселье!..»

Она спрятала портретъ, взглянула на часы и присѣла въ-низенькое мягкое кресла.

«А вдругъ не пріѣдетъ?» -- пронеслось у нея въ головѣ.

Она вся дрогнула и совсѣмъ застыла, чутко прислушиваясь. Глава ея горѣли, щеки то и дѣло вспыхивали румянцемъ, руки похолодѣли. Она считала минуты: разъ, два, три... до шестидесяти, чтобы хоть этимъ сократить ожиданіе.

Никто, никто не повѣрилъ бы, что она можетъ быть такою, никто бы не узналъ ея.

XVII.

Аникѣевъ подѣхалъ къ знакомому дому, знакомому, хоть онъ и никогда не бывалъ въ немъ. Уже пять зимъ жила здѣсь Алина, и онъ, конечно, зналъ это. Еще до разрыва своего съ женой, да и потомъ, прїѣзжая въ Петербургъ, сколько разъ заставлялъ онъ себя передъ этимъ подѣздомъ.

Сначала онъ долго ждалъ, что она ему напишетъ, позоветъ ея. Затѣмъ ужъ не ждалъ ничего, и все же его неудержимо тянуло къ ея двери. Онъ могъ бы, разумѣется, придти къ ней, она не рѣшилась бы не принять его. Онъ могъ заставить ее говорить, объясниться, и неизвѣстно еще, чѣмъ бы кончились эти объясненія...

Но она хорошо знала его, знала, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ явится безъ ея зова. Онъ сказалъ ей это, а что онъ говорилъ «такъ», что онъ рѣшалъ, то рѣшалъ безповоротно, чего бы ему это ни стоило.

И она его не звала,— значитъ, не хотѣла видѣть.

Никакая сила не могла его заставить под-

няться по этимъ ступенямъ. Но бывали безумныя минуты, бывали темныя, холодныя вечера съ пронзительными вѣтрами, съ дождемъ иди метелью. Въ такія безумныя минуты, въ такіе ненастные, мрачныя вечера безысходная тоска гнала его сюда помимо его воли. И онъ именно «заставалъ себя» у гранитнаго парапета набережной, противъ этого дома.

На вѣтру, на дождѣ, осыпaeмый хлопьями снѣга, коченѣющій отъ мороза, онъ ходилъ назадъ и впередъ, со взглядомъ, прикованнымъ къ ея окнамъ, то темнымъ, то освѣщеннымъ.

Да это было чистое безуміе, и, когда оно остывало, онъ, со стыдомъ и злобой, спѣшилъ дальше отсюда, пряча и скрывая отъ самого себя свою позорную тайну. Онъ старался не думать объ этой женщинѣ, гналъ прочь ея соблазнительный образъ. Онъ проклиналъ ее, презиралъ.

Годами постоянныхъ усилій онъ побѣдилъ, наконецъ, въ себѣ невыносимую страсть. Алина перестала врываться въ его внутренній міръ, она ужъ не звучала въ его

музыкѣ, въ его пѣни, въ его горячихъ импровизаціяхъ.

Наконецъ, онъ почувствовалъ, что можетъ безнаказанно встрѣтиться съ нею.

И онъ встрѣтился. Онъ спокойно, какъ ему казалось, вынесъ ея присутствіе, ея близость, пожатіе ея руки. Вотъ онъ входитъ къ ней, потому что она позвала его, наконецъ, и потому, что онъ когда-то сказалъ ей: «я приду къ тебѣ, когда ты меня позовешь, и я знаю, что будетъ время, когда ты позовешь меня». Это время пришло. Онъ вѣренъ своему слову...

Но, вѣдь, онъ долженъ былъ идти спокойнымъ, равнодушнымъ, владѣющимъ собою. А развѣ это спокойствіе, когда такъ больно замираетъ сердце, развѣ это равнодушіе? Не лучше ли назадъ, пока есть еще время? Какая цѣль, зачѣмъ ему теперь Алина? Онъ искупилъ ее, ту прежнюю Алину, своимъ душевнымъ униженіемъ, которое долго, долго жгло его стыдомъ... Вѣдь, къ прошлому нѣтъ возврата...

«Эхъ, да о чемъ тутъ думать! вѣдь, хуже того, что было и что есть, не будетъ!» -- вдругъ рѣшилъ онъ и блѣдный, съ замирающимъ сердцемъ и презрительнымъ выраженіемъ

въ лицѣ вошелъ къ Алинь.

Его почтительно провели въ уютную «интимную» комнату, по которой носился мучительно знакомый запахъ ириса. Хозяйка не заставила себя ждать. Она вышла съ ласковою улыбкой, крѣпко сжала его руку обѣими руками.

-- Благодарю, благодарю васъ, Michel! Вы все такой же добрый, вѣдь, вы могли, имѣли право и не пріѣхать!-- говорила она.

Но онъ и не слышалъ. Она ему нанесла неожиданный, вѣроломный ударъ: онъ ѣхалъ къ новой, ко вчерашней, чужой Алинь, а предъ нимъ была прежняя его Алина, съ прежнимъ, неизмѣнившимся лицомъ, даже въ той, всегдашней, любимой прическѣ. И она глядѣла на него тѣми самыми глазами весеннихъ и лѣтнихъ снѣжковскихъ дней...

Это было черезчуръ. Онъ чуть не застоялъ, такъ сжалось сердце. Онъ взглянулъ на нее еще разъ острымъ, холоднымъ, какъ ей показалось, взглядомъ, и, наконецъ, засмѣялся, зло засмѣялся отъ боли.

-- Что же тутъ маскарадъ, кузина?-- проговорилъ онъ.-- Вчашнее или сегодняшнее?

-- Ни то, ни другое,-- просто отвѣтила она, садясь и приглашая его рядомъ съ собою.

Это была игра, самая мучительная игра, на которую оба они потратили много искусства, и силы. Это былъ поединокъ не на жизнь, а на смерть. Женщинѣ надо было навѣрное, безошибочно узнать, сохранила ли она свою власть, или ее уничтожили эти годы. Если она побѣждена -- насколько рѣшительна борьба, нельзя ли вернуть потерянное. Мужчина, уже побѣжденный, задыхающійся отъ неожиданно нахлынувшей страсти, гордости и самолюбія, долженъ былъ сохранить видъ спокойнаго побѣдителя и въ то же время проникнуть тайны женщины.

Оба они жадно, напрягая всѣ силы, искали отвѣтовъ въ глазахъ другъ друга. Но, вѣдь, это старая ложь, что глаза -- зеркало души. Они могутъ быть зеркаломъ тогда лишь, когда человекъ ничего противъ этого не имѣетъ. Иначе, глядящій въ чужіе глаза увидитъ въ нихъ только свое отраженіе, пойметъ въ нихъ только себя, свои мысли и чувства...

Они говорили обо всемъ, и о самихъ себѣ между прочимъ, и бесѣда ихъ имѣла видъ са-

мой естественной оживленной бесѣды между старыми знакомыми, между давно не видавшимися родственниками. А безмолвный поединокъ продолжался все съ возраставшимъ ожесточеніемъ.

Когда доложили, что обѣдъ поданъ, Алина сказала:

— Мы съ вами обѣдаемъ вдвоемъ; князя нѣтъ, и раньше часовъ одиннадцати онъ не вернется.

Аникѣевъ только при этихъ словахъ вспомнилъ о князѣ. Еслибъ онъ оказался дома, еслибъ съ нимъ сейчасъ пришлось встрѣтиться, онъ бы не выдержалъ, онъ или бы убѣжалъ, или кончилъ какимъ-нибудь безуміемъ.

Алина, ведя своего гостя въ столовую, обошла съ нимъ и ноказала ему почти все великолѣпное помѣщеніе.

— Я всегда зналъ, что у васъ настоящій вкусъ,— сказалъ Аникѣевъ:— помните, съ вашей прежней деревенской грубостью вы говорили про себя: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ... Рога выросли... значитъ, вы достигли всего, о чемъ мечтали.

-- Какъ видите,-- спокойно отвѣтила она:-- а вы сами развѣ измѣнили прежнимъ вашимъ вкусамъ? Развѣ не даетъ вамъ прежняго художественнаго удовлетворенія хоть бы вотъ такая обстановка? Развѣ бы вы отъ нея отказались?

-- Конечно, нѣтъ, я попрежнему люблю все, что красиво, роскошь меня ласкаетъ; но я никогда не могъ и не могу ничѣмъ своимъ, внутреннимъ, пожертвовать ради ея достиженія. Вы знаете, что это правда.

Алина усмѣхнулась.

-- Любовь безъ жертвъ -- не любовь! Это ваши слова,-- медленно произнесла она.

Онъ отвѣтилъ ей вызывающимъ, насмѣшливымъ взглядомъ.

«Боже мой, зачѣмъ она теперь это вспомнила! Какъ глупо, какъ жестоко!» мелькнуло въ головѣ его.

Но съ ея стороны это былъ лишь новый ударъ, и ударъ удачный. Цѣлый міръ былого опьяненія, былого безумнаго счастья воскресъ въ немъ. «Любовь безъ жертвъ -- не любовь!» -- повторялось въ каждомъ біеніи сердца.

Алина не щадила: ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Садясь за небольшой, накрытый на два прибора столъ, Аникѣевъ увидѣлъ по серединѣ его, въ прелестной вазѣ, большой букетъ своихъ самыхъ любимыхъ цвѣтовъ -- ландышей.

-- Что можетъ быть печальнѣе этихъ зимнихъ петербургскихъ ландышей,-- сказалъ онъ:-- они совсѣмъ не пахнутъ, они совсѣмъ даже не похожи какъ-то на лѣсные душистые ландыши... Когда я ихъ вижу, мнѣ всегда представляется, что это картинки съ далекой выставки...

-- А все же они настоящіе, и при такомъ воображеніи, какъ ваше, вы легко можете перенести ихъ куда угодно и перенестись вмѣстѣ съ ними,-- небрежно, ему въ тонъ, замѣтила княгиня.

-- Вы слишкомъ рассчитываете на мое воображеніе, кузина, оно совсѣмъ охладѣло за эти годы.

-- Не думаю, вы сами еще не можете знать, куда оно способно унести васъ...

Оно ужъ его уносило: передъ его приборомъ оказался старинной чеканки массивный серебряный кубокъ. Это былъ ея кубокъ,

доставшійся ей отъ бабушки, рожденной Аникѣевой. Съ одной стороны на немъ изображенъ былъ гербъ Аникѣевыхъ, а съ другой можно было разобрать буквы М. и А.

Такое совпаденіе сразу бросилось въ глаза Михаилу Александровичу, когда онъ увидѣлъ этотъ фамильный кубокъ у Алины, около восьми лѣтъ тому назадъ. Она непременно хотѣла ему подарить его; но онъ наотрѣзъ отказался и горячо доказалъ, какъ ему пріятно, что такая вещь именно у нея. Она всегда пила изъ этого кубка, а когда у нихъ, въ ихъ старомъ гниломъ домишкѣ, по выраженію Лидіи Андреевны, бывалъ Аникѣевъ,— онъ непременно подавался ему. Онъ даже носилъ названіе «нашъ кубокъ» и пророчески соединялъ ихъ своими буквами М. и А.

Промолчать, не обратить вниманія было-нельзя.

— А! Старый знакомый!-- Въ блѣдной улыбкой проговорилъ Аникѣевъ, беря кубокъ и его разглядывая.

— Онъ дожидался и дождался своего хозяина,— шепнула Алина.

Этимъ не кончилось. Весь обѣдъ состоялъ изъ его любимыхъ блюдъ. На это, по крайней мѣрѣ, можно было не обратить словесно вниманія; но все же. нельзя было этого не замѣтить, не почувствовать.

Все, какъ есть все, оказалось сдѣланнымъ для него, чтобы доказать ему, что ничего не забыто и обо всемъ подумано. Никакая самая нѣжная сестра не въ состояніи была бы такъ позаботиться объ единственномъ, дарогомъ, послѣ долгой разлуки рернувшемся братѣ.

Сдѣлать это могла только или безумно любящая, или жестоко мстящая женщина.

XVIII.

Къ концу обѣда Алина достигла многого. Въдѣ, Аникѣевъ жилъ нервами, и всѣ неуловимыя, ускользящія отъ людей иной организаціи, мелочи дѣйствовали на него неотразимо. Алина окутала и опутала его своей атмосферой. Въ этой атмосферѣ, живой красоты и внѣшней роскоши, гармонично сливавшихся другъ съ другомъ, было столько опьяненія, усыплявшаго мысль и ласкавшаго чувства.

Необходимы были рѣзкія разнозвучія, чтобы заставить Аникѣева очнуться, собрать силы, призвать на помощь всю гордость, все старое истерзавшее оскорбленіе.

Но его насторожившаяся чуткость никакъ не могла подслушать такихъ разнозвучій. Въ полунасмѣшливомъ, легкомъ и, повидимому, непринужденномъ тонѣ Алины звучало что-то и грустное и нѣжное. Съ каждой минутой онъ ощущалъ сильнѣе, что это прежняя Алина, что переменна, поразившая его въ ней вчера, была только внѣшней.

«Или все это игра? Когда же она «играла»

-- вчера ли для всѣхъ, или сегодня -- для него?»

Однако, скоро стихли и эти вопросы. Бѣдный «артистъ» такъ усталъ за эти послѣдніе годы, такъ чувствовалъ себя постоянно въ клѣткѣ, съ обрѣзанными крыльями. Иной разъ онъ почти физически задыхался въ своей клѣткѣ -- и спрашивалъ себя: когда же пахнетъ на него свѣжимъ воздухомъ, когда же мелькнетъ передъ нимъ хоть призракъ того, что онъ называлъ тепломъ и свободою?

Ему часто бывало такъ невыносимо холодно, что даже душа въ немъ какъ бы замирала и съезживалась. Онъ умиралъ съ голоду безъ красоты, безъ теплыхъ художественныхъ впечатлѣній. Куда ни глядѣлъ, что ни встрѣчалъ -- все представлялось ему холоднымъ, некрасивымъ, отталкивающимъ.

Прежде онъ могъ еще отстраняться, хоть на нѣкоторое время, отъ «безобразія жизни». Хорошія денежныя средства помогали, оторвавшись отъ всякихъ заботъ, уходить въ невѣдомую область, существованіе, дѣйствительность которой почти осязалъ, вы-

зывая ихъ творческими звуками.

Теперь, и уже давно, всякія мелочныя заботы ежечасно требовали его, завладѣли имъ, держали въ плѣну.

Онъ барахтался въ какой-то грязной лужѣ, съ чувствомъ омерзѣнія стараясь выловить изъ нея грязь и своими неловкими, мучительными усиліями только взбалтывая ее все больше и больше...

Въ его неудавшейся жизни, полной вѣчныхъ надеждъ на завтрашній день и никогда не сбывавшихся ожиданій, полной иногда просто смѣшныхъ погонь за всякими иллюзіями,— было одно лишь счастливое время, когда не думалось о завтрашнемъ днѣ, когда легко и свободно, во всѣ высоты и глубины, поднимали его и спускали внезапно выросшія крылья. Это было время его страсти къ Алинѣ, страсти таинственной, жутко прекрасной, безумной, раздѣленной, жадно-ненасытной, преступной...

Преступной!.. развѣ самъ онъ не повторялъ себѣ и тогда этого слова! Но душа молчала и совѣсть была спокойна. Онъ всегда былъ голоденъ, великимъ голодомъ жизни, онъ все-

гда томился въ молчаливомъ одиночномъ заключеніи... И при этомъ никто, конечно, не только не могъ сочувствовать его страданіямъ, но даже и признать ихъ дѣйствительность. Ему говорили, доказывали, что онъ сытъ по горло, что онъ ничуть не одинокъ, что у него есть все для полноты счастья. Его считали нелѣпымъ фантазеромъ, распустившимъ себя, бьющимъ на оригинальность...

Нашлась только одна умненькая свѣтская женщина, которая какъ-то разъ, глядя ему въ глаза нѣжными глазами, грустно сказала:

— Vous êtes une âme en peine! Вы всегда должны томиться, это ваша судьба; еслибъ вы вдругъ почувствовали себя счастливымъ,— это были бы ужъ не вы...

Онъ оставался къ ней совсѣмъ равнодушенъ; но никогда не могъ забыть ея взгляда и этихъ словъ. Онъ чувствовалъ, что она сказала правду, только, вѣдь, отъ такой правды не стало легче. Онъ продолжалъ испытывать невыносимый голодъ, томиться, ждать, погибать отъ своего мучительнаго одиночества...

Внезапная страсть къ Алинѣ, такъ щедро

раздѣленная ею, накормила и напоила его, осуществила всю ту красоту, по которой изнывалъ онъ, наполнила собою его одиночество, дала ему, наконецъ, не призрачную, а живую жизнь. Преступная страсть! Значить жизнь -- преступленіе! И совѣсть его молчала...

Теперь, еще больше истерзанный, одинокій, голодный -- онъ очутился передъ старымъ соблазномъ.

Алина хорошо его знала, говоря, что еще неизвѣстно куда воображеніе унесетъ его. Онъ ужъ въявь видѣлъ передъ собою далекія заглохшія аллеи своего Снѣжковского парка. Онъ ужъ переживалъ всѣ дни и минуты своего былого преступнаго счастья,

Когда, послѣ обѣда, онъ велъ ее подъ руку, черезъ слабо освѣщенныя комнаты, въ уютный уголокъ дальней гостиной, гдѣ теперь пылалъ каминъ, и куда она приказала подать имъ кофе,-- она не могла не чувствовать трепеть его руки. Лицо его оставалось холодно и строго.

-- А знаете ли, въ городѣ сегодня только и разговоровъ, что о вчерашней исторіи у Ви-

лимской,— говорила она. Эта маленькая княжна возбуждаетъ всеобщее негодованіе: скажите, что вы такое сдѣлали съ нею? что вы ей говорили?

— Конечно, ничего,— отвѣчалъ онъ, едва соображая, о чемъ это она говоритъ.— Я обмѣнялся съ нею нѣсколькими самыми банальными фразами. Я видѣлъ ее въ первый разъ, и меня представилъ ей Вово.

— А между тѣмъ вы играете главную роль во всемъ этомъ... vox populi... Впрочемъ, я во все не желаю васъ исповѣдывать... Лишній грѣхъ на вашей душѣ, и только. Я думаю, вы имъ и счетъ потеряли со времени нашей разлуки.

Онъ поднялъ на нее глаза и не опускалъ ихъ. Она выдержала его взглядъ.

Внесли кофе. Потомъ стало какъ-то особенно тихо, только потрескивали дрова въ каминѣ и мерцающія полосы теплаго свѣта ходили по комнатѣ.

Молча просидѣли они двѣ-три минуты и оба чувствовали что вотъ сейчасъ начнется послѣдняя ихъ битва.

— Вы заговорили о моихъ грѣхахъ, кузи-

на,— самъ испугавшись своего глухого голоса, едва шевеля внезапно высохшими губами, прошепталъ Аникѣевъ:— неужели вамъ интересно это? Или, можетъ быть, вы хотите мнѣ, какъ старому другу, исповѣдаться въ вашихъ?

Это былъ дерзкій и грубый вызовъ; но ихъ прошлое давало ему на него право. Развѣ не слыхалъ онъ отъ нея самыхъ важныхъ святыхъ и безумныхъ клятвъ, какія только, подобно вспышкамъ разряжающагося электричества, произносятся, между вздохомъ и поцѣлуемъ, въ инныя минуты! Онъ никогда не освобождалъ ее отъ этихъ клятвъ.

И теперь, когда она глядѣла на него прежними глазами, вспоминала о прошломъ и снова брала себѣ его душу -- онъ могъ требовать отъ нея отчета.

Главное же, она сама признала его право и нисколько не смутилась его грубостью. Онъ сказалъ именно то, что ей такъ хотѣлось отъ него слышать, безъ чего ей трудно было начать.

Она близко склонилась къ нему, опустила голову и въ то же время подняла на него свои

чудные глаза, въ которыхъ отражалось пламя камина.

— Я могу исповѣдаться не только передъ вами, но и передъ всѣми, потому что «такихъ» грѣховъ у меня нѣтъ...

— Смотри мнѣ въ глаза, смотри!-- вдругъ прошептала она и прежде чѣмъ онъ могъ понять смыслъ этихъ словъ, крѣпко обняла его шею руками, пряча лицо на груди его.

Она уже знала теперь, навѣрное знала, что- онъ попрежнему въ ея власти и не найдетъ въ себѣ силу оттолкнуть ее.

— Алина... вѣдь, это безуміе!-- разслышала она.

Что-жъ! или она ошиблась? Онъ силой разнялъ ея руки, отстранилъ ее и поднялся съ мѣста.

— Зачѣмъ это?-- сверкая глазами, сказалъ онъ.-- Ты хороша, ты можешь опьянить кого угодно... Я человекъ... могу быть и звѣремъ... Ты хочешь посмотрѣть, правду ли я пѣлъ вчера, что «въ этой чашѣ отражается краса неба и ада»?..

Она поблѣднѣла; но щеки ея тотчасъ же покрылись румянцемъ. Ей даже пріятно бы-

ло, что онъ ее оскорбляетъ; вѣдь, она знала и понимала теперь, глядя на него, сколько мученій принесла ему.

-- Нѣтъ, ты опять поторопился, Миша,-- кротко проговорила она, беря его за руки и заставляя сѣсть на прежнее мѣсто:-- ты и тогда не хотѣлъ ничего слушать, не хотѣлъ понять меня. Но ты долженъ, наконецъ, понять... Дай мнѣ сказать все, не перебивай меня... Ты мнѣ говорилъ тогда, что я вдругъ тебя разлюбила, что я испугалась скандала и продала себя за деньги, за положеніе въ обществѣ, за титуль. Еслибъ это было такъ -- я не стала бы скрывать этого теперь отъ тебя, да и не говорила бы съ тобою. Но это неправда...

-- Неправда?!-- повторилъ онъ.

-- Я не о себѣ только думала, я спасала любовь твою, которая для меня была и есть все. Вѣдь, я ужъ не ребенокъ была, когда тебя полюбила... мнѣ минуль двадцать одинъ годъ... жизнь, вспомни, не легкая выпала, надумалась, наплакалась, всего было!.. Мы встрѣтились съ тобою оба голодные, оба холодные... намъ обоимъ надо было такъ много... Мы не могли не полюбить другъ друга...

Развѣ когда-нибудь, хотя въ мысли мимолетной, я могла упрекнуть тебя за мое паденіе?! Паденія не было, было счастье! Только тебя одного я могла любить, только тебя одного я любила въ жизни...

-- Алина, ради Бога не играй ты мною!-- почти простоналъ онъ, уже не скрывая своего безсилія, съ ужасомъ и невѣдомою надеждой вслушиваясь въ слова ея.

Она продолжала крѣпко сжимать его руку.

-- Когда прошелъ первый бредъ, когда, помнишь, ты уѣзжалъ на двѣ недѣли изъ Снѣжкова, я оглянулась, я обо всемъ, обо всемъ передумала... Я хорошо поняла тебя, и ужаснулась за наше счастье. Я знала, что если соглашусь: уѣхать съ тобой за границу, то все кончится очень скоро. Что-жъ? Я позора что ли испугалась? или того, что ты меня бросишь? Я знала, что насъ ждетъ проза, самая ужасная проза и въ концѣ-концовъ бѣдность. Ну, а твое счастье съ прозой и бѣдностью -- несовмѣстимо.

-- Поэтому надо было бросить меня, какъ собаку, а самой превратиться въ *grande dame*, продавъ себя... такому челоуѣку!..

-- Положимъ, въ концѣ-концовъ твоя жена согласилась бы, на разводъ, положимъ, мы нашли бы возможность обвѣнчаться... Что-жъ было бы дальше? Мы превратились бы въ супруговъ, не обезпеченныхъ и въ то же время вѣчно стремящихся къ поэзіи, красотѣ, роскоши. Въ концѣ-концовъ мы только бы измучили, истерзали другъ друга. Можетъ быть наша любовь и не умерла бы, я думаю даже, что нѣтъ, но умерло бы счастье этой любви, и она превратилась бы въ жалкаго больного уродца, надъ которымъ бы мы вѣчно терзались, отравляя себя и доходя до отчаянія... Ну, скажи же мнѣ, что это только мои фантазіи, что въ моихъ словахъ нѣтъ правды!

-- Если въ нихъ правда, мы съ тобою очень жалкіе люди.

-- Можетъ быть; но разъ мы таковы, что-жъ тутъ дѣлать! Да и не унижай себя напрасно. Настоящій художникъ, такой какъ ты, все же выше самага великаго мѣщанина! Но, вѣдь noblesse oblige... злая завистливая волшебница является со своимъ роковымъ подаркомъ, и этотъ ея подарокъ родившемуся художнику -- вѣчная жажда и голодъ, вѣчная

неудовлетворенность души, погоня за убѣгающимъ счастьемъ. Или ты забыль, какъ пѣль мнѣ про это въ Снѣжковѣ? Да я-то помню, я никогда не забуду этой твоей легенды. Ты довелъ меня до слезъ тогда! почти до припадка этою своею легендой. И я поняла, тебя слушая, до какой степени ты несчастень, и я поклялась тогда дать тебѣ сколько можно счастья... я навсегда отдалась тебѣ съ той минуты.

-- Ты бредишь, Алина, или жестоко издѣваешься надо мною...

Она покачала головой и еще крѣпче сжала его руку.

-- Такъ зачѣмъ же ты ушла отъ меня, зачѣмъ заставила прожить эти тяжкія шесть лѣтъ, зачѣмъ умерла для меня и до сегодня не вставала изъ гроба?

Въ его словахъ прозвучала такая боль, что и у нея защемило сердце.

-- А вотъ именно для того, чтобы могъ настать сегодняшній день,-- такимъ ласкающимъ шопотомъ говорила она:-- этотъ день не могъ наступить раньше, поэтому я и не звала тебя... Только теперь я всего достигла, теперь

я могу быть поэзией твоей жизни...

Ея голосъ дрогнулъ, изъ глазъ брызнули слезы.

Онъ глядѣлъ на нее какъ безумный.

-- Миша, ихъ нѣтъ, этихъ шести лѣтъ... Наше время вернулось, только я спокойна теперь за будущее... я твоя, какъ всегда... и ты одинъ для меня въ мѣрѣ... тебѣ холодно -- я согрѣю тебя, ты усталъ -- отдохнешь у моего сердца... Миша, жизнь моя, или ты ужъ не вѣришь мнѣ... или ты ужъ меня не любишь?!

-- Если ты лжешь... все равно -- лги, только не дай мнѣ проснуться!

Онъ привлекъ ее къ себѣ, впиваясь въ губы прежнимъ безумнымъ поцѣлуемъ.

-- Peut-on entrer?-- послышался за дверью громкій, скрипящій голосъ!

Они вздрогнули, быстро отстраняясь другъ отъ друга.

Они оба совсѣмъ даже забыли о самомъ существованіи этого человѣка. Но онъ о себѣ напомнилъ.

Онъ вошелъ красный, потирая руки, отвратительно ослабляясь и сверкая вставными зубами.

— А, Михайлъ Александровичъ, chère cousin, вотъ и вы, наконецъ, въ нашемъ гнѣздѣ... По лицу вижу, что вамъ хорошо намылили голову... Алина на это мастеръ!-- проскрипѣлъ онъ.

XIX.

Аникѣевъ поднялся при этихъ словахъ и съ дрожью отвращенія отвѣтилъ на крѣпкое пожатіе красной и холодной руки князя. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи уставшаго нищаго, заснувшаго по дорогѣ возлѣ канавы. Въ яркомъ снѣ привидѣлись ему всѣ райскія утѣхи. Онъ входилъ, по пышнымъ коврамъ, въ пиршественный залъ, полный неземной музыки и благоуханій. Онъ ужъ ощущалъ вкусъ сочныхъ блюдъ и чудныхъ напитковъ... И вдругъ ударъ грома надъ его головой -- онъ очнулся и видитъ, что во время сна свалился въ канаву, что барахтается въ зловонной, отвратительной тинѣ.

Не разъ, въ мучительныя, лихорадочныя ночи, на Аникѣева наплывали самые безобразные кошмары; но всякій ужасный кошмаръ былъ пріятенъ въ сравненіи съ тѣмъ,

что случилось.

Сразу все замерло: ни страсти, ни ревности, ни злобы -- ничего не осталось, кромѣ ощущенія гадливаго ужаса -- и къ этому самодовольному уроду, сверкавшему предъ нимъ вставными зубами, и къ Алинѣ -- уже спокойной, ласково небрежной и скучающей, а прежде всего -- къ самому себѣ.

И въ то же время онъ старался внимательно, соображая, слушать болтовню «la bête», отвѣчать ему, и въ свою очередь задавать ему вопросы. Только онъ былъ неестественно блѣденъ, только глаза его поминутно вспыхивали, а то никакому самому тонкому наблюдателю не пришло бы въ голову, что въ сердцѣ этого лѣниваго и насмѣшливо бесѣдующаго человѣка кипитъ цѣлый адъ.

Алина время отъ времени бросала на него мгновенные, тревожные взгляды; но онъ ея не замѣчалъ, хоть и глядѣлъ на нее и переговаривался съ нею.

-- Я безъ церемоніи, Михаилъ Александровичъ,-- вдругъ объявилъ «la bête»:-- мнѣ надо быть въ концертъ, я заѣхалъ домой только переодѣться... А ты, Алина, у тебя сегодня ни-

кого нѣтъ? ты никуда не ѣдешь?

-- Никуда,-- устало откидываясь на спинку кресла скучающимъ тономъ протянула она:-- меня весь день что-то ломаетъ...

-- Богъ съ тобою... что ты! ужь не инфлуэнца ли?-- слишкомъ тревожно воскликнулъ «la bête», а между тѣмъ скосилъ глаза, подозрительно и насмѣшливо оглядывая всю фигуру жены.

-- Такъ вы сдѣлайте такую милость, останьтесь съ ней часокъ-другой въ видѣ сидѣлки!-- вдругъ повернулся онъ къ Аникѣеву.

Онъ ужь, очевидно, и не хотѣлъ скрывать насмѣшки. Осклабляясь во все лицо, оттопыривая нижнюю губу и щуря глаза, онъ вызывающе глядѣлъ то на жену, то на гостя.

Аникѣевъ не могъ больше выдержать.

-- Нѣтъ, мнѣ пора,-- сказалъ онъ, вставая: -- меня ждуть дома по неотложному дѣлу.

-- Останьтесь,-- спокойно произнесла Али-на.

-- Извините, хоть мнѣ и очень не хочется, но долженъ ѣхать,-- ей въ тонъ отвѣтилъ Аникѣевъ, взялъ ея руку и поднесъ ее къ губамъ.

Она изумленно взглянула на него и тотчас же опустила глаза.

Она увидѣла по лицу его, что настаивать опасно, и поняла его состояніе.

Князь проводилъ гостя до передней, просилъ «не забывать» -- и вернулся къ женѣ. Онъ засталъ ее на томъ же креслѣ, въ той же позѣ, съ откинутой головой и застывшимъ лицомъ.

-- Что-жъ, ты въ самомъ дѣлѣ, нездорова?-- спросилъ онъ.

Она подняла на него глаза, потомъ закрыла ихъ и ничего не отвѣтила. Князь постоялъ передъ нею, раскачиваясь своимъ короткимъ круглымъ туловищемъ на тонкихъ ногахъ, потомъ глупо и противно не то фыркнулъ, не то хрюкнулъ, взглянулъ на часы, и вдругъ спокойно, заложивъ нога-на-ногу, разлегся въ креслѣ.

-- Отчего же вы не идете переодѣваться?-- спросила Алина, не открывая глазъ.

-- Успѣю,-- произнесъ онъ и опять хрюкнулъ:-- не беспокойтесь, я не стану мѣшать вашимъ мечтаніямъ, я уѣду... Если вы покинуты вашимъ интереснымъ гостемъ -- это не моя вина: я предлагалъ ему остаться... Но

вотъ онъ сбѣжалъ, и я хочу вамъ сказать нѣсколько словъ, моя прекрасная княгиня...

Она открыла глаза, но на него все же не взглянула.

Онъ продолжалъ:

-- Я хочу вамъ сказать, что вы самымъ... неблагоприятнымъ образомъ нарушили наше условіе...

Алина выпрямилась.

-- Я никогда не обѣщала вамъ, что не буду принимать Михаила Александровича,-- сказала она: -- къ тому же, вѣдь, онъ былъ здѣсь съ вашего вѣдома, вы сами вчера ничего не имѣли противъ него.

-- Я и сегодня ничего не имѣю; но вы такъ стремительны, вы такъ, очевидно, спѣшите наверстать потерянное время, что слишкомъ ужъ неосторожны. вмѣсто меня, могъ войти кто-нибудь другой... лакей, ваша горничная, всѣ могли увидѣть то, что я увидѣлъ.

Она невольно вздрогнула, и отвратительное чувство возмущенія, соединеннаго со стыдомъ, защемило ей сердце.

-- Оставьте меня,-- прошептала она не

своимъ голосомъ:-- передъ вами я не отвѣтственна и никакихъ объясненій не желаю...

-- Ого-го!-- перебилъ «la bête»:-- нѣтъ, извините меня, княгиня, разъ вы носите мое имя, и разъ между нами договоръ... Что жъ это съ вами такое случилось? шесть лѣтъ, шутка сказать! держались на своемъ пьедесталѣ и вдругъ -- «dis moi, Venus, quel plaisir trouves-tu...» старый Парисъ явился... Ого-го!

Этотъ тонъ, это «ого-го!» подняли въ Алинѣ такое бѣшенство, какого она еще никогда не испытывала. Она встала и направилась къ двери; но князь, въ то время какъ она проходила мимо него, поймалъ ея руку и не выпускалъ. Она поневолѣ должна была остановиться, вся пылающая, съ искаженнымъ лицомъ, силясь освободить руку, которую сжимали, какъ клещи, костлявые, холодные пальцы.

-- Пустите же меня!-- почти задыхаясь, крикнула Алина.

-- Ma belle enfant, не горячитесь!-- проскрипѣлъ «la bête», поднимаясь съ кресла.

Онъ выпустилъ ея руку, но сталъ такъ, что объ она не могла пройти къ двери.

-- Вы очень хорошо понимаете, что я вовсе не намѣренъ читать вамъ нотацій или обращаться къ вашимъ высокимъ чувствамъ,-- продолжалъ онъ, стараясь придать себѣ видъ горделиваго достоинства, выпячивая губу и становясь въ позу: -- нашъ бракъ, какъ это называется... фиктивный, между нами заключено условіе, и если я, со своей стороны, его исполняю -- я требую того же и отъ васъ.

-- Ничего не можете вы требовать,-- задыхаясь отъ презрѣнія къ нему, чувства гадливости и въ то же время отъ жгучаго стыда, проговорила Алина.

-- Вотъ какъ!-- взвизгнулъ князь.-- Прежде у васъ со мною былъ иной тонъ... Я спасъ васъ отъ позора, отъ нищеты, далъ вамъ такое положеніе, какого вамъ и во снѣ не снилось...

Теперь Алина ужъ не порывалась уйти. Она окинула своего мужа уничтожающимъ взглядомъ и зло усмѣхнулась.

-- Вы возвращаетесь къ прошлому,-- медленно произнесла она;-- и, кажется, желаете показаться моимъ благодѣтелемъ. Однако, я слишкомъ щедро заплатила вамъ за ваше имя и все остальное. Вспомните-ка, что вы

были и что вы теперь, князь!.. князь, котораго даже въ порядочный трактиръ не впускали... Что-жь, это полученное вами наслѣдство дало вамъ что ли теперешнее ваше положеніе?! Вы отлично знаете, что все, все дала вамъ я!

Онъ зналъ это,

-- Но... но, вѣдь, вашимъ поведеніемъ вы можете все испортить, Алина,-- уже совсѣмъ инымъ тономъ, внезапно стихая, протянуль отъ.

-- Не беспокойтесь, не заботьтесь о моемъ поведеніи... Будьте увѣрены, я ни себя, ни васъ не уроню... Завтра мы получимъ приглашеніе -- вы знаете какое... а къ лѣту у васъ будетъ то, чего вы такъ пламенно желаете...

-- Алина... это вѣрно? Когда ты узнала?-- встрепенувшись, багровѣя и съ заблиставшими глзами спрашиваль «la bête».

Она будто не слышала его вопросовъ и продолжала:

-- Если же вы еще разъ позволите себѣ вмѣшиваться въ мои дѣла, я уѣду... возьму и уѣду... въ Петровское... за границу... куда вздумая... Тогда безъ меня и устраивайтесь какъ

знаете.

Проговоривъ это, Алина вернулась на свое прежнее кресло у камина и стала глядѣть въ огонь широко раскрытыми, неподвижными глазами. Въ ней ужъ не было ни отвращенія, ни стыда, ни гнѣва. На нее нашло тяжелое оцѣпенье.

-- Только, Бога ради, будьте осторожны! Подумайте о себѣ, о себѣ подумайте!-- воскликнулъ «la bête» и быстро вышелъ изъ комнаты

XX.

Вотъ она и сидѣла, глядя въ огонь камина, и долго долго о себѣ думала среди невозмутимой, застывшей тишины своей уютной любимой гостиной. Впрочемъ, это были не мысли, а скорѣе ощущенія, смутныя, тревожныя, въ которыхъ то и дѣло сказывалась неожиданная и совсѣмъ даже не подозрѣвавшаяся ею, внутренняя, неприкрашенная правда ея жизни.

Замирая отъ страсти, полная жаждой стараго «снѣжковскаго» счастья и оправдывая себя передъ Аникѣевымъ, объясняя ему свои поступки, Алина говорила искренно. Она са-

ма была увѣрена въ томъ, что все это и было именно такъ, что въ словахъ ея заключается самая настоящая правда. Да все было сдѣлано ею ради любви къ нему, объ одномъ она думала -- о немъ, объ его счастья. Она не задумываясь, готова была бы принять присягу, произнести какую угодно клятву, что все такъ именно и произошло, что таковы именно и были ея мысли и чувства.

А, между тѣмъ, такъ ли оно случилось въ дѣйствительности?

Конечно, Алина полюбила тогда Аникѣва безъ оглядки, пережила безумный припадокъ страсти въ старыхъ аллеяхъ великолѣпнаго, заросшаго парка, среди невозмутимой деревенской тишины.

Дѣтство Алины прошло одиноко, а юность скучно.

Мать у нея была неглупая, очень начитанная женщина, и даже сама напечатала двѣ недурныя повѣсти, о которыхъ въ свое время говорили. Она передала единственной дочери всѣ свои познанія, развала ея вкусы, возбудила въ ней потребности, несовмѣстимыя съ окружавшей ихъ провинціальной средою.

Какъ мать протомилась и проскучала всю жизнь, такъ и дочь, придя въ возрастъ, стала скучать и томиться. Въ губернскомъ обществѣ она скоро прослыла за гордячку, недоступную, холодную. Ее иначе и не называли, какъ «принцесса на горошинкѣ». Такъ оно и было за исключеніемъ однако, холодности. Она чувствовала себя самой настоящей принцессой, ко всѣмъ относилась свысока, даже съ презрѣніемъ, и ждала «настоящаго» принца. Крѣпкая, здоровая, не знавшая, что такое болѣзнь, полная бьющей ключемъ жизненности и хорошѣвшая съ каждымъ годомъ, она сознавала свою красоту и силу и спокойно, терпѣливо ждала счастья.

А счастье не приходило; мало того начались бѣды, настоящее горе. Мать перенесла сильное воспаленіе легкихъ, послѣ котораго ужъ не могла оправиться; у нея медленно развивалась чахотка. Отецъ задумалъ разбогатѣть, отдалъ весь свой небольшой капиталъ въ какое-то предпріятіе и скоро потерялъ все, безъ остатка. Человѣкъ онъ былъ матеріальный, внутри себя поддержки никакой не нашель, и такая неудача представи-

ласть ему гибелью. А разъ онъ сказалъ себѣ, что это гибель -- онъ, конечно, и погибъ. Его хватилъ параличъ, онъ просуществовалъ больше года въ состояніи безсмысленнаго, нѣмого и недвижимаго звѣря и, наконецъ, умеръ.

Пришлось собрать послѣднія крохи и переселиться въ деревню, въ старый мелкопомѣстный домикъ.

Здѣсь Алина, глядя на мать, совсѣмъ придавленную горемъ и быстро таявшую, собиралась съ мыслями, рѣшала и не могла рѣшить вопроса: что же теперь будетъ и откуда теперь можетъ придти судьба ея?

А судьба была очень близко и надвигалась съ двухъ сторонъ. Верстахъ въ двадцати съ одной стороны находилось Петровское, огромное старинное помѣстье богатаго рода Каташовыхъ, а въ пяти верстахъ съ другой стороны было Снѣжково, перешедшее послѣ матери въ собственность Михаила Аникѣева.

Старикъ Каташовъ, дряхлый нелюдимъ, умеръ безъ завѣщанія, и Петровское, вмѣстѣ съ большимъ, прикопленнымъ долгими годами богатствомъ, перешло по закону къ его

единственному внуку сыну дочери.

Исторія этого внука была старой исторіей. Дѣдъ его давно проклялъ, и никто не смѣлъ произносить передъ нимъ его имени. Почему, за что проклялъ? Говорили, что еще юношей этотъ внукъ надѣлалъ самыхъ невозможныхъ гадостей и даже, кажется, обокралъ дѣда. Потомъ носились слухи, что онъ совсѣмъ спился, впалъ съ крайній, отвратительный развратъ. Наконецъ, не мало лѣтъ о немъ совсѣмъ ничего не было слышно.

Но вотъ онъ неожиданно получилъ дѣдовское наслѣдство и появился сначала въ городѣ, а потомъ и въ Петровскомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ только и разговору было что о князѣ. Въ виду такого крупнаго богатства, о прошломъ, конечно, можно было забыть, и отъ самага князя зависѣло теперь достигнуть въ губерніи чего угодно.

Только въ томъ-то и дѣло, что князь оказался «невозможнымъ». Онъ представлялъ рѣдкое соединеніе физическаго уродства съ глупостью, грубостью и безтактностью. Онъ сначала вооружилъ противъ себя всѣхъ, а потомъ потребовалъ себѣ перваго мѣста, поже-

лалъ быть избраннымъ въ губернскіе предводители дворянства. Надъ нимъ смѣялись въ глаза и забаллотировали единогласно.

Онъ выходилъ изъ себя, полетѣлъ въ Петербургъ; но тамъ потерпѣлъ окончательное пораженіе. Онъ имѣлъ даже нѣсколько непріятностей благодаря тому, что весьма глупо и грубо предлагалъ взятки въ неподходящихъ мѣстахъ и неподходящимъ лицамъ.

Между тѣмъ, послѣ долгихъ лѣтъ глубокаго паденія и всяческихъ униженій, въ немъ теперь клокотало честолюбіе -- единственная страсть, ему оставшаяся. Къ женщинамъ онъ не только была равнодушенъ, но и терпѣть ихъ не могъ. Отъ пьянства, едва не унесшаго его въ могилу, онъ отсталъ ради любви къ жизни и здоровью, которое теперь берегъ всѣми мѣрами.

Онъ рѣшилъ во что бы ни стало наверстать потерянное, проникнуть въ высшее общество и создать въ немъ себѣ блестящее положеніе. Неудачи, въ провинціи и въ Петербургѣ довели его до бѣшенства и отчаянія.

Онъ поѣхалъ въ свое Петровское и готовъ былъ вызывать чорта себѣ на подмогу. Чортъ

не явился въ собственномъ образѣ, но выслалъ вмѣсто себя женщину: князь познакомился съ Алиной.

Еще въ Петербургѣ его повѣренный, человекъ понимающій, неоднократно ему доказывалъ, что только женитьбой на очень красивой, умной и ловкой женщинѣ онъ можетъ утвердиться въ обществѣ, устроить «домъ» и достигнуть «положенія». Князь; по своему обычаю, хрюкалъ и гримасничалъ на это. А между тѣмъ мысль запала, и онъ, въ своемъ деревенскомъ уединеніи, перевертывалъ ее во всѣ стороны.

Увидя красавицу Алину, эту «принцессу на горошинкѣ», онъ сказалъ себѣ: «Вотъ была бы княгиня... такихъ въ Петербургѣ не сыщешь!» Это-то онъ могъ сообразить, что она гдѣ угодно будетъ на мѣстѣ, что она умна, ловка и хорошо воспитана. Главное же -- бѣдна, а когда мать умретъ -- куда-жъ ей? Жениховъ нѣтъ, въ гувернантки не пойдетъ...

Князь зачастилъ было въ маленькій домикъ, сталъ подъѣзжать со своими намеками сначала къ матери, а потомъ и къ самой Алинѣ. Но онъ былъ слишкомъ отвратите-

лень, а Алина, конечно, не знала, что бракъ съ нимъ можетъ быть только «фиктивнымъ» бракомъ. Она очень ловко отстранила его слишкомъ частыя посѣщенія. Однако, онъ все же появлялся время отъ времени и, упрямый по своей природѣ, не терялъ надежду. Онъ ждалъ смерти матери Алины.

Такъ стояли дѣла, когда, среди зимы, пріѣхалъ въ Снѣжково Аникѣевъ. Онъ тотчасъ посѣтилъ своихъ родственницъ, съ которыми не видался лѣтъ десять. Алина сразу произвела на него потрясающее, именно потрясающее, впечатлѣніе. Мало ли какихъ женщинъ и дѣвушекъ встрѣчалъ онъ, мало ли къ кому изъ нихъ влекло его болѣе или менѣе горячее, мимолетное желаніе. Но это было совсѣмъ не то. Послѣ перваго свиданія съ Алиной онъ возвращался въ Снѣжково опьяненный ею до отчаянія и до экстаза. Въ немъ проснулись два существа: голодный звѣрь и еще болѣе голодный, умирающій съ голоду, истинный художникъ.

Очнувшись, онъ хотѣлъ бѣжать, бѣжать назадъ, въ Петербургъ, отъ этого отчаянія, отъ этого соблазна. Онъ и побѣжалъ, но не въ

Петербургъ, а къ Алинѣ.

Они поняли другъ друга очень скоро. Черезъ мѣсяць ихъ уже охватилъ слѣпой, всепожирающій эгоизмъ страсти, весь мiръ сосредоточился въ ихъ двухъ существахъ, а все остальное исчезло. Весна прошла въ мучительной и сладкой идилліи, которую уничтожилъ прїѣздъ въ Снѣжково Лидіи Андреевны.

Дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ рассказывала она madame Бубенъевой. Алина показала въ Снѣжковѣ всего разъ, а затѣмъ уѣхала съ матерью верстъ за пятьдесятъ въ монастырь и прожила тамъ два мѣсяца. Аникѣевъ бродилъ какъ тѣнь, исхудаль, потерялъ сонъ и аппетитъ и, наконецъ, повинился предъ женою въ любви своей, въ своемъ несчастіи.

Уже нѣсколько лѣтъ ихъ бракъ, и совершенно не по его винѣ, имѣлъ только внѣшній видъ брака. Онъ умолялъ теперь Лидію Андреевну дать ему разводъ, причемъ, конечно, бралъ вину на себя и предоставлялъ женѣ значительное обезпеченіе. По она объ этомъ и слышать не хотѣла.

Она очень спокойно и съ презрительной миной сказала ему:

-- О разводъ ты и не мечтай! Что ты безсовѣстный фантазеръ, это давно знаю... Нашель такую же безсовѣстную дуру -- ну, и любитесь сколько угодно. Только чтобы все было шито и крыто. Я еще мѣсяць пробуду въ Снѣжковѣ,-- это мнѣ такъ надо,-- а потомъ уѣду. Вотъ ты и оставайся тогда со своею красавицей, только смотри -- отъ любви не одурѣй совсѣмъ, продай хлѣбъ во-время, собери всѣ деньги и привези ихъ мнѣ. Если же вздумаешь на нее тратить -- тогда берегись: разговоръ у насъ будетъ совсѣмъ ужъ другой...

Объяснила все это Лидія Андреевна и вышла изъ комнаты, оставивъ его въ настоящемъ столбнякѣ. Онъ долго не могъ придти въ себя; но когда пришелъ, то понялъ, что, вѣдь, иначе она говорить не могла и не могла остановиться ни на какомъ иномъ рѣшеніи. Она ужъ давно перестала съ нимъ церемониться и очень часто, во время ихъ объясненій, снимала маску.

Этотъ второй мѣсяць былъ еще хуже пер-

ваго. Лидія Андреевна дѣлала свое дѣло. Она выказывала полнѣйшее и спокойное призраііе къ Аникѣеву и въ то же время по нѣсколькx разъ въ день находила предлоги косвенно, намеками, конечно, не называя, оскорблять Алину. Она очевидно вызывала Аникѣева на бѣшенство, на припадокъ, на грубую сцену. Онъ понялъ это и сталь отъ нея скриваться. Такъ прошло недѣли двѣ...

Но ей было скучно, она принялась его преслѣдовать и въ то же время явно, съ подчеркиваніемъ, отстраняла отъ него Соню. Онъ почувствовалъ, что не отвѣчаетъ за себя, что начинаетъ ненавидѣть эту женщину.

-- Объ одномъ только прошу,-- шепталъ онъ, блѣдный какъ смерть, стуча зубами:-- оставьте меня, не говорите со мной!

-- Нѣтъ, отчего же не говорить!-- отвѣчала Лидія Андреевна, пристально и зло глядя ему прямо въ глаза:-- я вовсе не хочу, чтобы гувернантка и прислуга на насъ пальцами показывали. Надо соблюдать приличія -- это мое единственное условіе.. Кажется, я немногаго требую!

Наконецъ, она уѣхала.

Когда Алина, вернувшись изъ монастыря, увидѣла Аникѣева, она его не узнала. Онъ имѣлъ видъ не только совсѣмъ больного человека, но и помѣшаннаго.

XXI.

Теперь ужъ никакая сила не могла ихъ оторвать другъ отъ друга. Бѣдная мать Алины все видѣла, все понимала и, прежде всего, понимала свое безсиліе. Что могла она? Въ ихъ любви, вмѣстѣ съ опьяненіемъ и блаженствомъ, было столько муки! Значить, больной матери оставалось только окончательно истерзать единственную любимую дочь своими жалобами, бесплодными совѣтами и слезами.

Къ тому же она сама не въ силахъ была смотрѣть на Аникѣева, какъ смотрѣла бы на всякаго другого въ такихъ обстоятельствахъ; она сама поддалась его обаянію, почувствовала его неотразимость для такой дѣвушки, какъ Алина.

Безсонными ночами, запершись въ своей укромной спаленкѣ, эта несчастная мать задавала себѣ все одинъ и тотъ же вопросъ: «что-жъ теперь будетъ?». Отвѣта не было, не

могло быть. Она плакала, плакала неслышными, горькими, материнскими слезами, кашляла, дрогла въ чахоточной лихорадкѣ, слабѣла съ каждымъ днемъ и прислушивалась къ приближенію смерти...

Какъ непрерывная, волшебная мелодія протекали для Аникѣева съ Алиной деревенскіе дни и ночи. Ненасытная страсть, поэзія, музыка, пѣніе, недоговоренныя мысли, смѣняющія одна другую причудливыя мечты... Незамѣтно надвигавшаяся теплая, душистая, грустно ласкающая осень...

Однако, и осень эта стала холодной и дождливой. Старый паркъ умиралъ, и жутко становилось въ его облетѣвшихъ, влажныхъ, покрытыхъ сухою листвою, аллеяхъ...

Хлѣбъ былъ проданъ, и даже очень выгодно. Лидія Андреевна настоятельно требовала, чтобы Аникѣевъ непременно самъ привезъ деньги въ Петербургъ. Она грозила, въ случаѣ отказа, своимъ появленіемъ. Это было не особенно страшно: Аникѣевъ зналъ, что поздней осенью она въ деревню не поѣдетъ ни за что въ міръ. Но, дѣйствительно, неотложныя дѣла требовали его присутствія въ Петербургъ --

главное же онъ рѣшилъ снова, и на этотъ разъ окончательно, требовать отъ жены развода. Вѣдь, не могъ же онъ такъ оставлять Алину.

Онъ уѣхалъ -- и вотъ тутъ-то все совершилось. Алина очнулась отъ припадка страсти, увидѣла себя, увидѣла свою больную мать, увидѣла въ безнадежномъ, отчаянномъ взглядѣ матери, что тайны нѣтъ. Да развѣ она думала о томъ, чтобы скрывать свою тайну -- она до сихъ поръ ни о чемъ не думала, а только любила.

Ну, и довольно, гроза налетѣла -- и пронеслась. Алинѣ стало жутко.

Когда Аникѣевъ былъ здѣсь,-- не могло даже представиться, какъ это будетъ безъ него. Теперь его нѣтъ. Онъ вернется, но когда? А вдругъ совсѣмъ не вернется? вдругъ «не вернется» -- если и не теперь, то, все равно, хоть чрезъ годъ, чрезъ два, чрезъ пять лѣтъ?!

Сѣрое, безпривѣтное небо, порывы вѣтра, безконечный дождь, обливающій стекла маленькихъ оконъ, отъ которыхъ невыносимо дуется, низенькія комнатки съ закопченными потолками и старой мебелью, кашель матери,

ея тихіе, сдерживаемые стоны.

Алина запиралась у себя и плакала по часамъ, а до сихъ поръ, съ самага дѣтства, она никогда не плакала. Когда останавливались слезы, она, опять-таки по часамъ, сидѣла у подоконника, прижавшись лбомъ къ холодному стеклу и безсмысленно глядѣла широко раскрытыми, немигавшими глазами прямо предъ собою, на ненастное небо, на пожелтѣвшую траву, на косогоръ, по которому извивалась грязная дорога. Распустившаяся коса ея тяжело спускалась съ кресла, плечи нервно вздрагивали подъ сѣрымъ пуховымъ платкомъ, на прелестномъ поблѣднѣвшемъ лицѣ блуждало страдальческое, жалкое выраженіе...

А дождь лиль, вѣтеръ завываль, отъ окна и отъ пола дуло, такъ что ноги стыли въ теплыхъ, подшитыхъ толстою байкой ботинкахъ. А изъ сосѣдней комнаты раздавался мучительный кашель матери, ея тихіе стоны.

Въ одинъ изъ такихъ дней и часовъ Алина увидѣла, что по косогору спускается маленькая карета, вся забрызганная грязью. Тоска и это мертвое уединеніе были такъ невыноси-

мы, что даже прїѣздъ безобразнаго и глупаго князя заставилъ вострепнуться, превратился въ радостное событіе. Князь никогда еще не былъ встрѣченъ такъ радушно, съ такимъ искреннимъ удовольствіемъ. Онъ торжествуяще потиралъ себѣ руки, показывая во всю ширину громаднаго рта вставные зубы, и скрипѣлъ:

— Прїѣхалъ навѣдаться, живы ли! вѣдь, теперь, въ такую погоду, деревня -- это смерть, могила!.. Вонъ барышня какъ поблѣднѣла!.. да, не мѣсто вамъ здѣсь, не мѣсто... все равно, какъ если бы роза въ темномъ, холодномъ подвалѣ... А въ Петербургѣ теперь -- сезонъ, балы, театры, концерты, жизнь... А заграницей... вотъ я именно въ позднее осеннее время въ Біарицѣ купался... теплынь... на небѣ ни облачка... океанъ...

Онъ не могъ не видѣть, что его вовсе некраснорѣчивые рассказы производятъ на Алину подавляющее впечатлѣніе. Соблазнъ былъ грубый, избитый; но и такого даже соблазна оказывалось за глаза довольно въ эти осенніе, безнадежные дни.

И князь продолжалъ подливать масла въ

разгорѣвшееся воображеніе Алины.

Онъ вернулся чрезъ два дня и принялся за то же. А когда проглянуло солнце и грязь немного пообсохла, онъ пріѣхалъ въ покойномъ ландо, уговорилъ больную и повезъ ихъ къ себѣ въ Петровское, обязавшись доставить обратно засвѣтло.

Петровскій домъ былъ обновленъ и послѣ жалкаго домика не могъ не показаться Алинѣ настоящимъ раемъ. Вотъ тутъ-то она окончательно поняла свое призваніе и увидѣла, что именно ей теперь остается, какой можетъ быть для нея выходъ.

Но она любила Аникѣева, она еще не остыла послѣ его поцѣлуевъ, и если бы князь вздумала, глядѣть на нее влюбленными глазами и говорить ей о своемъ чувствѣ, она отвергла бы его предложеніе съ негодованіемъ и ужасомъ. Князь не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать такой ошибки. Онъ долженъ былъ дѣйствовать «на чистоту», не скрылъ отъ нея ничего, прямо и цинично высказалъ свои требованія, выяснилъ ей еще безцеремоннѣе и грубѣе всю безвыходность ея положенія, очень ясно намекнулъ ей, что подозрѣваетъ

ея отношенія съ Аникѣевымъ, но что это ничему не мѣшаетъ, если она хочетъ впредь быть «благоразумной».

Онъ ошеломилъ ее, не далъ ей возможности вовремя остановить его, заставилъ выслушать все до конца и спокойно заключилъ словами:

-- Подумайте и обдумайте хорошенько. Жизнь -- не шутка!

Еслибы установилась хорошая погода, еслибы на слѣдующій день вернулся Аникѣевъ, Алина все же никогда, быть можетъ, но превратилась бы въ княгиню и владѣтельница Петровскаго. Но погода на слѣдующій день была адская; больная мать простудилась немного во время поѣздки и кашляла невыносимо. Когда, чрезъ три дня, пріѣхалъ изъ Петербурга Аникѣевъ, Алина уже все обдумала, все рѣшила и встрѣтила его совсѣмъ преображенною.

Ей было очень трудно, очень тяжело, она ночью плакала и даже въ отчаяніи билась головой объ стѣну. Она писала «своему Мишѣ» письмо за письмомъ, клялась ему въ вѣчной любви, выставляла свое рѣшеніе неизбѣжной,

тяжкой жертвой, рвала эти письма и не послала ни одного изъ нихъ.

Аникѣевъ явился опять, добивался объясненія, но такъ и не добился. Алина не отходила отъ матери, которой было очень нехорошо. Онъ все же нашель возможность шепнуть, что Лидія Андреевна ни за что не соглашается на разводъ, что безъ ея согласія ничего нельзя сдѣлать и что имъ остается одно -- уѣхать скорѣе за границу. Алина показала глазами на мать, а потомъ молчала и старалась не глядѣть на него.

На слѣдующее утро она извѣстила его, что выходитъ замужъ за князя, что это единственное, остающееся ей въ ея положеніи, что она проситъ его ѣхать теперь въ Петербургъ, гдѣ они скоро должны встрѣтиться, и встрѣтиться друзьями, родными..

Вотъ какъ было дѣло.

Алина осталась вѣрной Аникѣеву, она долго о немъ думала, томилась по немъ; но сумѣла побѣдить въ себѣ голосъ страсти, такъ что, наконецъ, почти его не чувствовала. Къ тому же въ первый годъ ее отвлекала предсмертная болѣзнь матери, а потомъ тоска по

ея утратѣ. Мало-по-малу она втянулась въ свою новую жизнь, ставила себѣ цѣли и, достигая ихъ, испытывала удовлетвореніе. Она добилаь многого, и князь до сихъ поръ могъ только гордиться своимъ выборомъ. Давно ли его не впускали ни въ одинъ мало-мальски порядочный домъ, а теперь вотъ онъ сдѣлался, хоть и въ роли «la bête», неизбѣжнымъ украшеніемъ всѣхъ великосвѣтскихъ собраній. Уже послѣ полученія дѣдовскаго наслѣдства онъ никакъ не могъ достигнуть хоть сколько-нибудь «приличнаго положенія», а теперь для него открыта самая завидная почетная перспектива и скоро скоро онъ будетъ видѣть блескъ и золото не только вокругъ себя, но и на себѣ самомъ. Всѣ эти чудеса совершила Алина, одна она, и ей все, самое трудное, такъ легко, быстро и незамѣтно, удается. Онъ слушается ее во всемъ, дѣйствуетъ и говоритъ согласно ея предписаніямъ и дѣло «катится какъ на резиновыхъ шинахъ», по его любимому выраженію...

И все это для Аникѣева? Алина думаетъ теперь, она увѣрена, что все это только для

него, для него одного, что она всѣ эти шесть лѣтъ жила и дѣйствовала съ единственной цѣлью дожить до минуты, когда можно будетъ сказать ему: «теперь подо мною твердая, непоколебимая почва, теперь, о, вѣчно возлюбленный, приди въ чертогъ мой и вкуси со мною счастье!»

Алина не останавливается на вопросѣ о томъ, почему же именно теперь пришла «эта минута». Развѣ она не могла прійти и годъ, и два года тому назадъ? Вѣдь, ужъ давно подъ нею «твердая почва». Да и что-жъ, развѣ это она, чарами своей любви, вызвала Аникѣева на вечеръ къ Вилимской-Талубьевой, гдѣ съ нимъ встрѣтилась? Аникѣевъ за эти года могъ сто разъ умереть, сойти съ ума, безумно полюбить другую женщину, устроить свою жизнь такъ, что никогда бы и не встрѣтился съ Алиной. Что случилось бы тогда съ шестью годами ея жизни, съ ея цѣлью «создать счастье для несчастнаго избранника своего сердца»?

Но какое дѣло ей до всѣхъ этихъ разсужденій. Онъ здѣсь. На губахъ ея горитъ поцѣлуй его. Художникъ снова оживилъ свою

Галатею, и прекрасная статуя вся блещетъ и свѣтится возродившейся страстью.

Легенда шестилѣтняго ожиданія «этой минуты» создана -- и Алина вѣрить ей, какъ только можетъ вѣрить женщина своей завѣтной «оправдательной» легендѣ.

XXII.

Князь Вово, вѣрный данному обѣщанію, въ одиннадцатъ часовъ звонилъ у дверей Аникѣева. Сбросивъ съ плечъ шубку, онъ, какъ истый школьникъ, пригнулъ «дятла» къ полу, перескочилъ черезъ его голову и влетѣлъ въ комнату -- румяный, смѣющійся, веселый, съ такимъ безмятежнымъ выраженіемъ лица, будто никогда еще въ жизни не видалъ и не слыхалъ ничего печальнаго.

-- Вотъ и я,-- затрепалъ онъ, звонко цѣлуясь съ Аникѣевымъ:-- сегодня вездѣ умираютъ со скуки... я отбылъ свою повинность, и скорѣе къ тебѣ... Уфъ! усталъ! Sais-tu, je file du mauvais cotou... право! начинаю уставать... и здѣсь вотъ, подъ ложечкой, что-то неладно...

-- Просто объѣдаешься разными вредными гастрономическими штукаами; поѣзжай въ деревню, ѣшь простоквашу -- и все какъ рукой сниметь,-- отвѣтилъ Аникѣевъ съ невольной, старой симпатіей глядя на это «погибшее, но милое созданіе», какъ онъ мысленно называлъ его.

Еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ Аникѣевъ съ неудовольствіемъ и даже негодованіемъ думалъ о появленіи Вово. Ему, послѣ того, что съ нимъ только что случилось, хотѣлось быть одному и хотѣ немного разобраться въ себѣ, успокоиться. А тутъ эти откровенности, опять вся старая исторія... И какъ будто что-нибудь изъ этого выйдетъ!..

«Ни о чемъ я съ нимъ говорить не буду!» -- рѣшилъ онъ.

А между тѣмъ оказывалось, что именно одиночество было въ такомъ состояніи хуже всего, что появленіе Вово сейчасъ же его оживило, измѣнивъ ходъ и направленіе мыслей.

Вово подобрался поближе къ пріятелю, усѣлся съ ногами на низенькій диванъ, вынулъ изъ жилетнаго кармана маленькую, золотую эмалированную бонбоньерку и при-

нялся грызть заключавшіяся въ ней мятныя лепешечки и какія-то разноцвѣтныя крупинки.

-- Ты знаешь, Миша, я не хитеръ и подкрадываться не умѣю,-- сказалъ онъ: -- а потому начну прямо: вѣдь, я сегодня былъ... tu sais où? Chez Лидія Андреевна!

Аникѣевъ вопросительно взглянулъ на него.

-- Ну да, былъ и не раскаиваюсь. Ты хочешь видѣть Соню, n'est ce pas? Такъ вотъ что: поѣдемъ завтра вмѣстѣ... Лидія Андреевна проситъ тебя объ этомъ.

Лицо Аникѣева вспыхнуло, но тотчасъ же и поблѣднѣло.

-- Если я поѣду туда, такъ единственно для того, чтобы взять Соню и ужъ больше не отпускать ее,-- неожиданно для самого себя проговорилъ онъ.

-- *Vouyons, tu ne feras pas de sottises!*-- перебилъ его Вово.-- Скандаль ничему не поможетъ и потомъ... вѣдь, надо же подумать о дѣвочкѣ... съ ней надо быть очень, очень осторожнымъ.

Аникѣевъ бессильно опустилъ руки. Онъ и

безъ Вово отлично понималъ, что это такъ, что Сою нельзя подвергать никакимъ сценамъ.

— Скажи мнѣ, видѣлъ ты ее? Какая она? Здорова? Боже мой, неужели она совсѣмъ меня позабыла?— вдругъ почти простоналъ онъ, хватая Вово за руку.

— Сегодня я не видалъ ее, вѣрно, или училась, или гуляла съ гувернанткой.. Но я видѣлъ ее недавно. Прелестная дѣвочка... Ты не волнуйся, пожалуйста... надо все хорошенько обдумать...

Онъ подробно и очень живо, ничего не пропуская, передалъ Аникѣеву свое свиданіе и разговоръ съ Лидіей Андреевной. Это было ему очень трудно, такъ какъ вѣчная привычка «благировать», все обращать въ шутку, въ легкую насмѣшку, сильно ему мѣшала. Но, такъ какъ это было дѣло «Миши», онъ постарался не пересолить и отлично вышелъ изъ затрудненія. Аникѣевъ будто самъ присутствовалъ при этомъ свиданіи, видѣлъ передъ собою живую Лидію Андреевну.

— Разумѣется, если ты напугалъ ее моими денежными дѣлами, она станетъ

сговорчивѣй,-- усталымъ голосомъ проговорилъ онъ, когда Вово кончилъ свой «отчетъ»:- только это совсѣмъ не то... Я не могу, пойми, ни за что не могу идти къ ней. Это все не капризъ и не вопросъ самолюбія...

Онъ замолчалъ, не договоривъ, и опустилъ голову.

-- Я никогда не могъ понять и не понимаю, зачѣмъ ты женился!-- воскликнулъ Вово.-- Какъ это могло случиться?!. Повидимому, ты женился по любви, всѣ тогда это говорили, да и какъ объяснить иначе! Вѣдь, Софья Михайловна и слышать не хотѣла, отказала тебѣ въ благословеніи... И если ты все же поставилъ на своемъ... Et d'un autre coté -- между тобой и Лидіей Андреевной ничего общаго: огонь и вода. И это въ глаза бросалось, всякій дуракъ видѣлъ...

Аникѣевъ поднялся и въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Но вотъ онъ остановился передъ Вово, тяжело дыша и съ померкшими глазами.

-- Бываютъ ошибки, которыя, дѣйствительно, ужаснѣе всякаго преступленія!-- сказалъ онъ.-- Такія ошибки

наказываются жестоко, вѣчной, безсрочной каторгой... да что я -- каторгой! нѣтъ, засадятъ тебя за такую ошибку въ темный ящикъ, и сиди... а если вздумаешь вырваться, еще хуже будетъ, никуда не уйдешь, нигдѣ не скроешься . Я никому не говорилъ и не говори объ этомъ... вспоминать страшно и противно... ну что-жъ... слушай.

Онѣ опять заходилъ по комнатѣ. Онѣ говорилъ, почти безсознательно, отрывисто о томъ, что вызвалъ изъ своего прошлаго, что воскресло теперь передъ нимъ въ образахъ, съ почти осязательной матеріальностью.

-- Никто не повѣритъ, какимъ наивнымъ, ничего не знающимъ въ жизни существомъ былъ я тогда!-- говорилъ онѣ.-- Право, мнѣ казалось, что дурные люди, клевета, интриги, зло ради зла -- существуютъ только въ романахъ... Это нелѣпо, а между тѣмъ было именно такъ... Я вѣрилъ всему, что мнѣ говорили... Когда она говорила мнѣ, что не можетъ безъ меня жить, что умереть, если я уйду отъ нея, - я ей вѣрилъ. Самъ же я очень скоро почувствовалъ, что не только не люблю ее, но что она мнѣ физически антипатична. Я рѣшился

и сказалъ ей, что изъ нашего знакомства ничего не выйдетъ, что жениться на ней не позволитъ мнѣ мать, отъ которой я совсѣмъ завишу въ денежномъ отношеніи, потому что самъ ничего не имѣю. Я ушелъ, но она не оставила меня въ покоѣ, она писала мнѣ отчаянныя письма. Я встрѣтилъ ее на улицѣ, не знаю, случайно или нѣтъ... Она шла и среди бѣла дня, при всѣхъ, плакала. Она была тогда такая хрупкая будто фарфоровая, жаловалась на боль въ груди, на слабость, избалованная, бѣлоручка, почти ребенокъ... только что кончила курсъ и вынуждена была давать уроки... Вотъ она и шла съ урока... и плакала... Мнѣ стало ее такъ жалко, такъ невыносимо жалко, что я не могъ уйти... И я вернулся къ ней. А черезъ мѣсяцъ я ужъ долженъ былъ на ней жениться, потому что мнѣ говорили, что она скомпрометирована мною, да и самъ я это видѣлъ. Она вовсе ничего не требовала, она говорила, что готова быть моею служанкой, только, чтобъ я не гналъ ее, чтобы позволилъ ей жить со мною... Ты видишь, что я долженъ былъ жениться!

-- Я вижу, что тебя ловко поймали и прове-

ли!-- воскликнулъ Вово, раздувая ноздри и моргая глазами, какъ всегда это дѣлалъ, когда былъ золь.

-- Ну, что ужъ объ этомъ!-- перебилъ его Аникѣевъ.-- Быть-можетъ, и она, и всѣ они, поступали безсознательно. Я не виню ихъ. Только это была такая мука, моя свадьба! Я шель, какъ на казнь... Любовь скрасила бы все, а тутъ, въ этотъ ужасный день, даже моя жалость ослабѣла. Я чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ. Мать сначала просила, умоляла меня не жениться, но когда я написалъ ей, что это неизбежно, она объявила, что знать меня не хочетъ, что я ей не сынъ, что она никогда не проститъ меня... Она все еще надѣлась остановить меня, и я сознавалъ ея правоту, вѣрность ея материнскаго предчувствія. Но я не могъ пойти назадъ и не сдѣлать того, что почелъ ужъ своимъ долгомъ. Да, это была пытка! Жалость молчала при видѣ спокойствія и довольства невѣсты. Осталось только сознаніе своей гибели, одинокости, безнадежности и... я скажу тебѣ все, Во-во, и ты-то поймешь меня. Это моя мелочность, конечно! но, вѣдь, человекъ не можетъ

быть не собою, а другимъ существомъ... Дѣло въ томъ, что окончательно меня придавливала тогда вся обстановка, всѣ лица, которыхъ я видѣлъ и слушалъ, все, что вокругъ меня дѣлалось и говорилось, все это сѣренькое, приличное мѣщанство, казавшееся мнѣ отвратительнымъ кошмаромъ... Любовь скрасила бы все! Что такое недостаточность? Она можетъ быть все же не оскорбительной, даже изящной. Но это «приличное» петербургское мѣщанство... чтобы все было «мило», «какъ у людей»... оно рѣзало меня, рѣзало! Конечно, я мелочень...

-- Не мелочень, а просто художникъ!-- съ очень серьезнымъ, даже строгимъ, совѣмъ не своимъ лицомъ сказалъ Вово:-- au diable! si je te comprends! Ну, нѣтъ, я бы изъ церкви, отъ вѣнца сбѣжалъ, parole!

-- Не сбѣжалъ бы, ты честный человекъ, Вово!

-- Да честнымъ-то, Миша, надо прежде всего быть относительно себя, а ты вотъ съ собою сдѣлалъ самую что ни на есть возмутительную и глупую подлость... Мало ли ихъ здѣсь, этихъ скромницъ, готовыхъ сейчасъ

же повиснуть на шеѣ, чтобы превратиться въ une dame comme il faut... Такъ на всѣхъ и жениться!?!.. Еще если бы по-японски, на болѣе или менѣе короткій срокъ, но контракту -- èa passe encore...

-- Не болтай!-- остановилъ его Аникѣевъ:-- я не винилъ и не виню ее за все, что было до свадьбы. Если я не могъ любить ее, не ушелъ во-время, а потомъ поддался жалости, это ужъ мое дѣло, моя судьба. Но вотъ, въ первый же день, она закапризничала и сдѣлала мнѣ сцену. Этого я не ожидалъ! Скоро я увидѣлъ, что между нами совсѣмъ нѣтъ ничего общаго, что мы не понимаемъ другъ друга, какъ существа съ двухъ разныхъ планетъ...

Онъ остановился и на лицѣ его мелькнуло выраженіе испуга, смѣшаннаго съ отвращеніемъ.

-- Нѣтъ, есть вещи, которыя не слѣдуетъ вспоминать и о которыхъ невозможно говорить!-- прошепталъ онъ.-- Я знаю какія усилія я надъ собою дѣлалъ... Я, конечно, скрывалъ это всѣхъ, а прежде всего отъ матери, мое положеніе... Я пробовалъ смотрѣть на все, какъ на крестъ, посланный мнѣ Богомъ,

терпѣль чрезъ силу, боролся съ природой. Но, вѣдь, такая борьба напрасна. Я, можетъ быть, совсѣмъ ни на что негодный человѣкъ, но и такой человѣкъ долженъ имѣть свой уголь, гдѣ онъ спокоенъ и свободенъ, гдѣ его не пилать и не раздражаютъ съ утра до вечера. Нельзя не задыхаться и не дойти до отчаянья, когда тебѣ то и дѣло, на всѣ лады, толкуютъ о твоихъ недостаткахъ, не только дѣйствительныхъ, но и мнимыхъ, когда ненавидятъ и презираютъ все, что ты любишь, и любятъ только то, что тебѣ противно. Вся моя жизнь превратилась въ какую-то приходо-расходную книгу, я былъ окруженъ тенетами изъ кредитныхъ бумажекъ, сплетенъ, пересудовъ, истерическихъ сценъ...

-- Довольно, милый, ты слишкомъ волнуешься... Забудь обо всемъ этомъ,-- перебилъ Вово, схватывая и сжимая руки Аникѣева.

Но тотъ продолжалъ:

-- И такъ прошли лучшіе годы молодости... Когда мнѣ улыбнулось короткое счастье, я отдался ему безо всякихъ угрызений совѣсти. Но это счастье было призракомъ, и потомъ я оказался, въ глазахъ жены, такимъ, конечно,

преступникомъ, котораго необходимо было преслѣдовать и наказывать постоянно. Я, наконецъ, не выдержалъ и бѣжалъ...

— Но ты бѣжалъ не одинъ... Любишь ли ты твою пѣвицу?

— Нѣтъ, я любилъ ея пѣніе и, къ тому же, мнѣ слишкомъ жутко было мое одиночество. Я былъ не первой ея любовью. Когда я увидѣлъ, что ея увлеченіе мною остываетъ, что она близко и прямо подходитъ къ новой любви, я разошелся съ нею безъ всякаго сожалѣнія...

Въ передней раздался звонокъ. И Аникѣевъ и Вово даже вздрогнули отъ неожиданности.

— Кто бы это могъ быть... ужъ почти двѣнадцать часовъ,— проговорилъ Аникѣевъ, прислушиваясь.

Послышались шаги Платона Пирожкова, шумъ отпираемой наружной двери, потомъ тихіе голоса.

«Дятель» вошелъ со всѣми признаками смущенія и таинственности, скосивъ носъ на сторону.

— Отъ барыни... записка... горничная ихняя

отвѣта дожидается,— уныло произнесъ онъ, подалъ письмо и какъ-то бокомъ вышелъ въ переднюю.

Вово не могъ усидѣть на мѣстѣ отъ любопытства. Аникѣевъ разорвалъ конвертъ и сразу охватилъ глазами строки, написанныя знакомымъ, но непривычно неровнымъ, спѣшнымъ почеркомъ.

Лидія Андреевна писала:

*«Соня провѣдала, что вы въ Петербургѣ. Она больна. Съ нею какой-то странный, ужасный припадокъ. Она кричитъ не переставая и зоветъ васъ. Пріѣзжайте не медля ни минуты.
Л. а.»*

Аникѣевъ поблѣднѣлъ, бросилъ письмо князю Вово, схватился рукою за сердце и кинулся въ переднюю.

Вово едва нагналъ его внизу лѣстницы и, не говоря ни слова, втолкнулъ въ свою карету.

— На Фурштатскую! скорѣй! скорѣй!-- крикнулъ онъ кучеру.

XXIII.

Соня, дѣйствительно, знала, что ея отецъ въ Петербургѣ. Съ нею, дѣйствительно, сдѣлался къ вечеру нервный, почти истерическій припадокъ. Лежа въ кровати, она нѣсколько разъ принималась плакать, и когда ея французенка, черноглазая и курносенькая *mademoiselle Ernestine*, допытывалась у нея о причинѣ этихъ рыданій, она отчаянно шептала ей:

-- Je veux voir papa! je sais que papa est à Pétersbourg... je veux papa!.. papa!.. papa!..

Лидія Андреевна, однако, отлично знала, что ничего ужаснаго во всемъ этомъ нѣтъ, что дѣвочка въ концѣ-концовъ успокоится и крѣпко заснетъ. Вернувшись въ двѣнадцатомъ часу изъ Михайловскаго театра и выслушавъ докладъ *mademoiselle Ernestine*, Лидія Андреевна только нетерпѣливо передернула плечами.

Но вдругъ ея мысли приняли новое направленіе. Она такъ заволновалась, что совсѣмъ изумила французенку, жившую въ домѣ уже три года и хорошо знавшую «le sang

froid de madame». Она кинулась въ спальню Сони, испугала начинавшую засыпать дѣвочку, довела ее до новыхъ слезъ и такъ приставала къ ней, что, наконецъ, Соня прошептала и ей свое признаніе:

— Мнѣ такъ ужасно грустно безъ папа... Я такъ хочу его видѣть!..

— Успокойся, моя дѣвочка,— красиво произнесла Лидія Андреевна, еще полная впечатлѣніемъ только что видѣнной ею на сценѣ французской драмы и обнимаемая дочь:— успокойся... я напишу ему сейчасъ же... и, можетъ быть, онъ пріѣдетъ.

Она глубоко вздохнула, еще разъ прижала Соню къ груди и вышла изъ ея комнаты. Дѣвочка, почти не знавшая материнской ласки, проводила свою мать изумленнымъ взглядомъ.

«Какъ это кстати!» — думала Лидія Андреевна, присаживаясь къ письменному столу и стараясь писать «какъ можно тревожнѣе».

Это, конечно, было очень кстати. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ первый разъ послѣ своего разрыва съ женой, Аникѣевъ сталъ навѣщать Соню, и даже очень часто. Онъ ужъ успѣлъ, за

время своихъ заграничныхъ скитаній, почувствовать и сознать въ себѣ нѣжную любовь къ дочери.

Пока Соня была мала, она почти совсѣмъ для него не существовала. Когда она стала подростать, онъ время отъ времени замѣчалъ ее, возился съ нею, ласкалъ ее и цѣловалъ съ присущей ему чисто женственной нѣжностью. Но порывъ проходилъ, мысли, интересы и чувства направлялись въ другую сторону... и Соня будто безслѣдно исчезала изъ его сердца.

Когда въ его жизни появилась Алина и наполнила собою всю эту жизнь, Соня ушла еще дальше. Она вернулась только потомъ, гораздо позднѣе, среди его глубокаго одиночества въ залитой солнцемъ странѣ, на берегу южнаго моря. Это было такое время, что вдругъ замерло все прежнее, даже призракъ Алины пересталъ появляться.

Это была ночь, темная, зачарованная, душная ночь, спускавшаяся въ сердце, и среди этой ночи, неожиданно и явственно, раздался голосъ маленькой дѣвочки. Она пришла и ужъ не хотѣла уходить надолго, возвраща-

лась все чаще и чаще.

Къ великой радости Платона Пирожкова, Аникѣевъ приказалъ ему тогда укладывать чемоданы и объявилъ, что они возвращаются въ Петербургъ. И вотъ, вернувшись, онъ сталъ часто навѣщать Соню, и эти свиданія были для него полны тоски, грусти и новыхъ, еще неизвѣданныхъ имъ наслажденій.

Въ первое время Лидія Андреевна держала себя съ достоинствомъ и ничему не мѣшала. Она потребовала, чтобъ Аникѣевъ назначилъ дни и часы своихъ посѣщеній, и, ко времени его прїѣзда, всегда уѣзжала изъ дому.

Но долго такъ выдержать Лидія Андреевна не могла; къ тому же она замѣтила, что Соня, несмотря на всю подготовку, не чуждается отца, а каждый разъ ждетъ его прихода, какъ свѣтлаго праздника. Допускать такую «неестественность» было вовсе не въ ея планахъ.

Придя какъ-то въ назначенный часъ, Аникѣевъ засталъ Лидію Андреевну, и она объявила ему, что Соня гуляетъ съ французенкой, но скоро вернется. Онъ хотѣлъ было

идти навстрѣчу дѣвчкѣ. Тогда Лидія Андреевна очень ласково попросила его въ свою гостиную, такъ какъ ей необходимо съ нимъ поговорить.

-- Мнѣ кажется, говорить намъ не о чемъ,-- смущенно замѣтилъ Аникѣевъ:-- если же у васъ до меня какое дѣло, напишите мнѣ, это будетъ всего лучше: я обдумаю и тоже письменно вамъ отвѣчу.

-- Нѣтъ, Михаилъ Александровичъ,-- опуская глаза, спокойно и рѣшительно перебила Лидія Андреевна:-- въ письмѣ всего не скажешь, да и дѣла особеннаго нѣтъ, а просто я хочу потолковать съ вами о Сонѣ... Надѣюсь, мы можемъ теперь говорить, не раздражая другъ друга. Пожалуйста, войдите...

Онъ, дѣлать нечего, послѣдовалъ за нею, очень хорошо зная, что ничего путнаго изъ этого разговора выйти не можетъ.

Лидія Андреевна начала:

-- Надѣюсь, вы согласитесь со мною, что чѣмъ меньше Соня задумывается надъ нашими отношеніями, тѣмъ для нея лучше.

-- Конечно!-- прошепталъ Аникѣевъ.

-- Очень рада, что вы со мной согласны. Ви-

дите ли, она ужъ начинаетъ удивляться тому, что вы не только не живете вмѣстѣ съ нами, но и никогда не видаетесь со мною; когда вы прїѣзжаете, я уѣзжаю. Вы у насъ не завтракаете и не обѣдаете. Я дѣлаю все, на что способна любовь матери въ такихъ обстоятельствахъ, я сглаживаю предъ нею все, лгу, вывертываюсь. Но очевидность слишкомъ бросается въ глаза, а Соня очень развита и вдумчива для своихъ лѣтъ. Придите мнѣ на помощь. Ради нашего ребенка принесите и вы какія-нибудь маленькія жертвы. Я не хочу васъ лишать свиданій съ дочерью, я признаю ваши права... но... я не стану больше уходить изъ дому, когда вы здѣсь. Будемъ при Сонѣ относиться другъ къ другу такъ, какъ будто ничего между нами не произошло. Мнѣ это очень трудно; но я подамъ вамъ примѣръ. Оставайтесь у меня сегодня обѣдать. Увѣряю васъ, что это крайне необходимо для Сони, сами увидите...

Говоря все это, Лидія Андреевна имѣла такой грустно-спокойный, исполненный достоинства, видъ, въ словахъ ея было столько правды, что Аникѣеву оставалось только молча согласиться съ нею.

Когда Соня вернулась домой и увидѣла отца и мать, мирно бесѣдовавшихъ въ гостиной, она вся такъ и просіяла.

-- Ахъ, какъ это хорошо, что мама дома!-- весело говорила она, крѣпко обхватывая рученками шею Аникѣва и звонко его цѣлуя.-- А то все такъ какъ-то случается, что когда ты, папочка, приѣзжаешь, мамы какъ на зло нѣтъ и нѣтъ... Папочка, милый, отчего ты никогда не объдаешь съ нами!.. Мама, вѣдь, правда? непременно надо, чтобы папочка объдалъ съ нами?..

Сказала и смутилась, и тревожно взглянула на мать. Но Лидія Андреевна добродушно улыбнулась.

-- Такъ вотъ ты и пригласи папочку сегодня... а у насъ кстати его любимое пирожное -- шоколадный пирогъ... вотъ и пригласи...

-- Папа! милый!-- вопросительно и умоляя воскликнула Соня.

Аникѣвъ взялъ ее къ себѣ на колѣни, охватилъ руками ея бѣлокурую хорошенькую головку и, глядя ей въ глаза затуманившимся взглядомъ, шепнулъ.

-- Будемъ ѣсть шоколадный пирогъ... а ты

его тоже любишь?

-- Очень!-- блаженно вздохнула Соня, жмуря глаза и прижимаясь къ отцу граціознымъ движеніемъ ласкающейсѣ кошечки.

Слѣдствія этого новаго положенія вещей оказались очень скоро. Лидія Андреевна легко, съ видимымъ удовольствіемъ и, притомъ, съ большимъ мастерствомъ принялась разыгрывать свою новую роль. Она относилась къ Аникѣеву такъ предупредительно и любезно, какъ не относилась къ нему никогда, даже въ самое первое время послѣ свадьбы. Она часто упрашивала его, вмѣстѣ съ Соней, спѣть имъ что-нибудь, и, если онъ былъ въ музыкальномъ настроеніи и садился къ роялю, слушала его со всѣми признаками эстетическаго наслажденія. А когда онъ прерывалъ свою игру или пѣніе, она глубоко вздыхала и у нея вырывалось:

-- И такой талантъ не пользуется европейской извѣстностью!

Одинъ разъ она ему сказала:

-- Я увѣрена, мой другъ, что если бы вы рѣшились дать нѣсколько концертовъ за гра-

ницей: въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, то вернулись бы въ Россію съ большою славою и большими деньгами.

— Не поздно ли объ этомъ думать, если до сихъ поръ я не сдѣлалъ этого,— отвѣтилъ онъ, насмѣшливо взглянувъ на нее.

— Ничуть не поздно, напротивъ, мнѣ кажется, что теперь именно самое время. Вашъ голосъ въ полной силѣ, ваши импровизаціи восхитительны. Прежде вы находили, что не имѣете нужды извлекать деньги изъ своего таланта... ну, а теперь деньги начинаютъ становиться очень не лишними... Я совѣтую вамъ серьезно подумать о моихъ словахъ...

Если бъ это было сказано въ другое время, можетъ быть, Аникѣевъ и подумалъ бы о словахъ ея. Но за часъ передъ тѣмъ она просила у него значительную экстренную сумму на какіе-то совсѣмъ фантастическіе расходы «для Сони»,— и ея дружескій тонъ поднялъ въ его нервахъ знакомое раздраженіе...

Между тѣмъ Лидія Андреевна такъ хорошо играла свою роль, что ей даже захотѣлось похвастаться собою передъ добрыми знакомыми,— и вотъ Аникѣевъ сталъ заставать у нея,

будто случайно, ея интимный, дружескій кружокъ. Съ нимъ всѣ, конечно, были любезны и дѣлали видъ, что ничего не знаютъ и не замѣчаютъ, но и менѣе чуткій, менѣе впечатлительный человекъ почувствовалъ бы себя не въ своей тарелкѣ среди такихъ собраній...

Лидія Андреевна, иной разъ даже съ подчеркиваньемъ, представлялась добродѣтельной жертвой. Ея предупредительность и ласковость, ея грустное лицо, подавленные вздохи, напускная, тутъ же остывающая и смѣняющаяся грустью, веселость -- все это выставлялось напоказъ, находило себѣ откликъ въ присутствовавшихъ дамахъ, которыя своею строгой, изысканной любезностью очень внятно говорили Аникѣеву, что онъ негодяй -- и ничего больше.

Онъ объявилъ Лидіи Андреевнѣ о своемъ нежеланіи встрѣчать у нея кого-либо и опять сталъ проходить прямо къ Сонѣ.

Но Лидія Андреевна не могла допустить этого; она всякій разъ вызывала его подъ видомъ дѣла и, перемѣнивъ тонъ, раздражала его своими требованіями и совѣтами до того, что онъ переставалъ владѣть собою. Словомъ,

началось именно то самое, отъ чего онъ бѣжалъ, и что совершенно отравляло его жизнь многіе годы, до и послѣ его «грѣхопаденія», то есть исторіи съ Алиной.

Маска снова снималась, какъ только они оставались вдвоемъ. Глаза Лидіи Андреевны уже не ласкали своимъ грустнымъ взглядомъ. Ея губы ужъ не повторяли: «мой другъ, теперь, когда все кончено между нами, мы можемъ говорить безъ раздраженія о томъ, что одинаково важно для насъ обоихъ -- о Сонѣ».

Лидія Андреевна вдругъ позабыла, что они чужіе другъ для друга. Она обращалась къ Аникѣеву такимъ тономъ, будто онъ былъ преступникъ, котораго слѣдовало подвергнуть смертной казни, и которому только благодаря чрезмѣрному снисхожденію судей оставлена жизнь подъ условіемъ вѣчной каторги. Она не упускала рѣшительно ничего, что могло больно задѣть его, оскорбить, а главное -- довести до нервнаго возбужденія. Она хорошо знала всѣ его больныя мѣста, а потому всегда попадала мѣтко. Наконецъ, она, уже безъ всякихъ стѣсненій, требовала отъ него такихъ денежныхъ средствъ, каки-

ми онъ не располагалъ.

При первомъ же словѣ о деньгахъ онъ обыкновенно, какъ и въ прежніе годы, вынималъ свой бумажникъ и отдавалъ ей все, оставляя себѣ нѣсколько рублей. Но ей этого было мало. Она принималась стонать и плакать, плакать такъ, какъ будто съ нею случилось самое ужасное несчастіе.

Онъ хорошо зналъ, что она никогда не можетъ тратить всего получаемого ею, что она «откладываетъ». Эта комедія доводила его до сердцебіенія и удушья. Тогда ея слезы превращались въ глухія рыданія.

-- Безсовѣстный, извергъ, убійца!-- тихо произносила она сквозь рыданія и, внезапно возвышая голосъ, закатывалась:-- несчастная я, несчастная! лучше убейте меня сразу... только не ломайтесь надо мною!... не тяните изъ меня душу... что я вамъ сдѣлала? за что вы погубили и меня, и бѣдную Соню?..

Его охватывало бѣшенство. Онъ блѣднѣлъ и шепталъ:

-- Ради Бога тише... успокойтесь... вѣдь, Соня слышитъ... пожалѣйте ее!..

Но ей именно и надо было, чтобы Соня

слышала. Она рыдала и причитала все громче и громче. Соня сидѣла въ сосѣдней комнатѣ и тоже рыдала, дрожа всѣмъ тѣломъ..

Онъ схватывалъ себя за голову и убѣгалъ, а потомъ лежалъ дня два, три, совсѣмъ разбитый, съ истерзанными нервами.

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ сценъ онъ рѣшилъ, что никогда не переступитъ порога Лидіи Андреевны, такъ какъ это убійственно не только для него, а прежде всего для Сони. Онъ просилъ прислать ему Соню. Но Лидія Андреевна написала:

«Этого никогда не будетъ. Если хотите видѣть дочь,;-- прїѣзжайте ко мнѣ, а къ вамъ я ее не отпущу, потому что вовсе не желаю, чтобы она встрѣчалась съ разными женщинами, которыя у васъ хозяйничаютъ и съ которыми вы ее познакомите, не признавая въ этомъ ничего для нея вреднаго и дурнаго».

Онъ жилъ одинъ, въ гостиницѣ, со своимъ вѣрнымъ, никогда не покидавшимъ его Платономъ Пирожковымъ, и Лидія Андреевна отлично знала, что никакихъ женщинъ у него не бываетъ.

Первымъ его движеніемъ, по полученіи

этого письма, была рѣшимость взять Сою, отнять ее, украсть и уѣхать съ нею какъ можно дальше. Но онъ сейчасъ же и понялъ, что это неисполнимо, что это значило бы подвергнуть бѣднаго ребенка цѣлому ряду новыхъ, потрясающихъ впечатлѣній. Ему оставалось одно: опять бѣжать, и онъ бѣжалъ за границу, даже не простясь съ дочерью, такъ какъ чувствовалъ, что не выдержитъ этого прощанія, нейдетъ въ себѣ силы оторваться отъ Сони...

XXIV.

Лидія Андреевна вздрогнула и даже поблѣднѣла, услыша рѣзкій звонокъ и понявъ, что черезъ нѣсколько мгновений ея мужъ будетъ передъ нею.

Она увѣряла своихъ пріятельницъ и сама себя увѣряла, что «долго-долго, страстно и безумно любила его, что была ему примѣрною женой, что онъ истерзалъ и погубилъ всю ея жизнь».

Теперь, когда прошло столько времени и когда онъ нанесъ ей послѣднее оскорбленіе, то-есть окончательно разорился, она, конеч-

но, имѣла право его презирать и ненавидѣть. Но она была добродѣтельная женщина, она была христіанка, а потому роль самоотверженной жертвы, не способной на озлобленіе и все еще хранящей нѣжную память о далекомъ, погибшемъ счастьи, представлялась ей естественной и пріятной.

Она такъ давно не видала Аникѣева, такъ соскучилась по «объясненіямъ» съ нимъ, вошедшимъ въ ея плоть и кровь и оставившимъ послѣ себя ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ въ ея существованіи.

Наконецъ, ее разбирало любопытство: ей сказали, что онъ будто бы очень измѣнился за послѣдніе годы, постарѣлъ, не имѣетъ уже прежняго, покорявшаго всѣ сердца вида. Она же ничуть не постарѣла, напротивъ, приобрѣла пріятную полноту и свѣжесть спокойной духомъ и тѣломъ женщины, вступившей въ зрѣлый возрастъ. Она считала себя болѣе привлекательною, чѣмъ когда-либо.

Ну, такъ вотъ, ей очень пріятно было показаться во всей своей новой красотѣ передъ постарѣвшимъ Аникѣевымъ и подразнить его хорошенько этой красотой.

Она взглянула въ зеркало, поспѣшно оправилась, приняла въ креслѣ граціозную, печальную позу.

Аникѣевъ вошелъ одинъ. Вово остался въ каретѣ, сказавъ, что будетъ ждать и, въ случаѣ надобности, поѣдетъ за докторомъ. Лидія Андреевна увидѣла передъ собою блѣдное лицо мужа, какъ ей показалось нѣсколько помятое, съ темной тѣнью вокругъ усталыхъ глазъ, съ замѣтно-порѣдѣвшими волосами.

«О! да еще какъ постарѣлъ-то!» -- чуть было громко не крикнула она.

Между тѣмъ Аникѣевъ взглянулъ на нее растерянно и дрожавшимъ голосомъ спрашивалъ:

-- Гдѣ же Соня? что такое съ нею? я долженъ знать всю правду!

Но онъ, не дожидаясь отвѣта на свои вопросы, шелъ прямо черезъ гостиную, очевидно направляясь, по старой памяти, въ комнату Сони.

Лидія Андреева его удержала.

-- Нельзя, Михаилъ Александровичъ,-- сказала она:-- тамъ съ Соней спитъ француженка... и она ужъ вѣрно раздѣта... Подождите, я

пойду посмотрю... и, ради Бога, успокойтесь...

-- Что съ ней, что?.. Вѣдь, вы писали...

-- О! она ужасно напугала насъ... только, когда я ужъ послала къ вамъ съ письмомъ, она нѣсколько успокоилась и задремала... я посмотрю... подождите минуту...

Онъ остановился, а Лидія Андреевна скрылась за спущенной дверной занавѣсью.

Онъ ничего не могъ сообразить и врядъ ли даже понималъ, что именно говорила ему Лидія Андреевна. Его охватило ощущение близости Сони, сознание, что онъ сейчасъ ее увидитъ, чувство безпредѣльной радости, смѣшанное съ чисто-паническимъ страхомъ, ожиданіемъ чего то рокового, ужаснаго.

«А вдругъ она... вдругъ ея ужъ нѣтъ?!» -- мелькнула у него мысль, и онъ застылъ. Онъ кинулся впередъ и у двери, ведшей изъ будуара въ коридоръ, столкнулся, съ Лидіей Андреевной.

-- Войдите, только тихонько... Француженка перебралась въ столовую... Соня спитъ... войдите!-- шепнула она.

Шатаясь, съ почти остановившимся сердцемъ вошелъ онъ въ Сонину комнату, въ ту

самую комнату, гдѣ четыре года тому назадъ проводилъ съ нею сладкіе и грустные часы. Онъ увидѣлъ не прежнюю, не дѣтскую, а совсѣмъ ужъ большую бронзиррованную кровать и на ней, подѣ краснымъ шелковымъ одѣяломъ, длинную, худенькую фигуру. Онъ увидѣлъ толстую бѣлокурую косу, и только лица Сони не было видно, она повернула его къ стѣнѣ и уткнулась въ подушку

Аникѣевъ какъ безумный взглянулъ на Лидію Андреевну, прося ее этимъ взглядомъ уйти, затворилъ дверь и неслышно подошелъ къ Сониной кровати.

Съ расширенными отъ страха глазами, весь дрожа и обливаясь холоднымъ потомъ, онъ сталъ прислушиваться. Вдругъ огромная, никогда еще въ жизни не испытанная имъ радость охватила его: онъ явственно разслышалъ мѣрное, спокойное дыханіе.

Она жива! она спитъ!..

Совсѣмъ обезсиленный опустился онъ на стулъ, стоявшій у кровати, и закрылъ глаза, тяжело дыша, съ кружившейся головою. Наконецъ, онъ очнулся и опять склонился надъ кроватью, и опять слушалъ ровное, спокой-

ное дыханіе спавшей дѣвочки. Онъ прижался губами къ ея косѣ, впивая въ себя легкій, милый запахъ этихъ шелковистыхъ волосъ.

Но онъ не могъ больше такъ оставаться, онъ долженъ видѣть ее, свою Соню! Осторожно, затаивъ дыханіе, онъ обѣими руками взялъ ея голову и повернулъ къ себѣ ея личико. Онъ сразу не узналъ ее, такъ она измѣнилась за эти годы. Ему показалось, что это совсѣмъ не она, и въ то же время его поразило въ ней необычайное, новое сходство съ его матерью. Это было даже что-то странное, даже стало ему жутко на мгновеніе.

Она вздохнула, открыла большіе, темные и блестящіе глаза, смотрѣла на него съ испугомъ, съ изумленіемъ.

Но вотъ она его узнала.

-- Папа!-- крикнула она, приподнялась, схватила тонкими длинными ручками его шею и замерла на груди его.

Если бъ онъ могъ думать и сознавать свои ощущенія въ эти минуты, онъ только теперь понялъ бы, до какой степени, со смерти матери, былъ одинокъ, страшно одинокъ. Онъ понялъ бы, что и во дни безумнаго счастья съ

Алиной его тяжкое одиночество не совершенно уничтожалось. Между нимъ и Алиной все же стоялъ призракъ разлуки. Бывали, конечно, минуты, когда этотъ призракъ совсѣмъ блѣднѣлъ, забывался; но стоило какому-нибудь, едва уловимому звуку дѣйствительной жизни нарушить любовный бредъ и призракъ разлуки снова яснѣлъ, сгущался.

Теперь же, держа въ объятяхъ Соню, чувствуя ея дыханіе, трепеть ея дѣтскаго тѣла, ея поцѣлуи, Аникѣевъ безсознательно, но всѣмъ своимъ существомъ испытывалъ именно противоположное чувству одиночества. Между нимъ и Соней не было никакого призрака. Это его Соня, она сразу наполнила собою всю унылую, томительную пустоту, такъ давно вокругъ него образовавшуюся. Онъ ужъ не одинъ,-- и только смерть можетъ разлучить ихъ.

Но въ то же время ему было такъ больно, такъ невыносимо жалко и себя, и Соню.

-- Чего же ты плачешь, Соня? Дѣточка моя, жизнь моя, чего же ты плачешь?!-- повторялъ онъ, покрывая поцѣлуями ея влажные глаза и щеки и не замѣчая, что самъ онъ плачетъ.

-- Папа, я такъ рада... я такъ ужасно рада, что ты прїѣхалъ!-- отвѣчала ему шопотомъ Соня.

Она, отрывалась отъ него, запрокидывала голову, вглядываясь въ его лицо, и опять жадно къ нему прижималась.

Между тѣмъ Лидія Андреевна, стоявшая все время за дверью и глядѣвшая въ щелку, начинала сердиться.

«Дурацкая мелодрама!» -- думала она:-- «Сантиментальнаго папашу разыгрываетъ, и это -- бросивъ дочь и сдѣлавъ насъ нищими!».

Главное же, ее раздражала нѣжность Сони, ея восторженное, непобѣдимое чувство къ отцу. Въ теченіе четырехъ лѣтъ она дѣлала все, чтобы уничтожить въ дѣвчкѣ это чувство. Казалось бы, чего легче, а между тѣмъ Соня не забывала отца, къ которому всѣ вокругъ нея, начиная съ матери, относилась какъ къ запретному и недостойному предмету.

Лидія Андреевна, конечно, никакъ не могла понять, что именно благодаря ея образу дѣйствій живетъ и развивается восторженная, почти мистическая любовь Сони.

Для чуткой и нервной дѣвочки образъ от-

ца сливался съ чѣмъ-то таинственнымъ. Отецъ представлялся ей прекраснымъ, милымъ, нѣжнымъ и любящимъ. Она понимала его волшебное пѣніе, его ласки, тѣ часы, когда онъ бывалъ съ нею и такъ понималъ ее, какъ будто онъ былъ вовсе не взрослый, а такой же ребенокъ, какъ и на.

Она знала, навѣрное знала, что онъ хорошій, что онъ лучше и добрѣе всѣхъ. А вотъ никто его не любитъ, о немъ даже никто не говоритъ, какъ будто это стыдно и неприлично говорить о немъ. Всѣ непременно думаютъ, что онъ сдѣлалъ что-нибудь очень дурное. Но Соня знаетъ, что онъ ничего дурного не сдѣлалъ, потому что онъ можетъ сдѣлать ничего дурного, потому что онъ хорошій, гораздо лучше всѣхъ...

Глубокое чувство обиды за отца, большая къ нему жалость поселились въ сердцѣ Сони,— и росли по мѣрѣ того, какъ росла и развивалась она сама.

И вмѣстѣ съ этимъ росло въ ней отчужденіе отъ матери. Она ужъ чувствовала ее виновницей всей этой тайны, всего этого мучительнаго горя своей дѣтской жизни, о

которомъ она никогда и никому не говорила...

Лидія Андреевна, наконецъ, не выдержала, распахнула дверь и вошла.

-- Вотъ, Соня, ты и увидала папа, и увидишь его завтра,-- сказала она:-- а теперь, пожалуйста, усни,-- очень поздно, уже часъ ночи...

-- Всѣмъ пора спать,-- прибавила она, дѣлая удареніе на словѣ «всѣмъ».

Аникѣевъ и Соня вернулись къ дѣйствительности.

-- Ты вернешься завтра? навѣрно?-- шепнула Соня.

-- Конечно,-- отвѣтилъ онъ, обнимая всю дѣвочку жаднымъ, нѣжнымъ взглядомъ и скорѣе выходя изъ комнаты, будто боясь, что если останется еще хоть на секунду, то ужъ никогда не уйдетъ отъ нея.

-- Пожалуста, спи!-- своимъ обычнымъ суровымъ тономъ произнесла Лидія Андреевна и поспѣшила за Аникѣевымъ.

Она непременно должна была на нѣсколько минутъ удержать его. Онъ уѣдетъ обласканный ею, но въ то же время увѣренный въ ея твердой рѣшимости ни за что въ мірѣ не отпускать къ нему Соню.

Между тѣмъ Аникѣевъ уходилъ, онъ былъ ужъ въ передней. Она прямо взяла его за руку и умоляющимъ голосомъ шепнула:

— Нѣтъ... ради Бога не уѣзжайте... останьтесь на минутку...

Она не выпускала его руку, держала его крѣпко. Онъ не могъ бороться съ ней, вырваться отъ нея въ присутствіи горничной, а потому вернулся въ гостиную. Къ тому же, онъ былъ такъ растерянъ и разсѣянъ, полонъ близости Сони. Онъ даже не соображалъ -- съ какою же это цѣлью Лидія Андреевна прислала за нимъ, если Соня, очевидно, совсѣмъ здорова. Онъ позабылъ, что у подъѣзда, въ каретѣ, дожидается его Вово.

Лидія Андреевна начала, прямо, со своей собственною ей въ такихъ случаяхъ рѣшительностью.

-- Ахъ, Михаилъ Александровичъ,-- сказала она:-- вотъ мы опять увидѣлись съ вами. Сколько времени! Шутка сказать!... Не знаю, какъ вы, а я за эти годы столько передумала и такъ перестрадала, что во мнѣ, право, вичего прежняго не осталось. У меня теперь только одно въ жизни -- Соня. Себя я похоронила, я давно все простила, забыла, и все то, чѣмъ я прежде возмущалась -- мнѣ кажется теперь такимъ пустымъ, ничтожнымъ... для меня, то есть, пустымъ и ничтожнымъ...

-- Пойдите, дайте мнѣ договорить!-- воскликнула она, видя, что онъ хочетъ ее перебить и сказать что-то:-- Я нахожу теперь, что была очень виновна передъ вами, заявляя свои права, отстаивая для себя самой значительное мѣсто въ вашей жизни (она запомнила эту фразу изъ послѣдняго прочитаннаго ею французскаго романа -- и перевела ее). Я вижу, что должна была сразу дать вамъ полную свободу...

Тонкія ноздри Аникѣева дрогнули,-- онъ, видимо, началъ ужъ раздражаться.

-- Къ чему вы все это?-- презрительно и уныло произнесъ онъ.-- И притомъ... вы, ка-

жется, предоставляли мнѣ свободу...

-- Да, на словахъ,-- откровенно и съ блѣдною улыбкой сказала она.-- но я мучилась этою вашей свободой и мучила васъ... И вотъ теперь каюсь... Я поняла, что должна была смотрѣть на васъ во всемъ, какъ на чужого мнѣ человека, что только въ одномъ мы съ вами близки, связаны на вѣкъ... наша связь -- Соня, и ради нея я должна была на все закрыть глаза, ничего не видѣть, не замѣчать... только чтобы вы не покидали... не меня, а Со-ню. Неужели вы не понимаете еще, какъ ужъ давно поняла я, что наши отношенія, нашъ разъѣздъ -- это для нея ядъ, смертельный ядъ?!

Она закончила красиво, горячо -- и глядѣла на него пристально, съ полнымъ сознаниемъ своей правоты и зная, что если онъ не согласится съ нею -- ей легко будетъ разбить его.

-- Я знаю, что ядъ,-- медленно выговорилъ Аникѣсь,-- но еще большій ядъ для нея тѣ сцены, тѣ безобразныя сцены, которыя заставили меня бѣжать отъ васъ...

-- Да, вѣдь, я же и говорю, что поняла это! Можетъ быть, меня оправдаетъ передъ

людьми чувство, вызывавшее мое раздраженіе... только я не ищу оправданій... я каюсь... Простите меня, Михаилъ Александровичъ...

Она подняла на него свои выпуклые, увлажненные слезами глаза; но тотчасъ же опустила ихъ. Она казалась совсѣмъ искренней, да и, дѣйствительно, была, неожиданно для себя самой, искренна въ эту минуту.

Помимо всѣхъ расчетовъ и практической, крайней необходимости снова сойтись съ мужемъ во избѣжаніе въ близкомъ будущемъ уже настоящей нищеты, Лидія Андреевна за эти четыре года испытала многія неудобства своего положенія. Хоть она и жаловалась вдовѣ Бубеньевой, что Аникѣевъ превращалъ домъ въ какой-то цыганскій таборъ; но на повѣрку вышло совсѣмъ иное. Безъ него вокругъ Лидіи Андреевны стало настолько уныло, что она замѣтила, наконецъ, это уныніе, поняла его причину. Съ другой стороны, приходилось постоянно всѣмъ новымъ знакомымъ объяснять свою невинность, бороться противъ свѣтскаго предубѣжденія.

Пріятельницы Лидіи Андреевны, со всею

назойливостью сердобольной жестокости, то и дѣло втыкали въ нее ядовитыя дружескія шпильки и булавки, охая и ахая надъ фальшивостью ея положенія. Madame Бубеньева, встрѣчая новый годъ у Лидіи Андреевны и придя въ вакхическое настроеніе, даже подняла бокаль и провозгласила такой тостъ: «Я пью за освобожденіе въ этомъ году нашей милой хозяйки отъ ея тягостныхъ узъ,-- гораздо лучше быть вдовой, чѣмъ женой отсутствующаго мужа!..»

-- Я вовсе не желаю смерти моему мужу и нахожу такой тостъ больше чѣмъ страннымъ, особенно въ моемъ домѣ,-- съ достоинствомъ отвѣтила Лидія Андреевна, отстраняя бокаль, протянутый ей «совушкой».

Но этими словами и ограничилось ея негодованіе: она осталась близкимъ другомъ Бубеньевой. Да и за что было на нее сердиться: вѣдь, она сказала это по своей, всѣмъ извѣстной, глупости и уже значительно подвыпивъ. Ну, а въ сущности все же она сказала правду: конечно, гораздо лучше овдовѣть, чѣмъ быть въ такомъ двусмысленномъ положеніи.

Поэтому-то теперь, видя передь собой Аникѣва, Лидія Андреевна не могла не чувствовать, что было бы во всѣхъ отношеніяхъ хорошо, еслибъ онъ навсегда здѣсь и остался. Можетъ быть, она и дѣйствительно иногда съ нимъ черезчуръ рѣзко обращалась. Надо показать ему, что она сознаетъ свои ошибки,— это всегда такъ нравится мужскому самолюбію.

И она скромно повторила:

— Михаилъ Александровичъ, простите мнѣ мои ошибки, простите ради Сони!

Его чуткость никогда не обманывалась въ такихъ случаяхъ; онъ тотчасъ же подмѣтилъ бы неискренность, и особенно ужъ въ этой-то женщинѣ, которую такъ хорошо зналъ. Нѣтъ она, какъ ни странно это, говоритъ отъ души.

— Что же намъ и дѣлать, какъ не простить другъ другу наше прошлое?— останавливая на ней внимательный и усталый взглядъ, сказалъ онъ.

Ей стало неловко подъ этимъ взглядомъ.

— Необходимо, чтобы такое прощанье было не на словахъ только, а и на дѣлѣ,— медленно

произнесла она.— Послушайте, вѣдь, Соня вотъ какая стала большая... она все видитъ... она понимаетъ очень многое... Если вы искренно прощаете меня и хотите забыть прошлое, которое ужъ не можетъ повториться — вернитесь къ намъ. Я не стану васъ стѣснять... о прошломъ не будетъ и помину. Если вы любите вашу дочь, не губите же ее, побѣдите же въ себѣ эгоистическое чувство и вернитесь. Наконецъ, посмотрите на себя, развѣ за все это время вы были счастливы? У васъ такой утомленный видъ... скитальческая жизнь не по васъ... только лютый врагъ вашъ не посоветуетъ вамъ того, о чемъ я прошу...

Онъ молчалъ, и она не знала, что же означаетъ его молчаніе. На него, между тѣмъ, наплывали самыя отвратительныя воспоминанія его жизни съ этой женщиной. Ну, что-жъ такое, если, она теперь искренно сознаетъ свою вину и даетъ какія-то обѣщанія! Вѣдь, и у звѣря бываютъ добрыя минуты. А стоило бы ему поддаться, вернуться къ ней, и черезъ день она начнетъ то самое, отъ чего онъ бѣжалъ, чего онъ не мо-

жетъ вспомнить безъ трепета отвращенія. Да развѣ мыслимо вернуться... къ ней... къ ней!!

-- Это невозможно... И вы сами отлично знаете, что я бѣжалъ не затѣмъ, чтобы возвращаться!

Онъ поднялся, чтобы уйти.

-- Одно слово...-- сказала она глухимъ голосомъ,-- Вы не думаете о Сонѣ, такъ я должна думать о ней за двоихъ. Виню себя въ слабости... Я сдѣлала сегодня большую ошибку. Только эта ошибка, клянусь вамъ, не повторится. Въ такихъ условіяхъ ей видаться съ вами нельзя, вредно. Всѣ умные люди согласятся съ мною въ этомъ. Во избѣжаніе напрасныхъ сценъ, скандаловъ -- я объявляю вамъ, хоть мнѣ это и очень тяжело, что больше вы ее не увидите. Клянусь вамъ, вы ее больше не увидите!.. Если же вы пожелаете прибѣгнуть къ насилію -- знайте, я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, я найду себѣ такую защиту, предъ которой вы будете совсѣмъ безсильны.

Она не выдержала и сразу превратилась въ настоящую, такъ хорошо ему знакомую Лидію Андреевну. Щеки ея вспыхнули густымъ румянцемъ, изъ глазъ полились слезы,

слезы злобы и бѣшенства, дѣлавшія ея лицо неузнаваемымъ, отталкивающимъ.. Внѣ себя она кричала и визжала такъ, что всѣ въ квартирѣ должны были ее слышать:

— Ахъ, вы думаете, что ваши великосвѣтскія дамы, разныя Вилимскія, къ которымъ вы опять сумѣли подольститься, помогутъ вамъ погубить Соню!.. Не безпокойтесь! за меня будутъ, въ такомъ дѣлѣ, люди посильнѣе, да и дамы ваши отъ васъ опять, и ужъ навсегда, отступятся, когда узнаютъ, что вы за человѣкъ, какую комедію вы передъ ними играете, какъ ихъ обманываете! Знайте, что не пройдетъ и двухъ недѣль, и васъ ни въ одинъ порядочный домъ не примутъ!.. Увидите!.. Я терпѣла, я унижалась передъ вами... я на колѣняхъ готова была умолять васъ одуматься, поступить честно и вернуться... Вы не желаете!.. ну, хорошо, пусть будетъ по вашему... но ужъ но совѣтую вамъ звонить у моей двери... да и у другихъ дверей тоже!..

Она зарыдала, порывисто скрылась въ бу-дуаръ и заперла за собою дверь на ключъ.

Аникѣевъ, отвыкшій отъ подобныхъ сценъ, будто опьянѣлъ. Шатаясь вышелъ онъ

изъ гостиной, не замѣтилъ какъ горничная подала ему шубу и очнулся только ужъ спускаясь съ лѣстницы.

Онъ вспомнилъ, что Вово дожидается Богъ знаетъ сколько времени въ каретѣ.

Вово дожидался; но безсознательно, потому что крѣпко спалъ, уйдя съ головой въ свои пушистые соболя. Однако, онъ проснулся, когда Аникѣевъ отворилъ дверцу кареты.

-- Ну, что? Все благополучію?-- спрашивалъ онъ, сразу приходя въ себя.

-- Прости меня,-- могъ только выговорить Аникѣевъ.

-- Развѣ долго? А я, представь, заснулъ, и такой скверный сонъ видѣлъ, кошмаръ отвратительный... *une chose tout à fait réugnante*... будто меня вѣнчаютъ... Значить, къ тебѣ?

-- Ко мнѣ... куда хочешь... дай отдышаться!-- черезъ силу выговорилъ Аникѣевъ.

XXVI.

На слѣдующій день, съ утра преслѣдуемый мыслью, что Соня ждетъ его, Аникѣевъ, во второмъ часу, поѣхалъ на Фурштатскую. Онъ рѣшилъ дорогой, что если ему снова сдѣлають сцену, то останется уйти, а потомъ, выждавъ время, когда Лидіи Андреевны не будетъ дома, взять съ собою дѣвочку -- и уже не отпускать, увезти ее изъ Петербурга. Пусть это будетъ для нея тяжелая минута; но вѣдь, она выросла, слишкомъ многое понимаетъ...

Онъ чувствовалъ только одно: Соня не можетъ быть счастлива съ такою матерью. Соня любитъ его и страдаетъ въ разлукѣ съ нимъ. Онъ зналъ теперь это навѣрно, точно такъ же, какъ и то, что самъ не можетъ жить безъ нея...

Однако, Лидія Андреевна вовсе не готовила ему новой сцены. Послѣ его отъѣзда она успокоилась и обдумала планъ дѣйствій.

Швейцаръ, отворяя ему двери, объявилъ:

-- Ни барыни, ни барышни нѣтъ дома, выѣхали съ часъ тому назадъ.

-- Куда?-- спросилъ озадаченный

Аникѣвъ.

-- Не могу знать-съ. Онѣ пѣшкомъ вышли и вонь-эвона гдѣ взяли извозчика!

Онѣ махнулъ рукой по направленію жѣ Литейному.

Аникѣвъ все же поднялся по лѣстницѣ и сталъ звонить, сказавъ себѣ, что войдетъ и будетъ дожидаться возвращенія Сони, хотя бы пришлось ждать до вечера.

На его нѣсколько повторенныхъ сильныхъ звонковъ дверь, наконецъ, пріотворилась; но она оказалась на цѣпочкѣ, такъ что войти было невозможно. Въ щелку глянула горничная и повторила слова швейцара.

-- Когда же онѣ вернутся?

-- Не могу знать.

-- Отвори дверь, я буду дожидаться,-- произнесъ Аникѣвъ упавшимъ голосомъ.

Горничная замялась; но все же не осмѣлилась захлопнуть двери, отворила ее и, видимо, смущенная, пропустила Аникѣва.

Онѣ убѣдился, что дома нѣтъ не только Лидіи Андреевны съ Соней, но и французенки. Тишина квартиры нарушалась однимъ лишь однообразнымъ звукомъ большого ма-

ятника старинныхъ часовъ въ столовой.

Аникѣевъ почувствовалъ себя очень нехорошо. Онъ не спалъ почти всю ночь. Съ утра, кромѣ чашки чаю безъ хлѣба, у него ничего во рту не было, Ощущеніе томительной усталости разливалось по всему тѣлу.

Онъ прилегъ на диванъ въ гостиной и ждалъ, то и дѣло вынимая часы, слѣдя за секундною стрѣлкой. На столикъ возлѣ дивана лежала французская книга. Онъ взялъ ее и сталъ перелистывать.

Это былъ романъ Поля Буржэ, «Mensonges». Аникѣевъ умѣлъ про себя читать необыкновенно быстро, мгновенно охватывая страницу и ничего существеннаго въ ней не пропускавая. Чтеніе заняло его, пока онъ не добрался до сути романа. Но эта суть заставила его только взглянуть въ конецъ, а затѣмъ онъ бросилъ книгу на столъ и закрылъ глаза, утомленные тысячами промелькнувшихъ передъ ними строкъ.

Онъ зналъ навѣрное, что не читалъ этого романа, а между тѣмъ въ этой книгѣ, прекрасно написанной, не оказалось ровно ничего для него новаго, оригинальнаго, неожиданна-

го. Вѣчная, на всѣ лады уже повторенная тема: свѣтская парижанка, имѣющая видъ порядочной женщины и живущая холоднымъ, рассчитаннымъ развратомъ,— мужъ, для положенія въ свѣтъ, одинъ любовникъ для денегъ и подарковъ, другой для сладострастія. А затѣмъ -- подробности и сцены, гдѣ вся разница съ тайными порнографическими книжками заключается въ маленькомъ виноградномъ листикѣ, да въ какомъ-то прозрачномъ кисейномъ трико дымчатого цвѣта...

«И, вѣдь, такъ языкъ свой отшлифовали, такъ устроили, что все это сходитъ за художественное творчество и за дозволенное женское чтеніе!-- думаль Аникѣевъ.-- Ни поэзіи, ни огня, ни страсти, ни красоты -- ничего!... Съ разрѣшенія полиціи школа ежедневнаго, прихода-расходнаго разврата для дѣвиць, жень и матерей!...»

Мысль о томъ, что эта современная французская порнографія всегда составляла и, очевидно, продолжаетъ составлять единственную умственную пищу Лидіи Андреевны, что эти книжки вѣчно валяются вокругъ нея и могутъ попадаться на глаза Сони, могутъ чи-

таться ею,— усилила раздраженіе Аникѣева. А минуты тянулись медленно, и тишина ничѣмъ не нарушалась.

Наконецъ, въ передней раздался звонокъ. Кровь ударила въ голову Аникѣева. Его жадный слухъ ловилъ малѣйшій шорохъ. [По это была не Лидія Андреевна съ Соней. Въ гостиную вошла француженка, изящно поклонилась и объяснила, что monsieur напрасно дожидается, что madame и Sophie уѣхали въ Царское Село, гдѣ и будутъ ночевать. Француженка назвала неизвѣстную Аникѣеву фамилію дамы, къ которой онѣ уѣхали, и добавила:

— Sophie est en graude amitié avec les enfants de cette dame... Oh! elle était hien heureuse de son petit voyagel..

Онѣ хотѣлъ крикнуть ей, что она лжетъ, что его Соня не могла быть счастлива ѣхать куда бы то ни было сегодня, когда она знала, что онѣ долженъ придти къ ней. Ее увезли насильно или она такъ ужъ боится матери, что не смѣла выказать своего горя... Во всякомъ случаѣ, она теперь несчастна...

Француженка опять поклонилась и съ лю-

безною улыбкой выпорхнула изъ гостиной.

Безсильное бѣшенство охватило Аникѣева. Лидія Андреевна, какъ и всегда, побѣдила его, оскорбила, одурачила, и онъ уходилъ, подавляемый старымъ, вернувшимся кошмаромъ.

Но, вѣдь, этому будетъ конецъ; завтра онъ вернется изъ Царскаго, и онъ добьется своего, увидитъ Соню, возьметъ ее... Возьметъ себѣ навсегда!...

XXVII.

Онъ пріѣзжалъ нѣсколько дней подрядъ,-- по два, по три раза на дню,-- Лидія Андреевна и Соня не возвращались изъ Царскаго. Прошло шесть дней, онъ не видѣлъ Сони. Онъ просто съ ума сходилъ, не могъ ни о чемъ думать, не могъ никого видѣть, цѣлыми часами бродилъ по улицамъ, а возвращаясь къ себѣ, запирался и лежалъ, какъ мертвый.

Пианино не издавало ни одного звука, обѣдъ уносился ночи нетронутымъ.

Платонъ Пирожковъ сначала повѣсилъ носъ, шевелилъ усамъ и вздыхалъ. Потомъ онъ озлобился и, отпирая Аникѣеву двери, глядѣлъ на него съ ненавистью. Наконецъ,

на шестой день, онъ не выдержалъ. Когда Аникѣевъ приготовился утромъ выйти изъ дому, онъ сталъ «собирать» его по обычаю, практиковавшемуся имъ съ незапамятныхъ временъ, благодаря чрезмѣрной разсѣянности Михаила Александровича.

-- Портфель съ деньгами взяли?-- спросилъ онъ глухимъ и унылымъ голосомъ.

Аникѣевъ ощупалъ карманъ.

-- Портсигаръ взяли?-- продолжалъ «дьятель», еще унылѣе и глуше, неизмѣнные вопросы.

Портсигаръ оказался на своемъ мѣстѣ.

-- Платокъ взяли?

Платка, какъ и всегда почти въ такихъ случаяхъ, не было.

«Дьятель» принесъ платокъ; но при этомъ лицо его ясно выражало, что онъ вовсе не успокоился исполненіемъ своихъ обязанностей. Брови его поднялись, усы оцетинились. Подавая барину пальто въ передней, онъ многозначительно произнесъ:

-- Михаилъ Александровичъ!

-- Чего тебѣ?

-- Что-жъ будетъ этому конецъ, сударь? По-

глядите на себя... вѣдь, на васъ лица нѣту... вѣдь, вонъ на столѣ письма дожидаются... два письма ужъ пятый день дожидаются, а вы ихъ и не читали... Вчерась братецъ, Николай Александровичъ, прїѣзжалъ, просилъ, чтобы вы безпремѣнно къ нимъ заѣхали, а, вѣдь, вы то у нихъ, знаю я это, не были... Пора бы кончить, сударь... Христось съ вами... пожалѣйте себя... да и меня до грѣха не доводите.!

Аникѣевъ разсердился.

— Что ты тамъ мелешь!-- крикнулъ онъ.--
Оставь меня въ покоѣ!

Онъ отворилъ дверь и сталъ спускаться съ лѣстницы.

— Я запью-сь!-- мрачно и рѣшительно проговорилъ ему во слѣдъ «дятель», запирая дверь.

Аникѣевъ вернулся домой только въ обѣденное время, сталъ звонить и не могъ дозвониться. Пришлось ему сойти съ лѣстницы и искать со двора черного хода въ свою квартиру, о которомъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія. Наконецъ, онъ нашель его.

«Если этотъ болванъ заперъ дверь и ушелъ, что я буду дѣлать?» — съ новымъ ужъ

волненіемъ подумаль Аникѣевъ, отрываясь отъ своихъ мрачныхъ и спутанныхъ мыслей.

Но дверь въ кухню была не заперта. Печь топилась; однако, Платонъ Пирожковъ, превосходный поваръ, никогда не заставлявшій барина дожидаться обѣда, на этотъ разъ объ обѣдѣ еще и не подумаль. По столу была разложена сырая провизія. Тутъ же стоялъ полуштофъ съ водкой, далеко ужъ не полный.

Рядомъ со столомъ, на кухонномъ табуретѣ, сидѣль «дятель», совсѣмъ свѣсивъ на грудь голову, такъ что видѣнъ былъ только длинный носъ его на фонѣ желтыхъ громадныхъ усовъ, да растрепанные волосы.

При входѣ Аникѣева, онъ поднялъ было голову; но сейчасъ же опять опустилъ ее, и не трогался съ мѣста.

-- Что-жъ это такое? Ты и вправду напился, разбойникъ: -- крикнулъ Аникѣевъ.

Тогда Платонъ Пирожковъ поднялся съ табурета, пошатнулся и бокомъ, мотая носомъ, подошелъ къ барину.

-- Нѣтъ-съ, я еще не пьянъ,-- зашамкаль онъ не своимъ голосомъ:-- я еще въ своемъ... то есть, умѣ, а только... тиранства, то есть ва-

шего... терпѣть больше не намѣренъ... Обѣда то-есть нѣтъ и не будетъ, а пожалуйста мнѣ расчегъ немедля, потому я человѣкъ вольный...

Аникѣеву такая сцена была не въ новостъ; но онъ всякій разъ смущался духомъ и чувствовалъ большую неловкость, когда его «дядель», вообще непьющій, вдругъ напивался и требовалъ расчета. Онъ хорошо долженъ былъ знать, по прежнимъ примѣрамъ, что изъ этого ничего не выйдетъ; но все же пугался, какъ передъ неожиданной бѣдою.

-- Ложись сейчасъ спать, протрезвись сначала, а ужъ потомъ и толкуй о расчетѣ!-- строго сказалъ онъ.

Платонъ Пирожковъ не намѣренъ былъ сдаться.

-- Это вы только зря лежите да спите,-- тономъ грознаго упрека вдругъ пробасилъ онъ.-- Что мнѣ спать! Съ вами не поспишь... Измочалили вы меня всего, душу изъ меня высосали!.. Не баринъ вы, а... то есть... монстръ... кровопивецъ...

Аникѣевъ поспѣшилъ черезъ коридоръ въ переднюю.

Но «дятель», держась за стѣну, не отставалъ отъ него и убѣдительно басиль:

— Жалости въ васъ нѣту... что я вамъ, какторжникъ что ли достался... мало было здѣсь, то есть, тиранить... по заграницамъ таскали, таскали! Вѣдь, тамъ... у этого моря проклятаго... вѣдь, я, то есть, не разъ топиться собирался... Этакъ-то нельзя-съ... этакого закону нигдѣ не написано... Я, сударь, я завтра же на васъ градоначальнику жалобу подамъ... какъ вамъ, то есть, угодно.... а живого человѣка... души лишать... это... что-жъ такое!.. за это самое по закону отвѣтить можно!...

Голосъ его оборвался. Онъ сѣлъ на полъ и зарыдалъ.

Аникѣевъ поднялъ его, свелъ въ его комнату, повалилъ на постель и заперъ къ нему дверь на ключъ. Потомъ онъ прошелъ въ кухню, заперъ и тамъ дверь на лѣстницу, машинально переодѣлся въ спальнѣ и, наконецъ, вышелъ въ свою «музыкальную» комнату, слабо освѣщенную, изъ-за тяжелыхъ оконныхъ занавѣсей, послѣднимъ отблескомъ дневного свѣта.

Чувство глубокаго унынія и омерзѣнія за-

сосало ему сердце. Онъ остановился посреди комнаты.

«И это жизнь! и это жизнь!-- повторялось въ его мысляхъ,-- Но развѣ можно такъ жить! развѣ можно выносить такую отвратительную, бессмысленную гадость!!.»

Въ передней едва слышно звякнулъ колокольчикъ. Онъ вздрогнулъ, прислушался и рѣшилъ, что это ему только слышалось.

Но вотъ опять слабое дребезжаніе, а потомъ уже совсѣмъ ясный звонокъ:

Онъ зажегъ свѣчу и, держа ее въ рукѣ, прошелъ въ переднюю, отперъ дверь.

Передъ нимъ маленькая, стройная женская фигура. Она подняла съ лица черную вуалетку,-- и онъ попятился, не вѣря глазамъ своимъ.

Это была княжна Хрепелева, хорошенькая Ninette.

XXVIII.

-- Какъ вы сюда попали, княжна? Кого вы ищете на этой лѣстницѣ?-- спросилъ онъ, соображая, что рѣшительно не имѣеть никакого понятія о томъ, кто живетъ въ этомъ домѣ.

Княжна глядѣла ему прямо въ глаза своими большими синими глазами, и онъ читалъ въ нихъ дѣтское смущеніе и въ то же время не дѣтскую рѣшимость.

-- Я никого не ищу,-- тяжело переводя дыханіе, медленно проговорила она: -- я къ вамъ, Михаилъ Александровичъ, мнѣ очень надо васъ видѣть... можете вы принять меня?..

-- Ко мнѣ?

Онъ совсѣмъ растерялся, почтительно пропустилъ ее въ переднюю, заперъ дверь и не зналъ -- снимать ли съ нея шубку.

Но прежде чѣмъ онъ рѣшилъ этотъ вопросъ, она сама быстро сняла ее съ себя, такъ что онъ едва успѣлъ подхватить ее и повѣсить на вѣшалку.

-- Пожалуйста!-- говорилъ онъ все съ возрас-

тавшимъ смущеніемъ, вводя ее въ «музыкальную» комнату.

Княжна шла за нимъ робко, опустивъ глаза, и даже невольно прижала руку къ груди, такъ у нея, очевидно, билось сердце.

Онъ увидѣлъ, что въ комнатѣ значительно стемнѣло. Онъ зажегъ лампу и придвинулъ къ столу мягкое, удобное кресло.

— Садитесь, княжна, вотъ сюда, здѣсь вамъ будетъ хорошо, а -- я весь къ вашимъ услугамъ...

Маленькая княжна сѣла, все не поднимая глазъ, и нѣсколько секундъ продолжалось неловкое молчаніе. Наконецъ, она взглянула на Аникѣева и улыбнулась. Но это была не вызывающая улыбка бойкой шалуньи, а жалкая улыбка, просящая о снисхожденіи и, въ то же время, полная настоящей грусти.

— Боже мой, что вы должны обо мнѣ думать!-- вырвалось у нея, и онъ хорошо видѣлъ, что еще мгновеніе, какое-нибудь недолжное съ его стороны слово, невольное, не такъ понятое ею движеніе; и она зарыда-етъ.

— Я ничего о васъ не думаю,-- тихо и почти-

тельно сказалъ онъ:-- то есть, я думаю: вѣрно, съ вами случилось очень дурное, большая бѣда... и вамъ кажется, что я могу помочь вамъ... Если бы только я дѣйствительно могъ... располагайте мною... Я одинъ, намъ никто не помѣшаетъ, успокойтесь, скажите мнѣ все.

Онъ протянулъ ей руку, и въ глазахъ его засвѣтился отблескъ той нѣжности, съ какою онъ глядѣлъ на свою Соню. Она сжала его руку и вглядывалась въ его лицо.

-- Вотъ вы меня успокоили! Какъ я вамъ благодарна!-- уже новымъ голосомъ, оживляясь, воскликнула она.-- Когда мнѣ принесли сегодня утромъ вашъ адресъ изъ адреснаго стола, и я рѣшилась къ вамъ ѣхать, мнѣ это казалось очень легко... Но я едва не убѣжала дойдя до вашей двери... А когда вы мнѣ отворили... Боже мой, почему же я думала, почему я была увѣрена, что вы мнѣ именно сами отворите?!.. Когда вы мнѣ отворили, у меня голова закружилась, я едва не упала... Если бы вы иначе меня встрѣтили... но не могла же я въ васъ ошибиться!.. теперь я вамъ скажу все, все... затѣмъ и пришла... ничего не стану утаивать... Знаете... Я въ прошломъ году... j'ai

commis un grand péché... я утаила на духу... но отъ васъ ничего не могу утаить, иначе, вѣдь, и нельзя, не стоитъ...

Онъ внимательно слушалъ ея тихій лепетъ и все больше успокаивалъ ее своимъ взглядомъ...

Она продолжала:

-- Вы угадали... конечно, со мною большая бѣда... Впрочемъ и угадывать было нечего, бѣда, вѣдь, случилось тогда вечеромъ, на вашихъ глазахъ... вѣдь, я помню все, до той самой минуты, какъ мнѣ стало дурно... Потомъ я ужъ ничего не помню, я пришла въ себя только въ каретѣ, когда мы возвращались домой...

-- Хорошо, что не случилось самого худшаго,-- перебилъ Аникѣевъ:-- я боялся, что вы очень какъ-нибудь заболѣете.

-- А это, по вашему, было бы худшее?! Нѣтъ, я не заболѣла, я на слѣдующее утро уже была здорова, только въ головѣ осталась такая странная тяжесть... Но всему наступилъ конецъ, то-есть, всей моей прежней жизни... Я ужъ теперь навсегда погибла, опозорена, свѣтъ для меня не существуетъ.

Онъ улыбнулся и покачалъ головой.

-- Не такъ страшно, какъ вамъ кажется!--
сказалъ онъ.

-- Вы думаете? Вамъ смѣшно? Это хорошо, что вы улыбаетесь... Однако... знаете, вѣдь, я была невѣста...

-- Знаю.

-- Ахъ, ну, тѣмъ лучше, если знаете... такъ знайте же и то, что мой женихъ, графъ Ильинскій, на другой же день послѣ этого ужаснаго вечера прислалъ, на имя папа, письмо, очень приличное письмо, которымъ онъ отъ меня отказался. Вотъ это письмо, вотъ оно! Папа бросилъ мнѣ имъ въ лицо... онъ, папа, всегда сдержанный, ласковый... Онъ сказалъ, что я его навѣкъ опозорила, что я ему не дочь... Теперь онъ боленъ, не выходитъ изъ своихъ комнатъ, а я его не видала съ той минуты, какъ онъ бросилъ мнѣ это письмо... Читайте, посмотрите, какъ дѣлаются такія вещи...

Она маленькой, задрожавшей рукою, затянутой въ черную перчатку, вынула изъ кармана смятый листокъ толстой почтовой бумаги и подала его Аникѣеву.

Онъ прочель строки, написанныя твердымъ, крупнымъ, ровнымъ почеркомъ.

«Глубокоуважаемый князь Валентинъ Илларионовичъ, я немедленно уѣзжаю изъ Петербурга, чтобы гдѣ-нибудь, подальше, пережить то, что случилось. Да поможетъ Богъ вамъ и достойнѣйшей княгинѣ. Таково сердечно желаніе всегда вамъ преданнаго и уважающаго васъ

Гр. П. Ильнис...»

-- Не правда-ли, коротко и ясно!-- насмѣшливо проговорила княжна задрожавшими губами, вдругъ блѣднѣя.

-- Тутъ одно только серьезно,-- сказалъ Апикѣевъ, возвращая ей письмо:-- вы очень любили этого господина?

-- Мнѣ казалось, что я люблю его. Онъ представлялся мнѣ такимъ интереснымъ... Я высоко его ставила... Но послѣ этого, сразу я поняла, что не люблю его... И вотъ теперь, знаете-ли, у меня къ нему такое чувство, какъ если считаешь человѣка хорошимъ, честнымъ, и вдругъ узнаешь, что онъ укралъ. И жалко его какъ-то, и противенъ онъ очень...

-- Самое настоящее чувство,-- съ усмѣшкой

сказалъ Аникѣевъ:-- и, въ такомъ случаѣ никакой бѣды и погибели нѣтъ. Напротивъ, вы сами должны видѣть, что вамъ слѣдуетъ только радоваться и благодарить Бога. Что бы это было, если-бы вы замужъ за него вышли и уже послѣ свадьбы почувствовали, что вамъ его «и жалко какъ-то, и противенъ онъ очень»... что бы тогда было?

-- Я это понимаю,-- проговорила княжна, сдвигая брови и внезапно превращаясь изъ наивнаго ребенка въ женщину: -- я ужъ это про себя рѣшила. Только дѣло не въ немъ, не въ этомъ женихѣ, отъ котораго меня Богъ избавилъ, а въ моей жизни дома, въ папа и мама. Мнѣ болѣе нельзя жить, вотъ что!

-- Отчего нельзя жить? Разсержены, глядятъ на дѣло но своему, у васъ непріятности... только, вѣдь, посердятъ, да и перестанутъ... Вотъ весна подходитъ, увезутъ васъ куда-нибудь съ деревню или за границу, а къ будущему сезону все это будетъ забыто, и заживете вы попрежнему!

Княжна опустила руки на колѣни и качала головой.

-- Ахъ, какъ вы ничего не знаете!-- печаль-

но воскликнула она:-- Да я то знаю. Вѣдь, я знаю ихъ хорошо, ихъ и всѣхъ нашихъ... Я ни въ чемъ не виновата, совѣсть моя чиста, я сама не понимаю, какъ все это случилось со мною, а между тѣмъ, я ихъ опозорила, и сама погибла!.. И вотъ, такъ какъ я все равно ужь преступница и безсовѣстная, то я и прибѣжала къ вамъ... Это очень не годится; но иначе я не могла... сами увидите! Спасите меня... я знаю, что вы это можете, я вамъ вѣрю... Я всѣ эти дни о васъ думала и рѣшала, что только вы одинъ можете спасти меня... Оттого я и сдѣлала такую ужасную вещь, оттого къ вамъ и прибѣжала, вырвалась изъ дому... тихонько.

Она быстро поднялась со своего кресла, подошла къ Аникѣеву и глядѣла на него умоляющимъ взглядомъ, глазами полными слезъ.

«Что-жь это: *Enfant grésосе?*... Совсѣмъ извращенная дѣвочка?.. Бабочка, летящая на свѣчу?...» -- думалъ онъ.

Художникъ залюбовался прелестною бабочкой и даже не замѣчалъ, что слишкомъ долго любуется ею, а она трепещетъ передъ нимъ своими радужными крылышками.

XXIX.

-- Если вы мнѣ вѣрите и думаете, что я могу помочь вамъ, такъ объясните, въ чемъ дѣло, вѣдь, я еще ничего не понимаю!-- наконецъ, сказалъ онъ.

-- Ахъ, какъ это трудно сразу... въ одномъ словѣ нельзя!-- воскликнула почти плача маленькая княжна и потомъ прибавила.-- Когда я одна думала, все мнѣ было ясно, такъ просто и ясно, а вотъ теперь я спуталась. Но я вамъ вѣрю, такъ же вѣрю какъ и всѣ эти дни, и теперь еще больше знаю, что вы ужасно добрый...

Ему стало неловко и неприятно. Онъ невольно пожалъ плечами.

-- Вы меня совсѣмъ не знаете, княжна,-- сказалъ, онъ:-- и я очень боюсь, что вы скоро сами увидите свою ошибку. Я, конечно, не обману вашего довѣрія... но...

Онъ не договорилъ своей мысли; въ его тонѣ ужъ прозвучали и скука и досада.

Ninette почувствовала это, поблѣднѣла, и изъ ея глазъ брызнули слезы. Однако, она сейчасъ же и сдержала ихъ.

-- Если вы отъ меня отвернетесь, такъ я дѣйствительно погибла!-- проговорила она такъ серьезно и съ такимъ отчаяніемъ, что онъ встрепенулся.

Онъ взглянулъ ей прямо въ глаза, потомъ улыбнулся, какъ улыбался Сонъ, и она мгновенно оживилась.

-- Знаете ли вы, что я всю жизнь была; одна?-- вдругъ спросила она.

-- Какъ одна? Вы въ семьѣ выросли...

-- Что-жъ такое!.. И все же -- одна. Съ тѣхъ поръ, какъ я стала хоть что нибудь смыслить, я ни съ кѣмъ не могла сказать слова по душѣ. Пробовала, конечно, но меня или совсѣмъ не понимали, или увѣряли, что я говорю глупости и бранили меня. Я ужъ давно поняла, что и папа, и мама меня не любятъ. Папа намъ совсѣмъ какой-то чужой, а мама болѣе всего на свѣтѣ любитъ приличія, только о нихъ и думаетъ. Вся ея жизнь -- приличіе! Это ужасно такъ говорить; но что же мнѣ дѣлать, если это правда, а лгать предъ вами я не хочу. Я очень люблю чтеніе и много читала... разумѣется по выбору моего профессора и съ одобренія ма-ма. Меня часто въ послѣднее время возятъ въ

театръ... Словомъ, кое-что я знаю о жизни. Но это не важно, а вотъ что меня мучаетъ. Я знаю Евангеліе и очень люблю читать его, читать и думать. У меня до этой зимы былъ добрый и хорошій законоучитель, отецъ Петръ, онъ мнѣ растолковалъ многое. И я увидѣла ужасную, ужасную вещь! Мы называемся христіанами, а живемъ не только хуже всякихъ язычниковъ, но если кто-нибудь вздумаетъ поступать по христіански, это считается позорнымъ, глупымъ, неприличнымъ, да -- неприличнымъ! Мы ѣздимъ въ церковь, говѣемъ, исповѣдываемся, причащаемся только потому, что это принято въ нашемъ кругу...

Аникѣевъ развелъ руками.

-- Княжна!-- воскликнулъ онъ:-- Такъ это вы пришли ко мнѣ съ христіанствомъ! Ко мнѣ! Да знаете ли вы, что я ужъ и забылъ то время, когда читалъ Евангеліе... У меня его и нѣтъ совсѣмъ! Я много лѣтъ не былъ въ церкви, не исповѣдывался и не пріобщался...

Она пристально на него глядѣла.

-- Почему?-- спросила она.-- Почему вы не читаете Евангеліе? Потому ли, что не вѣрите

въ Бога и отrekliсь отъ христіанства?

— Нѣтъ, не потому, а оттого, что я далеку отъ всего этого... какъ-то такъ случилось... Видите-ли, меня давно ужъ закрутили какіе-то злые вихри, и вотъ я мечусь, какъ мечутся почти всѣ въ наше время...

Княжна сидѣла, сдвинувъ свои хорошенькія брови.

— Я такъ и думала,— сказала она:— что вы не набожный и не читаете Евангеліе. Но это ничего не измѣняетъ, все же вы, вы... не такой, какъ всѣ... и вы, конечно, понимаете, то, чего никто не понимаетъ... Злые вихри! Какое хорошее слово! Это и есть... они и въ пропасть кинуть, и въ небеса поднимуть!...

Онъ глядѣлъ теперь на нее и вслушивался въ ея слова съ изумленіемъ.

— Откуда у васъ обо мнѣ такое высокое мнѣніе?— улыбаясь проговорилъ онъ.— Вы меня не знаете, вы даже врядъ ли обо мнѣ и слышали, а если слышали, то навѣрное одно дурное.

— Въ то время, какъ вы тогда играли и пѣли, я почувствовала какой вы, а потомъ думала объ этомъ и поняла,— просто и увѣренно

отвѣтила она.

-- Охъ, ничего вы не поняли! Простите, вы еще дитя и хоть и очень умны, какъ я теперь вижу, но жизни совсѣмъ не знаете, не можете знать. Мы живемъ въ тяжелое время... Красота и гармонія исчезаютъ, и никому онѣ какъ-то совсѣмъ даже не надобны. А кто не въ силахъ жить безъ нихъ, тотъ томится, мучается, и для него теряется всякій смыслъ жизни.

-- Этого не можетъ быть!-- страстно воскликнула княжна: -- И не вамъ бы говорить! Скажите, я такъ хочу, мнѣ такъ надо знать это, неужели вы въ самомъ дѣлѣ не свѣтлы душой, неужели вы несчастны?

Онъ ничего ей не отвѣтилъ; но она прочла отвѣтъ на лицѣ его.

-- Ахъ, какъ это нехорошо!-- тихо проговорила она.-- Ну что-жъ! Если вы не нашли, такъ будемъ искать вмѣстѣ... Почему такъ случилось, я не понимаю; но такъ случилось, мнѣ кажется будто я давно-давно васъ знаю и вы мнѣ все равно какъ родной, какъ братъ... Хотите быть моимъ другомъ, навсегда, навѣки?

Глаза ея сіяли; она протягивала ему руку.

-- Удивительное вы дитя... совсѣмъ, совсѣмъ дитя!-- ласково улыбаясь, говорилъ онъ, задерживая ея руку въ своей.-- Смотрите, скоро откажетесь отъ такого брата и друга... Я безнадеженъ.

-- Никогда!-- торжественно воскликнула она.-- Правда, я не того ждала, не такъ оно вышло; но я тѣмъ болѣе хорошо сдѣлала, что пріѣхала къ вамъ... А впрочемъ, отчего же не такъ?! Я не одна теперь, мы вдвоемъ съ вами, мнѣ только этого и надо. Я рѣшилась покончить со всѣмъ прежнимъ... Я хочу жить по новому, и вы мнѣ поможете въ этомъ. Не считайте меня такимъ ужъ ребенкомъ. Я очень рѣшительна, да къ тому же мнѣ и терять нечего... Я погибла для свѣта, но хочу жить для себя, такъ жить, чтобъ не стыдно было предъ своею душой... О, у меня планъ, хорошій планъ... Я теперь еще не скажу вамъ его... Скоро узнаете... я вернусь къ вамъ... вѣдь, можно?

-- Княжна...

Аникѣевъ замялся.

-- Вы боитесь, что узнаютъ, и это очень

компрометантно... Конечно, только согласитесь: гораздо лучше, если я буду видаться съ вами, моимъ другомъ, которому я вѣрю и который можетъ, да, можетъ спасти меня, чѣмъ если-бы я сдѣлалась графиней Ильинской и превратилась въ безукоризненную свѣтскую даму!

-- Знаете, лучше ужъ пишите мнѣ, если надо,-- сказалъ Аникѣевъ, снова чувствуя неловкость и даже сожалѣя, что она застала его дома.

-- Я такъ и сдѣлаю, да мнѣ необходимо сообразить, подумать... Прощайте, Михаилъ Александровичъ, будьте веселѣ, ради Бога будьте веселѣ... Au revoir, vous aurez bientôt de mes nouvelles!.. Сюда, вѣдь?

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ передней, потомъ обернулась.

-- Какъ у васъ хорошо... какъ красиво и тихо!-- прошептала она.

Аникѣевъ проводилъ ее, заперъ за нею дверь и вернулся, чувствуя тоску и усталось. Но эта странная дѣвочка все же оставила вокругъ него атмосферу своей красоты и свѣжести.

«Психопатка!» -- повторялъ онъ себѣ:-- «и вотъ попала! Это я спасать ее буду, когда самому впору удавиться!»..

А все же ему стало какъ-будто теплѣе. Онъ подумалъ о томъ, что навѣрно это ея первое и послѣднее посѣщеніе. Пройдетъ у нея блажь, одумается, не прїѣдетъ и не напишетъ. А если и напишетъ, авось онъ будетъ тогда далеко, и не одинъ, а съ Соней.

Онъ подошелъ къ письменному столу. На немъ, дѣйствительно, какъ сказали Платонъ Пирожковъ, лежало нѣсколько нераспечатанныхъ писемъ. Аникѣевъ взглянулъ и узналъ на одномъ конвертѣ почеркъ Алины. Онъ распечаталъ и прочелъ:

«Прїѣзжайте какъ можно скорѣе».

Письмо это было послано два дня тому назадъ.

Онъ поспѣшилъ было въ переднюю, чтобы сейчасъ же къ ней ѣхать; но вернулся, упалъ на диванъ и закрылъ глаза въ глубокомъ нервномъ утомленіи...

Пробило ужъ десять часовъ утра, когда Платонъ Пирожковъ проснулся, сѣлъ на своей кровати, свѣсилъ ноги и сталъ осматриваться. Онъ былъ совсѣмъ трезвъ, только голова сильно болѣла и память отшибло въ первую минуту. Увидя себя одѣтымъ, онъ подумалъ, что прилежъ такъ, между дѣломъ, да заспался. Онъ соображалъ -- который же теперь можетъ быть часъ, вытащилъ изъ жилетнаго кармана толстые серебряные часы и, убѣдясь, что они показываютъ десять, -- недовѣрчиво приложилъ ихъ къ уху. Часы тикали исправно.

Тогда память вернулась къ «дятлу» и онъ вспомнилъ даже какъ баринъ втащилъ его сюда и заперъ дверь на ключъ.

Онъ всталъ на ноги, причемъ почувствовалъ въ тѣлѣ разбитость, повернулъ дверную ручку и, такъ какъ дверь оказалась незапертой, вышелъ въ коридоръ.

Неслышно, затаивъ дыханіе, пробрался онъ въ спальню Аникѣева, увѣренный, что баринъ еще спитъ и желая, по возможности,

поправить всѣ свои погрѣшности.

Чувство раскаянья, нѣкотораго стыда, а главное, жалости къ «монстру», выразалось во всей фигурѣ Платона Пирожкова. Онъ былъ теперь похожъ не столько на дятла, сколько на провинившуюся собаку съ опущенной мордой и поджатымъ хвостомъ.

Ему стоило большого труда рѣшиться поднять глаза на кровать барина; но онъ тотчасъ же преобразился, увидя, что хоть кровать смята, а Михаила Александровича на ней нѣтъ.

Онъ прислушался.

Все вокругъ было тихо. Онъ обошелъ квартиру и убѣдился въ довольно необыкновенномъ обстоятельстве: баринъ, встававшій всегда поздно, не только всталъ, умылся и одѣлся, но даже ушелъ изъ дому, заперевъ парадную дверь снаружи и взявъ отъ нея ключъ съ собою. Значить, баринъ ушелъ безъ рюмки во рту, безъ стакана чаю...

Казалось бы все это должно было только увеличить въ Платонѣ Пирожковѣ и раскаяніе, и стыдъ, и жалость къ «монстру»; вышло же совсѣмъ наоборотъ. Онъ вскипѣлъ

и разсердился на барина.

Онъ сталь громко выражать свое негодованіе.

— Ишь, вѣдь... въ этакую рань поднялся!— ворчалъ онъ:— Дверь-то ко мнѣ отперъ, а небось не разбудиль... Нарочно, вѣдь, это, на зло ушелъ голодный... все-то мнѣ на зло... для одного тиранства... Ишь, вѣдь!... ишь!.. Психикъ!..

«Психикъ» въ устахъ Платона Пирожкова было самымъ обиднымъ, презрительнымъ названіемъ. Онъ безсознательно заимствовалъ его изъ своеобразнаго знакомства съ отечественной прессой; но производилъ это слово отъ «пса».

Ворчанье и брань не облегчили на сей разъ душу «дятла» и чѣмъ яснѣе и нагляднѣе бросилось ему въ глаза положеніе, имъ же самимъ созданное, тѣмъ страстнѣе ненавидѣлъ онъ Аникѣева. Эта ненависть возрасло до высшаго предѣла при видѣ вчерашней сырой провизіи, лежавшей попрежнему на кухоннымъ столѣ. Онъ осмотрѣлъ ее, понюхалъ мясо, искоса взглянулъ на холодную печь, и плюнулъ.

-- Чортъ! безстыжій юбошникъ... балаганщикъ съ музыкой, а не баринъ!-- громко рѣшилъ онъ, порывисто сбросилъ съ себя сѣрую жакетку, засучилъ рукава рубахи и подошелъ къ крану водопровода.

Долго стоялъ онъ, подставивъ голову подъ струю ледяной воды и отфыркиваясь. Умыванье освѣжило его и нѣсколько усмирило въ немъ расходившіяся чувства. Онъ скрылся въ своей комнаткѣ и вышелъ изъ нея на себя не похожимъ. Волосы были примазаны, громадные усы расчесаны, вмѣсто вышитой русскимъ узоромъ косоворотки на немъ красовалась туго накрахмаленная рубашка съ высочайшимъ стоячимъ воротничкомъ. Вокругъ шеи былъ повязанъ синій шелковый галстухъ съ большой булавкой въ видѣ подковы. Сѣрая жакетка оказалась замѣненной длиннополымъ чернымъ сюртукомъ, застегнутымъ на всѣ пуговицы, а сапоги были вычищены до почти неестественнаго блеска.

Вышелъ Платонъ Пирожковъ въ «музыкальную» комнату, остановился передъ зеркаломъ и осмотрѣлъ себя со всѣхъ сторонъ. Особенно долго глядѣлъ онъ на свои сапоги,

поворачивая ноги во всѣ стороны.

Но тутъ онъ сообразилъ, что какъ же это: онъ разодѣлся, а квартира еще и не прибрана, вонъ пыль-то соръ...

«Ну и чортъ съ нимъ! И пусть пыль!..» — рѣшилъ онъ, снова ожесточаясь.

Онъ подошелъ къ письменному столу и увидѣлъ, что баринъ, наконецъ, распечаталъ и прочелъ всѣ письма, скопившіяся за эти дни. Тогда онъ въ свою очередь вынулъ ихъ изъ конвертовъ и принялся разбирать почерки.

Это было для него обычнымъ дѣломъ и казалось ему не только непредосудительнымъ, но даже входящимъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей.

Разобралъ «дятель» и записку «братца Николая Александровича», гдѣ тотъ писалъ, что онъ ужъ нѣсколько дней въ Петербургъ, отчаялся застать брата; но все же хотѣлъ бы съ нимъ поскорѣе повидаться и просить его заѣхать къ нему пораньше утромъ въ «Европейскую гостинницу». Разобралъ «дятель» и маленькую записочку Алины. Эту записочку онъ и перевертывалъ, и нюхалъ, долго сооб-

ражая, отъ кого она можетъ быть. Почеркъ знакомый, очень что-то знакомый. Наконецъ, онъ вспомнилъ чей это, дѣйствительно, хорошо ему знакомый и памятный, почеркъ.

Сдѣлавъ такое открытіе, «дятель» даже позеленѣлъ.

«Вотъ оно что!.. Опять снюхались... опять эта самая снѣжковская канитель начнется... То-то онъ ошалѣлъ совсѣмъ... Одно къ одному!.. Ну, теперь что-жъ -- прямо въ желтый домъ... Страшное дѣло, не сносить ему головы... Ишь, вѣдь, дьяволъ!..» -- мрачно и безнадежно думалъ «дятель», свѣсивъ носъ на сторону и прибирая письма.

Онъ отперъ красивую инкрустированную шкатулочку съ папиросами и сигарами, стоявшую на столѣ, вынулъ изъ кармана свой старый кожаный портсигаръ и наполнилъ его барскими папиросами.

Въ кухнѣ раздался рѣзкій звонокъ.

«Дворникъ дрова принесъ»,-- сообразилъ Платонъ Пирожковъ, поставивъ шкатулочку на мѣсто, положилъ портсигаръ въ карманъ и пошелъ отпирать.

Это и былъ дворникъ, огромный молодой

малый, съ вязанкой дровъ за плечами.

-- И что это за модель!-- сердито заговорилъ дворникъ, шагнувъ черезъ порогъ и грузно сваливая свою ношу на полъ: -- третій разъ дрова приношу, звонилъ, звонилъ, стучалъ, стучалъ, кулаки всѣ отшибъ, а вы, Платонъ Ивановичъ, и не откликаетесь...

-- А какъ же тебѣ откликнуться, коли меня дома не было, по парадной бѣгаль съ самымъ, что ни есть естреннымъ порученіемъ отъ барина?-- спокойно и не задумываясь совралъ «дядель».

-- Тэ-экъ-съ!-- протянулъ дворникъ, проводя глазомъ на полуштофъ, стоявшій прямо передъ нимъ.-- Прозябли видно, Платонъ Ивановичъ, горяченькую пропустили..! Вотъ бы и рабочаго челоуѣка попотчевать... Какъ передъ Истиннымъ, три раза съ дровами задаромъ по лѣстницѣ подымался...

-- Лопай!-- снисходительно отвѣтилъ Платонъ Пирожковъ, налилъ изъ полуштофа полный стаканчикъ и подалъ его дворнику.

Тотъ проглотилъ залпомъ, утерся рукавомъ, крякнулъ отъ удовольствія.

-- Эхъ, славно! Особливо утреннимъ

дѣломъ, на ходу ежели... такъ по всѣмъ жи-
лушкамъ съ головы до ногъ и разольется, та-
къ и переберетъ... А баринъ-то твой, Платонъ
Иванычъ, видно баловникъ!-- вдругъ неожиданно заключилъ дворникъ.

-- То есть, это ты насчетъ чего?-- подозрительно спросилъ «дятель».

-- А насчетъ того самаго... женскаго пола

-- Изъ чего-жъ собственно ты полагаешь?

-- Да вотъ штучка-то вчерась пріѣзжала...

-- Какая штучка? Когда штучка?

«Дятель» совсѣмъ растерялся.

-- Ишь! какая! Да нешто васъ дома не было?

-- Не было, весь вечеръ не было... ей-Богу, до вечерень еще услали.

-- А она, штучка-то, передъ сумерками пріѣзжала. Швейцаръ-то отлучился въ трактиръ съ землякомъ, меня просилъ у дверей постоять. Вотъ и стою я... Подъѣзжаетъ извозчикъ, расплатилась она, скокъ, и прямо ко мнѣ: «здѣсь, молъ, живетъ господинъ Аникѣевъ? Какъ, молъ, пройти?..» Я и показалъ...

-- Какая же она изъ себя?-- спросилъ Пла-

тонъ Пирожковъ упавшимъ голосомъ.

-- Съ рыла-то я, признаться, не разглядѣлъ, а тому подивился, что ужъ мала больно да тонка, посадить ее на ладонь, дунуть, ну, и полетитъ какъ перо... Бѣлобрысенькая такая, какъ подымалась по лѣстницѣ, запримѣтилъ я... волосы-то бѣ-ѣ-лые, что твой лёнъ!.. И какъ это господа въ такихъ скусъ находятъ? Только названье, что баба, а хлопнулъ и нѣтъ ничего!

-- Да ты не врешь?-- перебилъ его Платонъ Пирожковъ, окончательно теряясь отъ подобныхъ показаній.

Онъ сразу подумалъ, конечно, что это пріѣзжала вчера Алина; но ея высокая, пышная фигура, ея темные волосы никакъ не подходили къ описанію этой «штучки».

-- Чего-жъ мнѣ врать? Эка невидаль! Всякаго навидались,-- усмѣхнулся дворникъ, пожавъ плечемъ.

-- И что-жъ... долго она пробыла?

-- Да съ часъ, не то съ два, пожалуй... ужъ совсѣмъ давно стемнѣло, давно фонари залегли, какъ я-жъ ей и дверь отворилъ. Швейцарь-то все въ трактирѣ, а мнѣ Богъ прибылъ

послалъ... «Спасибо»,-- говоритъ оно, сунула мнѣ въ руку, а сама какъ побѣжить! Бумажка у меня въ рукѣ, глянулъ я у фонаря -- цѣлковый рупь! Ну, думаю, видно съ большой радости!

Платонъ Пирожковъ потянулся, поднялъ носъ и вдругъ не своимъ голосомъ произнесъ:

-- Водку ты выпилъ, дрова сложилъ, чего-жъ стоишь? Али думаешь, время мнѣ съ тобой балясы точить? Дѣловъ у меня что ли мало?

Дворникъ только ухмыльнулся и вышелъ изъ кухни, ясно говоря своими смѣющимися глазами: «смотри не лопни съ зависти... Что ужъ тутъ -- ты-то, братъ, прозѣвалъ, тебя дома не было, а у меня цѣлковый-рупь въ карманѣ!».

Платонъ Пирожковъ заперъ дверь и долго не могъ собраться съ мыслями. Какъ ни бывало ему подчасъ тяжело, какъ ни тиранилъ его «монстръ» своими несуразными дѣлами, у него всегда оставалось одно утѣшеніе: онъ зналъ все, какъ есть все, зналъ часто даже больше самого «монстра». Ничто не ускользало отъ его пронизательности. Онъ могъ, въ любую минуту, представить полный отчетъ не только въ проступкахъ, сношеніяхъ, но даже и въ мысляхъ своего барина. Онъ былъ относительно Аникѣева, самымъ безупречнымъ сыщикомъ и шпиономъ.

Извѣстіе, принесенное дворникомъ, поразило его какъ ударъ. Ничего подобнаго никогда еще не случалось. Откуда могла взяться эта невѣдомая маленькая и бѣловолосая «штучка»? Коли ужъ «штучки» появляются начинаютъ, значить, баринъ дошелъ до точки, не въ себѣ... И что-жъ это такое будетъ?!

Дѣло въ томъ, что хотъ Платонъ Пирожковъ и обозвалъ своего барина «юпошникомъ», но онъ лучше чѣмъ кто-либо зналъ насколь-

ко это званіе не подходит къ Аникѣву. Онъ зналъ, какъ съ юныхъ лѣтъ Аникѣвъ былъ скромень и какъ сурово отвѣчалъ онъ на слишкомъ рѣшительныя, иной разъ, нападенія влюблявшихся въ него дамъ и дѣвицъ. Эту черту въ своемъ баринѣ Платонъ Пирожковъ безсознательно уважалъ, хоть и не могъ понять ея причины.

Причина заключалась въ тонкой, художественной природѣ Аникѣва, въ его, такъ сказать, душевной музыкальности. Онъ могъ находить не только счастье, но и простое, мимолетное удовольствіе лишь подъ условіемъ гармоніи. Какъ бы ни былъ онъ возбужденъ, какія бы странныя вождельнія ни бушевали въ немъ, достаточно было малѣйшаго нарушенія гармоніи, малѣйшаго разнозвучія, чтобы сразу охладить его, вывести изъ очарованія.

Въ немъ всегда было много огня, даже много сладострастія, ибо истинный художникъ безъ сладострастія почти полная невозможность. Животная сторона человѣческой природы съ юныхъ его лѣтъ громко въ немъ говорила. Онъ признавалъ безстрастный

аскетизмъ только патологическимъ состояніемъ и жизнь безъ женской близости, безъ женской ласки была для него неестественна, являлась голодомъ, холодомъ, страданіемъ.

Вѣчно жившая въ немъ прелестная грѣза, помогавшая ему въ творествѣ звуковъ, то и дѣло просилась воплотиться въ жизни. Онъ притягивалъ къ себѣ, какъ магнитъ, женщинъ и дѣвушекъ, если онѣ хоть разъ почувствовали на себѣ его горячій и, какъ имъ всегда казалось, странный, смущающій взглядъ, если онѣ хоть на одно лишнее мгновеніе задержалъ въ своей рукѣ ихъ руку. Иначе не могло и быть, потому что настоящія женщины, не потерявшія женственности, инстинктивно угадываютъ истиннаго художника, и его обаяніе для нихъ неотразимо.

Если бы всѣ эти женщины и дѣвушки могли служить Аникѣеву хоть временнымъ воплощеніемъ его грѣзы, онѣ любилъ бы ихъ всѣхъ, одну за другою, и Платонъ Пирожковъ могъ бы по праву назвать его «юпошникомъ». По случилось такъ, что всѣ эти женщины и дѣвушки слишкомъ скоро охлаждали

его заключававшимися въ нихъ разнозвучіями.

Только начнетъ онъ понемногу воплощать въ которую-нибудь изъ нихъ свою грёзу, вдругъ зазвучала фальшивая струна, и конецъ очарованію. Что произошло? повидимому, ровно ничего, но его взглядъ ужъ скользитъ мимо, пожатіе его руки безжизненно, отъ него самого такъ и вѣетъ холодомъ.

Естественнымъ воплощеніемъ его грезы, единственный женщиной, никогда не заставившей его музыкальную душу вздрогнуть отъ разнозвучія, была Алина.

Покинутый ею, онъ хотѣлъ было сдѣлать надъ собою насиліе, хотѣлъ заставить себя любить хорошенькую пѣвицу; но скоро такъ измучился отсутствіемъ въ ней гармоніи, что ушелъ отъ нея безъ всякихъ сожалѣній. Въ ней было такъ мало художественности, такъ много вульгарнаго, она такъ некрасиво сердилась и плакала! Онъ видалъ, какъ сердилась и плакала Алина; только у той все, даже злость, все, все выходило красиво, не оскорбляло въ немъ художественнаго чувства.

Уйдя отъ своей пѣвицы, онъ, какъ и въ прежніе годы, жилъ вдали отъ женщинъ,

очень тяготясь этимъ вынужденнымъ аскетизмомъ. Но чего онъ не могъ даже и въ юности, того тѣмъ болѣе не могъ въ зрѣлые годы...

Такимъ образомъ Платонъ Пирожковъ отлично зналъ, что опасна только Алина. Нѣтъ ее, покончено съ нею навѣки, такъ никого больше и не будетъ. До сегодняшней записки онъ былъ увѣренъ, что съ Алиной все покончено навѣки, что баринъ никогда ее не проститъ и даже не увидитъ.

Устроится миръ съ Лидіей Андреевной, вернется Соня и начнется тогда жизнь настоящая. Перестанетъ баринъ метаться -- вѣдь, ужъ и года не тѣ, пора успокоиться и быть какъ всѣ добрые люди. Служить не станетъ, чиновъ да почету не наживетъ, а все-жъ-таки Лидія Андреевна,-- она мастеръ на это, хоть и любитъ денежки транжирить,-- какъ ни на есть, а устроить дѣла, выручить Снѣжково.

«Тогда что-жъ ему, барину-то,-- пой себѣ, заливайся курскимъ соловьемъ, колоти по музыкѣ, пока все струны не лопнутъ, корпи невѣдомо на кой прахъ надъ книгами, пиши невѣдомо что всѣ ночи напролетъ, бей себѣ баклуши, никто запрещать не станетъ...

«А то нешто можно этакъ жить? Книги, вотъ уже не одинъ мѣсяцъ, и не раскрываются, будто ихъ и нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ. Не то, что писать по ночамъ, какъ прежде, а и записочки маленькой написать не можетъ. Струментъ-піанино, такъ и тотъ даже пылится...»

Но появленія снова на сцену Алины и, одновременно съ нею, какой-то новой бѣловолосой «штучки» Платонъ Пирожковъ окончательно не могъ переварить. Это разбило всѣ его планы, всѣ надежды, представлялось окончательной безвозвратной гибелью.

«Господи Боже, да, вѣдь, ъсть скоро нечего будетъ, а онъ себѣ и въ усъ не дуесть! Оглашенный, право оглашенный!» -- съ отчаяніемъ думалъ «дятель», подобраннымъ ключемъ отпирая въ барскомъ столѣ ящикъ, гдѣ всегда хранились деньги, и принимаясь пересчитывать кредитныя бумажки.

«Сто, двѣсти... тутъ двадцать... еще пятьдесятъ... вотъ и все, а получки скоро никакой не предвидится!.. По жидамъ черезъ недѣлю гонять меня станетъ»...

«Нѣтъ, съ этакимъ дьяволомъ силъ нѣту больше... я сбѣгу! Найду себѣ генеральское,

либо княжеское мѣсто... выѣзднымъ буду... одежда и все въ порядкѣ... человекъ бывалый, по всѣмъ границамъ ѣзжалъ... да меня озолотятъ, оцѣнку мнѣ настоящую сдѣлаютъ, а онъ и сиди одинъ, некормленный да нетопленный, хоть съ голоду поколѣй, мнѣ-то что!»

На этомъ рѣшеніи и остановился Платонъ Пирожковъ, опять прошелъ въ свою комнату и вышелъ оттуда въ длинномъ ваточномъ пальто съ мерлушковымъ воротникомъ и въ заграничномъ «котелкѣ» на головѣ.

Онъ прошелъ черезъ кухню, заперъ дверь снаружи и ключъ взялъ съ собою.

На улицѣ оцѣ представлялъ изъ себя довольно невѣроятную фигуру: между «котелкомъ» и мерлушкой выступалъ громадный носъ, повѣшенный на еще болѣе громадныхъ желтыхъ усахъ, и кромѣ носа да усовъ рѣшительно ничего не было видно. На выѣздного лакея, ищущаго генеральскаго или княжескаго мѣста, онъ, во всякомъ случаѣ, былъ совсѣмъ непохожъ.

Тоска, несносная тоска, сосала сердце бѣднаго «дятла». Онъ направлялся къ князю Вово, который вотъ появился, да сейчасъ же и

пропаль въ самое нужное время.

«Вѣтрогонъ баринъ,-- размышлялъ про него «дятель»:-- а все-жъ таки окромѣ него къ кому теперь пойдешь, кому про всѣ эти накости расскажешь! Не къ братцу же Николаю Александровичу! Этотъ и слушать не станетъ... Ты, молъ, лакей, ну и служи, исполняй свои обязанности, а въ барскія дѣла не мѣшайся... Всегда таковъ былъ, сызмальства... никакого въ немъ человѣческаго пониманія нѣтъ... Ишь ты, обязанности! Да коли тутъ и обязанностейъ-то нѣтъ никакихъ, одно голое тиранство!.. Князь вотъ хоть и вѣтрогонъ и человѣкъ совсѣмъ неположительный, все-жъ-таки въ немъ чувство есть и жалость... Онъ вить можетъ и на слѣдъ «штучки» наведетъ»...

XXXII.

Николай Александрович Аникѣевъ пріѣхалъ съ юга Россіи, гдѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ занималъ хорошо оплачиваемое мѣсто въ правленіи одного изъ еврейско-русскихъ «Обществъ». Это мѣсто онъ получилъ, такъ сказать, въ приданое за своей женою, такъ какъ отецъ ея, Борисъ Веняминовичъ Самуиловъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и русскій дворянинъ, былъ однимъ изъ учредителей «Общества».

Николай Александровичъ остановился въ «Европейской гостиницѣ» и занялъ очень представительный «номеръ», состоящій изъ передней, большой высокой гостиной, мебелированной довольно чисто, даже съ претензіей на роскошь, и просторной спальни.

Въ этихъ комнатахъ почти не было воздуха, благодаря паровому отопленію, поднимавшему термометръ иной разъ градусовъ до двадцати пяти; но зато можно было «прилично» принять кого угодно.

Было рано. Большіе аляповатые часы на каминѣ показывали всего только половину

десятаго. Несмотря, однако, на раннее время Николай Александровичъ давно уже былъ одѣтъ, и даже успѣлъ выпить чаю и слегка позавтракать, что доказывали серебряный самоварчикъ и тарелки въ уголку, на кругломъ, покрытомъ бѣлой скатертью, столикѣ.

Николай Александровичъ, плотный и видный господинъ, лѣтъ подь сорокъ, нисколько не походилъ на брата. Небольшая голова съ порѣдѣвшими, коротко подстриженными темными волосами, круглая борода, кое-гдѣ уже подернутая сѣдиною, крупный, неправильный носъ, толстыя губы, глубоко сидящiе, безпокойные карiе глаза подь густыми срастающимися бровями.

Въ общемъ онъ былъ недурень и весьма представительнъ; только въ немъ не замѣчалось и слѣда того прирожденнаго, тонкаго изящества, которое его братъ унаслѣдовалъ отъ красавицы матери.

Николай Александровичъ большими шагами ходилъ по мягкому, пыльному ковру гостиной. Онъ былъ не одинъ. На маленькомъ пунцовомъ диванѣ возлѣ камина чернымъ пятномъ выдѣлялись скорбная, почти траур-

ная фигура Лидіи Андреевны. Она явилась сейчас послѣ девяти, очень мило исполнила сцену радостнаго родственнаго свиданія, объяснила свой ранній визитъ тѣмъ, что, вернувшись вчера изъ Царскаго, гдѣ гостила съ Соней, увидѣла карточку пріѣзжаго и такъ обрадовалась, такъ спѣшила его обнять, такъ боялась, что если прійдетъ сегодня позднѣе, то навѣрно не застанетъ его...

-- Поздравляю, отъ всей души поздравляю тебя, Коля,-- говорила она, крѣпко пожимая руки Николая Александровича:-- я все знаю, до меня дошелъ объ этомъ слухъ еще недѣли три назадъ, только я боялась вѣрить... вѣдь, у насъ въ Петербургѣ часто назовутъ двадцать именъ, а на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое -- такъ это теперь какъ-то внезапно дѣлается, всѣ такія назначенія... Ну, и вотъ, въ пятницу, въ Царскомъ, утромъ принесли мнѣ газету... мнѣ такъ прямо въ глаза и бросилось... Слава Богу! enfin tu es à ta place... Теперь до всего дойдешь... дай тебѣ Господи... Какъ татамъ бѣдная была бы рада, если бы дожила... а?!

У Лидіи Андреевны даже слезы на глаза навернулись.

-- Спасибо, Лидія, что ты это такъ близко принимаешь къ сердцу!-- очень мягко, но все же съ едва замѣтной усмѣшкой отвѣчалъ Николай Александровичъ.

Они вовсе не были дружны, и въ прежнее время, когда братъ ея мужа былъ еще ничѣмъ, Лидія Андреевна даже относилась къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились, и въ послѣдніе годы она не только старалась поддержать родственную переписку, а и съѣздила нарочно на югъ, чтобы познакомиться съ «этой жидовкой», какъ она мысленно называла жену своего beau-frère'a.

Когда радость по поводу внезапнаго, очень виднаго назначенія, полученнаго Николаемъ Александровичемъ, а также всѣ вопросы о «милой Маргаритѣ и двухъ дѣвочкахъ» были окончательно исчерпаны, Лидія Андреевна мало-по-малу приняла скорбный видъ и заговорила о своихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, о мужѣ.

-- Ты себѣ представить не можешь, Коля, въ какое безвыходное положеніе онъ меня поставилъ!--говорила она въ то время, какъ

Николай Александровичъ шагаль по гостинной, видимо, недовольный оборотомъ этой бесѣды.--Вѣдь, отчего ты меня не засталъ, отчего я гостила въ Царскомъ, да и теперь пріѣхала одна, оставивъ тамъ Соню? Я просто бѣжала отъ его посѣщеній, отъ сценъ, свидѣтельницами которыхъ является моя дочь, нервная дѣвочка... Наконецъ, я просто боюсь, что онъ силой вырветъ у меня Соню и увезетъ ее.

-- Все это весьма печально,-- перебилъ Николай Александровичъ, подымая брови и пощипывая себѣ бороду:--но я тутъ рѣшительно ни въ чемъ не могу помочь тебѣ... Я не судья между вами, не хочу становиться ни на ту, ни на другую сторону... Главное же, ты очень хорошо знаешь, что я никогда не имѣлъ на брата никакого вліянія.

Лидія Андреевна покраснѣла и глаза ея на мгновеніе стали злыми.

-- Однако, его поступки относительно меня и дочери совсѣмъ неблаговидны, его поведеніе прямо безнравственно, скандально,-- медленно произнесла она.

-- Я крайне скорблю объ этомъ; но опять-

таки что же мнѣ дѣлать?!--очень тихо и холодно отвѣтилъ Николай Александровичъ.

Она быстро поблѣднѣла: этотъ человекъ, особенно ей противный именно теперь, благодаря своей крупной удачѣ, выводилъ ее изъ всякаго терпѣнія. А между тѣмъ онъ былъ ей такъ нуженъ, она такъ ухватилась, въ своихъ цѣляхъ, за его неожиданный пріѣздъ и его удачу.

-- Но, Коля,--принимая кроткій тонъ, сказала она:-- вѣдь, онъ твой братъ, вы носите общее имя, онъ все же пользуется нѣкоторой извѣстностью и, хоть я, конечно, до послѣдней крайности не выношу сору изъ избы, объ его поведеніи со мной и вообще объ его образѣ жизни говорятъ».. Это можетъ повредить тебѣ, особенно на первыхъ порахъ...

Николай Александровичъ усмѣхнулся.

-- Не думаю,-- сказалъ онъ:-- что же общаго между нами! Я дѣловой человекъ, а онъ, художникъ, пѣвецъ, музыкантъ, диллетантъ... ничего общаго!

Лидія Андреевна даже встала съ дивана отъ волненія.

-- Ахъ ты совсѣмъ но знаешь Петербур-

га!--восклшснула она.--Вѣдь, твое назначеніе, это острый ножъ для многихъ... Ты мало съ кѣмъ здѣсь знакомъ, но у тебѣ ужъ навѣрное съ пятницы цѣлая толпа враговъ, которые были бы рады утопить тебя въ ложкѣ съ водой... И вотъ, всѣ эти враги, всѣ недовольные будутъ пользоваться чѣмъ угодно, чтобы подставить тебѣ ногу... Дѣйствія твоего брата станутъ приписывать тебѣ, соединятъ васъ въ одно и сочинятъ такую грязную путаницу, въ которой никто не разберется...

Николай Александровичъ, повидимому, нисколько не смутился этими предсказаніями.

-- Ты меня пугаешь, Лидія!-- безжалостно засмѣялся онъ.-- Послушать тебя, такъ мнѣ остается все бросить и бѣжать восвояси... Да въ такомъ случаѣ я долженъ бояться всего, долженъ вотъ и теперь бояться, что ты у меня, потому что, если сочинятъ, такъ и тутъ можно сочинить какую-нибудь исторію.

Лидія Андреевна совсѣмъ обидѣлась.

-- Смѣйся... а вотъ увидишь,-- прошептала она.

Николай Александровичъ взглянулъ на

нее, пересталь смѣяться и заговорилъ гораздо ужъ серьезнѣе.

— Ну, вотъ ты и сердисься! Увѣряю, что мнѣ очень тебя жаль, только подумай сама, голубушка, какъ же мнѣ вмѣшиваться во все это! Съ Мишей, тебѣ извѣстно, мы всю жизнь врозь, онъ меня въ свои интимные дѣла никогда не посвящалъ и посвящать, я знаю, не станетъ. Онъ не допуститъ моего вмѣшательства, да и вообще объясняться съ нимъ я не умѣю и не люблю. Мы никогда не понимали и не понимаемъ другъ друга. Я, говоря откровенно, считаю его просто не вполне нормальнымъ, какъ теперь называютъ, психопатомъ... Онъ обо мнѣ невысокаго мнѣнія, и къ этому я совершенно равнодушенъ... А вотъ есть другой вопросъ...

Лидія Андреевна насторожилась.

Николай Александровичъ замолчалъ немного и потомъ продолжалъ:

— Изъ твоихъ писемъ и такъ, стороною, я узналъ, что онъ совсѣмъ разстроилъ свое состояніе, что Снѣжково заложено, приведено въ крайній упадокъ и, того и гляди, будетъ продано съ молотка. Вотъ это очень серьезно,

и объ этомъ я долженъ поговорить съ нимъ. Только не знаю, когда мы увидимся: я былъ у него, не засталъ, написалъ ему, и вотъ онъ до сихъ поръ не ѣдетъ...

-- О чемъ же, собственно, ты хочешь говорить съ нимъ?-- спросила Лидія Андреевна, пристально вглядываясь въ безпокойно бѣгающіе глаза своего beau-frère'a и тщетно стараясь поймать въ нихъ какую-нибудь мысль.

-- Да такъ, вообще, тамъ будетъ видно!-- уклончиво отвѣтилъ Николай Александровичъ и прислушался.

-- Кто тамъ?-- громко крикнулъ онъ.

Вошелъ лакей и подалъ ему карточку. Взглянувъ на нее, онъ молча цередлъ ее Лидіи Андреевнѣ.

-- An nom du Ciel!-- прошептала она, быстро направляясь къ двери въ спальню.

Николай Александровичъ прошелъ за нею, видимо, очень недовольный этой сценой.

-- Богъ знаетъ, что такое!-- говорилъ онъ. -- Хорошо, что отсюда есть дверь въ другой коридоръ... Я прикажу, чтобы вынесли твое

пальто.

— Только ради Бога, ради Бога не говори ему, что я была у тебя... онъ долженъ думать, что я все еще въ Царскомъ!— умоляющимъ голосомъ шептала Лидія Андреевна.

Онъ ничего ей не отвѣтилъ и вышелъ въ гостиную. Запирая за собою дверь, онъ увидѣлъ идущаго къ нему навстрѣчу брата.

XXXIII.

Они обнялись, крѣпко поцѣловались и инстинктивно оба одновременно откинулись назадъ, чтобы разглядѣть перемѣну, происшедшую съ ними во время ихъ пятилѣтней разлуки.

Михаилъ Аникѣевъ никогда не спрашивалъ себя, насколько и какъ любить онъ брата. Они вмѣстѣ выросли; но уже съ отрочества между ними оказалась такая рознь во всемъ, что они не могли никогда сойтись безъ того, чтобы не поспорить и не разойтись возмущенными другъ другомъ.

Въ то время, какъ Михаилъ, очень хорошо окончивъ университетскій курсъ, предался и въ Россіи, и за границей своему музыкально-

му образованію, Николай, лѣнивый малый, къ тому же лишенный способностей брата, просидѣвъ въ университетѣ лишнихъ два года, кое-какъ справился съ выпускнымъ экзаменомъ, уѣхалъ въ деревню, засѣлъ тамъ и, повидимому, не желалъ ничего дѣлать. Онъ охотился, знался съ людьми по большей части необразованными и весьма сомнительной нравственности, изрядно понижалъ и покучивалъ.

Ему очень рано, послѣ смерти отца, досталось родовое Аникѣевское имѣніе, и онъ, подѣ видомъ «раціональнаго хозяйничанья», разорялъ его и обезцѣнивалъ самымъ исправнымъ образомъ. «Убѣжденій» онъ былъ не только «красныхъ», но даже «ярко-пурпуровыхъ», гдѣ только могъ сыпалъ фразами изъ подпольныхъ изданій и видѣлъ единственное спасеніе современнаго общества въ его радикальномъ разрушеніи.

— Надобно доходить до точки,— кричалъ онъ:— полумѣры ни къ чему не доведутъ... Все съ корнемъ вонъ; все какъ есть, всю старую чащобу и гниль, такъ, чтобы и пней обгорѣлыхъ не осталось... Только такимъ ма-

перомъ на гладкомъ мѣстѣ и выростать что-нибудь новое...

-- А ежели это новое окажется, опять-таки, никуда негоднымъ?-- иной разъ спрашивали его.

-- Въ такомъ случаѣ и его къ чорту!-- не смущаясь рѣшалъ онъ.-- Когда-нибудь да выростетъ-же и путное!

Спорить съ нимъ было бесполезно, такъ какъ онъ не только не принималъ, но и не выслушивалъ никакихъ доказательствъ.

-- Ну и чего вы лѣзете ко мнѣ съ «фактами»!-- останавливалъ онъ собесѣдника.-- Какіе тутъ факты, очень они нужны, нечего сказать! Дѣло не въ фактахъ, а въ принципѣ!

Съ годами такая крайность сгладилась. Николай сталъ утихать и умнѣть. Онъ ужъ ограничивался «приличнымъ и общепринятымъ» недовольствомъ и насмѣшкой. Всѣ принимаемые мѣры были въ его глазахъ никуда негодными ужъ по одному тому, что онѣ принимались. Обсуждать эти мѣры даже и не стоило, достаточно было презрительно пожимать плечами и фыркать.

Въ этотъ періодъ за Николаемъ

Аникѣевымъ установилась репутація весьма неглупаго и либеральнаго челоѣка. Деревня и губернской городъ ему надоѣли, онъ сдалъ въ аренду свое разоренное имѣніе и явился въ Петербургъ искать занятій. Государственную службу онъ все еще презиралъ, а потому одинъ изъ друзей его матери пристроилъ его на югъ, въ «Обществѣ».

Тутъ съ Николаемъ Александровичемъ, въ какіе-нибудь два, три года, произошла удивительная перемѣна: изъ шероховатаго, съ «демократическими» манерами и ухватками крикуна онъ превратился въ весьма представительнаго господина, благородно либеральнаго, одержаннаго, отлично умѣющаго ладить съ людьми и цѣнить ихъ по достоинству.

Быстро и ловко онъ обворожилъ «русскаго дворянина» Самуилова, влюбилъ въ себя его дочь Маргариту и создалъ себѣ прочное положеніе.

Михаилъ Аникѣевъ еще не видалъ брата въ его новомъ образѣ и съ большимъ изумленіемъ воскликнулъ:

— Что ты съ собою сдѣлалъ? Вѣдь, тебя

узнать нельзя! у тебя видъ англійскаго лорда... Только вотъ зачѣмъ такъ рано борода сѣдѣетъ?

— Время измѣняетъ,— съ легкой, самовольной улыбкой отвѣтилъ Николай:— это вотъ только ты въ пять лѣтъ почти не измѣнился... раздобрѣлъ, отяжелѣлъ немного, а то совсѣмъ прежній, безпечальный юноша... Наконецъ-то ты заглянулъ, я ужъ думалъ, что мы и вѣкъ не увидимся. По крайней мѣрѣ хорошо, что заѣхалъ именно сегодня; у меня, а теперь это большая рѣдкость, часа два, даже три свободныхъ, никуда до второго часу не поѣду и никого не жду... Ты, вѣдь, посидишь?

— Конечно.

— Хочешь завтракать?

Михаилъ Александровичъ вспомнилъ, что онъ вчера не объдалъ, вечеромъ съѣлъ всего одинъ кусокъ ветчины, найденный имъ въ буфетѣ, а сегодня ничего еще не бралъ въ ротъ. Онъ почувствовалъ сильный приступъ голода и отвѣтилъ:

— Очень хочу, я еще и чаю не пилъ.

— Вотъ и отлично, я распоряжусь, а ты тѣмъ временемъ налей себѣ чаю... Вотъ ви-

дишь... тутъ и чашка подана... ты изъ стака-
на-то кажется не пьешь...

Николай Александровичъ указаль на чай-
ный столъ и поспѣшилъ въ коридоръ, захва-
тивъ съ вѣшалки въ передней пальто Лидіи
Андреевны.

Когда онъ вернулся, братъ ужъ пилъ чай и
съ видимымъ удовольствіемъ хрустѣлъ мяг-
кимъ, поджаристымъ калачомъ.

-- Право же тебя совсѣмъ узнать нельзя,--
сказаль Михаилъ Аникѣевъ, допивая чашку
и продолжая съ изумленіемъ всматриваться
въ Николая Александровича:-- мнѣ кажется,
я никогда еще не видалъ въ человѣкѣ такой
перемѣны... Надолго ты въ Петербургѣ?

Николай Александровичъ подошелъ къ
нему, взглянулъ ему въ глаза и громко
засмѣялся.

-- Кажется, надолго,-- сказаль онъ сквозь
смѣхъ.

-- Что-жъ, службу перемѣнилъ, здѣсь мѣсто
нашелъ?

-- Да ты и въ самомъ дѣлѣ ничего не зна-
ешь?! Это очень недурно.

Онъ взялъ со стола номеръ газеты и ука-

заль брату нѣскольکو строкъ въ отдѣль назначеній.

Тотъ прочель, перечель, и сразу даже не поняль, такъ это ему показалось невѣроятнымъ.

— Что? изумился? недоволенъ моимъ назначаніемъ?— спрашиваль Николай Александровичъ.

Наконецъ, Аникѣевъ справился съ изумленіемъ.

— Ну вотъ,— сказалъ онъ:— я, конечно, не ждалъ ничего подобнаго... Поздравляю тебя...

Онъ всталъ и поцѣловался съ братомъ.

Между тѣмъ Николай Александровичъ говорилъ:

— У меня, у самого, еще мѣсяца четыре тому назадъ ничего подобнаго и въ мысляхъ не было, а вотъ случай и подготовиль такую неожиданность. Ну, что-жъ, служить, такъ служить! И послужимъ, благо привелось начинать службу не съ начала, а почти съ конца... Подумай, вѣдь, это сразу изъ пѣшекъ въ дамки! Нѣскольکو лѣтъ удачи, и легко достигнуть высшаго, такъ-сказать, предѣла...

Говоря это, онъ вглядывался въ лицо бра-

та, стараясь подмѣтить въ немъ выраженіе зависти.

«Вотъ! въ себя придти не можетъ!-- думаль онъ.-- Конечно, завидуетъ... всѣ завидуютъ, а онъ тѣмъ болѣе... Что!.. съ тобою, Мишенька, носились всегда какъ съ сокровищемъ... талантъ! талантъ! а я былъ неудачный, ни на что непригодный, лѣнтяй, пьяница... Ну, вотъ ты и сиди со своимъ талантомъ...»

Дѣло въ томъ, что самъ онъ всю жизнь завидоваль брату и даже старался себя увѣрить, что и талантъ его преувеличиваютъ. Онъ вспоминаль въ прошломъ много для себя обиднаго и чувство глубокаго удовлетворенія наполняло его теперь. Это чувство было настолько сильно, настолько приятно и радостно, что онъ ощутилъ въ себѣ даже приливъ чего-то, похожаго на добродушіе.

— Конечно, теперь тебѣ не трудно ужъ и всего, чего угодно достигнуть!-- между тѣмъ говорилъ Михайль Аникѣевъ.-- Однако, все же... какъ это такъ вдругъ случилось, будто въ сказкѣ?

— Собственно говоря, совсѣмъ не вдру-

гь,—весело отвѣтилъ Николай.— Ты знаешь, что Павелъ Егоровичъ, которому я почти всецѣло обязанъ своимъ назначеніемъ, былъ когда-то очень друженъ съ нашей матерью... Удивительная женщина! Во всѣхъ, близко ее знавшихъ, она оставила какое-то неизгладимое впечатлѣніе... Всѣ мужчины, очевидно, были въ нее влюблены... Ну, такъ вотъ у Павла Егоровича оказалось весьма для него важное и довольно-таки сложное дѣло въ нашемъ «Обществѣ», то-есть собственно не у него, не подъ его именемъ, а только онъ тутъ былъ сильно заинтересованъ. А меня въ то самое время «Общество» командировало для разныхъ ходатайствъ въ Петербургъ. Я здѣсь все это и разузналъ и прямо говорю ему: «поручите это дѣло мнѣ, ваше высокопревосходительство, я для васъ его устрою». Ни о чемъ я тогда и не помышлялъ, а просто изъ любезности, ну... думалъ, потомъ когда-нибудь можетъ этотъ господинъ пригодиться...

-- Онъ тебѣ поручилъ, а ты устроилъ...

-- Точно такъ-съ, да и устроить удалось быстро и неожиданно удачно. Онъ мнѣ письмо: «никогда, молю, этого не забуду, я вашъ

должникъ». Только такъ бы онъ и оставался до сихъ поръ моимъ должникомъ, если бъ, опять-таки по дѣламъ «Общества», не былъ я этимъ лѣтомъ командированъ за границу. Выхожу я изъ вагона, уже за предѣлами отечества, смотрю, его высокопревосходительство! Изволятъ слѣдовать, въ заграничный отпускъ для поправленія здоровья. Сейчасъ онъ меня къ себѣ, одинъ ъхаль, скучаль... Тутъ и произошло наше сближеніе. Я ради него свой маршрутъ даже измѣнилъ, благо это было возможно, и три недѣли мы не разлучались. За то время я, подобно покойницѣ тапан, его въ себя влюбилъ. «Намъ, говорить, нужны дѣльные, энергичные и знающіе люди! У насъ, говорить, людей мало, мы съ огнемъ ихъ ищемъ!..» А потомъ, передъ разставаніемъ, ужъ прямо: «Хотите ко мнѣ въ сотрудники?» Я говорю: «трудно это, ни связей у меня, ни службы за мною...» «Ничего, говорить, я постараюсь устроить, очень намъ именно свѣжіе люди нужны!» Такъ и разстались. Вотъ онъ и устроилъ.

Николай Александровичъ остановился и самодовольно глядѣлъ на брата своими без-

покойными глазами.

Тотъ помолчалъ немного, и вдругъ рѣшился.

-- Я готовъ вѣрить,-- сказалъ онъ:-- что ты, подобно Ильѣ Муромцу, сиднемъ сидѣлъ на печи тридцать три года, до вдругъ богатыремъ и объявился... Но все же откуда взялись у тебя спеціальныя познанія для такого отвѣтственного дѣла?

Николай Александровичъ весело махнулъ рукою.

-- Эхъ, Мишенька, другъ ты мой, не боги горшки лѣпятъ! Если бы не былъ увѣренъ въ себѣ, такъ не взялся бы за подобную вещь. Спеціалистъ не спеціалистъ, а кое-что и я смыслю, главное же, люди у меня подобраны. Я иду не одинъ, а съ подходящей компаніей... безъ этого бы и не пошелъ. Нѣтъ, я увѣренъ и въ себя, и въ моихъ, дѣло у насъ пойдетъ какъ по маслу... вотъ увидишь... Тутъ вовсе не спеціальныя знанія нужны для человѣка организующаго и управляющаго, а нужно нѣчто совсѣмъ иное. И это иное у меня есть. Павелъ Егоровичъ человѣкъ все же умный, онъ вотъ понялъ. Ему надо, чтобъ я снялъ въ него тя-

жестъ, и нѣтъ ему никакого дѣла, самъ я буду ее нести или, въ свою очередь, взвалю на другого. Я же на одного человѣка ее не взвалю,-- это было бы крупной ошибкой,-- а распредѣлю на многихъ...

-- Ну, а какъ же ты примиришь свою новую дѣятельность съ твоимъ... принципиальнымъ недовольствомъ всѣмъ существующимъ, съ твоей жаждой разрушенія? Ломать будешь?-- спросилъ, не удержавшись, Михаилъ Аникѣевъ, сглаживая рѣзкость вопроса его шутливымъ тономъ.

-- Зачѣмъ ломать!-- со смѣхомъ отвѣтилъ Николай Александровичъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

XXXIV.

Онъ испытывалъ новое, подзадоривающее его ощущение. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ, согласно совѣту одного мудраго россійскаго кулака вести свою линію, доходить до точки и отдѣлывать дѣла», ему приходилось держать ухо востро, застегиваться, такъ сказать, на всѣ пуговицы и остерегаться откровенности съ кѣмъ бы то ни было. Въ свой внутренній міръ онъ не посвящалъ никого, держалъ про себя всю житейскую мудрость, открытую имъ и принесшую ему такіе богатые плоды.

А между тѣмъ по природѣ своей онъ былъ циникъ и удовольствіе, вкушаемое тайно, о которомъ нельзя никому хвастливо разсказать, теряло для него половину своей прелести. Тайна «дохожденія до точки», постигнутая имъ теперь вполнѣ, заставляла его играть со всѣми постоянную комедію, и это его тяготило. Даже отъ жены своей онъ тщательно скрывалъ себя и представлялся ей вовсе не такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности.

И вотъ передъ нимъ единствен-

ный человекъ, съ которымъ можно и не при-
творяться. Онъ, какъ бы то ни было, братъ и
не повредитъ ему, не въ состояніи повредить.
Онъ не захочетъ о немъ распространять ни-
чего для него опаснаго ужъ по одному тому,
что, говоря дурно о своемъ родномъ братѣ,
прежде всего повредитъ этимъ себѣ же. Нако-
нецъ, этотъ братъ чуждакъ, онъ живетъ осо-
бой, нелѣпой жизнью, какъ-то прячется, мало
гдѣ бываетъ...

А похвастаться передъ нимъ, отвести ду-
шу, огорошить его -- это такое удовольствіе!
Пуще всего любилъ Николай Александрови-
чъ огорошивать своего брата, это осталось
еще съ отроческихъ лѣтъ.

-- Зачѣмъ ломать!-- повторилъ онъ.-- Та-
кое занятіе и бесполезно и вовсе не
гигіенично. Вотъ ты, Миша, нашель во мнѣ
перемѣну, такъ, вѣдь, она не въ одной наруж-
ности. Я вообще не похожъ на того глупца,
лѣнтя и крикуна, какимъ былъ въ первые
годы послѣ университета. Мы какъ-то все не
сходимся съ тобою и ты не достаивалъ меня
своими наблюденіями, а то бы увидѣлъ, что
перемѣна со мною произошла не вдругъ, а въ

строгой постепенности. Просто -- жизнь учила... Эхъ, ты милый моя другъ, какія тамъ убѣжденія! Убѣжденій никакихъ нѣтъ и не должно быть... такъ, кричатъ себя зря либо мальчишки, которымъ еще прыгать хочется, либо безнадежные глупцы, не понимающіе жизни и не умѣющіе брать отъ нея того, что она можетъ дать...

Михаилъ Аникѣевъ глядѣлъ на брата во всѣ глаза, не понимая еще -- шутить онъ или говоритъ серьезно. Онъ никогда не заблуждался насчетъ глубины «убѣжденій» Николая Александровича; но все же склоненъ былъ думать, что онъ искренно самъ себя морочитъ.

Между тѣмъ лицо бывшаго разрушителя имѣло серьезный видъ, а беспокойные его глаза блестѣли одушевленіемъ.

Онъ продолжалъ:

-- Я давно понялъ, что люди, кричащіе о какомъ-то тамъ благоуроизо челоуѣчества, какъ бы и въ чемъ бы они его ни понимали, -- или очень зелены, или крайне глупы, или, наконецъ, имѣютъ просто какую-нибудь цѣль и выгоду разыгрывать челоуѣколюбцевъ...

Глупцомъ я давно пересталъ быть, а цѣли и выгоды въ подобныхъ крикахъ для себя, особенно ужъ теперь, не вижу. Ну, скажи на милость, какое намъ съ тобою дѣло до отдаленныхъ судебъ человѣчества или даже до судебъ нашей дражайшей родины, когда мы существа, ограниченныя пространствомъ и временемъ и когда наша жизнь продолжается всего нѣсколько десятковъ лѣтъ!

-- Такъ ты теперь вѣщаешь ужъ изъ самой глубины матеріализма?-- усмѣхнулся Михайль Александровичъ.

-- Ничуть, и вовсе я даже не считаю себя матеріалистомъ. Я иной разъ склоняюсь, чего прежде со мною не было, къ вѣрѣ я въ Бога, и въ загробную жизнь... Конечно, я объ этомъ предметѣ не стану писать трактатовъ и даже говорить не буду; но, право вотъ, склоняюсь... Однако же, вѣдь, это нисколько не принуждаетъ меня интересоваться всякими утопіями.

-- Я все же изъ словъ твоихъ еще, не вижу... программы твоей такъ нежданно и такъ блестяще начавшейся служебной дѣятельности,-- невольно впадая въ насмѣшливый тонъ, всегда раздражавшій брата, замѣтилъ Михайль

ль Александровичъ. Но на этотъ разъ его насмѣшливый тонъ или не былъ замѣченъ, или не произвелъ обычнаго дѣйствія.

Николай Александровичъ съ видимымъ удовольствіемъ продолжалъ:

-- Программа ясна: плыть по теченію, всматриваться и вслушиваться въ вѣянія минуты -- вотъ и все! Только это вовсе не такъ ужъ легко и просто, какъ тебѣ, можетъ быть, кажется. Это своего рода спортъ... ловкость, искусство пріобрѣтаются посредствомъ постоянныхъ упражненій... И знаешь, тутъ, въ концѣ концовъ, при видѣ собственнаго усовершенствованія, является настоящее наслажденіе. Я уже испыталъ... кромѣ шутокъ, тутъ и вдохновеніе, и творчество, все, что угодно! Право, я теперь вижу, что мама и мнѣ передала частицу своей художественной натуры. Во всякомъ случаѣ хуже всего -- апатія, а я вступаю въ мою новую дѣятельность съ предвкушеніемъ такихъ наслажденій, съ такими вождельніями, что ужъ одно это есть извѣстная гарантія успѣха. Да и вообще я знаю игру, приготовился, прошель отличную школу съ моими юными

дѣльцами и жидами...

-- Послушай, Николай,-- вдругъ перебилъ его братъ;-- ты совершенно увѣренъ, что не пожалѣешь о такой своей... чрезмѣрной откровенности со мною?

-- Конечно, не пожалѣю,-- очень спокойно и нѣсколько насмѣшливо глядя на брата, отвѣтилъ Николай Александровичъ:-- я говорю не съ врагомъ, а съ братомъ, котораго считаю, несмотря на всю разницу нашихъ взглядовъ, порядочнымъ человекомъ. Видишь, какъ я тебѣ довѣряю... къ тому же, думай, какъ тебѣ угодно, а въ моихъ словахъ нѣтъ ничего для меня постыднаго. Такъ смотрятъ и такъ дѣйствуютъ всѣ умные люди. Только они, вѣроятно, никому объ этомъ не рассказываютъ, а я передъ тобой исповѣдуюсь... Зачѣмъ? А вотъ хоть бы зачѣмъ, что мнѣ хочется посмотреть, насколько тебя жизнь научила... Ужасно интересно, неужели ты остался такимъ же не отъ міра сего, какимъ былъ лѣтъ десять тому назадъ... А впрочемъ, если тебѣ скучно, я замолчу...

-- Нѣтъ, продолжай, пожалуйста, это во всякомъ случаѣ интересно... я только думалъ,

что ты слишком увлекся, а потом будешь каяться...

Николай Александрович засмѣялся, и смѣхъ его былъ добродушнымъ смѣхомъ человѣка, которому весело и даже очень пріятно.

-- Чудакъ ты, право, чудакъ!-- воскликнулъ онъ.-- Да, вѣдь, если бы я не дошелъ до этой самой эквилибристики, а служить все же бы рѣшился, такъ моя судьба была бы весьма плачевна: не только бы впередъ не пустили, а сразу подставили бы ногу и оказался бы я человѣкомъ непригоднымъ, недалекимъ. Нужны вовсе не знатоки дѣла, не труженики, ихъ много, только толку въ нихъ мало,-- нужны, крайне нужны именно ловкіе, дошедшіе до сути эквилибристы, умѣющіе ладить со всѣмъ и со всѣми, быть всѣмъ пріятными, люди тактичные, мягкіе, умѣющіе жить... Или, по твоему, не такъ!

-- Нѣтъ, такъ, такъ... я вовсе не спорю съ тобою... давно извѣстно, что положеніе между двумя стульями рекомендуется какъ самое удобное.

-- Эхъ! Если бы только между двумя!-- съ

комическимъ сожалѣніемъ произнесъ Николай Александровичъ.-- Въ томъ-то и дѣло, что стульевъ цѣлыя дюжины и на каждомъ необходимо посидѣть красиво, съ граціей, съ достоинствомъ, и въ то же время перепархивая съ одного на другой и производя настоящіе salto mortale! Но вернемся къ моей «программѣ». Когда-то я любилъ нѣжиться, ничего не дѣлать, валяться въ своей берлогѣ и, какъ медвѣдь, сосать лапу. Я ужъ давно отказался отъ такихъ лѣнивыхъ привычекъ и съ тѣхъ поръ отлично себя чувствую, какъ тѣлесно, такъ и душевно. Теперь же я буду въ непре- станномъ движеніи съ постоянной смѣной впечатлѣній. Ничто такъ не переутомляетъ и не сокращаетъ жизни, какъ сидѣніе на одномъ мѣстѣ и однообразіе въ занятіяхъ. Вся моя дѣятельность будетъ, такъ сказать, на ходу... Для письменной работы, для сидѣнья -- у меня, говорю тебѣ, собраны отличные люди. Говорю, безъ нихъ я не взялся бы ни за что. Всѣ они знатоки, труженики, скромники, словомъ -- чернорабочіе. Мое же главнѣйшее дѣло -- внѣшнія сношенія и представительство. Надо шумѣть, надо -- чтобы обо мнѣ говорили,

чтобы всѣ меня знали, чтобы я всѣмъ кидался въ глаза -- это самое главное! Пусть бранятъ, пусть даже смѣются надо мной, злословятъ -- эти нисколько не вредны -- лишь бы не молчали! Пройдетъ два-три мѣсяца, и вотъ ты увидишь, сумѣю ли я это, будутъ-ли обо мнѣ говорить... Тогда и потолкуемъ о моей дальнѣйшей программѣ!

Николай Александровичъ вдругъ замолчалъ. Онъ былъ удовлетворенъ, потому что видѣлъ, что въ достаточной мѣрѣ «огорошилъ» брата,

Тотъ, дѣйствительно, сидѣлъ какъ бы отуманенный и устало глядѣлъ на него.

«Что жъ это въ самомъ дѣлѣ такое?-- думалъ онъ.-- Вѣдь, это чистое паясничество, вѣдь, онъ, въ самомъ дѣлѣ, только осрамится и провалится!.. А впрочемъ... отчего же?! Наглость, при удачѣ, можетъ сойти за что угодно»...

Онъ почувствовалъ себя очень утомленнымъ этой бесѣдой. Ему захотѣлось встать и поскорѣй уйти на чистый воздухъ. Но въ это время бѣлобрысый нѣмецъ во фракѣ, съ необычайно длиннымъ лицомъ, хранящимъ

выраженіе какой-то хронической горькой обиды, появился, бережно неся большой подносъ. Вкусный запахъ блюдъ возбудилъ заснувшій было аппетитъ.

Михаиль Аникѣевъ зажмурилъ глаза, глубоко зѣвнулъ, потянулся и, какъ бы стряхнувъ съ себя что-то, какую-то опутавшую его паутину, придвинулся къ столу, осторожно принимая изъ руки брата тонкую рюмочку «англійской мятной».

XXXV.

Быть можетъ, въ этомъ играла значительную роль чисто физическая причина -- прекращеніе чувства голода, только Аникѣевъ сразу успокоился и даже сталъ ласково глядѣть на брата. Онъ былъ такъ одинокъ, ощущалъ внутри себя такую унылую и мучительную путаницу, а этотъ человекъ все-таки наноминалъ собой далекое-далекое время, когда еще жилось хорошо, въ семьѣ, подъ крыломъ матери, когда все еще было впереди и даль грядущаго представлялась заманчивой, полной самыхъ соблазнительныхъ обѣтованій.

Что касается Николая Александровича, онъ, очевидно, ничего не вспоминалъ, онъ весь находился подъ обаяніемъ настоящаго. Ему только очень вдругъ захотѣлось доканать «Мишу», указавъ ему его собственное ничтожество и непригодность.

-- Ну, вотъ видишь,-- началъ онъ, когда завтракъ былъ оконченъ:-- худо ли, хорошо ли,-- я давно взялся за умъ, работаю, какъ умѣю, устраиваю свое благосостояніе, чтобы подъ старость, если доживу до старости, было на чемъ отдохнуть. Я понялъ, что весь зрѣлый возрастъ сознательно живущаго человѣка долженъ быть посвященъ на подготовленіе пріятной и покойной старости. Глядя же на тебя, я съ изумленіемъ вижу, что ты о своей старости совершенно не думаешь... Могу я откровенно, какъ брата, спросить тебя, какіе у тебя планы? Что ты намѣренъ дѣлать, какъ жить?

Михаиль Аникѣевъ простодушно усмѣхнулся.

-- Зачѣмъ же ты меня спрашиваешь,-- сказалъ онъ:-- когда самъ ужъ и отвѣтилъ на этотъ вопросъ? Ты правъ, я никогда до сихъ

поръ не думалъ о старости... и вообще я какъ-то никогда не строю никакихъ плановъ...

-- Все это прекрасно,-- перебилъ его братъ:-- но такимъ отношеніемъ къ жизни вотъ ты поставилъ себя въ очень скверное положеніе... Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ невѣрно передавали... Неужели въ самомъ дѣлѣ ты совсѣмъ разорился, и Снѣжково того и гляди погибнетъ?

Тѣнь глубокаго унынія разлилась по лицу Михаила Александровича. Всѣми усиліями воли онъ отгонялъ отъ себя эти мысли; но онъ все же возвращались время отъ времени и томили его не мало. Сначала онъ искалъ, не на дѣлѣ конечно, а въ разсужденіяхъ съ самими собой, исхода изъ своего все ухудшавшагося положенія. Однако, какъ онъ ни перевертывалъ дѣло, исхода никакого не оказывалось. Тогда онъ рѣшилъ, что помочь себѣ не въ состояніи и что остается одно: плыть по теченію.

Что-нибудь непременно случится, что-нибудь совершенно неожиданное. И это неожиданное непременно, такъ или иначе, окажется самымъ лучшимъ и единственно-возмож-

НЫМЪ ИСХОДОМЪ.

Онъ доходилъ иной разъ до того, что даже съ интересомъ и любопытствомъ, какъ зритель, ожидалъ, когда же, наконецъ, поднимется занавѣсъ и какого рода будетъ этотъ спасительный *deus ex machina*...

Но эти все же не мѣшало ему въ другія минуты понимать всю нелѣпость своего отношенія къ дѣлу и своихъ фаталистическихъ ожиданій. Тогда имъ овладѣвало уныніе, доходившее почти до отчаянья, и онъ старался забыться, уйти въ иной міръ, въ міръ художественныхъ образовъ и гармоніи.

А въ послѣднее время онъ былъ полонъ почти исключительно однимъ -- Соней, такъ что все остальное отошло на задній планъ и ужь не томило.

-- Твои свѣдѣнія о моихъ дѣлахъ вѣрны, -- рѣзко произнесъ онъ:-- я разоренъ совсѣмъ, окончательно, безнадежно... Но говорить объ этомъ и скучно, и тяжело... Ну, что тебѣ за охота! Потолкуемъ о чемъ-нибудь болѣе... общеинтересномъ.

Николай Александровичъ прищурилъ глаза, сдѣлалъ серьезное, даже строгое лицо и

спокойно заговорилъ:

-- Я очень хорошо понимаю, что такой разговоръ не можетъ быть тебѣ пріятенъ, только я, вѣдь, не изъ пустого любопытства его началъ. Есть два пункта, которые я бы очень хотѣлъ выяснить... Первое: скажи мнѣ, пожалуйста, неужели ты не можешь, хотя бы въ виду того, что у тебя есть дочь, приняться за какое нибудь дѣло?..

-- То-есть, какъ это дѣло?-- перебилъ его Михаилъ Александровичъ, еще болѣе блѣднѣя.-- Если я не присяжный ученый, не чиновникъ, не промышленникъ, а музыкантъ и пѣвецъ, то къмъ же я могу быть, какъ не пѣвцомъ и музыкантомъ?..

Николаи Александровичъ повелъ плечомъ и презрительно усмѣхнулся.

-- Если-бы музыка и пѣніе были твоею дѣятельностью, карьерой, я бы молчалъ, да и ты не находился бы въ такомъ положеніи. Но, вѣдь, ты -- диллетантъ, ты баринъ, и твои таланты, твое искусство не приносятъ тебѣ ни гроша. Давай концерты, поступай на оперную сцену, собирай деньги и рукоплесканія, тогда ты будешь правъ... Послушай, Миша, вѣдь, я

все же тебѣ не чужой и, ей-Богу, добра тебѣ желаю... Оставимъ въ сторонѣ твою музыку и пѣніе. Эти твои таланты, вѣдь, не мѣшали тебѣ отлично учиться и кончить университетскій курсъ. Конечно, ты имѣлъ достаточно времени забыть все, что зналъ въ университетѣ, но все же ты себя считаешь образованнымъ человѣкомъ, и разъ что отъ прежнихъ пятнадцати тысячъ годового дохода ничего не осталось, а надо воспитывать дочь,— ты, прости меня, не имѣешь никакого права бить баклуши, ровно ничего не дѣлать и только пѣть и играть для собственнаго удовольствія и для удовольствія своихъ близкихъ знакомыхъ!

Въ первое мгновеніе Аникѣеву захотѣлось закричать брату, что онъ вовсе не намѣренъ съ нимъ разговаривать о такихъ предметахъ и не желаетъ выслушивать отъ него никакихъ нотацій.

Но онъ тотчасъ же подавилъ въ себѣ приступъ злобы и раздраженія. Вѣдь, въ словахъ Николая такъ много правды, а ложь, въ нихъ заключающуюся, не докажешь никакимъ образомъ.

Не одинъ Николай, а и всѣ скажутъ то же самое, въ глазахъ всего свѣта онъ, Аникѣевъ, несчастный художникъ, диллелантъ, играющій и поющій для собственнаго удовольствія, бездѣльничающій, весь вѣкъ бьющій баклуши. А теперь, надѣлавъ столько глупостей и раззорившись, бить баклуши, когда есть Соня, противно и преступно!

Ноющая, давящая боль охватила сердце Аникѣева, и онъ, тяжело дыша, расширившимися глазами глядѣлъ на брата, не въ силахъ будучи говорить и не зная, что сказать.

Въ его мозгу повторялись, будто выстукивались только эти слова: «ты не имѣешь никакого права бить баклуши!»

XXXVI.

Да развѣ онъ бьетъ баклуши? Развѣ онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что билъ баклуши?..

Конечно, бываютъ дни, и теперь вотъ ихъ много, когда все изъ рукъ валится, теряется интересъ ко всему въ мірѣ, когда часы проходятъ въ туманѣ, среди отвратительнаго кошмара и ни одной свѣжей, опредѣленной мысли не укладывается, не удерживается въ головѣ.

Только, вѣдь, это -- дни, а не мѣсяцы, не годы...

Нѣтъ, жизнь прошла не въ бездѣлья! Онъ никогда не былъ лѣнтяемъ, и съ дѣтскихъ лѣтъ въ немъ кипѣла, не ослабѣвая, а все увеличиваясь, страстная жажда знанія. Мысль работала постоянно, требовала себѣ пищи. Міръ образовъ и гармоніи не удовлетворялъ, онъ былъ лишь большой потребностью, самую насущной, но, во всякомъ случаѣ, одной изъ многихъ потребностей, дѣйствовавшихъ во внутренней его жизни.

На постоянныя, усидчивыя, строго

опредѣленные занятія онъ былъ мало способенъ. Онъ вообще не любилъ жить по звонку. Онъ весь состоялъ изъ порывовъ, самыхъ разнообразныхъ, но всегда сильныхъ, горячихъ, завладѣвавшихъ имъ всецѣло.

Почувствовавъ умственный и духовный голодъ, онъ накидывался на пищу, казавшуюся ему самою заманчивой, и насыщался ею жадно. Онъ мѣсяць-другой зарывался въ книги, читалъ, дѣлалъ выписки, приводилъ въ систему получаемаыя знанія. Ему нерѣдко случалось цѣлыя ночи напролетъ просиживать за работой.

Потомъ порывъ проходилъ, наступали дни, недѣли видимой лѣни, ничегонедѣланья. Онъ какъ бы переваривалъ полученную умственную пищу, и это длилось до тѣхъ поръ, пока не выяснялся окончательный результатъ, не дѣлался послѣдній выводъ. Тогда готовился новый порывъ, но еще было неизвѣстно, привлечетъ ли онъ къ той же самой пищѣ, или потребуетъ чего-нибудь новаго.

Когда, въ первое время послѣ окончанія университетскаго курса, Аникѣевъ предался

изученію музыки, онъ, живя то въ Россіи, то за границей, работаль страстно и, въ концѣ-концовъ, получилъ прекрасное музыкальное образованіе. Онъ не только чудесно развилъ свой голосъ, не только достигъ совершенства какъ музыкантъ-исполнитель, но и сталъ большимъ знатокомъ исторіи музыки, серьезнымъ музыкальнымъ критикомъ.

Нѣсколько его статей, затерявшихся въ поврежденных изданіяхъ, но высоко цѣнимыхъ немногими безпристрастными знатоками, доказали его познанія, самостоятельность и оригинальность. Къ тому же, онъ оказался вовсе не увлеченнымъ модными вѣяніями, и «музыка будущаго» не вызывала въ немъ преувеличенныхъ восторговъ. Онъ даже прямо заявлялъ, что подобные восторги страстныхъ поклонниковъ Вагнера и его школы часто происходятъ или отъ сознательной неискренности,-- боязно имѣть и высказывать свое собственное мнѣніе, или, просто, отъ непониманія.

Статьи его, при своемъ появленіи, вызвали полемику, и онъ тотчасъ же раскаялся, что ихъ напечаталъ. Онъ не любилъ спорить, а

печатный споръ, особенно при нашихъ журнальныхъ пріемахъ, былъ ему просто противенъ. Онъ продолжалъ время отъ времени писать о музыкѣ, только ужъ ничего не печаталъ.

Его увлекали также естественныя науки. Нѣсколько лѣтъ, съ присущимъ ему жаромъ, онъ занимался антропологіей и біологіей. Когда ему приходилось, случайно, и въ Россіи, и въ западной Европѣ, разговаривать съ настоящими учеными -- они непремѣнно изумлялись его большимъ и разнообразнымъ познаніямъ. Эти познанія особенно поражали ихъ въ свѣтскомъ человѣкѣ, не имѣющемъ ровно никакихъ претензій...

Такимъ образомъ, оказывалось, что онъ вовсе не былъ лѣнтяемъ, только онъ работалъ не на показъ, а для одного себя, даже никогда и не подумавъ о томъ, что его всѣ считаютъ, и непремѣнно должны считать, тунеядцемъ.

Чувствуя свою жизнь неудавшейся, будучи, опять-таки вопреки общему мнѣнію, очень несчастнымъ и много страдавшимъ человекомъ, Аникѣевъ пуще всего дорожилъ

своимъ единственнымъ благомъ -- независимостью, свободой передвиженій, отсутствіемъ привязи къ одному и тому же мѣсту, къ одному и тому же обязательному занятію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обезсиленный пиленіями своей жены, отъ которыхъ некуда было дѣваться, онъ чуть было не связалъ себя службой. Но все же, въ послѣднюю минуту, понялъ, что такая жертва чрезмѣрна, и отстоялъ свою свободу.

Теперь же вотъ пришло черное, безнадежное время, и братъ, воплощающій въ себѣ всѣхъ, снова поднимаетъ ужасный вопросъ. До сихъ поръ можно было отдѣлываться отъ этого вопроса, возражать. Теперь нѣтъ никакихъ возраженій, приходится соглашаться со всѣми, потому что они правы.

И онъ весь застылъ и внутренне съежился, какъ человѣкъ, ожидающій неотвратимаго удара, смирившійся подъ его неизбѣжностью.

-- Если-бы ты пришелъ и предложилъ мнѣ какое-нибудь дѣло,-- медленно выговорилъ онъ:-- все равно какое, лишь бы оно порядоч-

но оплачивалось, я взял бы его съ благодарностью.

Николай Александровичъ поднялся съ кресла и прошелся по комнатѣ.

Глаза его загорѣлись и забѣгали. Вся зависть, которую онъ съ дѣтства чувствовалъ къ талантливому брату, любимцу матери, баловню женщинъ, къ этому «сладкопѣвцу» и «Сарданапалу» (онъ такъ издавна называлъ его) -- теперь была успокоена окончательно.

-- Наконецъ-то!-- весело воскликнулъ онъ: -- мнѣ только этого отъ тебя и надо! Я обдумаю и, при первой же возможности, постараюсь добыть для тебя подходящее мѣстечко. Только сразу, конечно, прядется удовольствоваться не-Богъ знаетъ чѣмъ... Ты ужъ будь благодаренъ... въ нѣсколько лѣтъ, съ моей помощью, добьешься чего-нибудь и хорошаго... а теперь главное -- лишь бы прицѣпиться...

Михаилъ Аникѣевъ глядѣлъ на него внимательно и печально.

Самое худшее было въ томъ, что онъ очень ясно понималъ и чувствовалъ причину братней радости, его добродушія и внезапно проявившагося родственнаго чувства.

«Благодѣтелемъ моимъ хочеть быть!-- мелькнуло у него въ головѣ!-- ну и пусть будетъ! Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!»

Николай Александровичъ продолжалъ.

-- Теперь, покончивъ съ первымъ моимъ пунктомъ, перехожу ко второму. Во сколько цѣнишь ты Снѣжково?

-- Почему я знаю!-- устало отвѣтилъ Аникѣевъ.

-- Ну вотъ! ай-да хозяинъ! Впрочемъ, настоящую сумму опредѣлить не трудно, сообразуясь съ оцѣнкой банка и мѣстными цѣнами на землю. Я думаю, если ты продашь, тебѣ все же придется дополучить, за вычетомъ долга, тысячъ пятьдесятъ, шестьдесятъ...

Аникѣевъ соображалъ.

-- Такъ, вѣдь, это земля,-- сказалъ онъ, наконецъ,-- а домъ, вся усадьба... ты знаешь, что одну обстановку комнатъ, картины, библіотеку, по самой малой оцѣнкѣ, нельзя считать меньше какъ въ пятьдесятъ тысячъ...

Николай Александровичъ усмѣхнулся.

-- Не увлекайся, мой другъ,-- сказалъ онъ:-- все это намъ съ тобой можетъ быть очень дорого по воспоминаніямъ, все это въ свое вре-

мя стоило хорошихъ денегъ; но теперь -- старьё. Да и вообще, при продажѣ, усадьба и обстановка не играютъ роли, не идутъ въ счетъ, за это лишнихъ денегъ никто не дастъ.

-- Да я ни за какія деньги не отдамъ усадьбы я дома, гдѣ жили дѣды и прадеды, гдѣ родилась и выросла мама!-- въ волненіи крикнулъ Аникѣевъ.

-- А если черезъ годъ съ аукціона продадутъ имѣніе, что ты сдѣлаешь?

Противъ этого возразить было нечего,-- все клонилось именно къ неизбѣжному аукціону, такъ какъ расплачиваться съ банкомъ у Аникѣева ужъ не было возможности.

-- Я вотъ что тебѣ скажу,-- продолжалъ Николай Алексанфовичъ:-- буде ты найдешь возможность распутаться и удержать Снѣжкова, конечно, держи его крѣпко. Но если катастрофа неминуема, необходимо избѣгнуть аукціона и не выпустить Снѣжкова изъ нашего рода. Согласенъ ты съ этимъ?

-- Да, конечно!-- растерянно прошепталъ Аникѣевъ.

-- Въ такомъ случаѣ я его куплю у тебя... то есть, не я, у меня такихъ денегъ не водится...

а тесть купить, то есть моя жена... Понимаешь... все равно, оно, въ концѣ-концовъ, до-станется моему сыну... Аникѣеву...

-- Понимаю,-- такъ же растерянно выговорилъ Михаилъ Александровичъ.

-- Согласенъ?

-- Согласенъ.

У него голова закружилась и сердце стучало съ невыносимой болью. Но въ то же время онъ сознавалъ, что комбинація брата -- еще лучшее изъ того, что можетъ случиться. И со стороны Николая это естественно и ничуть не предосудительно...

Но, Боже мой, отчего же такъ противно и мучительно думать обо всемъ этомъ?!

А думать необходимо... Вотъ онъ -- исходъ! вотъ нежданный и спасительный *deus 'ex machina*. Онъ долженъ былъ явиться, и явился...

Аникѣевъ не слышалъ, что еще говорилъ братъ. Онъ разслышалъ и понялъ только послѣднія слова его:

-- Такъ ты, пожалуйста, собери къ завтраму всѣ документы, счета и банковскія квитанціи... Ну, до свиданія, голубчикъ... Те-

перь ужъ мнѣ пора... Выйдемъ вмѣстѣ... я до-
везу тебя, если хочешь...

-- Нѣтъ, я пойду пѣшкомъ: у меня голова
болитъ,-- сказала Аникѣевъ.

-- Въ такомъ случаѣ, разумѣется, пройдишь.

Когда они спускались съ лѣстницы, Нико-
лай Александровичъ тихо говорилъ:

-- А знаешь ли, Миша, въ заключеніе я поз-
волю себѣ дать тебѣ благой совѣтъ: помирись
съ женою. Покуралесиль...и полно! Года ужъ
не тѣ, дочь вырастаетъ... Мало ли съ чѣмъ
приходится мириться... и вовсе не слѣдуетъ,
въ особенности теперь, когда ты долженъ на-
чать новую жизнь, давать пищу разнымъ пе-
ресудамъ и скандаламъ... Я, говоря откровен-
но, Лидію не очень обожаю; но во всякомъ
случаѣ, вѣдь, она приличная и честная жен-
щина... и всѣ знаютъ, что она тебя всегда
безумно любила... да и теперь еще любить...
Не будь же безсердеченъ и жестокъ съ нею...
Наконецъ, женщина, оскорбленная въ свое-
мъ чувствѣ, на все способна... она можетъ
надѣлать тебѣ самыхъ серьезныхъ
непріятностей... Право, помирись... подумай о
дочери...

Аникѣевъ ничего не отвѣтилъ...

XXXVII.

Когда князю Вово доложили, что пришелъ «человѣкъ отъ господина Аникѣева», онъ почувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти. Несмотря на всю свою любовь въ «Мишѣ» и на участіе къ его судьбѣ, онъ совсѣмъ было позабылъ о немъ и не вспомнилъ цѣлую недѣлю.

Конечно, оправданій у него нашлось сколько угодно: недѣля задалась суматошная. Во-первыхъ, отправилась на тотъ свѣтъ одна изъ его милыхъ старушекъ, цѣловавшихъ его въ плѣшку, восьмидесятилѣтняя княгиня Евдокія Петровна, вдова знаменитаго князя Ивана Ивановича. Княгиню знали всѣ, родни у нея былъ непочатый уголь, на панихиды съѣзжался «весь свѣтъ». Похороны оказались просто-на-просто удавшейся *partie de plaisir*, такъ какъ княгиню хоронили въ родовомъ склепѣ, въ ея имѣніи, куда и былъ заказанъ экстренный поѣздъ для провожатыхъ.

Вово былъ тронутъ безболѣзненной и мирной кончиной доброй старушки, тѣмъ болѣе,

что она вспомнила о немъ въ послѣдній день своей жизни, пожелала съ нимъ проститься, поцѣловала его въ плѣшку, перекрестила его и подарила ему на память о себѣ три прекрасныя вещицы: старинный перстень удивительной работы, собственноручно ею вышитый пледъ на собольемъ мѣху и художественную шкатулку съ туалетными принадлежностями, купленную ею на первой парижской всемирной выставкѣ.

Вово, какъ малый ребенокъ, носился съ этими сувенирами, такъ подходившими къ его вкусамъ, хорошо извѣстнымъ и весьма одобрявшимся почтенной княгиней.

Во-вторыхъ, одновременно съ панихидами и похоронами, Вово долженъ былъ распинаться, принявъ на себя самое дѣятельное участіе въ концертѣ и живыхъ картинахъ у Гатариныхъ. По случаю этого концерта онъ и вспомнилъ было объ Аникѣевѣ, но рѣшилъ, что, судя по прежнимъ примѣрамъ, а ужъ въ особенности при теперешнихъ обстоятельствахъ, отъ него все равно ничего не добьешься, и поспѣшилъ позабыть о немъ.

Но все-жъ таки совѣсть упрекнула. Бѣдный

Миша, какія еще бѣды съ нимъ случились, что онъ еще накуралесилъ за эту недѣлю?!

Вово приказалъ позвать «человѣка» и принялъ Platона Пирожкова въ спальнѣ, гдѣ, послѣ только что взятой ванны, производилъ сложную и продолжительную операцію своего туалета.

Онъ сидѣлъ въ какомъ-то совсѣмъ женскомъ пудермантелѣ передъ большимъ, тройнымъ зеркаломъ, съ трехъ сторонъ отражавшимъ его плѣшку, окруженный ящичками, коробочками, флакончиками, баночками и самыми разнообразными, таинственными инструментами.

Тутъ же помѣщалась и великолѣпная шкатулка покойницы, но Вово, несмотря на большой соблазнъ, не прикасался къ ней и даже приказывалъ на ночь уносить ее въ другую комнату. Шкатулка вызывала въ немъ воспоминаніе о доброй старушкѣ, ея смерти, панихидахъ и похоронахъ, а онъ не на шутку боялся покойниковъ. Онъ надѣялся, что это скоро пройдетъ и онъ будетъ безмятежно наслаждаться интересной вещицей. Пока же, лучше не смотрѣть на нее, особенно на ночь.

«Дятель» вошелъ, какъ и всегда, бокомъ и скосивъ носъ. Онъ кинулъ быстрый взглядъ на свои блистательные сапоги, а затѣмъ втянулъ въ себя воздухъ, пропитанный смѣсью всякихъ благоуханій, вышедшихъ изъ парфюмерныхъ лабораторій Парижа и Лондона.

«Ишь надушилъ!-- подумалъ онъ:-- не продохнешь!.. Это еще пронзительнѣе, чѣмъ наша индѣйская вервена, чтобъ ей пусто было!»

-- Честъ имѣю кланяться, ваше сіятельство!-- почтительно произнесъ онъ, косясь на диковинный пудермантель Вово.

-- Здравствуй, Платонъ Пирожковъ!-- ласково отозвался Вово, не отрываясь отъ зеркала, сморщивъ все лицо и вырывая крошечными щипчиками два слишкомъ длинныхъ волоска, вздумавшихъ совсѣмъ некстати расти и упорно торчатъ изъ правой брови.-- Что Михайль Александровичъ? здоровъ? у тебя вѣрно письмо? давай сюда!

-- Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, я не отъ барина, а то есть самовольно, не извольте гнѣваться...

-- А! что-жъ такое случилось? Не пугай, говори скорѣе...

«Дятель» безнадежно махнулъ рукою.

-- Къ самому окончательному, то есть, концу подступило,-- мрачно произнесъ онъ.

-- Что-о?

-- Къ самому, говорю, концу... Какъ вамъ угодно, а я молчать и терпѣть не согласенъ... Они не въ своемъ видѣ...

Вово въ пудермантель, черныхъ, шелковыхъ чулкахъ со стрѣлками и дамскихъ туфелькахъ вскочилъ изъ-за зеркала и подбѣжалъ къ «дятлу».

-- Платонъ Пирожковъ, не выводи ты меня изъ терпѣнія... Я тебя бить буду!-- сердито закричалъ онъ.-- Что за чепуху ты несешь! Какъ это не въ своемъ видѣ? Что такое значитъ?

-- А хоть бейте!-- тоже озлился «дятель» и поднялъ носъ.-- Истину я вамъ докладываю... Не въ своемъ они видѣ... Сами посудите: чловѣческаго слова отъ нихъ добиться нельзя, съ голоду себя морятъ... Вчерась не обѣдавши, вечеромъ тоже ничего, нынче утромъ безъ чаю раннимъ рано выбѣжали на улицу и голодные то невѣдомо гдѣ, извините, шлятся. Развѣ такъ господа дѣлаютъ? Сами посудите... Всю недѣлю, съ тѣхъ самыхъ поръ

какъ вы были, ровно маятникъ, туда-сюда, а къ людямъ хорошимъ ни ногою... Ни къ намъ кто, ни мы къ кому... Все васъ я поджидалъ, ваше сіятельство, думалъ, приѣдете, разговорите, авось урезоните... а васъ и слѣдъ простылъ.

Вово поморщился.

-- Каждый день собирался,-- скороговоркой шепнулъ онъ,-- да дѣлъ поверхъ головы... не могъ... но могъ! Съ чего же это онъ? Сонечка что ли больна?

-- Никакъ нѣтъ-съ, не больна Сонечка, а нѣтъ ее, изъ Петербурга се увезли въ Царское...

Для «дятла» было достаточно двухъ минутныхъ столкновений съ горничной Лидіи Андреевны, чтобы завести знакомство, основанное на взаимной любознательности. Онъ уже два раза тихомолкомъ былъ на Фурштатской и отлично зналъ всѣ обстоятельства.

-- Такъ вотъ что!-- нѣсколько растерянно сказалъ Вово.-- Ну, барыня!..

-- Барыня у насъ чувствительная, ее на кривой не объѣдешь, на червячка она не поидеть, не клюнетъ!-- убѣжденно замѣтилъ Пла-

тонъ Пирожковъ.-- Да кабы, ваше сіятельство, одно это...

Онъ замялся.

-- Что-жъ еще? говори разомъ, не то, право, бить буду!

-- Княгиня вернулась, вотъ что.

-- Господи, какая еще тамъ княгиня?

-- Будто не знаете... Все та же, прежняя... Лакея присылала... съ записочкой...

«Дятель» спокойно солгалъ, Алина прислала свою записку съ посыльнымъ и въ квартиру Аникѣва подалъ ее швейцаръ; но, вѣдь, нельзя же было сказать правду.

Вово хлопнулъ себя по лбу своей выхоленной ручкой и забѣгалъ въ развѣвавшемся пудермантелѣ, представляя собою самую невѣроятную маскарадную фигуру.

Вотъ затменіе! Ну, какъ же было не сообразить, не догадаться... тамъ... у Натальи Порфирьевны!.. Миша никогда не дѣлалъ ему никакихъ прямыхъ признаній; но онъ впалъ эту исторію, какъ знали ее многіе. Онъ никогда и никому не говорилъ о ней въ своемъ кругу, въ томъ кругу, гдѣ вращалась теперь Алина... Онъ далъ Мишѣ слово, когда Лидія Андреев-

на, при немъ, сдѣлала какъ-то разъ самые ясные намеки, молчать «въ свѣтъ» о прошломъ Алины и обо всѣхъ на ея счетъ сплетняхъ, и держалъ это слово ради своихъ отношеній къ Мишѣ. Онъ былъ увѣренъ, какъ и Платонъ Пирожковъ, какъ и всѣ, что все это прошло навсегда и конечно безповоротно.

Но, вѣдь, княгиня Алина, сумѣвшая добраться до Натальи Порфирьевны, совсѣмъ обворожить ее и съ ея помощью устроить себѣ положеніе «въ свѣтъ» -- теперь интересна, соблазнительна. Она оперилась, признана всѣми, стала настоящей княгиней, будто и всегда была ею, она такъ красива и ловка... И когда она помнила Мишу, эта мраморная статуя, что-жъ мудренаго, если прежнее вернулось.

«Это серьезно. Очень серьезно! и какъ не во-время!... Теперь она всему мѣшаетъ»...-- думалъ Вово.

XXXVIII.

А «дятель» готовилъ ему новую неожиданность.

-- Да кабы одна княгиня, а то у насъ и новыя «штучки» заводиться начали,-- таинственнымъ, многозначительнымъ шепотомъ произнесъ онъ, повѣсивъ голову, такъ что носъ ткнулся въ бронзовую подкову, красовавшуюся на синемъ галстухъ.

-- Какъ? Ну, вотъ еще вздоръ какой!

-- А не вѣрьте! Вчерась это, передъ сумерками... Я-то былъ ушодши...

И онъ, во всѣхъ потребностяхъ, передалъ рассказъ дворника.

Вово внимательно слушалъ, но перебивая.

-- Ну, какъ же тутъ думать прикажете?-- занылъ «дятель» разводя руками.-- Никогда мы такимъ баловствомъ не занимались, и очень высоко себя цѣнимъ, со всякими, смѣю сказать, шлюхами возиться не станемъ. Вотъ я иду сюда, да и думаю: нѣтъ, это совралъ онъ, дворникъ-то... она хоть и махонькая, хоть и вертлявенькая, а надо такъ полагать, что во все не «штучка»... Кто жъ бы такое могла

быть?.. Ваше сіятельство, явите божескую милость, прикиньте въ мысляхъ, кто бы такое могла быть? Ничего они вамъ не говорили... не про какую такую?..

Платонъ Пирожковъ во время пути совсѣмъ истомился любопытствомъ и не могъ больше переносить своего незнанія.

-- Постой! какъ ты сказалъ? бѣловолосая... маленькая... тоненькая?-- быстро спрашивалъ Вово.

-- Такъ точно-съ... дворникъ говоритъ: волосы, говоритъ, бѣлые, что твой ленъ, а махонькая, говоритъ, такая, что вотъ взялъ, посадилъ ее на ладонь, прихлопнулъ -- и нѣтъ ничего!

«Богъ мой, да, вѣдь, это Ninette!-- чуть было громко не крикнулъ Вово:-- она... другому некому и быть... Сумасшедшая!.. Ну, дѣточки!»

А совѣсть опять упрекнула -- вѣдь, онъ и у Хрепелевыхъ не былъ послѣ «скандала». Можно себѣ представить, что тамъ творится! Онъ рѣшилъ сегодня же къ нимъ поѣхать и постараться увидѣть Ninette. Она ничего отъ него не скроетъ. Но прежде всего надо навѣдаться къ Натальѣ Порфирьевнѣ. Онъ

видѣлъ ее на одной изъ панихидъ, только ни слова не сказалъ съ нею, а на похоронахъ ее не было.

-- Такъ кто же это? сдѣлайте божескую милость!-- между тѣмъ изнывающимъ тономъ тянулъ «дятель».,

-- А я почему знаю,-- сказалъ Вово.

-- Такъ вы узнайте, безпремѣнно узнайте, потому ежели теперь эта самая любовная канитель еще начнется, да съ двухъ концовъ, тогда, прямо говорю, все пойдетъ прахомъ!..

Платонъ Пирожковъ вдругъ оскся и очень странно фыркнулъ носомъ.

Вово съ изумленіемъ взглянулъ на его нелѣпое лицо, подергиваемое жалкой гримасой, и увидѣлъ, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ разревется.

-- Никакъ ты ужъ и рюмить собрался?.. Ну, чего тамъ... полно!-- ласково проговорилъ онъ и похлопалъ «дятла» по плочу.

Слова эти произвели поразительное дѣйствіе. Платонъ Пирожковъ сразу выпрямился, закинувъ голову, ошетирилъ усы и отставилъ ногу.

-- Это кто-жъ такое... рюмить!.. Я-то?! Обо-

знались ваше сіятельство!-- мрачно заговорилъ онъ.-- Что я, баба что-ли! Да и нечего сказать, невидаль!.. Мнѣ-то что! Пускай себѣ пропадаетъ баринъ, они мнѣ ни братъ, ни свать, я лакей ихній, а они господинъ, ну и пускай пропадаютъ!.. Богъ имъ судья -- всю-то жизнь мою они погубили... Можетъ, я теперь человѣкомъ былъ бы, а по ихней милости что я такое?.. тьфу! мочалка!..

Платонъ Пирожковъ остановился и, принявъ болѣе скромную позу, уже совсѣмъ инымъ, скорбнымъ тономъ продолжалъ:

-- Вѣдь, еще въ Снѣжковѣ, какъ ребятками мы были, они надо мной тиранство свое показывали... Бывало, нашалятъ они что-нибудь несообразное, чувствуешь, что безъ строгаго взысканія никакъ не обойтись, сейчасъ и бѣжишь либо къ барынѣ, либо къ мусье Жульяру и въ ноги: простите, молъ, это я все надѣлалъ, я долженъ быть въ отвѣтъ, а Михайло Александрычъ ни-ни... Ну, и попадетъ иной разъ, барыня-то больше прощали, а мусье Жульяръ сѣкъ, то-есть, такъ надо сказать -- дралъ безъ милосердія... Мальшишка, говоритъ, кошонъ рюсъ, говоритъ, и прика-

зываетъ Семену: сэкъ иво, сэкъ, говоритъ, карашо сэкъ! А Семень буфетчикъ и радъ -- аспидъ былъ, какъ есть палачъ... такъ отдерегъ, что потомъ дня три все наровишь бочкомъ присаживаться, потому прямо и сѣсть-то невозможно...

Вово, снявъ пудермантель, продѣлываль гимнастическія движенія руками и ногами, присѣдалъ, подпрыгиваль, вертѣль туловищемъ, улыбаясь смотрѣль на «дятла» и начиналь чувствовать настоящее умиленіе.

-- Такъ чѣмъ же Михайль-то Александровичъ тебя тиранилъ?-- наконецъ, воскликнулъ онъ, лаская бѣднаго «дятла» своими великолѣпными бархатными глазами.-- Развѣ онъ заставляль тебя брать на себя его провинности?

-- Заставлять не заставляли, а все-жъ таки мнѣ отъ этого не легче, драли-то не ихъ, вѣдь, а меня,-- объяснилъ Платонъ Пирожковъ.

-- Ну, да что розги!-- помолчавъ, продолжалъ: онъ -- то были цвѣтики, а ягодки-то впереди созрѣвали. Выросли мы, жить, что называется, стали... Такъ нешто это жизнь моя была... сами посудите, ваше сіятельство:

всякій человекъ свое удовольствіе имѣть, свою волю, свободу... время придетъ, своимъ домкомъ обзаведется, женой, дѣтишками. А я, прости Господи, бобылемъ былъ, бобылемъ и остался, рабомъ ихнимъ былъ, рабомъ и по сіе время... Имъ весело, а мнѣ отъ ихъ веселья какая прибыль? Сапоги да платье ихнее чищу, пыль обметаю. Плохо имъ -- тутъ вотъ и мнѣ плохо... Старая барыня померли, они грустятъ, какъ тѣнь ходятъ -- и я за ними. Съ барыней, съ Лидіей Андреевной нелады идутъ, такъ и у меня душа не на мѣстѣ. Они мечутся изъ города въ городъ, и я за ними. Амуры пошли Снѣжковскіе, съ барышней Лукановской въ паркѣ пропадаютъ, а я караулю, какъ-бы кто въ паркѣ не прошелъ, да, Боже упаси, чего не замѣтилъ... Барышня за князя замужъ, а я дрожу, какъ осиноый листь, ночей не сплю напролетъ, у дверей прислушиваюсь, пистолеты, ножи, бритвы стерегу, какъ бы грѣха не случилось... потому, больно они страшны тогда были... и-и!.. не приведи Господи!.. О заграницахъ нашихъ ужъ и не говорю, ежели поминать эти мытарства, такъ лучше набрать себѣ полыни въ ротъ, да и жевать...

Нѣтъ, ваше сіятельство, хоть я и простой человекъ, хоть мать родила и въ дворовой избѣ, а все-жъ таки никто не похвалитъ ихъ за то самое...

-- За что за что?-- съ серьезнымъ видомъ спрашивалъ Вово, становясь въ фехтовальную позу, наступая на «дятла» и вертя передъ его грудью кулакомъ.

-- А за то, что они изъ меня цѣпного пса сдѣлали,-- отвѣтилъ Платонъ Пирожковъ, отскакивая въ уголь.

-- Кто-жъ это тебя на цѣпь посадилъ?.. Разъ-два, разъ два!..-- настигалъ его Вово и въ углу.-- Всѣмъ крестьянамъ волю дали, а ты одинъ во всей Россіи крѣпостнымъ остался! Да ты, братецъ, феномень, ты -- анахронизмъ рѣдкостный!

«Дятель» совсѣмъ оскорбился.

-- Обидныхъ словъ, ваше сіятельство, я на своемъ вѣку не мало наслушался...-- заговорилъ онъ:-- хоть какимъ угодно а... хранисомъ обзывайте, меня отъ того не убудеть... я къ вамъ по старой памяти, какъ къ доброму барину, другу ихнему старинному, я къ вамъ съ душою, а вамъ все шуточки, вы все на смѣхъ...

Вово пересталъ фехтовать и скорчилъ дѣтское лицо.

-- Ну, извини, Платочекъ, я больше не буду... никогда не буду больше называть тебя а...хранисомъ!

-- Да и не придется, потому я принялъ рѣшеніе, сейчасъ такъ прямо въ газету и иду... публиковаться.

Вово сталъ совсѣмъ серьезень.

-- Слушай,-- сказалъ онъ:-- ты теперь иди публиковаться... вотъ тебѣ и на публикацію (онъ взялъ со стола портъ-монэ, вынулъ оттуда десятирублевую бумажку и далъ ее «дятлу»)... все я сегодня разужнаю и обо всемъ подумаю, а Михаилу Александровичу ты скажи, чтобы онъ подождалъ меня часовъ около восьми, скажи, что ты меня на улицѣ встрѣтилъ, что у меня къ нему дѣло есть и что я буду около восьми непременно...

-- Очень вами благодарень,-- поклонился «дятель»:-- только какъ же это я имъ скажу, когда ихъ, можетъ, и весь день- дома не будетъ?

-- А какъ знаешь... Ну, сокращайся.

-- Счастливо оставаться!-- со вздохомъ про-

изнесъ Платонъ Пирожковъ, взглянулъ на свои сапоги и бокомъ прошмыгнулъ въ дверь.

XXXIX.

-- Мой милый князь! васъ-то мнѣ и надо...-- сказала Наталья Порфирьевна, когда Вово, неслышно, но быстро подлетѣвъ къ ней, почтительно цѣловалъ ея руку.-- Садитесь вотъ сюда, постарайтесь сидѣть смирно и быть серьезнымъ... Я очень рада, что, пока, никого нѣтъ и мы можемъ нѣсколько минутъ поговорить свободно...

Вово никакъ не ожидалъ подобнаго приступа. Наталья Порфирьевна никогда съ нимъ не говорила такимъ торжественнымъ тономъ. Къ тому же она, видимо, чѣмъ-то очень разсержена, до того разсержена, что на ея мягкомъ, художественно подправленномъ лицѣ нѣтъ даже обычной «святой» улыбки. Очевидно онъ сейчасъ услышитъ что-нибудь крайне интересное.

Онъ граціозно помѣстился на указанномъ ему мѣстѣ, сложилъ губы сердечкомъ, поднялъ брови, и весь превратился въ почтитель-

ное вниманіе.

Наталья Порфирьевна строго спросила:

-- Вѣдь, вы, если не ошибаюсь, очень близки и дружны съ Мишелемъ Аникѣевымъ?

Брови Вово поднялись еще выше.

-- Да, я съ нимъ друженъ,-- сказалъ онъ:-- я еще мальчикомъ изъ Пажескаго корпуса ходилъ къ нимъ въ отпускъ.

-- Помню, помню... покойная ваша мама должна была, страдая легкими, постоянно жить въ Египтѣ и поручила васъ Софьѣ Михайловнѣ... Вы и теперь съ нимъ хороши, съ Мишелемъ? видаетесь?

-- Разумѣется... je l'aime de tout mon coeur, c'est un homme adorable, ce Michel...

-- Вотъ, вотъ... поэтому васъ-то мнѣ и надо! Скажите, пожалуйста, онъ съ ума сошелъ, этотъ вашъ homme adorable? У меня, знаете, тоже была къ нему симпатія et puis... l'aimais tant за раувге mère... я съ нимъ теперь встрѣтилась случайно, въ магазинѣ у Кюна... обласкала его, позвала къ себѣ, поисповѣдывала, пожурила, и простила. Онъ надѣлалъ столько всякаго вздора въ своей жизни и совсѣмъ меня знать не хотѣлъ. Но

онъ мнѣ все представляется мальчикомъ, рядомъ съ Софьей Михайловной... и онъ такъ похожъ на нее! Въ немъ что-то милое и жалкое... et plein de talents avec ça! Я хотѣла мало-помалу исправить всѣ его глупости, устроить его, пустить въ ходъ Я за него хлопотала, заинтересовывала имъ... и что же!..

-- Это вы за его великопостную импровизацію, Наталья Порфирьевна?-- не утерпѣвъ, съ хитрой миной перебилъ Вово.

-- Какое импровизація!-- сказала она, становясь еще торжественнѣе и строже:-- кабы только этотъ грѣхъ! Нѣтъ, похуже, во сто разъ похуже! Всю недѣлю мнѣ только и говорятъ о немъ одно дурное и удивляются, какъ это я могу принимать въ немъ участіе. Да и кто говорить! если-бы такъ, болтали, я бы не обратила вниманія. А то, вѣдь, Елена Федоровна, князь Иванъ Николаевичъ, графъ Бибергейль, Казарлинъ... наконецъ, Ольга Петровна прислала ко мнѣ вчера свою mademoiselle Пиперь, знаете?-- и, съ перваго же слова, о немъ!

-- Господи! да что же такое ужасное сдѣлалъ этотъ бѣдный Мишель? Какое таинственное преступленіе?!-- воскликнулъ Вово.

-- Онъ очень глупо держитъ себя со своей женой,-- рѣзко проговорила Наталья Порфирьевна.-- Несчастье можетъ быть со всякимъ, молодежь иногда себя губитъ необдуманнми браками, все это такъ. Vous savez... sa femme... je ne la porte nullement dans mon coeur... у меня нѣтъ и не можетъ быть съ нею ничего общаго, она у меня никогда не бывала и не будетъ... но... вотъ она сумѣла заинтересовать своимъ положеніемъ всѣхъ этихъ лицъ. On la dit très malheureuse... Она, видите ли, очень порядочная женщина, безумно его любить, а онъ бросилъ ее, убѣждалъ съ кѣмъ-то и теперь самымъ жестокимъ образомъ отнимаетъ у нея единственную дочь -- ея послѣднее сокровище!

-- Наталья Порфирьевна, да, вѣдь, это все вздоръ!-- воскликнулъ, даже вспыхнувъ, Во-во.

-- Ахъ, Богъ мой!-- пожавъ плечами, произнесла Наталья Порфирьевна:-- не звать же слѣдователя, прокурора, адвоката и присяжныхъ, чтобы разбирать, кто тамъ изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Вы очень хорошо понимаете, что не въ этомъ дѣло... Тутъ Елена Фе-

доровна и Ольга Петровна, и князь Иванъ Николаевичъ и всѣ!.. Да что онъ, о двухъ головахъ, вашъ другъ Мишель?! Противъ такой арміи я не могу защитить его, къ тому же мнѣ и неприлично защищать его, когда такіа обвиненія и факты!

-- Что же ему, однако дѣлать, если его жена -- олицетворенное притворство и безсердечіе!-- уныло сказалъ Вово.-- Она извращаетъ правду ужасно и не передъ чѣмъ не останавливается!

Наталья Порфирьевна опять слегка пожала плечомъ.

-- Эта madame Anikeieff, должно быть, не глупа, вотъ что!-- замѣтила она.-- Если-бъ ею были пущены въ ходъ чистыя выдумки, тогда бы еще другое дѣло; но она, мы съ вами, вѣдь, знаемъ это, вышиваетъ свой узоръ по крѣпкой канвѣ... Посмотрите: бросилъ онъ ее? Да. Убѣжалъ съ какой-то тамъ дамой или дѣвицей? Да. Хочетъ онъ взять къ себѣ дочь? Думаю, что да... онъ мнѣ не признавался въ этомъ прямо, но изъ его словъ я вывела, что ему невыносимо оставлять дѣвочку въ ея рукахъ. Наконецъ, что она и его, и дочь безумно

любить -- кто же может доказать, что это не так? Я, по крайней мѣрѣ, не берусь.

-- Вы можете одно, Наталья Порфирьевна, -- горячо сказала Вово, блеснувъ своими великолѣпными глазами! -- вы можете говорить, что хорошо знаете Аникѣева, что онъ человѣкъ честный и съ сердцемъ, что его жена недостойна его, что она фиглярка, отравила его жизнь и не можетъ хорошо воспитать дочери. Наконецъ, дѣвочка обожаетъ отца и вовсе не обожаетъ свою мамашу. Дѣти чувствуютъ, кто ихъ любитъ! Все это вы можете говорить, и всѣ вамъ повѣрятъ!

-- Вы увлекаетесь, мой милый князь, -- протянула, улыбнувшись, Наталья Порфирьевна. -- Очень жаль, но мы тутъ безсильны. Начать съ того, что у меня нѣтъ никакихъ данныхъ порочить эту даму, я ее совсѣмъ не знаю. Главное же, всегда нужно предвидѣть возраженія, которыя вамъ будутъ дѣлать. Хорошо, скажутъ, но почему же она не можетъ воспитать дочери, а онъ можетъ? Она ему не измѣнила, ни съ кѣмъ не бѣгала, ея нравственность чиста... Онъ же легкомысленный человѣкъ во всякомъ случаѣ... онъ...

сердцеѣдъ... вѣдь я вамъ далеко не все разска-
зала...

-- Неужели есть и еще что-нибудь новое?--
жалобно прошепталъ Вово.

-- Rien de bon! Онъ вскружилъ голову
этой... княжнѣ Хрепелевой... Боже мой, а я то
считала ее чистымъ и прелестнымъ ребенкомъ!..
Да, вскружилъ ей голову... Ильинскій,
женихъ, замѣтилъ это, подслушалъ ихъ
нѣжное объясненіе et... enfin... въ результатѣ
извѣстная вамъ милая исторія у меня въ
домѣ! Я вовсе не заступаюсь за эту пропащую
дѣвочку... c'est la perversion même! Но хорошъ
и вашъ другъ... у меня! Да, вѣдь, она еще вче-
ра короткія платья носила! Совсѣмъ ребенокъ!
C'est du propre -- allez!

Вово не могъ усидѣть въ креслѣ.

-- Наталья Порфирьевна! Бога ради... Pas èa,
oh pas èa!-- горячился онъ:-- voyons... вѣдь, онъ
ее увидѣлъ... въ первый разъ тогда, уже въ
концѣ вечера... я самъ его къ ней подвелъ...
они и двухъ минутъ не говорили другъ съ
другомъ! Non, ma foi c'est par trop fort!

Наталья Порфирьевна съ удивленіемъ
глядѣла на хорошенькаго князя.

-- Я васъ никогда такимъ не видала!-- наконецъ, сказала она, озаряя его своей появившейся «святою» улыбкою.-- Вѣрно, дружба еще жива на свѣтѣ! Такъ вотъ вы уговорите вашего друга образумиться, помириться, что ли, съ женою, словомъ, прекратить всѣ эти толки, остепениться... Пусть бы онъ взялъ примѣръ со своего брата... vous savez... кто о немъ зналъ? И вдругъ такое видное назначеніе! il va faire une bien belle carrière! А еще его, помню, лѣнтяемъ и не далекимъ считали.

-- Такимъ онъ и былъ,-- замѣтилъ Вово.

-- Однако, вотъ, его выдвигаютъ... Ему же выданъ патентъ на высшія способности... О немъ говорятъ, какъ о будущемъ государственномъ дѣятелѣ... И сразу, безъ службы, такое положеніе!.. excusez du peu! Нѣтъ, видно онъ уменъ! А этотъ Мишель... да знаете ли -- онъ ко мнѣ и не заглянулъ болень онъ, что ли?

-- Я у него буду сегодня... все узнаю.

-- И прекрасно сдѣлаете... Образумьте. Скажите ему отъ меня, что дѣла его такъ плохи, какъ онъ и не воображаетъ... avec les

meilleures intentions je ne puis rien pour lui!

-- Alors-c'est un arret de mort?

-- Presque... Кто же виновать! А впрочемъ... какъ это говорится... сердце не камень! Передайте ему, чтобы онъ ко мнѣ заѣхалъ... только я не могу... (она хотѣла сказать, что не можетъ принять его въ тѣ часы, когда у нея всѣ бывають, но остановилась) нѣтъ, позвольте! Пусть онъ заѣдетъ въ субботу вечеромъ послѣ всенощной...

Въ это время входилъ князь Бирскій, обязанность котораго въ этомъ домѣ состояла не только въ аккомпанированьи свѣтскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, но и въ доставленіи Натальѣ Порфирьевнѣ самыхъ свѣжихъ городскихскихъ новостей. Она его обыкновенно и встрѣчала словами старой пѣсенки о Мальбругъ: «quelle nouvelle m'apportez» На этотъ разъ онъ ей не далъ даже времени для вопроса.

-- А я къ вамъ съ удивительной новостью, съ новостью fin de siècle!-- весело объявилъ онъ, цѣлуя ея руку:-- imaginez vous... le dénouement du drame... маленькая княжна Хрепелева вчера бѣ ночь сбѣжала изъ дома

родительскаго... и къ кому? къ вашему импровизатору -- Аникѣеву!

-- Это неправда!-- вырвалось у Вово.

-- Извините, князь, это правда!-- сухо проговорилъ Бирскій, кланяясь.-- Мнѣ сейчасъ сообщилъ это мой старый пріятель Лопухинъ, родной братъ княгини Хрепелевой, онъ заѣхалъ ко мнѣ прямо отъ нихъ... тамъ Богъ знаетъ, что происходитъ... un vrai drame!

Наталья Порфирьевна посмотрѣла на Вово уничтожающимъ взглядомъ.

Онъ совсѣмъ растерялся и ничего не могъ сообразить.

Наскоро простясь, онъ пустился почти бѣгомъ черезъ анфиладу громадныхъ гостиныхъ и галлерей Талубьевскаго дома, едва не забылъ надѣть пальто, и поѣхать къ Хрепелевымъ.

Но тамъ никого не принимали.

XL.

Разставшись съ братомъ, Аникѣевъ медленно пошелъ, направляясь къ Михайловскому скверу. День разгулялся, подулъ мягкій вѣтеръ, чувствовалось первое дыханіе приближающейся весны.

Было еще довольно рано, и Аникѣевъ соображалъ, что всего лучше дойти пѣшкомъ до набережной. Такимъ образомъ онъ попадетъ къ Алинѣ именно въ самое время.

Конечно, онъ рисковалъ не застать ее дома, или застать не только ее, а и ея князя, и всякихъ постороннихъ людей.

Опять увидѣть этого невыносимо противнаго человѣка, услышать его отвратительно-скрипящій голосъ, дотронуться до его красной, холодной руки...

Все равно, все равно; но онъ уже не можетъ не идти къ ней, потому что усталъ невыносимо и кромѣ нея у него никого нѣтъ теперь. На Фурштатской онъ опять ничего не добился, то-есть не добился Сони. Ему сказали, что Лидія Андреевна вернулась вчера вечеромъ одна и очень рано ушла изъ дому. То-

гда онъ поѣхалъ въ Европейскую гостиницу, къ брату. Ничего особенно пріятнаго, радостнаго онъ и не ждалъ отъ этого свиданія, но все же не думалъ, что придется истомиться и устать до такой степени...

Правда, есть одинъ человѣкъ, съ которымъ не холодно, это -- Вово. Онъ чуть ли не одинъ остался отъ прежняго времени. Несмотря на свое удивительное подчасъ легкомысліе и мелочность, онъ все-же не измѣнилъ, вмѣстѣ съ измѣнившимися обстоятельствами, какъ измѣнили другіе. Что-жъ такое, если онъ производитъ впечатлѣніе вѣчнаго полуробенка, если онъ довольствуется самымъ пустымъ существованіемъ и никогда не могъ ни на чемъ серьезно остановиться. Все же онъ гораздо выше множества людей, считающихся серьезными. Онъ честенъ и добръ, ни въ комъ не заискиваетъ, неспособенъ ни на какую интригу. Съ нимъ случаются минуты духовнаго просвѣтлѣнія, когда вдругъ, сквозь оболочку свѣтской маріонетки, проглядываетъ что-то разумное, сердечное, человѣческое.

Къ нему бы? Только, вѣдь, неизвѣстно, на какую попадешь минуту, а главное,-- гдѣ же

его искать: въ этотъ часъ онъ ужъ кончаетъ свой туалетъ и начинаетъ свое вѣчное порханіе по городу.

Никого нѣтъ, кромѣ Алины. Эту недѣлю, до вчерашняго дня, Аникѣевъ мало о ней думалъ, онъ думалъ только о Сонѣ. Но записка, прочтенная имъ вчера вечеромъ, опять его отравила. Не забывая о Сонѣ, то и дѣло мучительно возвращаясь къ ней мыслями, онъ чувствовалъ, однако, что образъ Алины снова вернулся, что онъ здѣсь -- и не уйдетъ.

То было жуткое, мучительное и въ то же время зачаровывающее ощущеніе. Въ немъ заключался и паническій ужасъ близости призрака и сердечная радость близости живого, любимаго существа. Аникѣевъ сталъ, наконецъ, удивляться, какъ же онъ могъ эти дни, эти мучительные дни прожить безъ Алины -- до того возросло въ немъ, съ каждой минутой, страстное влеченіе къ ней, желаніе скорѣе,-- скорѣе ее видѣть, слышать ея голосъ...

Самъ того не замѣчая, онъ ускорялъ шагъ и, повернувъ отъ Лѣтняго сада на набережную, почти бѣгомъ спѣшилъ къ ея подъѣзду.

Теперь ему казалось, что онъ непременно опоздаетъ, что вотъ она, можетъ быть, въ эту самую минуту уже выѣхала изъ дому, что онъ засталъ бы ее, если-бъ не потерялъ даромъ столько времени.

Если ея нѣтъ, если онъ не можетъ сейчасъ же ее увидѣть,— что станетъ онъ дѣлать? Ему уже представлялось, какъ онъ долгіе часы, въ томительномъ нетерпѣніи, ходитъ взадъ и впередъ по набережной...

Запыхавшись, съ громко стучащимъ сердцемъ, отворилъ онъ тяжелую дверь. Швейцаръ, очевидно, его узнавшій, сказалъ ему:

— Княгиня дома, только врядъ ли принять могутъ.

— Отчего?

— Да онъ что-то нездоровы, второй день не выѣзжаютъ! Однако, распоряженія никакого не было-съ. Я сейчасъ позвоню, вы извольте отдать свою карточку человѣку...

Черезъ нѣсколько секундъ съ лѣстницы сбѣжалъ длинный молодой лакей, сіявшій бѣлымъ галстухомъ и гербовыми пуговицами. Онъ почтительно принялъ отъ Аникѣева карточку и также быстро поднялся по широ-

кимъ ступенямъ.

Аникѣевъ совсѣмъ застылъ и смутно чувствовалъ, что если Алина не приметъ его,-- онъ никогда больше къ ней не вернется.

Прошло двѣ-три длинныя минуты.

-- Пожалуйте!-- раздалось, наконецъ, сверху.

Тогда онъ медленно снялъ съ себя пальто и сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Тотъ же молодой лакей провелъ его по знакомымъ уже комнатамъ и оставилъ у спущенной портьеры, за которой была та уютная маленькая гостиная, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ скрипящій голосъ «la bête» нарушилъ наплывшее было любовное очарованіе.

Аникѣевъ не успѣлъ еще рѣшить -- слѣдуетъ-ли ему пройти туда или подождать, какъ шевельнулась портьера. Но это была не Алина, а молоденькая хорошенькая дѣвушка съ хитрыми зеленоватыми глазами, въ гладкомъ темномъ платьицѣ, черномъ шелковомъ передничкѣ и съ манерами скромной институтки.

Вѣра граціозно поклонилась, остановила на лицѣ Аникѣева слишкомъ внимательный

взглядъ и нѣжнымъ голоскомъ произнесла:

— Княгиня васъ просятъ... только онѣ извиняются, онѣ совсѣмъ нездоровы... Пожалуйте за мной, я васъ проведу.

Онѣ послѣдовалъ за нею черезъ маленькую гостиную, прошелъ еще одну какую-то комнату. Затѣмъ Вѣра отворила дверь, пропустила его,-- и сама исчезла, громко щелкнувъ за нимъ дверною ручкой.

Аникѣевъ очутился въ обширной комнатѣ, затянутой пушистымъ блѣднымъ ковромъ, задрапированной бѣлымъ шелкомъ съ затканными по немъ, тоже блѣдными букетами. Онѣ увидѣлъ свою фигуру, отраженную въ громадномъ трюмо, увидѣлъ туалетный столъ, жардиньерку съ разноцвѣтными душистыми гіацинтами, всякія шифоньерки, столики, бездѣлушки. Онѣ понялъ, что это спальня Алины.

Когда она, въ тотъ разъ, показывала ему свое помѣщеніе, она отворила и эту дверь, сказавъ: «это моя спальня». Но онѣ тогда заглянулъ, ничего не видя, и тотчасъ же отошелъ отъ двери, почувствовавъ неловкость и какое-то тоскливое раздраженіе.

Да, это спальня Алины. Но гдѣ же кровать? Гдѣ она сама?

-- Это вы?-- услышалъ онъ ея тихій голосъ.

Тогда, взглядѣвши по направленію, откуда раздался голосъ, онъ понялъ. Кровать и вся глубокая, большая ниша, гдѣ она помѣщалась, были скрыты подвижной бѣлой шелковой занавѣсью. Ему внезапно вспомнилось, что самъ же онъ какъ-то разъ, въ Снѣжковѣ, нарисовалъ ей именно такое устройство спальни. Кровать должна быть вдоль ниши, подъ балдахиномъ, а занавѣсь, если ее совсѣмъ отдернуть, собирается у стѣны, гдѣ изголовье, мягкими складками, почти теряется и не нарушаетъ общаго впечатлѣнія.

-- Вы больны? Что такое?-- тревожно спросилъ Аникѣевъ.

-- Какъ видите... настолько больна, что со вчерашняго вечера не могу поднять головы и не встаю съ постели... Впрочемъ, это не опасно, а только очень мучительно. Это мигрень, которой я отъ времени страдаю. Она проходила гораздо скорѣе, если я лежу неподвижно иногда всего нѣсколько часовъ, иногда сутки.

Если же я вздумаю встать пока совсѣмъ не прошло, боль сейчасъ же усиливается и тогда приходится мучиться два, три, даже четыре дня. Сегодня ночью было ужасно!.. Теперь гораздо лучше, минутами почти стихаетъ; но если я вздумаю подняться, одѣться и пройтись въ другія комнаты -- тогда вернется, и конца не будетъ! Поэтому мнѣ оставалось или совсѣмъ не принять васъ, или принять вотъ такъ... Но, вѣдь, я ждала васъ, Боже мой, какъ ждала!..

Она остановилась и потомъ прибавила:

-- Отчего вы не заглянули всѣ эти дни?.. хоть бы отвѣтила на мою записку... вы-то здоровы?

-- Я на ногахъ,-- сказалъ Аникѣевъ:-- даже чувствую особенную потребность двигаться, двигаться потому, что не нахожу себѣ мѣста. Кажется, я никогда не ходилъ столько по улицамъ, сколько хожу это время... Отчего я не заглянулъ, Алина? Да, вѣдь, я тогда выбѣжалъ отъ васъ въ такомъ ужасѣ, какъ послѣ встрѣчи съ привидѣніемъ... Мнѣ страшно было и подумать о томъ, какъ же я вернусь, какъ вынесу новую такую встрѣчу... Потомъ... со

мною случилось несчастье... да, несчастье...

Онъ остановился.,

-- Скажите мнѣ все, не скрывайте отъ меня, ради Бога,-- прежнимъ, такъ живо вспомнившимся ему, нѣжнымъ и умоляющимъ голосомъ заговорила Алина.-- Ваше несчастье -- мое несчастье... Разберемъ же, обсудимъ его вмѣстѣ, какъ тогда... Миша! Только вы такъ далеко... мнѣ трудно громко говорить и я васъ почти не слышу... Гдѣ вы? Пойдите сюда, сядьте вотъ въ это кресло, тогда мы можемъ говорить тихо-тихо, насъ будетъ раздѣлять только занавѣсъ...

Онъ такъ и сдѣлалъ. Кресло было приставлено почти къ самой кровати. Занавѣсъ зашевелилась.

-- Гдѣ ваша рука?-- сказала Алина.-- Дайте мнѣ ее пожать хоть черезъ матерію...

Она собрала, какъ только было можно, тяжелый толстый шелкъ и, почувствовавъ руку Аникѣева, крѣпко сжала его пальцы.

Его бросило въ жаръ отъ этого пожатія. Онъ чувствовалъ Алину рядомъ съ собою, слышалъ ея малѣйшее движеніе, слышалъ ея дыханіе.

-- Говори же, говори, что случилось?--
страстнымъ шопотомъ спросила она.

Онъ разскалъ ей о своемъ свиданіи съ Соней, о предложеніи и бѣшенствѣ Лидіи Андреевны, о томъ, какъ она увезла Соню въ Царское, и, наконецъ, о своемъ рѣшеніи похитить дочь.

Алина не прерывала его ни однимъ словомъ. Когда онъ замолчалъ, она сказала:

-- Это невозможно, изъ этого ничего не выйдетъ... У тебя силой отберутъ Соню, заставятъ, понимаешь, заставятъ тебя ее отдать... Тебя истерзаютъ!.. И потомъ... подумай же, что будетъ съ бѣдной дѣвочкой, каково ей будетъ вынести все это! Хорошо, что ты мнѣ разскалъ, для меня все это ужъ не новость, только, конечно, я совсѣмъ не такъ слышала. Объ этомъ говорятъ... Лидія Андреевна дѣйствуетъ энергично, она себѣ нашла очень сильныхъ защитниковъ. Третьяго дня я заѣхала къ Натальѣ Порфирьевнѣ и застала у нея князя Ивана Николаевича... знаешь! При мнѣ говорили... Боже мой, какая это была пытка!.. я должна была выслушивать, что ты какой-то извергъ... и молчать!

-- Это Наталья Порфирьевна меня изверго-
мъ объявила?-- спросилъ дрогнувшимъ голо-
сомъ Аникѣевъ.

-- Нѣтъ, она была довольно сконфужена,
даже пробовала что-то возразить; но потомъ,
конечно, замолчала, когда князь объявилъ,
какія лица тоже заинтересованы судьбою
этой «несчастной, покинутой женщины».
Вотъ видишь, ничего нельзя! Она ужъ и такъ
испортила тебѣ репутацію... Очень можетъ
быть, что тебя ждутъ всякія непріятности...
сила солому ломить.

-- Боже мой, да, вѣдь, это съ ума сойти мож-
но!-- прошепталъ Аникѣевъ.

-- Тебѣ остается одно, одинъ способъ
побѣдить Лидію Андреевну, это -- послѣдовать
ея совѣту, исполнить ея желаніе. Вернись къ
ней.

-- Этого вотъ и Платонъ Пирожковъ жела-
етъ!-- съ печальной усмѣшкой сказалъ
Аникѣевъ.

-- Это единственное, что тебѣ могутъ те-
перь посовѣтовать всѣ твои друзья...

-- И ты? и ты?

-- А я прежде всѣхъ, потому что больше

всѣхъ дорожу твоимъ спокойствіемъ и думаю о твоей репутаціи.

-- Хорошо спокойствіе рядомъ съ нею!

-- Скажи лучше, рядомъ съ Соней!.. Вѣдь, отъ тебя самого зависитъ ограничить Лидію Андреевну извѣстными рамками... Тогда, въ Снѣжковѣ, я слишкомъ была молода, она представлялась мнѣ страшной, и я боялась ее за тебя. Теперь же... переѣзжай къ ней, этимъ ты страшно много выиграешь и возьмешь у нея изъ рукъ всѣ козыри. А при первой непріятности, прямо ко мнѣ, и я научу тебя, какъ справляться съ ней, если ты самъ не умѣешь... Я завтра же кое-кого увижу, все раз-знаю, всѣ ея ходы, и сейчасъ же сообщу тебѣ... До тѣхъ поръ, умоляю тебя, не дѣлай ровно ничего, подожди моихъ извѣстій... Обѣщаешь? Дай слово, иначе я не отпущу те-бя! Слышишь? Миша! Ты слишкомъ горячъ, слишкомъ возбужденъ, ты не судья въ свое-мъ дѣлѣ... довѣрься мнѣ... Дай же слово, что подождешь!

-- Ну, хорошо, подожду,-- растерянно произ-несъ онъ, сознавая, что, во всякомъ случаѣ, ему только теперь и остается ждать.

Къ тому же онъ начиналъ забывать и Соню, и Лидію Андреевну, и все на свѣтѣ. Близость Алины опьяняла его.

Онъ сдѣлалъ надъ собой послѣднее усиліе и поднялся съ кресла.

— Однако, я долженъ уходить... Что-жъ ты меня не гонишь?— прошепталъ онъ такъ тихо, что она едва слышала.

— Зачѣмъ?— сказала она:— мы здѣсь въ безопасности,— иначе я такъ не приняла бы тебя... Никто не посмѣетъ меня беспокоить, пока я не позвоню...

— Такъ же, какъ и въ тотъ разъ?— перебилъ ее Аникѣевъ.

— Этого никогда больше не повторится! Къ тому же онъ уѣхалъ на два дня въ Лугу, опять наслѣдство получаетъ... не большое, послѣ тетки... Да неужели ты думаешь, что онъ хоть разъ, когда-нибудь, осмѣлился войти въ эту комнату?! Неужели ты думаешь...

Аникѣевъ ничего не думалъ. У него кружилась голова, звенѣло въ ушахъ, и сквозь этотъ звонъ онъ слышалъ:

— Миша, это безуміе какое-то! Ты долженъ простить меня... Ты не можешь такъ мучить

и себя, и меня... Ты не смѣешь мнѣ не вѣрить...
Пойми же, наконецъ... я шесть лѣтъ ждала те-
бя, жила этимъ ожиданіемъ... Я берегла себя,
я не допустила въ себѣ ни одной мысли, кото-
рая была бы для тебя оскорбительна. Жизнь
моя, милый мой... я только твоя, всегда была
и буду только твоей...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и отдер-
нулъ занавѣсъ.

Передъ нимъ была Алина, его Алина. Она
приподняла голову съ подушекъ и трепетно
протягивала къ нему свои обнаженные, ми-
лая руки...

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

У Хрепелевыхъ происходила если и не настоящая, драма, то, во всякомъ случаѣ, нѣчто крайне тяжелое и непріятное, нарушившее мирное и безукоризненное теченіе дѣль этого богатаго дома, всегда пользовавшагося въ свѣтѣ самой лучшей репутаціей.

Князь Валентинъ Илларіоновичъ,-- по внѣшности и манерамъ всесовершеннѣйшая, хоть и противуестественная смѣсь англійскаго лорда и утонченнаго парижскаго «вивера»,-- чувствовалъ себя совсѣмъ скверно, такъ скверно, какъ, можетъ быть, никогда еще въ жизни. Если-бы онъ былъ англійскимъ лордомъ, онъ, вѣроятно, принялъ бы какое-нибудь рѣшеніе, конечно, самое эксцентричное, исполнилъ бы его безъ всякихъ колебаній, а затѣмъ сохранилъ бы полную джентельменскую невозмутимость. Если бы въ былъ «жизнерадостнымъ» свѣтскимъ парижаниномъ,-- онъ сразу бы сообразилъ,

что никакая неприятность, никакой семейный скандалъ не стоятъ быстро-бѣгущаго дня, полного всякими житейскими удовольствіями, а потому завилъ бы свое горе веревочкой и продолжалъ бы вкушать отъ всѣхъ плодовъ земныхъ.

Но внѣшность, манеры и даже привычки - - сами собой. Внутри же себя «dans' des fins fonds de son individualité»,-- какъ онъ о себѣ выражался, князь былъ русскимъ богатымъ бариномъ, избалованнымъ неизмѣнными удачами. Онъ смотрѣлъ на эти удачи, какъ на нѣчто должное, принадлежавшее ему по неотъемлемому праву.

Поэтому неслыханный «скандалъ» съ Ninette на вечерѣ у Натальи Порфирьевны, отказъ графа Ильинскаго и затѣмъ побѣгъ дочери изъ дому -- привели его въ состояніе полной умственной и душевной разслабленности. Все это было ни съ чѣмъ несообразно, никакимъ образомъ, а ужъ тѣмъ болѣе съ нимъ не могло случиться, и вотъ случилось, сразу, одно за другимъ въ нѣсколько дней.

Князь ничего не понималъ. Онъ не могъ сообразить, что же ему теперь дѣлать, что

дѣлають другіе въ подобныхъ обстоятельствахъ. Безпомощность его увеличивалась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Князь стоялъ у камина въ своемъ кабинетѣ и, съ хронометромъ въ рукѣ, провѣрялъ каминные часы, что дѣлалъ неизмѣнно каждое утро въ одно и то же время. Онъ питалъ страсть къ часамъ и имѣлъ у себя очень интересную ихъ коллекцію.

Взглянувъ на князя, въ первую минуту никакъ нельзя было подумать, что это человекъ, надъ которымъ стряслась большая бѣда. Его высокая, сухощавая и мускулистая фигура держалась прямо, будто затянута въ корсетъ.

Его пятидесятилѣтнее лицо, съ острыми чертами и нѣсколько выдвинутой впередъ нижней челюстью, украшалось тщательно расчесанными, зачесанными и приглаженными волосами. Такая прическа почти совсѣмъ скрывала лысину, а слишкомъ черный цвѣтъ волосъ легко могъ быть произведеніемъ какого-нибудь красящаго вещества. Великолѣпныя «англійскія» бакенбарды были такъ же черны и такъ же носили

на себѣ слѣды опытной руки сихъ дѣлъ мастера.

Щеки отличались свѣжестью, крѣпкій подбородокъ былъ тщательно выбритъ, каріе глаза, не утратившіе еще блеска, имѣли обычное пріятное и ласковое выраженіе.

Утренній англійскій костюмъ сидѣлъ на князѣ превосходно и весьма шель къ нему.

Князь проснулся, какъ и всегда, съ первымъ ударомъ девяти, облился холодной водой, полчаса дѣлалъ гимнастику и упражненія съ тяжелыми гирями. Потомъ онъ сѣлъ, у себя въ спальнѣ, кусокъ кроваваго ростбифа, выпилъ стаканъ портеру и занялся туалетомъ. Ровно въ половинѣ одиннадцатаго вышелъ онъ въ кабинетъ и началъ провѣрку часовъ.

До сихъ поръ все шло по давно ужъ заведенному порядку. Послѣ провѣрки часовъ надо было подойти къ столу, пробѣжать полученные письма, а затѣмъ сѣсть въ качалку, закурить сигару; и, наскоро проглядѣвъ русскую газету, приняться за «Times» и «Figaro». Князь подошелъ къ столу, прочелъ три-четыре неинтересныхъ полученныхъ письма, но въ качалку не сѣлъ, сигары не закурилъ, га-

зеть не тронуль.

Онъ большими шагами своихъ длинныхъ ногъ измѣряль кабинетъ во всѣхъ направленіяхъ.

Ему пришло въ голову, что сегодня «засѣданіе». Онъ ужъ пропустиль одно и непременно слѣдовало бы поѣхать. Но онъ чувствовалъ себя не въ силахъ встрѣтиться съ людьми, которые хоть и не будутъ, разумѣется, ничего спрашивать, но непременно будутъ глядѣть на него съ тайнымъ злорадствомъ. Вѣдь, люди,— думалъ онъ не безъ нѣкотораго основанія,— какія бы хорошія и высокія слова ни говорили, всегда какъ-то невольно рады несчастью, бѣдѣ ближняго...

Его же бѣда особенно ужасна тѣмъ, что надъ ней позволительно посмѣяться. Его дочь не умерла, она жива, она только, напилась публично пьяной, безчинствовала, а потомъ убѣжала, убѣжала ночью къ любовнику!.. Его дочь!!

Онъ поблѣднѣль, и глаза его потеряли свое пріятное выраженіе, расширились, показали бѣлокъ, испещренный тонкими, яркими жил-

ками. Онъ сжалъ большіе, сильные кулаки и, кажется, появивсь передъ нимъ Ninette, онъ бы уложилъ ее на мѣстѣ. Но Ninette не было, и онъ, себя не помня, хватилъ кулакомъ по массивному столу съ мраморной верхней доскою.

Боль заставила его очнуться. Онъ растеръ руку и сразу почти успокоился, однако, все же продолжая нервно шагать по комнатѣ.

Онъ опять задавалъ себѣ остающійся безъ отвѣта вопросъ: какимъ это образомъ могла съ нимъ случиться подобная гадость? Все шло такъ хорошо, каждый годъ приносилъ что-нибудь пріятное, такъ или иначе подвигалъ впередъ, вверхъ. Отъ него не требовалось никогда никакихъ заботъ, хлопотъ, напряженія. Все дѣлалось само собою, мягко, незамѣтно, вытекало одно изъ другого.

Такъ было съ самага дѣтства, проведеннаго въ обширномъ родительскомъ домѣ среди родныхъ, сверстниковъ и сверстницъ среди неумомительныхъ занятій языками и различныхъ дѣтскихъ увеселеній.

Потомъ наступили школьные годы. Сразу переходъ былъ чувствителенъ; но это скоро

обошлось. Въ заведеніи было очень недурно, уроками не утомляли, экзамены не представляли особенной трудности, такъ какъ и начальство, и наставники помогали всѣми мѣрами. А на старшемъ курсѣ ученіе отошло совсѣмъ на задній планъ. Блестящая молодежь пробилась на волю и жадно вкушала отъ всякихъ запретныхъ плодовъ.

Правда, нѣсколько товарищей работали усидчиво; но это были юноши, уже сознавшіе, что имъ придется своею головой прокладывать себѣ дорогу, или честолюбцы.

Князь не чувствовалъ въ себѣ «такого» честолюбія и очень хорошо зналъ, что папа, мама, дяденьки, тетеньки и ихъ друзья, и безъ всякихъ съ его стороны усидчивыхъ занятій, доставятъ ему въ свое время все, что надо для безпечальнаго, почетнаго существованія.

Такъ оно, конечно, и случилось. Князь, по своему рожденію, родству и связямъ, принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, блестящую карьеру которыхъ легко и подробно можно начертать въ минуту ихъ рожденія, не прибѣгая къ гороскопу. Едва сойдя со школьной скамьи, онъ

получилъ уже все, чего одни добиваются десять-двѣнадцать лѣтъ и чего другіе никогда не могутъ добиться. Все это давалось не ему, а его отцу, дядямъ, теткамъ, которыхъ нельзя было обидѣть.

Въ тридцать лѣтъ, занимая очень видное и притомъ ничуть не отвѣтственное, не требующее никакихъ знаній, даже никакихъ занятій служебное положеніе и получивъ послѣ отца отличное состояніе, князь женился на красивой дѣвушкѣ изъ своего круга.

Это было счастливое супружество. Княгиня Катерина Петровна оказалась именно такой женой, о какой онъ только и могъ мечтать.

Въ первые годы они испытывали другъ къ другу значительное влеченіе, потомъ незамѣтно, мало-по-малу, охладѣли и остались навсегда друзьями. Княгиня требовала отъ мужа только того, чего онъ не могъ не дать и безъ всякихъ требованій. Ninette сказала Аникѣву истинную правду -- ея мать любила въ жизни, охладѣвъ къ мужу, только одно: приличія.

Князь былъ тоже воплощеніемъ прилич-

наго свѣтскаго человѣка. Съ женой онъ былъ всегда безупреченъ, предупредителенъ и вѣжливъ до послѣдней степени. Онъ сгорѣлъ бы со стыда если-бъ она увидѣла его неодѣтымъ и непричесаннымъ. Когда они выѣзжали вмѣстѣ или принимали у себя -- на нихъ пріятно было смотрѣть.

Въ свободные часы князь посѣщаль хорошенькую и скромную молодую особу, живущую въ отдѣланной имъ премиленькой квартирѣ. Эта особа, обыкновенно, года черезъ два-три, замѣнялась новою въ томъ же родѣ и вкусѣ, и тогда князю приходилось отдѣлывать новую квартиру. Кроме того онъ каждый годъ уѣзжалъ на три мѣсяца за границу «на родину» -- какъ говорилъ онъ, подразумѣвая Парижъ и Лондонъ. Тамъ онъ велъ жизнь очень-очень веселую, настолько веселую, что возвращался каждый разъ сильно осунувшимся и какъ-то полинявшимъ.

Даже хорошенькая и скромная молодая особа смущалась такой переменой. Но князь увѣрялъ всѣхъ, что это дѣйствіе минеральныхъ водъ, отъ которыхъ человѣкъ въ первое время всегда худѣетъ и кажется утомленнымъ.

мъ.

Онъ начиналъ вести строго регулярную жизнь, обливался холодной водою, занимался гимнастикой и всякими физическими упражненіями, ѣлъ на тощакъ почти сырой ростбифъ, и пилъ портеръ. Мѣсяца черезъ три онъ принималъ свой обычный, достаточно цвѣтущій видъ и объяснялъ:

— Вотъ видите... *c'est chaque fois la même chose*: въ первое время я отъ нихъ чувствую утомленіе и худѣю, а потомъ -- приливъ силъ, здоровья, свѣжести! О, безъ моихъ минеральныхъ водъ я бы пропалъ... я живу ими!..

Не было никакого основанія не вѣрить словамъ его. Не вѣрила имъ только княгиня. Она знала очень многое, но относилась къ тому, что знала -- снисходительно. Князь былъ остороженъ, скромненъ, не нарушалъ приличій. Преслѣдовать же его упреками, поднимать цѣлыя исторіи -- она считала не только бесполезнымъ и глупымъ, но прежде всего неприличнымъ.

За такіе взгляды мужъ признавалъ ее умнѣйшей женщиной, искренно уважалъ ее и, въ свою очередь, никогда не позволялъ

себѣ вмѣшиваться въ ея дѣла.

Словомъ, это было самое примѣрное, счастливое супружество. Такимъ оно и считалось въ петербургскомъ «свѣтѣ».

Подросла Ninette, ей представилась приличная партія. Князь рассчитывалъ, справивъ свадьбу, ѣхать въ свой обычный отпускъ на «родину». Все шло какъ по маслу,-- и вдругъ такая бѣда! Ninette, эта милая синеглазая дѣвочка, чуть не вчера еще игравшая въ куклы, всегда такая скромная, почти ребенокъ, оказалась испорченной, безсовѣстной, развратной дѣвченкой и опозорила его передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Да когда-жъ она поспѣла такъ испортиться и развратиться, откуда это взялось? при такомъ надзорѣ, при такой умной матери, только и думающей о приличіяхъ!

Этого понять было нельзя... это былъ какой-то бредъ...

Бѣшенство опять подступило къ сердцу князя.

«Фу! даже въ голову кровь кидается... такъ и стучить!» -- подумалъ онъ и сдѣлалъ нѣсколько гимнастическихъ движеній для

отвлеченія крови отъ головы.

II.

-- Ты здѣсь, мой другъ?-- послышался у двери печальный голосъ.

Князь поспѣшилъ отпахнуть портьеру и съ привычной почтительностью пропустилъ жену въ кабинетъ.

Она никогда не входила сюда въ это время, и вообще они обыкновенно не встрѣчались до завтрака, то есть до двухъ часовъ. Но за эти ужасные дни всѣ ихъ привычки были нарушены, они то и дѣло искали другъ друга, чтобы въ сотый разъ повторять однѣ и тѣ же фразы, восклицанія, а то и просто, чтобы только почувствовать себя вмѣстѣ. Они тщетно искали одинъ въ другомъ поддержки, какой-нибудь новой мысли, откровенія.

Давно уже разъединенные, они снова теперь тѣсно сошлись, благодаря общей бѣдѣ, на нихъ обрушившейся...

Войдя въ кабинетъ мужа, княгиня медленно прошла къ дивану, присѣла на край его и опустила голову съ видомъ глубокой безнадежности.

При вечернемъ освѣщеніи она была очень красива и казалась моложавой. Но днемъ, особенно на этомъ уже яркомъ весеннемъ солнцѣ, прямо ударявшемъ въ высокія окна кабинета, отъ кажущейся моложавости не оставалось и слѣда. Это была почти совсѣмъ увядшая блондинка съ желтоватымъ цвѣтомъ лица и блѣдными губами. Вокругъ нея все еще прекрасныхъ синихъ глазъ собрались мелкія морщинки. Такія же морщины образовывались на лбу и возлѣ угловъ рта.

Къ тому же за эти дни княгиня сразу постарѣла и осунулась, какъ послѣ долгой, жестокой болѣзни. Если ея мужъ былъ пораженъ и доходилъ то до бѣшенства, то до отчаянья,— она была, дѣйствительно, уничтожена, убита.

Онъ все же могъ отвлекаться отъ своей бѣды, забывать ее на нѣсколько минутъ, могъ то и дѣло возвращаться къ своимъ обычнымъ мыслямъ, чувствамъ, привычкамъ, заниматься своимъ туалетомъ, гимнастикой, ѣсть, пить и спать.

Княгиня почти не спала, не пила и не ѣла. Она не знала, умыта ли она, одѣта, причесана.

Она не понимала, что такое ей говорить, но отвѣчала на обращаемые къ ней вопросы.

Можетъ быть, она, по временамъ, и испытывала къ своей хорошенькой дочери что-нибудь подобное материнскому чувству, но, во всякомъ случаѣ, теперь это чувство замѣнилось жестокой злобой, почти ненавистью.

-- У меня нѣтъ больше дочери!-- говорила она мужу и навѣщавшимъ ее близкимъ роднымъ, и въ ея устахъ это была не фраза.

Дочь безсовѣстно и безжалостно разбила все, что она признавала единственнымъ богатствомъ какъ своего, такъ и всякаго существованія, насмѣялась надъ ея святыней, уничтожила все зданіе, созданное ею трудами цѣлой жизни.

Теперь она посрамлена, уничтожена, обезчещена на вѣкъ, она -- непрощавшая другимъ ни малѣйшаго отклоненія отъ кодекса свѣтскихъ приличій, неумолимо строгая ко всѣмъ безъ исключенія. Съ нею случился такой позоръ, какого никогда не могло случиться ни съ кѣмъ изъ осуждаемыхъ и презираемыхъ ею. Да, она убита, она чувствуетъ, что

убита совсѣмъ, навсегда, и ее убила дочь! Какая же это дочь?! Это смертельный ея врагъ, преступница, матереубійца... У нея нѣтъ дочери!

Если бы можно было, она собственноручно подписала бы ея приговоръ, засадила бы ее на вѣкъ въ монастырь, въ тюрьму, куда угодно, чтобы только о ней больше не было и помина.

А между тѣмъ необходимо думать о ней постоянно, только о ней и думать, необходимо найти ее, вернуть...

Что же будетъ потомъ? Княгиня не знала этого, да и не задавала себѣ такого вопроса.

-- У тебя что-нибудь новое?-- мрачно спросилъ князь, наклоняясь и цѣлуя блѣдную, холодную руку жены.

-- Ахъ, къ несчастію, ничего новаго, ничего хорошаго!-- съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила она.-- Вотъ, слушай... сейчасъ принесли... это письмо отъ брата Николая Петровича.

Она развернула листокъ почтовой бумаги и читала:

«Самые тщательные розыски, порученные

надежному, лучшему въ Петербургѣ сыщику, не привели ни къ чему. Тогда, передъ вечеромъ, Н. дѣйствительно, была въ квартирѣ А. По крайней мѣрѣ, описаніе ея примѣтъ, сдѣланное дворникомъ, впустившимъ ее за отсутствіемъ швейцара, вполне подходитъ. Она провела въ квартирѣ А. около часу, затѣмъ вышла одна, и дворникъ видѣлъ, какъ она почти бѣжала по улицѣ. Послѣ того она въ квартиру А. не возвращалась. Самъ же онъ здѣсь, уходитъ и приходитъ, ночуетъ дома. По всѣмъ участкамъ дано знать; но до сихъ поръ ее нигдѣ не нашли. Я начинаю сильно склоняться къ тому мнѣнію, что ея совсѣмъ нѣтъ въ Петербургѣ, что она куда-нибудь уѣхала»...

-- Вотъ!-- настоящимъ трагическимъ тономъ воскликнула княгиня, складывая письмо.

Князь густо покраснѣлъ, схватился за голову и тотчасъ же сдѣлалъ нѣсколько отвлекающихъ кровь гимнастическихъ движеній.

-- Къ чему жъ эти распоряженія по участкамъ, эти сыщики, если до сихъ поръ могли узнать только то, что намъ и безъ нихъ извѣстно!-- воскликнулъ онъ.-- Да въ Лондонѣ или въ Парижѣ ее давно бы къ намъ привели,

а этого... негодяя арестовали!

— Я думаю, его можно арестовать и здѣсь, тебѣ стоитъ только заѣхать къ кому слѣдуетъ,— сказала княгиня.— Конечно, онъ одинъ только и знаетъ, гдѣ она теперь. Но, вѣдь, мы и такъ опозорены на весь совѣтъ. И такъ весь городъ говоритъ о насъ, смѣется надъ нами...

Князь отвѣтилъ только новыми гимнастическими движеніями; онъ вертѣлъ руками во всѣ стороны, изгибая спину, и, наконецъ, сталъ крутить головою.

Княгиня не обращала на все это никакого вниманія и продолжала:

— Это ужасно, что ты проговорился брату, что ты все рассказалъ ему... Какъ будто ты его не знаешь! Онъ добрый человекъ, но, вѣдь, совсѣмъ не умѣетъ держать языкъ за зубами... Я увѣрена, что онъ ѣздитъ по всему городу и всѣмъ рассказываетъ о тайныхъ дѣйствіяхъ сыщиковъ... Боже мой! Боже мой! И вотъ, несмотря на весь этотъ срамъ,— никакихъ извѣстій!

— Послушай, Катринъ,— вдругъ перебилъ ее князь:— а, что если этотъ... музыкантъ та-

мъ, что-ли... тутъ не причемъ?

Она съ изумленіемъ подняла глаза и посмотрѣла на мужа.

-- Не причемъ, когда она посылала Машу въ адресный столъ за его адресомъ и когда справка адреснаго стола у меня? Не причемъ, когда изъ письма брата видно, что она была у него, какъ мы и предполагали?..

-- У меня просто мысли путаются... я самъ не знаю, что думаю и что говорю,-- такъ кровь приливаетъ въ голову! Того и гляди еще -- ударъ!

Онъ не только завертѣлъ руками, но сталъ даже присѣдать, держась на носкахъ и стараюсь не потерять равновѣсія.

Княгиня отвернулась. Она только теперь обратила вниманіе на его упражненія и нашла ихъ не только неумѣстными, но и крайне неприличными. Ну, что, если-бы кто-нибудь, хотя бы лакей, увидѣлъ его за такимъ шутовскимъ занятіемъ, въ такихъ позахъ, да вдобавокъ еще въ подобные дни и минуты!..

-- Однако, надо же какъ-нибудь дѣйствовать!-- проговорила она.-- Вѣдь, мы въ безысходномъ положеніи!

-- Я тоже думаю, что въ безысходномъ,-- отвѣтилъ князь, переставая присѣдать.

Кровь у него отлила отъ головы, мысли прояснились, и онъ значительно успокоился.

-- Такъ какъ положеніе наше безысходно,-- продолжалъ онъ:-- значить, изъ него нельзя искать исхода, котораго нѣтъ. Я согласенъ съ тобою, мой другъ, что братъ Николай Петровичъ напрасно все это поднималъ, всѣ эти розыски... Для насъ одно спасеніе, время. Единственное, что я могъ придумать... вотъ сейчасъ это пришло въ голову... мы должны не медля собратъся и уѣхать съ Кэтъ изъ Петербурга... въ деревню, за границу, все равно, куда хочешь...

-- А что-жъ ее... такъ и оставить на свободѣ... чтобъ она по городу разъѣзжала... съ этимъ... чтобъ на нее всѣ пальцами показывали и ежеминутно топтали въ грязь наше имя?..

-- Оно и такъ въ грязи... больше загрязнить нельзя,-- глухимъ голосомъ и сдвигая брови прошепталъ князь.-- Подумай сама... ну, хорошо, отыщутъ ее, привезутъ къ намъ... что-жъ мы будемъ съ нею дѣлать?! Убить ее, что ли,

держатъ въ запертой комнатѣ, везти ее? Куда? Водить ее за собою на привязи, глядѣть на нее?! Я не могу себѣ представить, что-жъ это такое будетъ!

-- И я тоже не могу себѣ представить!-- начиная дрожать и совсѣмъ зеленѣя, воскликнула княгиня.-- Главное же... вѣдь, у насъ Кэтъ... Вѣдь, я не могу допустить, чтобъ онѣ хоть минуту были вмѣстѣ, подѣ однимъ кровомъ...

-- Вотъ видишь! Значить, я правъ, значить, остается только одно, и пусть она пропадаетъ...

-- Однако...

Княгиня не договорила. Портьера зашевелилась, и въ кабинетъ вошла пожилая дама, въ шляпкѣ, съ румянымъ круглымъ лицомъ и съ довольно рѣшительнымъ видомъ. На дамѣ было надѣто скромное черное платье, вовсе не моднаго фасона, а излишнія округлости ея маленькой, почти шарообразной фигуры скрывались подѣ черной шалью, заколотой у краснаго двойнаго подбородка старинной мозаиковой брошкой.

Несмотря, однако, на этотъ незатѣйливый,

старомодный костюмъ, на маленькую и круглую свою фигуру, на красное лицо, заплывшіе глаза и короткій носъ, вошедшая дама чѣмъ-то неувлимымъ производила впечатлѣніе именно настоящей дамы, барыни, привыкшей внушать къ себѣ почтеніе и даже его заслуживающей.

-- Марья Эрастовна!-- изумленно произнесъ князь.

-- *Chère cousine!*-- еще болѣе изумленно и не совсѣмъ одобрительно сказала княгиня.

-- А ужъ извините!-- здороваясь, то есть обнимая кузину и протягивая руку князю, начала Марья Эрастовна.-- Безъ доклада, такъ прямо, съ нарушеніемъ всѣхъ приличій и обычаевъ этого дома... Да видите ли, тамъ по всѣмъ комнатамъ люди, а Кэтъ говоритъ: папа и мама въ кабинетъ... Я сюда... Не до церемоній!.. Была у меня только что Ниночка.

Хрепелевы не вѣрили ушамъ своимъ.

-- Какъ была? Гдѣ-жъ она?

-- Ты привезла ее съ собою?

-- Я и предложила ей ѣхать, только она не хочетъ. Не силой же было, съ помощью лакеевъ, везти ее...

-- Гдѣ-жъ она пропадаетъ?

-- Не знаю, ни за что не сказала... Дайте състь... расскажу все. Надо только заpastись хладнокровіемъ и благоразуміемъ...

Княгиня будто окаменѣла. Князь шагаль по кабинету, боясь пуще всего, чтобы кровь опять не прилила въ голову.

-- Вѣдь, я ничего не знала. Вдругъ сегодня, я еще въ кровати была, влетаетъ Ниночка,-- говорила между тѣмъ Марья Эрастовна, усаживаясь въ креслѣ:-- все она мнѣ и рассказала... какъ это съ ней на вечерѣ у Талубьевой скандалъ случился и какъ она погибла для свѣта, какъ отъ нея отказался благородный женихъ, какъ вы ее почти проклинали, какъ она ѣздила къ одному хорошему человѣку за совѣтомъ; но онъ ей никакого совѣта не могъ подать... Какъ она вернулась домой, а ты, Катринъ... ее позорила и какъ она послѣ этого, когда всѣ улеглись спать, совсѣмъ убѣжала изъ дому, чтобъ никогда больше не возвращаться...

-- Куда она сбѣжала? Гдѣ она?-- задыхаясь, спрашивала княгиня.

-- Говорю, не знаю гдѣ, не сказала. Просить

ее не разыскивать, потому что все равно не станетъ жить съ вами... бѣгать будетъ... не на цѣпь же вы ее, въ самомъ дѣлѣ, посадите!

Князь остановился передъ Марьей Эрастовной и дѣлалъ всѣ усилія, чтобы говорить спокойно.

-- Однако, позвольте... вѣдь, это невозможно... вѣдь, это Богъ знаетъ, что такое...

-- Конечно, это Богъ знаетъ, что такое; но что же тутъ дѣлать?!-- хмурясь, перебила его Марья Эрастовна.-- Позвольте мнѣ сказать все, что я думаю. Я женщина не свѣтская и буду разсуждать по своему. За припадокъ я Ни-ну не виню, это со всякимъ можетъ случиться... Пстой, Катринъ, не перебивай, пожалуйста... Что Ильинскій вашъ послѣдній негодяй, съ этимъ, я такъ полагаю, и вы согласны. Пилили вы и раздражали дѣвочку совсѣмъ напрасно. Ея визита къ «хорошему человѣку», котораго она, однако, видѣла всего разъ въ жизни, никакъ не могу одобрить; вижу въ этомъ своеволие и ребячество, только не безнравственность. Не одобряю также ея ночного побѣга и разбранила ее за него, какъ слѣдуетъ... но нахожу, что теперь ей вернуть-

ся домой и жить съ вами невозможно. Я ея не знала, считала малымъ и милымъ ребенкомъ. А она ухъ какая! съ душкомъ, съ характерцемъ! Ее въ бараній рогъ согнуть нельзя, кусаться станетъ...

-- Господи! что за мука!-- простонала княгиня и горько заплакала.

-- Конечно мука! Ну, что-жь тутъ дѣлать? Большая бѣда, особенно для васъ, въ вашемъ-то положеніи... что и говорить!

-- Надо, необходимо надо намъ уѣхать!-- воскликнулъ князь, поднялъ было руки для гимнастическаго движенія, но остановился, косясь на Марью Эрастовну.

Та продолжала:

-- И уѣзжайте съ Богомъ, лучшаго никто не придумаетъ... время все сгладитъ... Знайте одно, этотъ Ниночкинъ хорошій человекъ, не знаю кто онъ, къ дѣлу не причастенъ. Отвѣчаю вамъ головою... она какъ была чистымъ ребенкомъ, такъ и осталась, такъ и останется. Она полоумная... но ничего такого, Боже упаси... Чиста какъ слеза! Вы уѣзжайте, а ее мнѣ поручите, пусть, пока что, живетъ со мною... Она придетъ ко мнѣ не то сегодня, не

то завтра, я и устрою... Согласны?

Хрепелевы долго молчали... Наконецъ, княгиня встала, подошла къ кузинѣ, обняла ее и смочила ей лицо слезами. Князь тоже подошелъ и съ чувствомъ поцѣловалъ маленькую, круглую ручку Марьи Эрастовны.

А она говорила:

— Я ее сохраню и понемногу образумлю. Счастье еще, что она прищда ко мнѣ, догадалась... Нѣтъ, она хоть и съ гвоздемъ у васъ, а все же умная и добрая дѣвочка... Вы передъ нею тоже неправы... Эти теперешніе ребятишки, Богъ ихъ знаетъ... съ ними надо осторожно, съ обходцемъ... А вы смиритесь... что ужъ тутъ!.. Безъ испытанія не проживешь на свѣтѣ!..

III.

Все это случилось, какъ уже рѣшила сама Ninette, очень просто. Отправляясь къ Аникѣеву, она второпяхъ и въ волненіи забыла у себя на столѣ адресную справку. Когда княгиня узнала, что дочь въ неурочное время и, главное, одна, безъ англичанки, вышла изъ дома, поднялось, естественно, большое волненіе. Первымъ дѣломъ княгиня отправилась въ комнату дочери, и тамъ сразу ей въ глаза бросилась справка, лежавшая на столѣ.

Откуда она могла взяться? кто доставилъ? Княгиня позвала горничную; та смутилась и, въ концѣ концовъ, должна была сознаться, что, по просьбѣ барышни, ѣздила утромъ за справкой, не подозрѣвая въ этомъ ничего дурного.

Княгиня, ожидая возвращенія «этого чудовища, этой ужасной погибшей дѣвченки», дошла до припадка настоящего бѣшенства, до истерическихъ слезъ, хохота и судорогъ. Еще въ юности княгиня страдала истеріей. Своевременное лѣченье, уходъ и спокойная, безъ всякихъ нервныхъ раздраженій, жизнь оста-

новила развитіе болѣзни, зачатки которой оказались, однако, въ организмѣ дочери.

Когда Ninette вернулась домой, мать встрѣтила ее такой сценой, такими упреками, проклятіями и словами, какихъ бѣдная дѣвочка не только никогда не слыхала, но даже почти не понимала.

Внѣ себя и ничего не сознавая, кромѣ все разроставшейся мысли о томъ, что преступная дочь опозорила всѣхъ ихъ на вѣки, княгиня рвала на себѣ волосы, падала на полъ, билась головой о коверъ.

Ninette изо всѣхъ силъ сдерживала въ себѣ желаніе, потребность тоже упасть на полъ, кричать и биться головою. Истерическій «клубокъ» ужъ поднимался къ горлу, ужъ начиналъ душить. Она вся дрожала.

Было въ ней, однако, одно чувство, помогшее ей удержаться во-время, побѣдить и ослабить нервное напряженіе: зрѣлище припадка матери возбуждало въ ней отвращеніе. Въ этихъ крикахъ, безумныхъ движеніяхъ, въ искаженномъ лицѣ княгини заключалось столько ужаснаго, противнаго, унизительнаго и животнаго, что Ninette запретила себѣ,

покаялась никогда не быть такою.

При первой возможности она выбѣжала отъ матери, заперлась у себя и рѣшила, что теперь ужъ все кончено, нельзя терять ни одного дня, нельзя больше оставаться дома.

Это рѣшеніе, смѣлое и безповоротное, оказалось въ ея душевномъ мірѣ такимъ громаднымъ событіемъ, что заслонило собою все. Ninette внезапно успокоилась, достала свой хорошенькій ручной чемоданчикъ, купленный ею прошлой весной въ Парижѣ, и уложила въ него все, что, по ея соображеніямъ, было ей необходимо на первое время. При этомъ она выказала необыкновенное искусство, такъ какъ уложила въ чемоданчикъ столько вещей, сколько въ него, казалось, никакъ не можетъ помѣститься.

Выйдя къ чаю, маленькая княжна узнала, что ея мать лежитъ у себя въ спальнѣ, а отца нѣтъ дома.

Князь вернулся около двѣнадцати отъ «своей скромной молодой особы», нѣсколько развлекшей его послѣ всѣхъ этихъ непріятностей, и прошелъ прямо къ себѣ. Скоро всѣ огни въ домѣ погасли.

Ninette спокойно одѣлась, взяла чемоданчикъ и неслышно прошла по всѣмъ комнатамъ. Она благополучно, только едва не падая подъ непосильной для ея хрупкихъ ручекъ тяжестью биткомъ набитаго чемоданчика, добралась до парадной двери. Швейцаръ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни въ своей комнаткѣ, ключъ отъ двери оказался тутъ же, на столѣ. Княжна знала, что это не случайность, что швейцаръ всегда кладетъ ключъ на столъ.

Дверь отперта. Теперь все дѣло въ дворникѣ. Сидитъ онъ на крыльцѣ или нѣтъ?

Дворникъ сидѣлъ; но не на крыльцѣ, а подъ воротами и, закутавшись въ свой тулупъ съ головою, какъ и всѣ безъ исключенія дворники, спалъ непробудно.

Княжна, выйдя на улицу, оглядѣлась. Вотъ бѣда -- нигдѣ не видно извозчика. Ей было, очень страшно. Къ тому же, какъ она дотащитъ чемоданчикъ? Такъ стало тяжело, такъ разломило руки, что бѣдная Ninette даже заплакала тихонько, сама не замѣчая своихъ слезъ. Но вотъ издали, по застывшей отъ ночного морозца улицѣ, донесся стукъ колесъ.

О, если-бъ это былъ извозчикъ! Ближе, ближе,-- извозчикъ и есть! Онъ спросилъ полтора рубля, чтобы свезти ее на Васильевскій островъ. Онъ могъ бы спросить и десять,-- съ ней были всѣ ея капиталы, заключавшіеся въ двухстахъ рубляхъ и двухъ билетахъ внутренняго займа, на которые она могла выиграть, и даже не одинъ разъ, двѣсти тысячъ.

Она ѣхала къ Ольгѣ Травниковой.

Кто же такое была эта особа?

Въ домѣ Хрепелевыхъ, ужъ съ давнихъ поръ, такъ сказать по наслѣдству отъ ихъ родителей, проживала бѣдная дворянка Ольга Ивановна. Дочь этой Ольги Ивановны, Лидія, воспитывалась въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Потомъ она вышла замужъ за маленькаго чиновника Травникова, прожила съ нимъ нѣсколько лѣтъ, овдовѣла и, наконецъ, сама умерла, оставивъ послѣ себя восьмилѣтнюю дочь Олю.

Когда княжна Нина настолько подросла, что стала сознать окружающее,-- Ольга Ивановна была ужъ дряхлой старушкой, а внучка ея ходила въ гимназію и жила вмѣстѣ съ бабушкой, въ ея комнатѣ, куда имъ обык-

новенно носили съ княжескаго стола остатки завтрака и обѣда.

Оли,— ей шелъ тринадцатый годъ, когда маленькой княжнѣ исполнилось десять,— въ домѣ не было ни видно, ни слышно. Она только иной разъ скользила, какъ робкая тѣнь, въ большомъ коридорѣ и при малѣйшемъ шорохѣ скрывалась за дверью комнаты Ольги Ивановны. Старая бабушка совсѣмъ истомила ее вѣчными наставленіями не надоѣдать благодѣтелямъ.

Впрочемъ по праздникамъ, когда не было званныхъ гостей, Олю призывали въ княжескія комнаты и позволяли Нинѣ, конечно, подъ присмотромъ англичанки, играть и разговаривать съ нею.

Прежде чѣмъ разрѣшить это, княгиня долго присматривалась къ Олѣ и, въ концѣ-концовъ, нашла ее достаточно приличной съ робкими, почтительными и пріятными манерами, а главное, знающей свое мѣсто. Къ тому же тутъ вдругъ пошла въ «обществѣ» мода, на русскій языкъ. Княжна въ то время говорила по-русски нѣсколько странно, и Олю звали къ ней, главнымъ образомъ, для «практики».

Дѣвочки, представительницы двухъ различныхъ міровъ, скоро сошлись. Ninette любила появленія своей скромной подруги, любила ея худенькую фигурку въ коричневомъ платьицѣ, ея круглое, нѣсколько блѣдное личико, толстую, темную косу, вѣчно чѣмъ-то изумленные каріе глазки, вздернутый носикъ и пухлыя губки.

Оля сначала дичилась маленькой княжны и какъ будто даже что-то противъ нея имѣла. Но это быстро измѣнилось. Ninette была такъ мила, такая хорошенькая, бѣленькая,— такой ласковый, веселый котенокъ.

Прошло время. Ольга кончила гимназію, слушала педагогическіе курсы. Потомъ, около года тому назадъ, ея бабушка умерла, и она выѣхала изъ дома Хрепелевыхъ. Ninette уговаривала отца и мать оставить Ольгу, и они противъ этого ничего не имѣли; но сама молодая дѣвушка ни за что не хотѣла остаться. Она была недовольна своимъ положеніемъ въ домѣ, «возмущалась» многими взглядами княгини, не хотѣла «даромъ ѣсть чужой хлѣбъ», толковала о самостоятельности.

Бабушка передала ей передъ смертью

маленькій капиталъ, приносившій въ годъ четыреста рублей, и эти деньги казались ей достаточными на первое время. Она будетъ давать уроки, будетъ «переводить въ журналахъ». Чего же больше!

-- Гдѣ же вы будете жить, Ольга?-- спросила княгиня.

-- Какъ гдѣ? Мало ли домовъ въ Петербургѣ,-- очень спокойно и просто отвѣтила Ольга, устремивъ на княгиню свои попрежнему вѣчно изумленные каріе глаза.

-- Я васъ спрашиваю: съ кѣмъ вы будете жить?

-- Какъ съ кѣмъ? Одна, а вѣрнѣе всего, съ подругой.

Княгиня разсердилась.

-- Я вовсе не шучу, моя милая, а спрашиваю васъ серьезно.

-- Боже мой, княгиня, я серьезно и отвѣчаю. Какъ же мнѣ иначе жить, вѣдь, родныхъ у меня, вы сами знаете, нѣтъ. Такъ живутъ многія изъ моихъ подругъ, и, увѣряю васъ, тутъ нѣтъ ничего дурного.

-- Да, вѣдь, это совсѣмъ, совсѣмъ неприлично!-- въ глубокомъ негодованіи воскликнула

княгиня.

-- Для людей вашего круга, съ вашей точки зрѣнія, конечно,-- храбро защищалась Ольга:-- но, вѣдь, я принадлежу къ совсѣмъ другому кругу, гдѣ понятія о томъ, что прилично, а что неприлично, совсѣмъ иныя...

-- Такъ живутъ только нигилистки... или...

Княгиня не договорила... Блѣдныя щеки Ольги вспыхнули, и ея изумленные каріе глаза загорѣлись недобрымъ огонькомъ.

-- Что-жъ дѣлать...-- прошептала она, едва удерживаясь, чтобы не сказать чего-нибудь черезчуръ рѣзкаго.

-- Какъ что-жъ дѣлать?! Кто васъ заставляетъ такъ жить? Я вамъ говорю, вы можете остаться въ комнатѣ Ольги Ивановны, она для васъ очень достаточна и прилична... только, конечно, вы не станете принимать у себя этихъ вашихъ... подругъ и знакомыхъ... которыя живутъ однѣ, невѣдомо какъ и гдѣ...

Ольга улыбнулась.

-- Я еще разъ благодарю васъ, княгиня, за вашу доброту, за все, что вы для меня сдѣлали... Конечно, бабушкина, комната вполне хороша для меня, и я къ ней очень

привыкла... Но лучше ужъ я поселюсь гдѣ-нибудь на чердакѣ, лишь бы чувствовать себя свободнымъ человѣкомъ... Я ужъ не маленькая.

Княгиня прищурила свои синіе глаза и посмотрѣла на дѣвушку съ явнымъ презрѣніемъ.

-- При бабушкѣ вы такъ бы не говорили!-- сказала она.-- Бѣдная Ольга Ивановна хорошо сдѣлала, что умерла, она была женщина честныхъ правилъ. Такъ вотъ къ чему привела васъ ваша гимназія и эти... ваши курсы! Мнѣ васъ очень жаль, моя милая, я вижу вы плохо кончите... Что-жъ... вы свободны... только, если вы такъ отъ насъ уходите и будете жить одна... Dieu sait comment... я не могу допустить продолженія вашего знакомства съ моей дочерью.

-- Я это знаю, княгиня,-- стискивая зубы, выговорила Ольга:-- мнѣ жалко разстаться съ княжной, я ее люблю... но... я не могу, даже не въ правѣ поступиться своею свободой и своимъ человѣческимъ достоинствомъ!

Она произнесла эти слова съ восторгомъ и осталась очень довольна собою.

Княгиня презрительно кивнула головой и, не протянувъ ей руки, вышла.

IV.

Ольга переѣхала отъ Хрепелевыхъ, поселилась сначала съ какой-то подругой; но скоро поссорилась съ нею и жила одна на Васильевскомъ островѣ. Она устроилась въ двухъ комнаткахъ, нанимая ихъ у нѣмки-старушки, которая сама помѣщалась въ третьей, совсѣмъ маленькой клѣткѣ, рядомъ съ кухней.

Эта нѣмка, Генриетта Богдановна, была когда-то экономкой въ богатомъ домѣ, съэкономила себѣ капиталецъ и жила «на фольной фоль, сама сибѣ барина». Но она оказалась скупенька, да къ тому же не выносила полного одиночества. Поэтому она обрадовалась случаю отдать молодой дѣвушкѣ двѣ свои «лютшія» комнаты, за которыя Ольга платила ей тридцать рублей въ мѣсяць. Она же и стряпала завтраки и обѣды своей жилищѣ, а для комнатныхъ услугъ и побѣгушекъ существовала разбитная четырнадцатилѣтняя дѣвчонка, Саша.

Ольга жила, не скучала. Она окончила курсы, какъ-будто давала уроки и занималась переводами, но, собственно говоря, мѣняла и тратила свои «билеты», такъ что оставленные бабушкой деньги таяли не по днямъ, а по часамъ.

У Хрепелевыхъ Ольга не бывала, и княгиня думала, что всякая связь между «этой погибшей курсисткой» и Ninette порвана.

Княгиня ошибалась. Дѣвушки особенно сошлись въ послѣднее время, Нина очень жалѣла Ольгу, а потому изрѣдка переписывалась съ нею при посредствѣ горничной Маши.

Эта Ольга, сама того не зная и вовсе о томъ даже не думая, сослужила маленькой княжнѣ большую службу. Она открыла ей глаза на то, что міръ великъ, что въ немъ не только свѣтскія гостиныя, а есть много очень серьезныхъ, хорошихъ и дурныхъ, веселыхъ и печальныхъ вещей. Нина только что собиралась хорошенько разглядѣть эти вещи съ помощью пріятельницы, какъ та уѣхала, разсердивъ княгиню, и свиданія дѣвушекъ прекратились. Въ письмахъ же немного скажешь и

поймешь...

Вотъ теперь Нина и Ёхала со своимъ чемоданчикомъ къ Ольгѣ Травниковой, увѣренная, что она не только приметъ ее, но и поможетъ ей во многомъ на первыхъ порахъ ея новой, самостоятельной жизни.

Извозчикъ везъ-везъ по замерзшей грязи, и, наконецъ, привезъ. Большой многоэтажный домъ, во всѣхъ окнахъ темно, подъѣздъ запертъ, ворота тоже, и прислоненный къ нимъ, на старомъ чурбанѣ, неизмѣнный дворникъ, закутанный съ головой въ тулупъ и храпящій чуть ли не на всю улицу.

Долго будила его маленькая княжна. Сначала она звала его заискивающимъ, тономъ, почти нѣжно, только это не привело ни къ чему, и она разсердилась.

-- Да вставай же! что ты спишь!.. Какой ты нехорошій... какъ тебѣ не стыдно! я... полицейскому офицеру буду жаловаться!-- почти кричала она у самага отверстія тулупа, откуда исходилъ храпъ.

Наконецъ, дворникъ, только вовсе не отъ ея криковъ, бывшихъ для него не страшнѣе жужжанія мухи, а просто самъ со-

бою, проснулся.

Онъ поглядѣлъ изъ отверстія тулупа, лѣниво всталъ на ноги, зѣвнулъ и произнесъ:

— Кого вамъ? Чего кричите-то? Нешто я сплю... Кого вамъ?

— Гдѣ тутъ квартира госпожи Хазенклеверъ?

— Такой у насъ въ домъ не значитсѣ... нѣтути!-- объявилъ дворникъ, поспокойнѣе усѣлся на свой чурбанъ и спряталъ голову въ тулупъ.

Ninette пришла въ отчаяніе. Она опять готова была плакать.

— Какъ нѣтъ?!-- то сердито, то вдругъ переходя къ самымъ жалобнымъ тонамъ объясняла она.-- Да я навѣрно знаю, что она здѣсь, въ этомъ домъ No 30 живетъ... Только вотъ гдѣ ея квартира, какъ пройти къ ней?.. Ты обязанъ знать и указать мнѣ!.. Хазенклеверъ, понимаешь, Хазенклеверъ!

— Такъ вы, такъ бы и говорили,--вдругъ сказалъ дворникъ:-- это нѣмка, она самая и есть... Она-то у насъ живетъ?.. Такъ бы и говорили... Двадцать седьмой номеръ, во дворъ, вторая дверь направо, въ четвертомъ этажѣ.

Тутъ она и есть, нѣмка.

Онъ лѣниво поднялся, отперъ желѣзную калитку въ воротахъ и впустилъ княжну.

Она очутилась подъ длиннымъ сводомъ, въ полкой темнотѣ и тишинѣ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, съ замирающимъ сердцемъ, почти ощупью выбралась она во дворъ, таща свой тяжелый чемоданчикъ. На дворъ было немного освѣтлѣе, такъ что отыскать вторую дверь направо не представлялось особенно труднымъ. Но восхожденіе съ чемоданчикомъ на четвертый этажъ, по темной лѣстницѣ, оказалось совсѣмъ невозможнымъ. Княжна было попробовала, да сейчасъ же и вернулась опять во дворъ. Она сообразила, что если даже и побѣдить въ себѣ ужасъ, паническій страхъ, возбуждаемый въ ней неизвѣстностью и темнотою, если даже и сможетъ когда-нибудь дотащить чемоданчикъ въ четвертый этажъ, какъ же она найдетъ дверь, двадцать седьмого номера?

Она вернулась въ черную бездну длиннаго свода и, добравшись до воротъ, принялась своими кулаченками что есть силы стучать въ нихъ.

-- Дворникъ, дворникъ! встань, пойдѣ сю-
да, мнѣ очень-очень тебя надо!-- кричала она.

Дворникъ не шевелился.

-- Вотъ, на тебѣ, возьми рубль... Проводи
меня въ двадцать седьмой номеръ. Пожалуй-
ста, возьми!

Калитка быстро отперлась. Дворникъ шаг-
нулъ въ нее, побарахтался въ своемъ тулупѣ
и зажегъ невѣдомо откуда взявшійся фонарикъ.

Дрожащими руками вынула маленькая
княжна свой кошелекъ, нашла рубль и пода-
ла его дворнику.

Тотъ принялъ, разглядѣлъ бумажку у фо-
нарика и произнесъ:

-- Пожалуйста!

Княжна почувствовала приливъ необык-
новенной храбрости.

-- Снеси вотъ это!-- сказала она, передавая
дворнику чемоданчикъ.

-- Ладно!-- не безъ благосклонности
отвѣтилъ онъ и пошелъ впередъ.

Наконецъ, всѣ препятствія уничтожены.
Цѣль достигнута Восхожденіе на четвертый
этажъ по крутой лѣстницѣ совершено.

-- Вотъ онъ и есть, двадцать седьмой нумеръ, звоните шибче,-- объявилъ дворникъ и тотчасъ же сталь спускаться съ своимъ фонарикомъ.

Опять темнота. Княжна ухватила за ручку звонка и дернула ее изо всей силы.

«Спать всѣ, разумѣется... Это безсовѣстно такъ будить... Но что-жъ сдѣлать... пусть проснутся!» -- подумала она и опять дернула.

Она хотѣла ужъ дернуть и въ третій разъ, какъ заспанный тоненькій голосокъ за дверью спросилъ:

-- Кто тутъ?

-- Ольга Николаевна дома?

-- Барышня-то? Да онъ ужъ спить, все теперь спать... ночь.

-- А мнѣ все же надо ее видѣть, по самому важному дѣлу... и я буду звонить до тѣхъ поръ, покуда вы мнѣ не отопрете,-- рѣшительно объявила маленькая княжна.

За дверью наступила тишина и продолжалась такъ невыносимо томительно, что звонокъ опять зазвонилъ, только ужъ не одинъ разъ, а нѣсколько разъ сряду.

-- Господи! что такое, что случилось, кому

меня надо?-- разслышала Нина знакомый голосъ.

-- Это я, Ольга, впустите, пожалуйста... Это я, неужели не узнаете?.. Я... Нина!..

Дверь отворилась, и княжна увидѣла свою пріятельницу, озаренную свѣчкой, въ сѣренькой, коротенькой юбочкѣ, въ большомъ шерстяномъ платкѣ на плечахъ и съ такими изумленными глазами, какихъ у нея еще никогда не бывало.

Ольга Травникова, спросонья, отъ изумленія и неожиданности не могла выговорить слова. Она молча глядѣла, какъ княжна эта тащила свой чемоданчикъ. Она отворила дверь въ первую комнату, пропустила Нину, вошла за нею со свѣчкой, заперла дверь, поставила свѣчку на столъ, и только ужъ тогда къ ней вернулся даръ слова.

-- Нина... Я ничего не понимаю... Откуда вы? Что все это значить?-- проговорила она какъ въ бреду.

Княжна обняла ее, поцѣловала и шепнула ей на ухо, боясь, что дѣвочка, стоящая за дверью, услышитъ:

-- Я убѣжала изъ дому... понимаете,

совсѣмъ убѣжала, навсегда... никогда больше
но вернусь къ нимъ... Могу я переночевать у
васъ?.. Больше мнѣ негдѣ...

Ольга Травникова открыла ротъ, да такъ и
стояла. Наконецъ, она поняла.

-- Это умно!-- дѣлая серьезное лицо и хмуря
брови, сказала она.-- Давно пора выбратъся
изъ-подъ гнета... Только я этого отъ васъ ни-
какъ не ожидала, я считала васъ неспособ-
ной... лишенной характера и силы воли! Я
ошиблась... Нина, я васъ уважаю!..

V.

Маленькая княжна не могла, однако, въ эту
минуту остаться на достодожной вы-
сотѣ. вмѣсто того, чтобы проникнуться радо-
стью и гордостью при извѣстїи о томъ, что
Ольга Травникова ее «уважаетъ»,-- она вдругъ
выказала не «характеръ и силу воли», а по-
зорную слабость. Слишкомъ долго напряжен-
ные ея нервы не выдержали. Она, какъ была,
въ пальто и шляпкѣ, сѣла на оказавшійся ря-
домъ съ нею диванчикъ и громко заплакала.

Ольга Травникова сдѣлала гримаску и отъ
видимаго неудовольствїя передернула, подѣ

своимъ платкомъ, плечами.

-- Вотъ тебѣ разъ!-- сказала она.-- вмѣсто того, чтобы радоваться и смѣяться, вы въ ревъ пустились... Перестаньте же... что съ вами!... нечего нервничать изъ-за пустяковъ...

Нина подавила свои громкія рыданія, но слезы неудержимо лились изъ ея глазъ. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Тогда Ольга подошла къ столу, зажгла другую свѣчку, скрылась рядомъ въ комнату и вернулась, неся стаканъ воды.

-- Выпейте, Нина, и перестаньте плакать,-- суровымъ тономъ, вовсе не подходившимъ къ ея наивно изумленнымъ глазамъ, вздернутому носику и добродушному складу губъ, произнесла она:-- возьмите себя въ руки... стыдитесь такого малодушія.

Княжна покорно выпила воду, отерла глаза душистымъ платочкомъ и глубоко вздохнула.

-- Простите,-- сказала она:-- я такъ ужасно устала, такъ измучилась... больше не буду...

Она черезъ силу, храбрясь, улыбнулась Ольгѣ и прибавила:

-- Такъ можно мнѣ у васъ переночевать? Я

вась не стѣсню?

-- Вотъ вопросъ!-- воскликнула та.-- Я очень вамъ благодарна, что вы обо мнѣ подумали и, надѣюсь, буду достойна вашего довѣрія!.. Я ни о чемъ не стану васъ спрашивать, успокойтесь сначала... да и потомъ, коли хотите, коли вамъ тяжело это, такъ и не говорите. Я не изъ любопытныхъ...

Она помогла Нинѣ снять пальто, снесла его въ переднюю.

-- Вы чего же здѣсь торчите, Саша?-- говорила она дѣвчкѣ, переминавшейся съ ноги на ногу у двери и сгоравшей любопытствомъ.-- Ступайте спать.

-- А можетъ, что-нибудь понадобится?-- жалобно пропищала Саша.-- Гостья, вѣдь, будутъ ночевать...

-- Ничего, ничего не надо, гдѣ ужъ тутъ, часъ-то какой!.. Идите спать скорѣе, я постель сама устрою... Да идите же!..

Дѣвочка неохотно скрылась изъ передней въ маленькій темный коридорчикъ, гдѣ на двухъ сундукахъ было устроено ея неприхотливое ложе.

Тогда Ольга внесла въ комнату Нининѣ че-

моданчикъ, заперла за собой дверь на ключъ и объявила:

— Ну, теперь все въ порядкѣ, остальное не суть важно! Сейчасъ я вамъ устрою постель, вотъ здѣсь, на диванчикѣ. Онъ, конечно, послѣ вашихъ пружинокъ и пуховичковъ неахтителенъ, и даже вотъ одинъ мой знакомый его почему-то «успокоительнымъ рожномъ» обзываетъ; но это ничего... Я покажу вамъ, какъ надо на немъ лежать... тутъ, дѣйствительно, одна пружина какъ-то странно торчать стала... А то вотъ что: спите-ка вы на моей кровати, а я здѣсь лягу...

— Ни за что! ни за что!-- очнувшись крикнула Нина.-- Мнѣ здѣсь будетъ отлично, вѣдь, я маленькая, свернусь клубочкомъ... Да и спать мнѣ совсѣмъ не хочется, врядъ ли я засну эту ночь.

— Ну, хорошо,-- тотчасъ же согласилась Ольга, вспомнивъ, что и на ея кровати съ матрацемъ происходитъ что-то неладное:-- а знаете ли, вѣдь, и мнѣ совсѣмъ спать не хочется. Такъ ужъ вы меня удивили!.. Я спала, какъ убитая. Саша, эта вотъ наша дѣвочка, едва меня добудилась... а теперь я окончательно

разгулялась. Поѣсть бы вотъ намъ чего-нибудь, я думаю вы проголодались?

-- Богъ съ вами, мнѣ объ ѣдѣ противно и вспомнить,-- отозвалась княгиня, отпирая свой чемоданчикъ.-- Лягу я здѣсь, вотъ вещи мои, милая Ольга, позвольте мнѣ разобрать въ вашей спальнѣ.

-- Конечно... давайте я помогу вамъ... Чаю бы? а? Вы озябли? Только нѣтъ, теперь объ этомъ нечего и думать, ставить самоваръ... моя нѣмка такую исторію подыметъ!..

Онѣ прошли въ Ольгину спальню

Какъ ни была истомлена и разстроена маленькая княжна, она замѣтно оживилась. Да и обильныя слезы подѣйствовали освѣжающимъ образомъ.

Она оглядѣлась и увидѣла себя въ небольшой комнатѣ. Ей бросились въ глаза унылыя сѣренькіе обои, на которыхъ, даже и при слабомъ мерцаніи одной свѣчки, въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись крупныя жирныя пятна. Единственное окно, ничѣмъ не задрапированное, холодно чернѣло изъ-за пыльной полуспущенной шторы. Передъ окномъ стоялъ покосившійся ломберный столъ,

а на немъ зеркало въ сломанной деревянной рамѣ, щетка, двѣ гребенки и большая открытая коробка отъ конфетъ, наполненная шпильками, булавками, нитками и старыми ленточками.

Въ глубинѣ комнаты помѣщалась желѣзная кровать, рядомъ съ нею маленькій, дешевый умывальникъ, дальше платяной шкафъ рыночной работы. По другую сторону неуклюже выступалъ огромный старый комодъ краснаго дерева. Ободранное клеенчатое кресло и три стула довершали меблировку.

На темномъ крашеномъ полу съ обозначающимися половицами, въ разныхъ мѣстахъ комнаты, стояли одна на другой большія и маленькія картонки; тутъ же валялись ботинки, грязныя калоши, а кресло было завалено платьемъ и бѣльемъ.

Нина вспомнила комнату Ольгиной бабушки у нихъ въ домѣ, уютную, блестящую отъ чистоты комнату, гдѣ предъ старымъ кіотомъ съ образами горѣла неугасимая лампада.

-- Что это какой у васъ тутъ беспорядокъ!--

со своюю обычной прямою и живостью воскликнула она.

Ольга усмѣхнулась, бросила шерстяной платокъ на кровать, прикрыла обнаженные плечи ситцевой кофточкой и отвѣтила:

-- Вотъ! а вы у меня порядку и чистоты захотѣли! Это бабушка по десяти разъ на дню убирала и чистила свою комнату, такъ, вѣдь, ей другого нечего было и дѣлать. А я, признаться, даже и не вижу, что такое вокругъ меня, некогда этими пустяками заниматься. Лакеевъ и горничныхъ у меня нѣтъ, Саша или занята на кухнѣ, или куда-нибудь послана, или у нея голова болитъ, кто-жъ мнѣ будетъ прибирать да чистить... Да и зачѣмъ это! Лишь бы достигать прогресса въ своемъ интеллектуальномъ развитіи, а остальное не суть важно!

-- Какъ вы сказали?-- изумленно переспросила княжна.-- прогресса въ своемъ интеллектуальномъ развитіи? Это что-жъ значить? Читать, учиться, размышлять?

-- Ну да, конечно!-- съ жаромъ отвѣтила Ольга.-- Нельзя же жить инстинктивно, необходимо уяснить себѣ смыслъ жизни, задачи

человѣчества. Надо отдать всего себя на служеніе человѣчеству, только тогда можно надѣяться на жизнь вѣчную, то есть, жизнь въ человѣчествѣ.

Она выдвинула одинъ изъ ящичковъ комода, взяла въ охапку все, что тамъ заключалось, бросила на кровать и прибавила:

-- Вотъ вамъ ящикъ, онъ большой, глубокой, кладите въ него ваши вещи.

-- Благодарю, Ольга, очень, очень благодарю!

VI.

Нина стала раскладывать свои чемоданчики и въ то же время мысленно повторяла слова пріятельницы.

-- Какъ вы стали трудно выражаться,-- наконецъ, заговорила она:-- или это у меня такъ голова болитъ, что сразу не понимаю простыхъ вещей... Вы сказали, что надо отдать свою жизнь ближнимъ? Какъ это хорошо, какъ я рада, что вы такъ думаете, милая, милая Ольга! Я тоже думаю, что если не любить ближнихъ, если не стараться сдѣлать для нихъ все... все, что можно, что, въ силахъ,-- лучше и

не жить... Только вотъ я не понимаю... мнѣ показалось, у васъ такъ вышло, будто вѣчная жизнь, жизнь послѣ смерти тѣлесной, только и всего, что одинъ слѣдъ добра, которое человѣку удалось сдѣлать на землѣ своимъ ближнимъ.

-- А то еще чего же вамъ надо!-- воскликнула Ольга: -- Личнаго райскаго блаженства что ли? Личной награды за добрыя дѣла? Откажитесь скорѣе отъ этого стараго, отъ этого... пагубнаго заблужденія! Единственный существующій рай, это жизнь въ человѣчествѣ!

Нина забыла даже о своихъ вещахъ, стояла предъ разрытымъ чемоданчикомъ и во всѣ глаза глядѣла на Ольгу.

-- Какъ заблужденія?-- растерянно повторяла она.-- Какъ заблужденія?! Да, вѣдь вы... вы въ Бога и загробную жизнь перестали вѣрить, вы отказываетесь отъ христіанства!

-- Я? Никогда!-- вся вспыхивая, перебила ее Ольга.-- Я именно послѣдовательница истиннаго христіанства... Только теперь я не буду объяснять... Къ тому же, признаюсь откровенно, я сама еще вдумываюсь и выясняю себѣ

все это.... Я боюсь, что буду для васъ темно выражаться, и вы меня не поймете. Вамъ нуженъ болѣе меня опытный и краснорѣчивый учитель... Вотъ завтра я познакомлю васъ съ Евгеніемъ... Петровичемъ Вейсомъ...

-- Кто это?-- спросила Нина.

-- Онъ русскій, у него только фамилія нѣмецкая,-- воодушевляясь и съ новымъ блескомъ въ своихъ изумленныхъ глазахъ объясняла Ольга.-- Это замѣчательный человѣкъ, хоть ему всего двадцать четыре года... Вотъ сила воли и любовь къ человѣчеству! Онъ отказался отъ всего, ушелъ отъ всякаго земного зла, ограничилъ свои потребности до минимума... и отдаетъ всего себя служенію человѣчеству... Ахъ, вотъ вы даже не слышали о немъ, а его имя извѣстно...

-- Что-жъ онъ такое: ученый, писатель?

Ольга разгоралась больше и больше. Она внезапно вся преобразилась, и въ наивномъ, пухленькомъ лицѣ ея мелькнуло страстное, восторженное выраженіе, сдѣлавшее ее очень привлекательной.

-- Онъ писатель... съ огромнымъ талантомъ! Ему предстоитъ,-- въ этомъ не можетъ

быть сомнѣнія,— великая будущность. Конечно, теперь онъ недавно еще началъ... но умные люди уже давно обратили на него вниманіе и высоко его цѣнятъ... Онъ покуда печатаетъ свои маленькіе рассказы и статьи въ «Столичномъ Листкѣ» и въ журналѣ «Міръ». Но это только покуда! Онъ пишетъ теперь большую повѣсть: «Смысль жизни»... Ахъ, еслибы вы только знали, какая это глубокая, художественная вещь! А его маленькіе рассказы! Маленькіе, коротенькіе-коротенькіе, и въ каждомъ масса содержанія, цѣлое откровеніе! Непремѣнно вамъ слѣдуетъ скорѣе прочесть ихъ... они у меня всѣ собраны... я вамъ ихъ дамъ...

— Я прочту ихъ съ удовольствіемъ,— перебила ее Нина и лукаво прищурила свои синіе глаза:— а покуда я скажу вамъ вотъ что: вы ужасно-ужасно влюблены въ этого господина!

Ольга совсѣмъ покраснѣла и растерянно глядѣла на княжну.

— Откуда вы это взяли?.. Вовсе нѣтъ...— шептала она.

— Перестаньте... не притворяйтесь, это къ

вамъ не идетъ, и вы совсѣмъ не умѣете при-
творяться. Вѣдь, вы знаете -- я вашъ другъ, я
васъ очень люблю, и вы можете быть съ мной
откровенны.

-- Нѣтъ, да откуда вы взяли?-- слабо защи-
щалась Ольга.

Маленькая княжна подошла къ ней, обня-
ла ее и стала ласкаться.

-- Миленькая вы моя! Ну-ка посмотрите
мнѣ въ глаза! а! что не можете! Откуда я взя-
ла? Да, вѣдь вы сами сейчасъ мнѣ очень внят-
но сказали, каждымъ вашимъ словомъ... вотъ
и теперь, теперь говорите!

-- Ну, Нина... я никогда... никому... вы пер-
вая... да, я люблю его...

Она такъ крѣпко обняла и сжала Нину,
будто это была не маленькая княжна, а самъ
Евгеній Петровичъ Вейсъ.

-- А онъ... онъ васъ любитъ?

-- Да, конечно!

-- Ахъ, значитъ, это очень серьезно! Дай ва-
мъ Богъ счастья!-- воскликнула Нина, громко
цѣлуя раскраснѣвшуюся дѣвушку.-- Когда же
ваша свадьба? Скоро?

-- А вотъ, какъ только онъ окончитъ

«Смысль жизни», мы и отпразднуемъ свадьбу... Теперь ужъ скоро!

Она вдругъ успокоилась, сдѣлалась сосредоточенной и даже сдвинула брови.

— У меня сначала были совсѣмъ другія мысли,— говорила она, помогая Нинѣ разбираться и укладывать вещи въ комодъ:— мнѣ казалось, что женщина, для того, чтобы завершить свое интеллектуальное развитіе и стать полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, должна быть свободна, не связана ни мужемъ, ни дѣтьми. Помните, я часто вамъ и говорила, что ни за что не выйду замужъ, что я врагъ всяческихъ узъ. Вы еще смѣялись и увѣряли, что я такъ рассуждаю «до перваго красиваго случая».

— Вотъ видите, какъ я была права!— весело перебила Нина.

— Ничуть не правы! Неужели вы думаете, что я позволила бы себѣ увлечься Евгениемъ, и все такое, еслибъ это шло въ разрѣзъ съ основными моими убѣжденіями, съ принципомъ, бывшимъ знаменемъ моей жизни?! О! вы меня не знаете! Я отлично сумѣла бы подавить въ себѣ все ради принци-

па!... Но Евгеній мнѣ доказалъ невѣрность моего взгляда.

-- А вы такъ сейчасъ ему и повѣрили!-- не утерпѣла Нина.

-- Я не ему повѣрила, а нашему съ нимъ общему великому учителю.

-- Кому? Какому великому учителю?-- удивленно спросила княжна; но сейчасъ же прибавила:-- ахъ, зачѣмъ вы такъ? Отчего такъ вычурно, а не просто: Христу Спасителю?

-- Да я вовсе не о Христѣ!-- поднимая брови и дѣлая свои всегдашніе изумленные глаза, сказала Ольга.-- У насъ въ Россіи одинъ только великій учитель, одинъ титанъ мысли -- Левъ Толстой! Только его одного можно назвать великимъ учителемъ, потому что до него ученіе Христа было мертвою буквой, и онъ первый, первый, почти черезъ два тысячелѣтія, открылъ истинный смыслъ этого ученія и объяснилъ его міру!

-- Какъ вамъ не стыдно говорить такой вздоръ!-- приходя въ негодованіе, воскликнула Нина.-- Какъ! Съ первыхъ временъ христіанства и до сегодня, никто на всемъ свѣтѣ не понималъ Евангелія, не былъ насто-

ящимъ христіаниномъ... и одинъ только Левъ Толстой, одинъ... первый?!

-- А вы бы лучше не спорили о томъ, чего не знаете,-- обиженно и задорно возразила Ольга:-- вы, вѣдь, не читали, а я читала, сама читала, и всѣ это знаютъ -- онъ самъ написалъ, въ своихъ объясненіяхъ, что до него никто не понималъ, а онъ первый понялъ и объяснилъ... Вѣдь, вы не читали, такъ вотъ сначала прочтите, тогда и толковать будемъ.

Нина замолчала, смущенная и ровно ничего не понимая.

«Всѣ знаютъ, онъ самъ написалъ, и объяснилъ -- что же все это значить и развѣ это можетъ быть?!»

Ольга, успокоясь, говорила, закрывая глаза и тономъ вытверженнаго урока:

-- Великій учитель открылъ мнѣ глаза, и я поняла, что не имѣю права отказываться отъ своего призванія. Призваніе каждаго человѣка, мужчины и женщины (о! я наизусть знаю всѣ эти слова его!), состоитъ въ томъ, чтобы служить людямъ. Служеніе человѣчеству само собою раздѣляется на двѣ части: одно -- увеличеніе блага въ существую-

цемъ человѣчествѣ, другое -- продолженіе самаго человѣчества. Ко второму призваны преимущественно женщины, такъ какъ исключительно онѣ способны къ нему. Это его слова. Потомъ онѣ говорятъ, что если женщина исполняетъ свое призваніе, состоящее въ рожденіи, кормленіи и воспитаніи дѣтей, продолжателей человѣчества, то она чувствуетъ, что дѣлаетъ то, что должно, и возбуждаетъ къ себѣ любовь и уваженіе другихъ людей, потому что исполняетъ предназначенное ей по ея природѣ. Потомъ онѣ говорятъ, что если женщина, имѣющая, по своему естеству, малое число обязанностей, хоть онѣ и глубже мужскихъ, измѣнитъ одной изъ нихъ, то она тотчасъ же нравственно падаетъ ниже мужчины, измѣнившаго девяти изъ своихъ сотни обязанностей. Таково всегда было общее мнѣніе и таково оно всегда будетъ, потому что такова сущность дѣла. Это его слова! Онѣ говорятъ еще, что служеніе женщины только черезъ дѣтей, что видѣть молодую, женщину, способную имѣть дѣтей, занятую мужскимъ трудомъ, всегда будетъ жалко, такъ какъ она можетъ произвести то, выше

чего ничего нѣтъ -- человѣка. И только одна она можетъ это сдѣлать...

-- Какъ же вы всегда смѣялись надъ тѣми женщинами, которыя забываютъ всѣ общіе интересы и думаютъ только о семьѣ, о дѣтяхъ? Вы ихъ называли няньками и кухарками, вы презирали ихъ... Помните, вы говорили, что онѣ неразвиты, тупы и глупы?-- спрашивала Нина.

Ольга сдѣлала недовольную мину.

-- Ну что-жъ, и говорила! Мнѣ такъ казалось, а выходитъ, что совсѣмъ иначе, потому что, если онѣ пишетъ, значитъ такъ оно и есть. Это очень жаль, что призваніе женщины такое узкое, но все же, вотъ видите, оно глубже мужского. Мужчина не можетъ произвести на свѣтъ ребенка, женщина же можетъ -- и только одна она, а ребенокъ продолжатель челоѣчества, дороже его ничего нѣтъ въ мірѣ. Развѣ не такъ?

-- Разумѣется, это такъ,-- помолчавъ, согласилась Нина.

-- Къ тому же, онѣ вовсе не лишаетъ женщину интеллектуальнаго развитія и того, что онѣ называетъ мужскимъ трудомъ, продол-

жала Ольга:-- женщина можетъ заниматься своимъ развитіемъ, пока у нея нѣтъ дѣтей, и вернуться къ умственному труду, когда у нея перестануть рождаться дѣти.

-- А тѣ, которыя не выходятъ замужъ или у кого нѣтъ дѣтей?

-- Тѣмъ, конечно, предоставлена свобода участвовать въ мужскомъ трудѣ, но онъ говоритъ: нельзя будетъ не жалѣть о томъ, что такое драгоцѣнное орудіе, какъ женщина, видите: драгоцѣнное орудіе!-- что она лишилась возможности исполнять ей одной свойственное, великое, замѣтьте -- великое -- назначеніе. Значить, мы должны, сдѣлать все въ мірѣ, чтобы найти мужа и имѣть дѣтей. Вы согласны съ этимъ?

-- Знаете, пожалуй, это и такъ!-- сказала Нина.

-- Еще бы не такъ! Развѣ онъ можетъ ошибаться?-- каждое его слово -- великая, святая истина! Оттого я и полюбила Евгенія, позволила себѣ полюбить его, и ужасно хочу имѣть дѣтей, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и скорѣе! Въ этомъ все,-- а остальное не суть важно!

Она задумалась и нѣсколько мгновений

стояла, опустивъ руки, съ какимъ-то новымъ и непонятнымъ для Нины выраженіемъ лица. Потомъ она какъ бы очнулась и тряхнула своею толстою, растрепавшеюся косою.

— Однако, все же спать надо!-- медленно произнесла она.-- Смотрите, совсѣмъ свѣтло... утро! Вотъ, ваши вещи уложены... я сейчасъ устрою вамъ постель... Завтра наговоримся... и вы увидите Евгенія; надѣюсь, онъ вамъ понравится... онъ такой милый, умный, такъ много въ немъ таланта и силы воли! Онъ достойный ученикъ нашего великаго учителя!...

VII.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда Нина браздѣлась и улеглась на диванчикъ, выслушавъ отъ Ольги обстоятельное наставленіе, какъ надо лежать на немъ, не вступая въ непріятную борьбу съ лопнувшей и торчавшей пружиной.

Сначала маленькой княжнѣ казалось, что она совсѣмъ не заснетъ. Ей было неловко и холодновато, хоть она и прикрылась, сверхъ плѣда, принесеннаго Ольгой, еще и своимъ мягкимъ, теплымъ пальто. Цѣлый вихрь мыс-

лей и впечатлѣній клубился въ ея затуманившейся головѣ. Она старалась сосредоточиться на чемъ-нибудь; но никакъ не могла этого.

Ей не было теперь ни грустно, ни весело, она ни о чемъ не сожалѣла и ничего не боялась.

Широко раскрытыми глазами, въ которыхъ застыло выраженіе усталости, она безучастно, почти безсознательно глядѣла вокругъ себя на неуютную, запыленную обстановку комнаты. Она видѣла посѣрѣвшія кисейныя занавѣски двухъ оконъ, старые обои шоколаднаго цвѣта съ крупными разводами, въ причудливыхъ завиткахъ которыхъ ей представлялись странныя лица и фигуры. Она видѣла между оконъ небольшой письменный столъ, заваленный бумагами, газетами и коробками, а надъ нимъ привѣшенную этажерку съ книгами. Ей то-и-дѣло бросались въ глаза двѣ буро-зеленыя олеографіи въ тоненькихъ и облупившихся багетныхъ рамахъ.

Вся эта совсѣмъ непривычная постановка, а главное, ея неряшливость производили въ ней чисто-физическое ощущеніе чего-то холоднаго, жесткаго и противнаго.

Но вотъ глаза ея стали смыкаться, и она за-
снула.

Объ молодыя дѣвушки спали крѣпко и
проснулись только въ одиннадцатомъ часу.

Такъ какъ Ольгѣ Травниковой,-- послѣ ноч-
ной работы надо, большимъ срочнымъ пере-
водомъ или слишкомъ долгой, далеко за-пол-
ночь, душеспасительной бесѣды съ Евгеніемъ
Вейсомъ о новосозданномъ христіанствѣ,--
случалось иной разъ просыпаться даже около
полудня, то и на сей разъ Генріетта Богданов-
на Хазенклеверъ не была нисколько удивле-
на. Однако, дѣвочка Саша, терзаемая любо-
пытствомъ скорѣе и хорошенько познако-
миться съ гостьей, нѣсколько разъ подбира-
лась къ двери, прислушивалась и старалась
хоть что-нибудь разглядѣть въ замочную
скважину. Ничего не видя и не слыша, она
возвращалась въ кухню, гдѣ у плиты уже во-
зилась Генріетта Богдановна. Въ половинѣ
одиннадцатаго она даже не могла утерпѣть и
печаль нымъ голоскомъ объявила:

-- Спать-съ!

Генріетта Богдановна, пожилая особа, сред-
няго роста и пропорціональнаго сложенія,

безъ особыхъ примѣтъ, кромѣ бѣльма на правомъ глазу и обычая ходить до обѣда, ради удобства, въ кофточкѣ съ открытымъ воротомъ и совсѣмъ короткими, «бальными рукавами», неодобрительно на нее взглянула.

-- А ты нэшево шмигаль,-- вразумительно проговорила она:-- ты лючша кастрюль и посудъ помой; будутъ просыпай, такъ тебѣ звонки дадутъ.

-- Да, вѣдь, тамъ, Генриетта Богдановна, гостья, такая маленькая, хорошенькая и нарядная барышня!-- страстно объясняла Саша, стараясь поднять госпожу Хазенклеверъ на высоту своего любопытства и нетерпѣнія.

Но та методически и невозмутимо распоряжалась у плиты

-- Тебѣ штой за тѣло! На вотъ пять копѣкъ, спѣгай въ лавочка за лимонъ.

Саша вздохнула, накинула на голову старый шерстяной платокъ и выбѣжала на лѣстницу. Съ лѣстницы она слетѣла такъ стремительно, что даже не замѣтила, какъ на площадкѣ второго этажа сидѣвшіе другъ передъ другомъ котъ и кошка въ ужасѣ отскочили отъ нея, приняли оборонительныя позы

и подняли хвосты трубой. Когда она вернулась съ лимономъ, Генріетта Богдановна объявила ей, что «баришне звонка давалъ».

Со всѣхъ ногъ кинулась Саша въ «лютішія» комнаты и была вознаграждена за всѣ терзанія. Она прямо очутилась передъ Ниной, только что умывшейся и расчесывавшей свои великолѣпные, блѣдные и блестящіе какъ шелкъ волосы. Саша не только на-яву, но и во снѣ никогда не видала такихъ волосъ, такихъ синихъ глазъ, такого хорошенькаго, ласковаго лица и такихъ нѣжныхъ ручекъ, какъ у этой барышни. Она остановилась совсѣмъ очарованная и стояла, блаженно улыбаясь во весь ротъ, показывая всѣ свои бѣлые, еще деревенскіе зубы.

Черезъ двѣ-три минуты она влетѣла въ кухню и, запыхавшись, шептала:

-- Ну, Генріетта Богдановна, пожалуйста скорѣе кофію... Барышня-то какая! раскрасавица, волосы-то что, твой лень, длинные-длинные... ну, ужъ и барышня! Только малю-ю-сенькая... ручки, вотъ! Нарядная-пре-нарядная... Кофію-то пожалуйста!

-- Бери поднось,-- степенно отозвалась

Генриетта Богдановна,

На поднось, поданный Сашей, она поставила кофейникъ, двѣ чашки, молочникъ съ синеватыми «сливками» и проволочную корзиночку съ крендельками. Саша торжественно понесла все это, не забывъ на ходу очень ловко поймать зубами съ корзиночки кренделекъ и съ поразительной быстротой его уничтожить.

Подавъ кофе, она ушла; но тотчасъ же вернулась съ ушатомъ воды, потомъ со щеткой и пыльной тряпкой. Она выказала такое рвеніе, какого до этого дня Ольга Травникова за ней никогда не замѣчала. Убирая, стирая пыль, кидаясь изъ угла въ уголь, она то и дѣловывалась въ Нину восторженнымъ, благоговѣйнымъ взглядомъ, будто собираясь на нее молиться. Наконецъ, Ольга нашла нужнымъ удалить ее, сказавъ, что больше никакихъ услугъ отъ нея не потребуется.

Нина чувствовала теперь себя отдохнувшей, и къ ней вернулась бодрость духа. По окончательномъ удаленіи Саши, она рассказала пріятельницѣ главныя свои бѣды и обратилась къ ней съ вопросомъ:

-- Что же вы мнѣ теперь посовѣтуете?

-- Быть твердой въ своемъ рѣшеніи и ни за что домой не возвращаться,-- отвѣтила Ольга.

Маленькая княжна даже немного обидѣлась.

-- Я не комедію играю,-- сказала она:-- домой я больше не вернусь. Я ихъ осрамила, опозорила, и мнѣ тамъ нѣтъ мѣста. Я не могу ужъ никогда жить такъ, какъ жила прежде и буду жить по новому. Когда они успокоятся, то поймутъ мой поступокъ и увидятъ, что иначе я не могла сдѣлать, какъ уйти, и что это для нихъ гораздо лучше.

-- А если они васъ будутъ требовать силой?

-- Я все равно не пойду, со мной не легко справиться, хоть я и маленькая. Да какъ же они узнаютъ, гдѣ я? Нѣтъ, Ольга, вы меня не поняли, я не спрашивала, что мнѣ дѣлать потомъ. я должна рѣшить покуда одно: что мнѣ дѣлать сегодня, завтра?

-- Завтра увидимъ, а сегодня самое лучшее цѣлый день просидѣть вотъ здѣсь, со мною. Я тоже весь день останусь дома, а вечеромъ придетъ Евгеній.

-- Развѣ у васъ нѣтъ занятій? А уроки?--

удивленно спросила маленькая княжна.

Ольга не то безнадежно, не то презрительно махнула рукою.

-- Было у меня два урока,-- сказала она;-- одинъ на десять, а другой на двѣнадцать рублей въ мѣсяць, измучилась я только съ ними, а толку никакого не вышло. Въ одномъ домѣ мальчикъ-полуидіотъ, какъ ни долби ему, ровно ничего не понимаетъ. Въ другомъ домѣ двѣ дѣвочки-гимназистки, съ ними я репетировала по вечерамъ. Такъ обѣ онѣ теперь лежатъ въ скарлатинѣ.

-- А переводы? Вѣдь, вы мнѣ писали, что занимаетесь переводами въ журналахъ?

-- Ахъ, это чистое мученье! Знаете ли, что дѣлается? Тутъ есть одинъ господинъ -- Шуликовъ, очень слабая личность! Онъ сотрудничаетъ въ разныхъ изданіяхъ и поставляетъ переводы, только онъ дѣлаетъ ихъ не самъ, а раздаетъ разнымъ лицамъ. Вотъ и мнѣ Евгеній добылъ отъ него работу, съ французскаго. Большая книга... я трудилась надъ нею три мѣсяца, иногда почти цѣлыя ночи напролетъ не разгибаясь сидѣла. И какъ бы вы думали, за сколько?-- по три рубля за печатный

листь! Это шестнадцать большихъ страницъ!.. Да и то едва-едва получила.

Нина соображала, рассчитывала и глядѣла на нее изумленными, почти испуганными глазами.

-- Потомъ я пошла по публикаціямъ въ газетахъ,-- продолжала Ольга:-- въ пяти мѣстахъ была и... вѣдь, это ужасъ! Во всѣхъ пяти мѣстахъ оказалось, что нужны совсѣмъ не уроки, а... другое!

Она закрыла лицо руками и прибавила:

-- Боже мой, что я вынесла... отъ одного негодяя едва убѣжала! Никогда ужъ не повѣрю никакой публикаціи! Нина не поняла, о чемъ это «другомъ» говоритъ Ольга, но сообразила по ея тону, что это должно быть очень дурное и стыдное, а потому не рѣшилась спросить ее, хоть и хотѣла бы знать, въ чемъ именно дѣло.

Одно она видѣла ясно: Ольга потерпѣла крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ на «разумный трудъ и самостоятельную дѣятельность», о которыхъ она такъ много ей говорила еще до смерти своей бабушки.

-- Предлагалъ мнѣ одинъ знакомый выхло-

потать мѣсто въ телефонныя барышни,— вдругъ сказала Ольга.

-- Въ телефонныя барышни?-- переспросила маленькая княжна.

-- Да, только всѣ стали отсовѣтывать, потому что это очень нервы разстраиваетъ... Съ этимъ «алло» вѣчная путаница, трудно соединить правильно, телефоны то и дѣло портятся, выходятъ всякія недоразумѣнія, непріятности, и многіе нервныя и нетерпѣливыя абоненты ругаютъ въ телефонъ телефонныхъ барышень разными грубыми и неприличными словами... Самое бы лучшее, конечно, въ театральныя спящія дѣвы...

-- Это еще что такое?-- воскликнула Нина.

-- А это тѣ дѣвицы, которыя въ театральной кассѣ сидятъ... Онѣ разбираютъ открытыя письма съ запросами о билетахъ, отрываютъ отвѣтную сторону письма съ адресомъ и прикладываютъ къ ней штемпель со словомъ «нѣтъ»... Ихъ «спящими дѣвами» называютъ... Это бы самое лучшее и покойное... только тамъ нужна громадная протекція!

-- Такъ, значитъ, что же?-- въ смущеніи

проговорила маленькая княжна.-- Значить, образованіе, вотъ, вѣдь, вы кончили и курсы, не даетъ возможности дѣвушкѣ жить своимъ трудомъ? А помните, что вы говорили прежде? Вѣдь, вы увѣряли меня, что времена варварства,-- это ваши слова,-- прошли, что теперь русская образованная дѣвушка во всѣхъ своихъ правахъ равна мужчинѣ и, какъ и онъ, можетъ своимъ трудомъ, никому не обязываясь, жить и быть счастливой!

Ольга подняла брови, сдѣлала изумленные глаза и печальное лицо.

-- А вы думаете, у насъ образованный мужчина обезпеченъ?-- сказала она.-- Онъ точно такъ же, если у него нѣтъ протекціи, легко можетъ умереть съ голоду, какъ умирала бы теперь я -- не оставь мнѣ бабушка денегъ. Вотъ у меня еще деньги, и я ихъ трачу и живу. Придетъ день, когда я ихъ истрачу всѣ,-- деньги, даже и при моей самой скромной жизни, идутъ такъ скоро, просто таютъ,-- и я, если не устроюсь, буду бѣдствовать самымъ ужаснымъ образомъ: мои курсы, дипломы, мои знанія мнѣ не помогутъ нисколько.

-- Ольга, милая, тутъ что-нибудь не такъ,

это было бы слишкомъ ужасно, слишкомъ несправедливо!-- внѣ себя перебила ее Нина.

-- Увы, это такъ! Пока мы учились, у насъ у всѣхъ были самыя розовыя надежды, даже у тѣхъ моихъ подругъ, которыя страшно и тогда бѣдствовали. Онѣ утѣшали себя убѣжденіемъ, что ихъ нищета происходитъ оттого, что онѣ еще не кончили своего образованія, не получили еще дипломы. Будетъ дипломъ -- и онѣ откроетъ имъ всѣ двери... А между тѣмъ, уже годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ мы получили дипломы, и каждой изъ насъ пришлось разочароваться...

-- Гдѣ онѣ, ваши подруги? Вотъ, скажите, что вы о нихъ знаете, о нихъ и другихъ дѣвушкахъ, кончившихъ раньше васъ... Скажите, тогда будетъ видно... гдѣ онѣ? что онѣ дѣлаютъ?-- спрашивала Нина, видимо страстно заинтересованная всѣмъ этимъ.

Ольга подумала немного, вызывая въ своей памяти знакомыя лица.

-- Есть нѣсколько счастливыхъ,-- начала она:-- только ихъ сравнительно очень немного; самая малость. Онѣ уѣхали къ роднымъ и живутъ припѣваючи, потому что у родителей

есть средства. Четыре вышли замужъ. Это все самыя счастливыя. Но остается большинство... съ ними я встрѣчаюсь, потомъ мы собираемся иногда то у одной, то у другой изъ насъ. Увѣряю васъ, даю вамъ слово,-- всѣ онѣ бѣдствуютъ, до того бѣдствуютъ, что вотъ еще недавно, около мѣсяца тому назадъ, двѣ не выдержали и покончили съ собою...

-- Какъ покончили? Убили себя?

-- Да, отравились и умерли, отравилась и третья, только неудачно, она теперь въ больницѣ.

-- Боже! Боже!-- прошептала Нина и поблѣднѣла.

-- Это еще ничего, есть факты похуже,-- медленно и выразительно произнесла Ольга.

-- Что-жъ можетъ быть хуже этого?

-- По моему, есть хуже... Я знаю нѣсколько двушекъ, получившихъ высшее женское образованіе, которыя измучились нищетою, покончить съ собой не рѣшились, а потому... сдѣлались... ну, знаете, какими женщинами.

Нина совсѣмъ не знала, и Ольгѣ Травниковой пришлось объяснить ей. Она слушала внимательно, не проронивъ ни одного слова

и прямо глядя въ глаза пріятельницѣ своими потемнѣвшими синими глазами. Она даже сама задавала вопросы и требовала подробнаго, яснаго отвѣта. Только съ каждымъ новымъ словомъ, съ каждымъ новымъ представленіемъ, врывавшимся въ ея наивныя полудѣтскія понятія, по милому лицу ея мелькала тѣнь страданія.

Когда она поняла все, и у нея ужъ не оставалось никакихъ вопросовъ, она вдругъ закрыла лицо руками и заплакала.

-- Какъ на свѣтѣ все гадко! какъ гадко!-- вырвалось у нея сквозь слезы.

Ольга глядѣла на нее съ изумленіемъ.

-- Какое у васъ странное отношеніе къ законамъ природы...-- начала было она:-- но у двери послышался легкій стукъ, затѣмъ дверь отворилась, и въ комнату вошла Генріетта Богдановна Хазенклеверъ.

Она сдѣлала весьма мудреный полукниксенъ-полупоклонъ, не безъ удивленія взглядѣлась въ хорошенькую, изящную и заплаканную княжну, а потомъ обратилась къ Ольгѣ:

-- Баришна и сефотни, и зафтри у фасъ бу-

дугъ ночеваль?

-- Да, а что?-- спросила Ольга.

-- Старьши тфорникъ пришелъ... требуйте фить.

VIII.

Фрейленъ Хазенклеверъ (по документамъ она значилась въ дѣвицахъ) представляла изъ себя такую курьезную фигуру и такъ комично произносила русскія слова, что будь Нина иначе настроена, она врядъ ли бы удержалась отъ смѣха. Но теперь ее поразило одно -- таинственное слово «фить», значеніе котораго она рѣшительно не могла постигнуть.

-- Что это «фить» -- тревожно спрашивала она Ольгу.

Та, между тѣмъ, ужъ нашлась.

-- Хорошо, скажите ему, чтобъ онъ подождаль, я сейчасъ къ вамъ выйду,-- торопливо проговорила она.

-- Gut... aber bitte поскорѣе,-- отвѣтила Генриетта Богдановна:-- онъ такой груби, горди мужикъ, и мене всегда сердце стучаль, когда онъ говорилъ!

Она ушла.

-- Да что жъ это такое «фить»?-- повторила Нина сбой вопросъ.

-- Вашъ видъ ему нуженъ для прописки,-- объяснила Ольга.

Бѣдная маленькая княжна ничего не поняла и въ этой правильной русской фразѣ.

-- Какъ видъ? мой видъ? и для... прописки?

-- Ну да, теперь такія строгости, вотъ вы одну ночь переночевали, и ужъ сейчасъ требуютъ видъ на жительство. Объ этомъ вы вѣрно и не подумали... Какіе-нибудь документы есть съ вами?

-- Со мною только два моихъ выигрышныхъ билета, а больше никакихъ документовъ у меня нѣтъ... Про какіе документы вы говорите?-- все больше удивляясь и ужъ начиная чего-то бояться, сказала княжна.

Ольга развела руками.

-- Что-жъ мы теперь будемъ дѣлать?-- почти трагически воскликнула она.-- И какъ это мнѣ не пришло въ голову сразу спросить васъ! Поймите -- безъ законнаго документа, бумаги, ну, паспорта, вы не можете жить ни у меня, и нигдѣ!

Нина начинала соображать.

-- Понимаю,-- проговорила она:-- требуют моего, паспорта, но, вѣдь, паспорта бываютъ только у прислуги, и потомъ вотъ когда ѣдутъ за-границу, такъ получаютъ такія маленькія зелененькія книжки, и ихъ смотрятъ на границѣ.

Ольга нетерпѣливо пожала плечами.

-- Вы совсѣмъ малый ребенокъ,-- строго скачала она:-- вотъ плоды великосвѣтскаго воспитанія! Вы не имѣете понятія о самыхъ простыхъ вещахъ. Однако, старшій дворникъ ждетъ, и съ этимъ шутить нельзя... Могутъ быть большія непріятности... Кончится еще тѣмъ, что васъ попросятъ въ полицію и съ жандармомъ вернуть къ папашѣ и мамашѣ!

Нина сама чувствовала себя совсѣмъ глупой и безпомощной. Но вдругъ счастливая мысль пришла ей въ голову. Она вынула свой кошелекъ и подала Ольгѣ нѣсколько рублей.

-- Милочка, ради Бога, вотъ... дайте ему это и попросите его оставить насъ въ покоѣ... Можетъ быть онъ согласится...

-- Попробую.. Только это и остается.

Ольга ушла, а маленькая княжна стала тревожно дожидаться ея возвращенія. Нако-

нець, дверь отворилась. По лицу Ольги было видно, что все благополучно.

-- Онъ взялъ,-- объявила она:-- и обѣщаль ждать три дня, вотъ все, чего я добилась. Я наврала ему жестоко; но это не суть важно. Значить, пока вы можете успокоиться... Однако, нашъ поступокъ -- подкупъ челоуѣка и отвращеніе его отъ исполненія обязанностей,-- нельзя назвать похвальнымъ! Или вы объ этомъ другого мнѣнія, Нина?

Княжна ничего не отвѣтила. Она совсѣмъ даже не разслышала послѣднихъ словъ Ольги. Она сидѣла на диванчикѣ, въ ямкѣ возлѣ выскочившей пружины. Въ мысляхъ у нея было смутно, въ сердцѣ тяжело, и хотѣлось ей опять бѣжать, бѣжать подальше отъ всего, что она узнала и увидѣла, но куда бѣжать, она ужъ не знала.

Между тѣмъ Ольга Травникова говорила и говорила. Ей, очевидно, пріятно было найти слушательницу, не знакомую еще съ неприглядной стороной жизни», какъ она выражалась. Она, можетъ быть, также чувствовала потребность въ участіи. поглядѣвъ ее хорошенько, Нина замѣтила въ ней большую

перемѣну. Это ужъ не была прежняя свѣжая дѣвушка, выдержавшая учебныя занятія безъ всякаго ущерба для своего здоровья. Лицо ея осунулось, какъ послѣ долгой болѣзни, щеки поблѣднѣли, наивные и удивленные каріе глаза обвились темноватой тѣнью.

И вотъ она передавала Нинѣ разныя исторіи о своихъ подругахъ и знакомыхъ, и во всѣхъ этихъ исторіяхъ, несмотря на очевидное различіе характеровъ дѣйствующихъ лицъ и подробностей, чувствовалось поразительное, роковое однообразіе.

Тотъ же самый припѣвъ возвращался постоянно. Деньги, деньги и деньги. Нужда, нужда и нужда. Отсутствіе работы, сопряженное съ нищетой, отчаяніемъ, болѣзнию и всякими бѣдами. Найденная работа -- непосильная, плохо оплачиваемая, едва хватающая на удовлетвореніе самыхъ первыхъ потребностей, а въ результатъ такой непосильной работы опять разстроенные нервы, болѣзнь, отчаяніе и бѣды. Отъ начала и до конца -- непрестанная, подавляющая все остальное, погоня за кускомъ хлѣба, за работой. А цѣль, конечная цѣль этого чрезмѣрнаго, губящаго и

тѣло и душу напряженія -- ея не было видно. Какая-то безсрочная каторга...

Нина слушала съ возраставшимъ ужасомъ. Она забыла ужъ о себѣ, о своихъ бѣдахъ и слушала. Ея чуткое сердце и ясная мысль охватывала сразу всю эту мрачную, безнадежную картину, понятную Ольгѣ только въ подробностяхъ.

Такіе разговоры продолжались и до обѣда, и послѣ обѣда, изготовленнаго Генриеттой Богдановной, восторженно поданнаго Сашей и показавшагося Нинѣ хоть и страннымъ, но очень вкуснымъ.

Наконецъ, она не выдержала.

-- Довольно, довольно Ольга!-- почти закричала она.-- Это все то же, все то же и ничего новаго, ничего болѣе ужаснаго быть не можетъ! Я не понимаю, какъ можете вы рассказывать эти вещи такъ спокойно, съ такимъ видомъ, какъ будто такъ оно и должно быть, какъ будто это... естественно!

-- А что-жъ мнѣ, плакать что ли? Такъ, вѣдь, слезъ не хватитъ,-- разсудительнымъ тономъ отвѣтила Ольга:-- факты всесильны и, разъ они существуютъ, значитъ, они есте-

ственны...

-- Какъ естественны!-- будто маленькая красивая птичка хорохорилась Нина, сверкая синими глазками.-- Развѣ это естественно оставлять такое множество молодыхъ людей и дѣвушекъ, которые надрываются и чуть не умирають съ голоду! Развѣ это естественно -- давать имъ образование и потомъ бросать ихъ да произволъ судьбы? Надо, чтобы всѣ, всѣми силами, нашли корень зла, боролись съ такимъ ужаснымъ зломъ, побѣдили его и уничтожили!

-- Бороться со зломъ, противиться всему злему -- нельзя. Непротивленіе злу или злему -- это первая заповѣдь нашего великаго учителя,-- объяснила Ольга.

Нина разсердилась.

-- Я съ ученіемъ графа Толстого незнакома,-- сказала она:-- если вы увѣрены, что онъ запрещаетъ вамъ бороться противъ зла -- тѣмъ хуже для него и для васъ... Я знаю, что христіанамъ запрещено мстить врагамъ, что добродѣтельный человѣкъ обязанъ даже совсѣмъ смириться предъ своими врагами и за нихъ молиться. Только изъ этого вовсе не

слѣдуетъ, что надо терпѣть зло и, видя его, бездѣйствовать... Люди тонуть, а я должна спокойно идти мимо; человекъ рѣжутъ, а я должна идти мимо, не постаравшись отнять ножъ у того, кто рѣжетъ! По вашему такъ выходить!.. Ахъ, какъ мило! Зачѣмъ же вы мнѣ говорили о любви къ ближнему, о служеніи, человѣчеству? Какъ же это ты будете служить человѣчеству съ вашимъ непротивленіемъ всму злему? Вы будете служить только себѣ, своему безсердечію, лѣни, эгоизму!

Ольга спуталась въ мысляхъ и не знала, что отвѣтить на это. Она знала одно -- великій учитель сказалъ: «не противься злу», знала, что тутъ же, въ скобкахъ, какъ позднѣйшее разъясненіе или поправка, стоитъ «злему».

Но она вспомнила очень важное.

-- Все это не то, не то!-- спѣша заговорила она.-- Нельзя остановить гнѣнія, а все ваше общество, съ его законами, устройствомъ, съ его наукой, искусствами -- гнѣтъ, а потому надо спасаться отъ заразы, и уйти, оздоровить себя, чтобы не погибнуть бесполезно...

Въ передней раздался самый безцеремонный оглушительный звонокъ.

-- Евгений! Онъ всегда такъ звонитъ!-- воскликнула Ольга, не договоривъ своей фразы, и побѣжала къ двери.

Нина ушла въ спальню. Она слышала мужскіе шаги, потомъ разговоръ вполголоса. Черезъ минуту показалась Ольга и шепнула ей:

-- Это онъ, пойдите, я васъ познакомлю... я его предупредила, сказала все, что надо... онъ очень, очень радъ познакомиться съ вами...

Длинный, сухой молодой человекъ, съ бѣлокурыми кудряшками, рыжеватою бородкой, большимъ носомъ и блѣдными, нервно моргающими глазами, неловко поднялся съ диванчика. Онъ былъ одѣтъ въ старую суконную блузу, стянутую у талии широкимъ кожанымъ поясомъ.

-- Вотъ мой женихъ,-- съ нѣкоторымъ смущеніемъ произнесла Ольга.

Нина улыбнулась и пожалала его длинную руку. Она почему-то представляла его себѣ очень красивымъ, а потому онъ въ первую минуту показался ей не только дурнымъ, но и комичнымъ, такъ что она совсѣмъ изумилась выбору Ольги.

-- А мы все споримъ,-- сказала она, подсаживаясь къ окну у письменнаго столика.

-- Да, да,-- встрепенувшись, перебила Ольга:-- придите мнѣ на помощь, Евгений! Докажите ей, что необходимо уйти изъ гнѣющаго общества и оздоровить себя!

Евгеній Вейсъ исподлобья пристально посмотрѣлъ на Нину, усѣлся на диванчикъ (это было его обычное мѣсто) и, закуривая папиросу, началъ очень внушительнымъ тономъ.

-- Неужели это еще надо доказывать? Вся современная цивилизація бесполезна, всѣ науки и искусства тоже, потому что не могутъ принести человѣчеству никакой дѣйствительной пользы, все общество разложилось и гнѣтъ въ порокахъ, преступленіяхъ, лжи, фальши и стадной тупости. Вокругъ насъ не люди, а звѣри, звѣри! Мы сами ужъ стали обростать звѣриной шерстью. А потому мы скорѣе должны вернуть себѣ человѣческой образъ. Я вотъ теперь очень занятъ большой повѣстью «Смысль жизни». Хоть романы и повѣсти, и всякая, такъ называемая, беллетристика, всякое искус-

ство -- сущій вздоръ, но я въ своей повѣсти развиваю очень важныя мысли. Мои мысли послужатъ дальнѣйшимъ развитіемъ ученія Льва Николаевича. Я только принялъ, сойдясь въ этомъ съ этимъ великимъ учителемъ, форму повѣсти, какъ болѣе для всѣхъ доступную. Согласитесь, что такую работу нельзя покинуть, что ее необходимо кончить, какъ можно лучше и скорѣе!

Вейсь вопросительно глядѣлъ на Нину.

Она, въ нѣкоторомъ смущеніи, кивнула головой.

-- Такъ вотъ я и кончу, а когда кончу, тогда и уйду.

-- Куда уйдете?-- спросила она.

-- Свезу «Смысль жизни» Льву Николаевичу... Онъ, я увѣренъ, вполнѣ одобритъ... Потомъ, получивъ его учительское благословеніе, я и уйду въ деревню... У меня ужъ есть на примѣтъ такое мѣстечко. Буду жить въ маленькой хаткѣ, по-крестьянски, буду заниматься портняжнымъ ремесломъ, шить мужичкамъ жилетки... теперь, вѣдь вы знаете, оки, поверхъ рубахи, все жилетки носятъ... такъ вотъ я и стану шить жилетки и нанимать-

ся на полевые работы...

IX.

Нина глядѣла на Вейса такими же глазами, какъ и на Генриетту Богдановну, когда та произнесла таинственное слою «фить». Потомъ ей пришло на мысль: не помѣшанный ли онъ, но она видѣла, что Ольга относится къ его словамъ спокойно и даже одобрительно киваетъ ему головой. Неужели оба они смѣются надъ нею? Все это шутка? Зачѣмъ же такая глупая шутка?! Нѣтъ, они слишкомъ серьезны, да Ольга и неспособна смѣяться надъ нею, а ужъ особенно теперь, и при человѣкѣ, котораго Нина видитъ въ первый разъ. Такъ что же все это значить?

Года полтора тому назадъ, по настоянію учителя словесности, Нинѣ было разрѣшено прочесть Войну и Миръ. Она читала этотъ романъ съ такимъ страстнымъ интересомъ, съ какимъ еще ничего не читала. Онъ оставилъ въ ней огромное и неизгладимое впечатлѣніе. Она почувствовала всю силу таланта русскаго художника, и съ тѣхъ поръ имя Льва Толстого сдѣлалось однимъ изъ ея

любимыхъ именъ.

Она смутно слышала, что онъ сталъ писать какія-то странныя вещи, что онъ странно живетъ, шьетъ сапоги и пашетъ землю, но вокругъ нея этимъ нисколько не интересовались, и она забыла слышанное. Никакихъ газетъ, а ужъ тѣмъ болѣе русскихъ, ей не давали въ руки. Онъ проносились утромъ въ кабинетъ князя, и никто въ домѣ не видалъ ихъ.

Теперь ей казалось яснымъ, что тутъ какая-то ошибка, что такой писатель не можетъ проповѣдывать того, что приписываетъ ему Ольга, не можетъ никого благословлять на бѣгство отъ живой дѣятельности въ обществѣ, отъ благородной, обязательной для всякаго умнаго и хорошаго человѣка борьбы противъ зла и... на шитье жилетокъ.

-- Зачѣмъ же вы будете шить жилетки?-- спросила она Вейса.-- Развѣ у васъ особенная склонность къ этому занятію, призваніе?

-- Какое же тутъ призваніе!-- серьезно и важно отвѣтилъ онъ.-- Необходимо выбрать себѣ какое-нибудь ремесло. Онъ тачаетъ сапоги, я буду шить жилетки. Онъ работаетъ съ крестьянами, и я буду тоже.

-- Ахъ, понимаю!-- догадалась Нина.-- Все это для здоровья! Теперь все гимнастика, массажъ, движеніе на воздухъ, физическій трудъ... Мой отецъ каждый день дѣлаетъ гимнастику и говоритъ, что это ему очень полезно... Такъ вотъ, вѣрно, и графъ Толстой, онъ вѣдь, ужъ старый человекъ, хочетъ поправить здоровье и подольше жить... А вы, значитъ, тоже нездоровы? По лицу этого нельзя сказать..

Вейсъ посмотрѣлъ на нее, какъ ей показалось, довольно презрительно и перевелъ взглядъ на Ольгу.

Та покраснѣла за неумѣстную наивность своей пріятельницы и заговорила, спѣша объяснить ей ея дѣтскую ошибку:

-- Нина, что вы такое говорите, причемъ тутъ массажъ, гимнастика! Я здорова, и Евгеній здоровъ тоже, но мы поѣдемъ въ деревню, онъ будетъ шить жилетки и пахать землю, а я доить коровъ, прядь, ну, словомъ, буду дѣлать все, что дѣлаютъ крестьянки. Поймите, необходимо опроститься, совсѣмъ опроститься, жить съ народомъ и такъ жить, какъ живетъ народъ. Только при такой жиз-

ни мы будемъ людьми и достигнемъ истиннаго счастья... не правда ли Евгеній?

-- Что-жъ объ этомъ спрашивать!-- произнесъ Вейсъ.

Ольга внимательно на него смотрѣла. Она, какъ только онъ пришелъ, подмѣтила въ немъ что-то необычное и странное. Она чувствовала въ немъ какую-то ненравившуюся ей переменъ. Онъ чѣмъ-то разстроенъ, или недоволенъ, или пораженъ. Теперь же, послѣ тона, какимъ онъ произнесъ эти слова, у нея ужъ не оставалось сомнѣній. Да, что-то случилось. Ей надо скорѣе спросить его, узнать, и нельзя: Нина мѣшаетъ, а вызвать его въ спальню при ней неловко...

Нина между тѣмъ спрашивала:

-- Отчего же вы думаете, что народъ,-- даже если онъ сытъ и у него есть все, что ему надо,-- счастливъ? Отчего вы думаете, что всѣ мы въ грубомъ, тяжеломъ трудѣ и лишеніяхъ, отказавшись отъ нашихъ привычекъ, отъ наукъ и искусствъ, отъ умственныхъ наслажденій, будемъ счастливы, а не станемъ ужасно, ужасно страдать? Какъ же вы вотъ вчера, и еще сегодня утромъ говорили о необ-

ходимости достигать прогресса... въ интел-
лектуальномъ развитіи?

Ольга почувствовала себя очень неловко. Она сама никакъ не умѣла разобраться во всемъ этомъ. Она то и дѣло возвращалась къ своимъ прежнимъ, такъ недавнимъ, понятіямъ и путала ихъ со своей новой толстовской вѣрой.

Ей было такъ жаль разстаться съ «интеллектуальнымъ развитіемъ», съ женскими правами, съ любимыми, такими хорошими и побѣдоносными фразами, произнося которыя она чувствовала себя «развитою личностью», «передовою русской женщиной». Съ другой стороны, истина заключается въ ученіи Толстого, въ каждомъ его словѣ! Онъ одинъ открылъ новую вѣру, внѣ которой все фальшь и обманъ.

Она видитъ, что общество гніетъ, что такъ жить нельзя и что сама, она, со смерти бабушки, живетъ сносно только до тѣхъ поръ, пока у нея еще есть деньги. Она вѣритъ и Толстому, и Евгенію, что будетъ счастлива, когда переселится въ деревенскую избушку, станетъ доить коровъ, прясть и дѣлать всякую черную

работу, когда станетъ Ъсть пустыя щи, кашу и квасную тюрю. Она вѣрить, хоть и не знаетъ, какимъ образомъ придетъ истинное счастье отъ такой жизни, издали кажущейся ей ужасною. Если и Толстой, и Евгеній -- значить: такъ! И вотъ, какъ только будетъ конченъ «Смысль жизни», они обвѣнчаются, уѣдутъ навсегда изъ Петербурга и сдѣлаются крестьянами...

А тутъ эта несносная Нина со своими вопросами, придирками!

Она ей ничего не отвѣтила и была очень рада, когда заговорилъ Вейсъ.

-- Что истинное счастье только тамъ, съ народомъ, и въ трудѣ народномъ, это фактъ!-- сказалъ онъ.-- Нашъ великій учитель не можетъ ошибаться; наконецъ, уже нашлись люди, повѣрившіе ему и достигшіе счастья. Примѣровъ такихъ все больше и больше. Вотъ, недавно, одинъ молодой князь, очень богатый человекъ, во совѣту Льва Николаевича, роздалъ все свое имѣніе, всѣ свои земли крестьянамъ, оставилъ себѣ всего десять десятинъ земли, воздѣлываетъ ее, живетъ какъ крестьянинъ, и счастливъ.

-- Вы его знаете? Онъ самъ сказалъ вамъ, что счастливъ?-- перебила его Нина.

-- Онъ писалъ одному своему знакомому, и я читалъ копію его письма.

-- И самъ графъ Толстой такъ живетъ? И онъ самъ роздалъ все свое имѣніе бѣднымъ?-- спрашивала Нина.

-- Онъ хотѣлъ это сдѣлать. О! онъ хотѣлъ непременно!-- отвѣчалъ Вейсъ.

-- Ну... И что-жъ?

-- Да вотъ видите ли... жена его уговорила не дѣлать этого и взялась управлять всѣмъ его состояніемъ... Если бъ не она, онъ навѣрное бы все бы роздалъ...

-- Знаете,-- сказала Нина:-- это странно и... очень, очень жалко!

Она улыбнулась и прибавила:

-- Вотъ этого я никогда бы не подумала... Значитъ, онъ просто только мечтаетъ о хорошихъ вещахъ, толкуетъ о нихъ, а самъ не исполняетъ... И до него всѣ слышали, что надо раздавать свое имѣніе нищимъ...

Ольгѣ стало неловко и совѣстно за княжну передъ Вейсомъ. Онъ же пришелъ въ глубокое негодованіе; ему хотѣлось найти что-ни-

будь язвительное и рѣзкое по адресу этой маленькой и наглой дѣвушки, осмѣлившейся «улыбаться» надъ его кумиромъ.

Ничего не найдя, онъ собирался ужъ просто напомнить ей басню о слонѣ и москѣ. Но вдругъ эта басня навела его на болѣе, какъ ему казалось, удачное и эффектное сравненіе, слышанное имъ отъ одного ветхаго литератора, въ свое время пользовавшагося большимъ успѣхомъ и до сихъ поръ желающаго слыть остроумцемъ,

Онъ откинулся на спинку диванчика, заложилъ ногу на ногу и, отчаянно затянувшись папирской, пустилъ густой клубъ дыму черезъ всю комнату. Нина, съ непривычки, зажмурила глаза и закашлялась. Онъ не обратилъ на это никакого вниманія.

-- Подобное отношеніе къ великому человеку,-- важно и съ достоинствомъ сказать онъ:-- ни для кого непозволительно, да и совсѣмъ бесполезно. Смѣшны могутъ быть только хулители этого титана мысли. Когда я слышу такія сужденія, какъ ваши, мнѣ всегда представляется Исаакіевскій соборъ и... блоха, скачущая передъ нимъ по площади... Что мо-

жетъ сдѣлать блоха Исаакіевскому собору, хотя бы она его не одобряла и питала въ себѣ намѣреніе пошатнуть его?!

Нина съ изумленіемъ посмотрѣла на Вейса, потомъ на Ольгу, опять закашлялась отъ новаго клуба дыму, ушла въ спальню, заперла за собою дверь и сѣла на Ольгину кровать. Она почувствовала, что ей здѣсь совсѣмъ не мѣсто и что она не умѣетъ говорить съ этими людьми.

-- Евгеній, ты слишкомъ рѣзко! Вотъ она обидѣлась, а она, вѣдь, у меня гостя и... ты не долженъ судить ее строго. Въ сущности, она хорошая дѣвушка, ее можно направить...-- шопотомъ говорила Ольга, подсаживаясь къ Вейсу на диванчикъ.

-- Она просто дура и ничего больше!-- раздраженно отвѣтилъ онъ, раздавливая окурокъ своей папиросы въ грязной чугунной пепельницѣ, стоявшей рядомъ на столикѣ.

Ольга зажала ему ротъ рукою, показывая глазами на дверь спальни.

Она хотѣла было пойти успокоить Нину и все сгладить. Но, вѣдь, тогда Нина опять придетъ сюда и будетъ упущена единственная

удобная минута узнать, что же такое случилось съ Евгеніемъ, почему онъ сегодня такой странный?..

Она осталась на своемъ мѣстѣ, обняла Вейса, прижалась къ нему и вытягивала, какъ всегда это дѣлала вотъ уже четвертый мѣсяцъ, губы для поцѣлуя.

Обыкновенно поцѣлуй не заставлялъ себя ждать, былъ нѣженъ и продолжителенъ. На сей разъ случилось, однако, совсѣмъ другое. Вейсъ тихонько, но рѣшительно отстранялъ отъ себя Ольгу, стараясь высвободиться изъ ея объятій. Онъ отвертывалъ лицо подальше отъ ея губъ.

Она поблѣднѣла и не выпускала его, боролась съ нимъ. Ея наивныя глаза выражали теперь ужъ не изумленіе, а испугъ, и наполнились слезами.

-- Евгеній! Господи, что-жъ это значить? Что такое случилось? Чѣмъ я провинилась передъ тобою?.. Не томи... скажи скорѣе... Вѣдь, нельзя же такъ!-- шептала она дрожащимъ голосомъ.

-- Вы ничѣмъ не провинились, Ольга, я ровно ничего противъ васъ не имѣю,-- произ-

несъ онъ, наконецъ, избѣгая глядѣть на нее.

Онъ сдѣлалъ рѣшительное движеніе, оторвалъ отъ себя ея руки и поднялся, съ диванчика.

Ольга видѣла, что онъ направляется прямо къ двери въ переднюю. Она кинулась за нимъ, подбѣжала къ двери, загоразивая ее собою.

-- Нѣтъ, вы такъ не уйдете: ты долженъ объясниться!-- съ отчаяньемъ въ голосъ шепнула она.

-- Да я и не уйду еще... мнѣ только надо взять въ передней изъ кармана пальто одну вещь,-- сказалъ Вейсъ медленно и, повидимому, очень спокойно.

Ольга пропустила его, совсѣмъ растерявшись.

Онъ вернулся, неся въ рукъ довольно засаленную литографированную тетрадь, и торжественно воскликнулъ:

-- Вотъ она!

-- Кто она? Что... что такое?-- спрашивала Ольга, идя за нимъ.

-- «Кренцера Соната»,-- тѣмъ же торжествующимъ тономъ объяснилъ Вейсъ.-- Нако-

нецъ, я ее добылъ и проштудировалъ. Двѣ ночи просидѣлъ надъ нею. Теперь я все понялъ, все ясно... Его геній никогда еще не достигалъ, такой высоты и не возвѣщалъ міру такихъ великихъ истинъ!.. Вотъ, прочтите, Ольга, я долженъ уйти, у меня назначено свиданіе съ однимъ человѣкомъ, который завтра ѣдетъ къ Льву Николаевичу... Я вамъ ее оставляю, принимайтесь сейчасъ же за чтеніе, да хорошенько думайте надъ каждою строкой. Послѣ завтра, вечеромъ, я у васъ буду... устройте такъ, чтобы эта (онъ понизилъ голосъ и кивнулъ головою на дверь спальни) не помѣшала... въ крайнемъ случаѣ, приходите ко мнѣ, только во-время напишите мнѣ съ посыльнымъ... Тогда вы прочтете... и мы поговоримъ...

-- Хорошо,-- въ волненіи перебила его Ольга, беря у него изъ рукъ литографированную тетрадь:-- я прочту... сегодня же стану читать внимательно, съ восторгомъ... Только, Евгенийъ, вѣдь, ты все же ничего не объясняешь! Отчего ты не глядишь на меня? Зачѣмъ говоришь мнѣ «вы»?.. Да не мучь же меня... Пришелъ на минуту, уходишь такимъ... И

ждать до вечера послѣзавтра! Евгеній!

Она опять потянулась, чтобы обнять его, но онъ быстро отошелъ.

— Это великое произведеніе все вамъ объяснить, Ольга... Пожалуйста, не волнуйтесь... прочтите, и тогда увидите, что мы чуть было не погубили другъ друга... увидите, что отнынѣ къ прошлому, гадкому и преступному прошлому, не должно быть возврата... До свиданья!

Онъ пожалъ ея руку и, прежде чѣмъ она могла опомниться, скрылся въ передней.

Х.

Нина долго сидѣла на Ольгиной кровати и думала свои смутныя, тревожныя думы. Она ничего не слышала, а потому догадалась, что Ольга и Вейсъ говорятъ шопотомъ. Ей стало совѣстно: она стѣсняетъ своимъ присутствіемъ жениха и невѣсту. Она хорошо помнила, какъ еще недавно ей были несносны всѣ люди, даже самые близкіе и привычные, когда они мѣшали ея разговорамъ съ графомъ Ильинскимъ.

Вотъ она слышитъ мужскіе шаги, это Вей-

съ ходитъ. Онъ что-то говоритъ громко, потомъ опять понижаетъ голосъ. Шаги удаляются. Ничего не слышно... Нина все сидѣла въ темной комнатѣ, едва-едва озаряемой блѣдными весенними сумерками, проникавшими въ глубокій, подобный колодцу, дворикъ пятиэтажнаго дома. Уже нѣсколько минутъ продолжалась полная тишина. Было только слышно звяканье ножей и вилокъ, очевидно чистившихся Сашей въ кухнѣ, да ея тоненькій голосокъ, мурлыкавшій однообразную деревенскую пѣсенку.

Наконецъ, Нина рѣшила, что Вейсъ ушелъ, и обрадовалась этому. Что же, однако, дѣлаетъ Ольга? или и она ушла съ нимъ? не простясь... нѣтъ, этого быть не можетъ!

Тогда она подошла къ двери, нарочно громко нѣсколько разъ повертѣла ручкой и, пождавъ, отворила. Передъ письменнымъ столикомъ, гдѣ горѣла лампа, сидѣла Ольга съ засаленной литографированной тетрадью на колѣняхъ и съ очень страннымъ лицомъ.

Увидя Нину, она поднялась со стула, видимо очнувшись и выходя изъ глубокаго раздумья.

-- Простите меня, Ольга,-- прямо сказала свою мысль маленькая княжна:-- я попала къ вамъ совсѣмъ не во-время и очень вамъ мѣшаю... Потомъ... я такая спорщица, я разсердила и васъ, и вашего жениха... вотъ онъ ушелъ, и все я виновата!

-- Что вы, Нина, что вы!-- отвѣтила Ольга, опуская глаза.-- Это я извиняюсь и за себя, и за него. Я не понимаю, что съ нимъ такое сегодня, онъ никогда такимъ не былъ... убѣжалъ, невѣжливъ, за что-то на меня сердится... даже тоску нагналъ!

Она печально улыбнулась.

-- Что это у васъ?-- спросила Нина.

-- А вотъ онъ принесъ... «Крейцерову Сонатѣ» Толстого... Неужели вы не слышали? Всѣ о ней давно говорятъ... Евгенийъ сказалъ, что это вещь гениальная, выше которой ничего нѣтъ, что въ ней рѣшены всѣ вопросы...

-- Отчего она такъ... а не напечатана?

-- Оттого... оттого, что великія вещи иногда не разрѣшаются къ печати!-- многозначительно объяснила Ольга.-- Но это, какъ видите, не мѣшаетъ ихъ распространенію! Напротивъ!-- добавила она.

Нина взяла у Ольги тетрадь и ее разглядывала.

-- Тутъ даже не сказано, чье это сочиненіе...-- замѣтила она.-- Вотъ бы намъ съ вами прочесть громко! Хотите я начну читать, а потомъ вы?

-- Я хотѣла вамъ это предложить... Такъ интересно! Только вотъ что, Нина: вы, пожалуй, съ непривычки, будете плохо разбирать литографію, а я привыкла. Я начну.

-- Отлично!

Нина хотѣла было пойти на диванчикъ; но вернулась, вспомнивъ, что тамъ все время сидѣлъ Вейсъ и курилъ свой противный табакъ. Она сѣла у окошка. Ольга придвинулась къ лампѣ -- и началось чтеніе «Крейцеровой Сонаты».

Нина была вся -- вниманіе. Она готовилась наслаждаться твореніемъ своего любимаго писателя. Она слушала, не проронивъ ни одного слова.

На оживленномъ, подвижномъ лицѣ ея и въ синихъ выразительныхъ глазахъ отражались самыя разнородныя ощущенія. Она то глядѣла, предъ собою скупающимъ взглядо-

мъ, то вдругъ загоралась проснувшимся интересомъ, то стыдливо вспыхивала и готова была, отъ ужаса и отвращенія, закрыть глаза, зажать уши и крикнуть Ольгѣ, чтобъ она остановилась, что она не въ силахъ больше слушать.

Но она боролась въ себѣ и досаду, и ужасъ, и отвращеніе -- и слушала съ жаднымъ вниманіемъ.

Уже потрясенная открытыми ей Ольгой тайнами, съ которыми не могла примириться, она видѣла теперь такую смрадную и бессмысленную картину человѣческаго общества, хуже какой ничего не могло быть.

Авторъ, устами полубезумнаго, циничнаго убійцы Позднышева, объявлялъ ей, что религіи нигдѣ нѣтъ, что изъ десяти вступающихъ въ бракъ едва ли найдется одинъ, который бы серьезно относился къ супружеской вѣрности, что большинство людей смотрятъ на поѣздку въ церковь лишь какъ на извѣстное условіе для обладанія такой-то женщиной.

Нина слушала, что у людей нѣтъ совѣсти, собственной совѣсти, а есть только какая-то

совѣсть общественнаго мнѣнія и уголовного закона. Любовь -- ложь, потому что она никогда не бываетъ и быть не можетъ на всю жизнь, а бываетъ лишь рѣдко на годы, а чаще на мѣсяцы, недѣли, дни и даже часы.

Эта любовь происходитъ отъ излишне сытной пищи, и каждый мужчина чувствуетъ такую любовь ко всякой красивой женщинѣ. Иначе -- не можетъ и быть. Любви, которую воспѣваютъ всѣ человѣческія искусства -- нѣтъ, любовь не можетъ быть высокой духовной, идеальной, она -- мерзость, въ ней даже нѣчто свиное, о чемъ вспоминать мерзко и стыдно.

Бракъ -- обманъ и неизбѣжное отношеніе мужа къ женѣ и жены къ мужу -- только отвратительная, ужасная ревность и бессмысленная ненависть, взаимная ненависть сообщниковъ мерзкаго преступленія, то есть брачной жизни.

Нина слушала, что вся цѣль женскаго воспитанія -- выучить дѣвушку, какъ лучше прельщать мужчину и овладѣть имъ, что всѣ женскіе наряды и украшения -- безстыдны, что всѣ увѣрены будто женщина создана только

для наслажденія мужчины, что отношенія между женихомъ и невѣстой, мужемъ и женой -- простая «пакость», что всѣ искусства -- поэзія, музыка, живопись, скульптура -- одна лишь вредная гадость.

Нина слушала и еще болѣе страшныя, позорныя вещи и такія противныя слова, смыслъ которыхъ она только смутно угадывала, содрагаясь и краснѣя отъ стыда.

Все разрѣшилось омерзительной сценой убійства жены мужемъ. Тутъ проповѣдникъ какъ бы отошелъ въ сторону, проснулся мастеръ-художникъ, отыскалъ свои чудесныя краски, свою старую могучую кисть и нарисовалъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, картину, терзающую какіе угодно нервы.

Для чего же онъ рисовалъ все это, для чего поучалъ, проповѣдывалъ, изливалъ свою желчь? Для того, чтобъ имѣть возможность сказать, что бракъ есть мерзость, убійство и самоубійство, что любовь -- грубый, животный инстинктъ и развратъ, что дѣтей не должно быть и родъ людской долженъ стремиться къ самоуничтоженію, потому что въ этомъ самоуничтоженіи, въ прекращеніи

человѣчества -- его благо...

Нина совсѣмъ измучилась, чувствовала себя избитой нравственно, подавленной, уничтоженной, опозоренной.

Предъ нею вставляли нѣкоторыя впечатлѣнія ея юной жизни, многое изъ того, что она подмѣчала вокругъ себя, въ своемъ кругу.

Она видѣла и чувствовала, что въ словахъ изверга Позднышева есть ужасная правда. Если одно -- правда, другое -- правда, смѣетъ ли она, такъ многого совсѣмъ не знающая, утверждать, что вся эта смрадная, грязная картина человѣческаго общества -- чрезмѣрное преувеличеніе, сочиненіе, клевета!

А если все, все это правда?!

Вѣдь, вотъ же она сама, и до этого чтенія, послѣ того, что узнала отъ Ольги, плакала и повторяла: «какъ на свѣтѣ все гадко! какъ гадко!»

«Крейцера соната» только досказала ей недоговоренное Ольгой, только назвала все это по имени: «пакость, гадость, свиное и стыдное». Такъ оно и есть, и въ такомъ случаѣ онъ правъ -- пусть родъ человѣческой пре-

кратится, только, чтобъ этого не было!

XI.

-- **О**льга, онъ правъ!-- воскликнула она внѣ себя.-- Какое счастье, что я не вышла замужъ! Богъ спасъ меня... Все это такой позоръ, такая ужасная, ужасная гадость, что надо бѣжать, навсегда бѣжать отъ этого, какъ можно дальше, и никогда не думать ни о чемъ такомъ... Скажите, вѣдь, вы согласны?

Ольга сидѣла, опустивъ руки, совсѣмъ блѣдная, и глядѣла на нее испуганными глазами.

Наконецъ, она заговорила глухимъ голосомъ:

-- Да, вѣдь, онъ же самъ... онъ самъ писалъ, объявлялъ, что всѣ люди должны жить парами, что, если женщина хочетъ исполнить свое прямое, высокое назначеніе, если она хочетъ, чтобъ ее уважали -- она должна быть женой и матерью! Вотъ что онъ говорилъ, вотъ что онъ писалъ... это его ученіе!.. Господи! какъ же это... что-жъ это теперь такое?! И, вѣдь, вы сами, вы были согласны!

-- Да, я была согласна, мнѣ казалось, что

женщина должна быть женой и матерью,-- сказала Нина: -- но, вѣдь, я тогда еще не знала многого... того, что вы мнѣ открыли....

-- Но, вѣдь, онъ-то, онъ, вѣдь, хорошо зналъ все, чего вы не знали,-- даже злобно крикнула Ольга.-- Вѣдь, онъ самъ всю свою жизнь женатъ, у него куча дѣтей... онъ старикъ, и вотъ недавно у него родился ребенокъ! Онъ-то, вѣдь, зналъ и не считалъ мерзостью и пакостью! Гдѣ же правда? Какъ найти ее, когда мы всѣ вѣримъ каждому его слову, а онъ сегодня говоритъ одно, а завтра совсѣмъ другое, противоположное... Какой же это учитель!..

Нина, въ волненіи ходившая по комнатѣ, остановилась и съ печальною улыбкой сказала:

-- Милая Ольга, какъ вы скоро отказались отъ вашего великаго учителя!.. Вотъ мнѣ теперь приходится защищать его передъ вами. Мнѣ кажется... что виноваты прежде всего мы всѣ. Только Богъ безъ грѣха и безъ ошибки, только Христа Спасителя можно называть великимъ учителемъ, потому что каждое Его слово -- истина, и Онъ не могъ ошибаться... Вольно же вамъ такъ увлекаться!.. Вотъ те-

перъ вы и видите, что вашъ учитель сегодня говоритъ одно, а завтра можетъ сказать другое. Что же это значить? Это значить, что онъ вовсе не учитель, а самъ -- ученикъ. Онъ ищетъ, гдѣ правда; ему кажется, что онъ нашель ее -- и онъ увлекается и громко всѣмъ говоритъ: я нашель правду, вотъ она! А потомъ онъ видитъ, что это вовсе не правда, а что правда совсѣмъ другое. И онъ опять громко всѣмъ говоритъ: нѣтъ, вотъ она -- правда, смотрите!

Ольга продолжала волноваться.

-- Какъ же это? Развѣ это возможно, развѣ это возможно!-- повторяла она, глядя на Нину своими изумленными глазами.-- Какъ можетъ онъ говорить такъ утвердительно, такъ проповѣдывать -- и противорѣчить себѣ! Вѣдь, онъ знаетъ, что многіе примутъ каждое его слово, какъ законъ, и стануть поступать по этому слову, а если онъ потомъ скажетъ совсѣмъ иное -- такъ, вѣдь, этимъ ему легко погубить, совсѣмъ погубить тѣхъ, кто послушался того, что онъ сказалъ раньше!

-- Значить, онъ не думаетъ объ этомъ,-- замѣтила Нина: -- онъ просто дѣлаетъ свое

дѣло, ищеть правду и говорить обо всемъ томъ, что находить. Другой бы помолчалъ, а онъ молчать не можетъ... онъ ужъ очень вѣрить себѣ... И, вѣдь, вотъ теперъ онъ сказалъ такую правду!

-- Почему же это правда? Почему же правда -- это, а не то, что онъ говорилъ прежде?-- воскликнула Ольга.

-- Потому что я чувствую, что это такъ,-- отвѣтила маленькая княжна, сдвигая брови и строго глядя на Ольгу: -- потому что это ужасная гадость, губящая человѣка, и отъ нея надо бѣжать!

Ольга вспыхнула и проговорила:

-- Вы еще совсѣмъ ребенокъ, вы ничего не понимаете въ жизни, еще не можете судить объ этомъ.

-- Да это не я такъ сужу, такъ судить онъ, вашъ великій учитель, а я только съ нимъ согласна,-- усмѣхнулась Нина.

Ольга ничего ей не отвѣтила, подошла къ окну и долго, долго стояла неподвижно, забывшись, полная самыми тревожными, тоскливыми мыслями.

«Зачѣмъ же онъ раньше не досталъ «Крей-

церову сонату»?-- думалось ей:-- вѣдь, можно было достать раньше, а онъ все откладываетъ...

Какія ужасныя слова онъ сказалъ: къ гадкому и преступному прошлому отнынѣ не должно быть возврата!.. Что-жъ это значить?!.»

Какъ ни гнала она отъ себя ужасную мысль, но не могла отогнать.

Изъ этихъ словъ, изъ поведенія Вейса и изъ «Крейцеровой сонаты» она ясно видѣла, что именно это значить.

Великій учитель сказалъ, что люди должны жить «парами» -- и они рѣшили сдѣлаться парой. Они разсудили на основаніи словъ своего учителя, что ужъ одно это рѣшеніе равносильно совершившемуся браку и что потомъ, если для чего-нибудь это понадобится, всегда будетъ время устроить «церковный обрядъ». Пока же -- это излишне, разъ существуетъ фактъ истиннаго брака, т. е образовалась пара.

И они были очень счастливы, особенно Ольга, мечтавшая о великомъ призваніи женщины и желавшая, какъ можно скорѣе, его

исполнить.

Медовый мѣсяцъ ихъ свободной любви, какъ имъ казалось, благословляемой высочайшимъ авторитетомъ учителя, имущаго власть разрѣшать и вязать, вовсе не былъ для нихъ «мерзостью», по словамъ Позднышева. Они не испытывали ни «стыда», ни гадливости», ни «неловкости», ни «жалости», и имъ ничуть не было «до невозможности скучно».

Вейсъ, со своимъ длиннымъ носомъ, и Ольга, со своими наивными, изумленными глазами, были все же молоды и здоровы. Она исполняла законъ матерьяльной природы,— разъ имъ великій учитель не только разрѣшалъ, но рекомендовалъ образовать «пару»,— со всѣмъ блаженствомъ и наслажденіемъ, вложенными природой въ исполненіе этого величайшаго ея закона.

Можетъ быть ихъ остановило бы и удержало порицаніе, запретъ верховнаго авторитета. Но верховный авторитетъ былъ, какъ они знали, за нихъ, а потому никакое облачко не затемняло ихъ наслажденія. Для Ольги все было рѣшено, и будущность рисовалась ей хоть и туманными, но манящими красками.

ми.

И вотъ, налетѣла гроза. Раздалось новое слово учителя. Все, что было хорошо, законно, естественно, въ чемъ заключалось исполненіе высшаго призванія женщины, стало вдругъ мерзко и преступно.

И эта Нина, не имѣющая понятія о самыхъ простыхъ вещахъ,— туда же! Она тоже находитъ, что это мерзко и преступно, что отъ этого надо бѣжать!

А бѣжать ужъ поздно, никуда не убѣжишь, этихъ трехъ мѣсяцевъ не вернуть!

Ольга чувствовала себя и опозоренной, и совсѣмъ невиноватой. Она ненавидѣла теперь «великаго учителя» со всею страстностью, на какую она была только способна. Она завтра же пойдетъ къ Евгенію, откроетъ ему глаза, заставитъ его отказаться отъ ужасныхъ словъ, имъ произнесенныхъ... Какъ «нѣтъ возврата къ прошлому»? Что-жъ, онъ хочетъ ее бросить... бросить теперь теперь?!

Она сейчасъ бы къ нему побѣжала, но ужъ поздно и неизвѣстно гдѣ онъ...

— Нина, у меня такъ трещитъ голова, что я едва держусь,— сказала сна, сжимая себѣ голо-

ву руками:-- я пойду спать.

-- Я тоже лягу, я очень устала почему-то,--
отвѣтила маленькая княжна.

Не прошло и получаса, какъ обѣ онѣ потушили свѣчи. Нина долго не спала, обдумывая свое положеніе. Ей казалось, что за этотъ день она прожила цѣлые годы, что она стала совсѣмъ другая и даже постарѣла. Все представлялось ей въ новомъ и печальномъ свѣтѣ.

Но прежде всего она знала, что ей нельзя оставаться здѣсь, нельзя и незачѣмъ стѣснять Ольгу. Надо скорѣе, скорѣе уйти... Куда уйти?..

Ода вспомнила тихій женскій монастырь, верстахъ въ двадцати отъ ихъ имѣнія. Она вспомнила добродушную, всегда веселую матушку-игуменью Минодору, угощавшую ее въ густомъ запущенномъ саду очень вкусными вареньями и мягкими просфорами, вспомнила сыроватя, скромныя кельи монахинь въ старинномъ монастырскомъ зданіи...

Тамъ хорошо, тихо, и весь этотъ міръ, съ его открывшейся ей теперь мерзостью, тѣнь далеко. Тамъ бы отдохнуть, приготовиться къ жизни...

Но какъ же она поѣдетъ туда, не написавъ матушкѣ Минодорѣ и не получивъ ея отвѣта! Матушка Минодора просто благоговѣетъ передъ ея отцомъ и матерью; она хоть и добрая, а все же ни за что не приметъ ее безъ ихъ согласія. Одинъ разъ прибѣжала къ ней дѣвушка, дочь богатаго помѣщика, которую родные уговаривали выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, и вотъ игуменья, не говоря ни слова, послала за этими родными и сдала имъ съ рукъ на руки несчастную дѣвушку. Нина очень хорошо помнитъ всю эту исторію и разсужденія Минодоры о послушаніи родителямъ, которые, до ея мнѣнію, всегда мудры и желаютъ добра своимъ дѣтямъ.

Куда же идти? куда бѣжать теперь и отъ мерзостей жизни, и отъ старшихъ дворниковъ, требующихъ паспортъ?

Вдругъ Нина вспомнила про Марью Эрастовну -- и удивилась на себя, какъ это до сихъ поръ о ней не подумала.

ХІІ.

Марья Эрастовна, двоюродная сестра княгини Хрепелевой, не принадлежала къ петербургскому «обществу». Она къ нему не принадлежала только потому, что сама не хотѣла этого, ненавидя всякія стѣсненія, условности, моды. Величайшимъ благомъ жизни она признавала свободу, но, по своему характеру, понятіямъ и вкусамъ, никогда не злоупотребляла ею.

Она была дочерью богатѣйшаго помѣщика прежняго времени, хорошаго хозяина, домосѣда и скопидома. Она провела и дѣтство, и молодость въ глухой русской деревнѣ, настолько глухой, что до тридцатилѣтняго возраста не могла найти себѣ хоть сколько-нибудь подходящаго жениха.

Ей удалось выйти замужъ, только благодаря самому счастливому стеченію обстоятельствъ. Въ ихъ мѣстности, чего до тѣхъ поръ не случалось, былъ временно расквартированъ полкъ, а командиръ оказался еще далеко не старымъ, вдовымъ, и очень представитель-

нымъ человѣкомъ. Словомъ, Марья Эрастовна вышла за этого полковника и сдѣлалась военной дамой.

Съ мужемъ она сошлась, и жили они прекрасно, во взаимномъ согласіи.

Они открыли секретъ семейнаго счастья, заключавшійся въ періодическихъ и продолжительныхъ разлукахъ.

Мужъ служилъ, дѣлалъ военную карьеру, получалъ то одно, то другое назначеніе, переселялся съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ. Марья Эрастовна слѣдовала за нимъ, нисколько не смущаясь такой кочевой жизнью. Но вотъ, что-то неуловимое, хоть и чувствуемое обоими начинало пробѣгать между, женой и мужемъ, какая-то тѣнь охлажденія, недовольства, скуки. Тогда Марья Эрастовна, недолго раздумывая, укладывалась и уѣзжала къ себѣ въ деревню, все равно — лѣтомъ или зимою, иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда на годъ, даже больше, смотря по внутреннему «самочувствію».

Каждый разъ послѣ такой разлуки супруги встрѣчались съ восторгомъ и будто вновь переживали молодость, будто вновь знакоми-

лись другъ съ другомъ.

У Марьи Эрастовны было двое дѣтей; но этого счастья судьба ей не дала: дѣти, ужъ не маленькія, умерли въ нѣсколько часовъ отъ страшнаго дифтерита. Марья Эрастовна мужественно пережила свое горе: только никогда его не забывала. Ея дѣти навсегда остались для нея живы, такъ что даже странно было ее слушать, когда она о нихъ говорила.

Между тѣмъ ея мужъ быстро подвигался по службѣ, получилъ большую извѣстность въ послѣднюю войну, и послѣ двадцатипятилѣтней супружеской жизни, умеръ заслуженнымъ и всѣми уважаемымъ генераломъ.

Марья Эрастовна, уже почти старуха по годамъ, но здоровая, моложавая и полная энергіи, осталась одна, безъ семьи и безъ близкихъ родныхъ. Единственный ея братъ, старый холостякъ, совсѣмъ неизвѣстно почему безвыѣздно жилъ во Флоренціа, въ купленномъ имъ тамъ за безцѣнокъ старомъ палаццо.

Марья Эрастовна была очень богата, а такъ какъ деньги всегда любятъ присоединяться

къ деньгамъ, то она вдобавокъ получила по-
слѣ мужа внушительную пенсію и аренду.

Наконецъ, умеръ и ея братъ, оставивъ ей,
какъ единственной своей законной
наслѣдницѣ, гораздо болѣе чѣмъ милліонное
состояніе.

Что кругленькая генеральша богата -- это
знали всѣ: но никто и не подозрѣваль
размѣровъ ея богатства. Сама же она о своихъ
дѣлахъ никогда ни съ кѣмъ не говорила.

Она продолжала, и по врожденнымъ вку-
самъ, и по привычкѣ вести кочевую жизнь.
Въ Петербургѣ у нея былъ собственный боль-
шой доходный домъ близъ Владимірской, и
тутъ, въ третьемъ этажѣ, издавна находилась
ея квартира, комнатъ въ десять, если чѣмъ и
поражавшая -- такъ единственно простотою.
Она пріѣзжала въ Петербургъ иногда среди
зимы и оставалась до лѣта, но случилось и та-
къ, что вдругъ, проживъ недѣли три, неочи-
данно для нея самой, уложится и ѣдетъ то въ
одно свое имѣніе, то въ другое, а то куда-ни-
будь за границу и, по большей части, въ такіа
мѣста, куда обыкновенно, никто даже и не
ѣздитъ.

Петербургскія родня давно ужъ всѣми способами подбивала Марью Эрастовну обратиться къ дамской благотворительной дѣятельности и предлагала ей устроить предсѣдательствованіе въ разныхъ «кружкахъ» и «обществахъ». Однако, кругленькая генеральша, съ присущимъ ей веселымъ упорствомъ, всегда и отъ всего отказывалась, позволяя себѣ даже подтрунивать надъ дамской благотворительностью.

Разсерженные родственники, а главное, родственницы, не разъ готовы были объявить ее Плюшкинымъ; но для этого не хватало достаточныхъ основаній,— Марья Эрастовна, хоть и довольно просто жившая и одѣвавшаяся «какъ бѣдная учительница», скупости все же не выказывала и, чтобы только отъ нея отвязались, давала благотворительницамъ значительныя суммы на ихъ «кружки» и «общества».

Новыхъ знакомствъ генеральша заводить не любила, старыхъ у нея было не особенно много, въ родственныхъ домахъ, начиная съ дома Хрепелевыхъ, ее встрѣчали не безъ почта: ея странный видъ, безцеремонная рѣчь

и «вульгарныя» манеры прощались ей ради ея богатства и возможности оказаться въ числѣ ея наслѣдниковъ. Она со всей своей дальней, хоть и многочисленной родней была всегда ласкова, добродушна, но до сихъ поръ никому не оказывала явнаго предпочтенія и не допускала съ собою никакихъ интимностей. Въ этомъ отношеніи она была кремень, а при слишкомъ назойливыхъ поползновеніяхъ на ея свободу просто исчезала, сказывалась уѣхавшей.

Къ маленькой княжнѣ Хрепелевой она благоволила, какъ и всѣ, знавшіе Ninette, и даже одинъ разъ подарила ей прелестную бѣлую пушистую собачку съ черными умными глазами и въ дорогомъ ошейникѣ. Этотъ подарокъ произвелъ значительное впечатлѣніе, такъ какъ Марья Эрастовна никому не дѣлала никакихъ подарковъ, ни взрослымъ, ни дѣтямъ.

Когда Нина, на слѣдующее утро послѣ чтенія «Крейцеровой сонаты», пріѣхала къ генеральшѣ и откровенно рассказала ей все, она должна была выдержать своего рода бурю. Марья Эрастовна съ покраснѣвшимъ ли-

цомъ, въ ситцевомъ капотикѣ, измѣряя свою небольшую простенькую спальню частыми шагами коротенькихъ ногъ бранилась по военному.

-- Ай-да княжна!-- говорила она, разводя руками.-- Нечего сказать, умница! Дура-дурой! Изъ мухи слона сдѣлала,

-- Mais, ma cousine...-- начала было Нина.

-- Это еще что такое?-- крикнула Марья Эрастовна.-- Что я тебѣ за кузина! Нечего французить, меня этимъ не задобришь... Я тебѣ не кузина, а тетка, двоюродная тетка, а ты мнѣ двоюродная племянница... Я тебѣ старуха, а ты мнѣ глупая дѣвченка -- такъ и знай!

Нина поняла, что вся эта брань и военный тонъ -- только ради сохраненія приличій, а что въ глубинѣ сердца тетушка вовсе не сердится и не считаетъ ее настоящей дурой. Поэтому она стала цѣловать Марью Эрастовну и пустила въ ходъ всѣ свои ужимки, доставившія ей удовольствіе получить въ подарокъ прелестную собачку,

Марья Эрастовна, однако, не сдавалась.

-- Не стрекози!-- опять крикнула она и даже топнула ногой.

Отъ такого никогда неслыханнаго ею, но весьма образнаго глагола Нинѣ стало совсѣмъ весело.

Она очень смѣшно передала сцену появленія госпожи Хазенклеверъ съ извѣстіемъ, что «старьши тфорникъ требуйте фить».

-- Такъ что-жъ, ты воображаешь -- это я должна скрывать тебя отъ полиціи?-- сказала Марья Эрастовна.-- Ты заварила прескверную и преглупую кашу, а я должна ее расхлебывать! вмѣсто того, чтобы придти въ себя и вернуться домой, ты хочешь перебраться ко мнѣ? Такъ?

-- Да, и если вы меня прогоните -- я не знаю, куда пойду, но знаю, что домой не вернусь добровольно... Если же меня вернуть силой -- я опять убѣгу. Въ этомъ я даю вамъ слово,--печально и спокойно проговорила Нина, внезапно остывая и блѣднѣя послѣ своей веселости и возбужденія.

-- Да, вѣдь, ты совсѣмъ сумасшедшая!--также спокойно, и пристально глядя на нее, сказала Марья Эрастовна.

-- Такъ ужъ прибавьте: сумасшедшая без-

надежно,— шепнула маленькая княжна.

Марья Эрастовна позвонила, велѣла горничной подать кофе и стала подробно спрашивать обо всемъ. Выпивъ свою чашку, она сказала Нинѣ:

— Слушай... тебѣ нечего возвращаться на Васильевскій островъ, напиши записку этой Ольгѣ, я пошлю челоуѣка, и онъ привезетъ оттуда твои вещи. А ты сиди здѣсь. Я сейчасъ поѣду къ твоимъ и ужъ знаю, что буду говорить... пожалуйста, не учи меня и въ это не вмѣшивайся... Сиди здѣсь смирно и жди. Поймай... Пойдемъ-ка, я тебѣ покажу твою комнату...

Она провела Нину въ простенькую, какъ и вся квартира, но уютную, веселую маленькую гостиную.

— Вотъ тутъ тебѣ кровать поставятъ, тутъ туалетъ... ничего, сойдетъ?— объяснила она и вдругъ подошла къ Нинѣ, обняла ее и крѣпко поцѣловала.

— Ахъ ты моя сумасшедшая, сумасшедшая!.. И кто бы подумалъ! Райская птичка какая-то, колибри... а презанозистая!

— Тетя! милая...— такъ и прильнула къ ней

Нина, глядя ей въ глаза своими синими, полными слезъ глазами.

-- То-то же -- тетя, милая!.. Ахъ ты «ма кузина» этакая!.. Ну... одѣнись и ѣду, авось Богъ поможетъ все уладить, какъ слѣдуетъ...

XIII.

Такимъ-то образомъ въ судьбѣ княжны Ninette, отвергнутой обществомъ и осрамившей своихъ, всѣми уважаемыхъ родителей, произошла внезапная и рѣшительная перемѣна.

Какъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по какимъ-то таинственнымъ законамъ, неизбежно должна совершиться судьба человѣка,-- всѣ препятствія мгновенно рассыпались прахомъ. Маленькая княжна дѣйствовала наивно, смѣшно и даже предосудительно. Она завязала тайныя сношенія съ «музыкантомъ», проникла въ его холостую квартиру; не могла понять, что такое «фить»; сочла документами свои два выигранные билета; подлежала вѣдѣнію не только явной, но и тайной полиціи. А въ результатъ для нея оказалось,-- спокойное переселеніе къ те-

тушкѣ Марьѣ Эрастовнѣ.

Чѣмъ больше въ тотъ день думали Хрепелевы о предложеніи, сдѣланномъ имъ этой хоть и вульгарной, но богатой кузиной, тѣмъ яснѣе они понимали, что самъ Богъ послалъ имъ ее.

Не будь Марьи Эрастовны въ Петербургѣ и не отнесись она такъ къ этой «ужасной, погибшей дѣвчонкѣ»,— что бы они дѣлали! Князь не спасъ бы себя никакой гимнастикой отъ апоплексическаго удара. Княгиня зачала бы отъ позора и преступная дочь не дала бы ей ни одной спокойной минуты.

Марья Эрастовна все устроила.

А когда княгиня упорно повторяла ей, что теперь у нея нѣтъ дочери, она прямо сказала:

— Ну и прекрасно, ты вотъ, душа моя, и постарайся забыть о ней. Я за тебя стану думать. Видно судьба... ничего не подѣлаешь...

Княгиня упала на грудь кругленькой генеральши и такъ долго рыдала и плакала, что подъ конецъ совсѣмъ успокоилась.

Она рѣшила сдѣлать визиты самымъ близкимъ людямъ и объяснить имъ все, что надо.

Она это исполнила на слѣдующій же день

и съ честью вышла изъ своего тяжелаго положенія.

Ее встрѣчали съ недоумѣніемъ и не безъ замѣтнаго предубѣжденія, но черезъ и ъскольکو минутъ она успѣвала возбудить жалость къ себѣ и уѣзжала отсюда, сохранивъ къ себѣ уваженіе.

Про Ninette отъ княгини узнавали, что она стала страдать ужасными нервными припадками.

«Что же тутъ дѣлать!.. Божье наказаніе... нашъ нервный вѣкъ... это въ воздухѣ носится кака-то зараза, психопатія... Шарко... лечение гипнотизмомъ... Она не выноситъ ни малѣйшаго замѣчанія, сейчасъ въ истерику... Во время припадка вырвалась изъ дому и уѣзжала къ теткѣ... Vous savez – ma cousine, Марья Эрастовна, la veuve du general... Она хоть и чудачка, но добрая женщина, одинокая et avec еа богата очень... пожалуй, до двухъ милліоновъ... Она особенно любитъ эту несчастную дѣвочку, оставила ее у себя, уговорила насъ... будемъ лечить, повезетъ къ Шарко... Мы согласились... Что же намъ дѣлать, у насъ другія дѣти.. Кэтъ вырастаетъ...

Да, наказаль насъ Богъ!.. и я, и мужъ, мы совсѣмъ убиты... Ёдемъ на Страстную и на Святую къ себѣ, а потомъ за границу... Бѣдный Валентинъ боится удара, у него такіе приливы къ головѣ, ему надо серьезно лечиться... А я -- вы видите, на что я стала похожа!..»

Княгиня, дѣйствительно, имѣла самый поблекшій и жалкій видъ -- и нельзя было не пожалѣть ее.

Насколько оказалось возможнымъ исправить дѣло, оно было исправлено.

Въ «свѣтѣ» даже акціи Ninette, совсѣмъ упавшія, значительно поднялись.

На Святой уже всѣ знали, что она больна, что ее будетъ лечить Шарко и что богатая тетка дѣлаетъ ее наслѣдницей двухъ милліоновъ. Ну, а при вкладѣ двухъ милліоновъ поднимаются акціи даже какого угодно общества, не то что молодой дѣвушки.

-- А какъ же тотъ пѣвецъ... музыкантъ... Аникѣевъ?-- спрашивали любопытные.-- Женится что ли на ней и получаетъ два милліона?!

-- Какъ же ему жениться, когда онъ женатъ!..

-- И притомъ, кажется, все это вздоръ, сплетни и ничего больше, говорятъ, они совсѣмъ и незнакомы. Князь Вово клянется, что онъ самъ его ей представилъ за нѣсколько минутъ до скандала, тогда, на вечеръ у Тулубьевой...

-- Да, Наталья Порфирьевна вчера еще все подробно рассказывала княгинѣ Гагариной, она-то, вѣдь, знаетъ...

-- Что же она говоритъ?

-- Elle dit que son artiste protégé n'y est pour rien.

-- Тѣмъ хуже для него, два милліона не шутка...

-- Да стоитъ ли толковать объ этомъ господинѣ! Ильинскій вотъ, что Ильинскій?!

-- Д-а-а! Промахнулся Ильинскій! Entre nous... онъ, говорятъ, просто локти себѣ кусаетъ...

Послѣ Святой уже никто больше не думалъ обо всей этой исторіи.

Начинался развѣздъ изъ Петербурга. Лѣтняя программа у всѣхъ была рѣшена и подписана. Наступало затишье. Общество прощалось до слѣдующаго сезона.

XIV.

А Нина жила въ своей уютной комнатѣ у Марьи Эрастовны, не имѣя никакого понятія обо всѣхъ этихъ толкахъ и сплетняхъ. Она мало интересовалась своими свѣтскими знакомыми, всѣми этими лицами, окружавшими ее за короткое время ея выѣздовъ и представлявшимися ей теперь будто видѣнными только во снѣ.

Она чувствовала себя совсѣмъ какъ и не въ Петербургѣ, а въ какомъ-то новомъ городѣ и даже въ новой странѣ. На душѣ у нея было тихо, спокойно, какъ бываетъ утромъ, когда человѣкъ, заснувшій наканунѣ нездоровымъ, просыпается и чувствуетъ, что нездоровье прошло во время сна.

Да, это утро -- и впереди цѣлый день, и надо подумать и рѣшить, какъ провести его.

Нина знала, что передъ нею день, и собиралась о немъ думать, но еще не думала. Ей было хорошо. Единственное, что отравляло ея тихое, хорошее настроеніе, была, часто возвращавшаяся, тоскливая мысль о любимой сестрѣ, Кэтъ. Теперь Кэтъ, какъ ей казалось,

ушла отъ нея навсегда -- и это было ей очень больно.

Но -- что же дѣлать!-- Нина уже знала, что полного счастья никогда нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ.

-- Тебѣ не скучно?-- на второй день Свѣтлаго Праздника спросила ее Марья Эрастовна.-- Не скучно? Говори только правду...

-- Когда же было соскучиться, тетя?-- отвѣтила Нина.

-- Видишь ли что, я думала въ началѣ Оминой выбратся изъ Петербурга и ѣхать съ тобой въ деревню, ну, а потомъ, можетъ быть, и за границу. А вотъ тутъ неожиданно дѣло у меня большое подвернулось. Дѣло случайное, выгодное, упустить его я не хочу. Придется намъ засидѣться весь апрѣль, да, пожалуй, и больше половины мая... Такъ ты ужъ не пеняй на меня.

Нина только съ изумленіемъ взглянула ей въ глаза и покачала головой.

-- Что же ты намѣрена дѣлать?-- спросила Марья Эрастовна.-- Что ты о себѣ, «ма кузина», думаешь и какъ бы желала жизнь свою прожить?.. Или ты обо всемъ этомъ подумать

еще не удосужилась?

-- Удосужилась, тетя, много объ этомъ думаю,-- съ серьезнымъ, дажо строгимъ лицомъ и сдвигая брови, медленно заговорила Нина.-- Я теперъ отдыхаю, въ себя прихожу. Только скоро ужъ начну жить и жить буду не такъ, какъ прежде...

-- А какъ же?

-- Совсѣмъ по новому. Видите ли, тетя, это невозможно рассказать и рѣшить заранѣе. Я увѣрена, что жизнь сама будетъ приходить ко мнѣ или посылать мнѣ то одно, то другое. И вотъ тогда я и буду дѣлать то, что мнѣ надо.

-- Ты, кажется, мать моя, ужъ заговариваться начинаешь, разобрать тебя что-то мудрено...

-- А вы все-таки постарайтесь, тетя, разберите! Я не хочу жить для себя одной, я хочу жить прежде всего для всѣхъ тѣхъ, кого судьба будетъ посылать мнѣ навстрѣчу... Человѣкъ идетъ по своей дорогѣ и то и дѣло встрѣчается, сталкивается съ другими людьми, идущими тоже каждою своею дорогой. Иной разъ столкнутся два человѣка на короткую только минуту, только на ту мину-

ту, когда пересѣкаются ихъ дороги. Другой разъ они идутъ рядомъ довольно долгое время. Случаются и такъ, что они идутъ рядомъ всю жизнь. Такъ вотъ и я хочу, чтобы всѣ, кто будетъ сталкиваться со мною на минуту или надолго, имѣли во мнѣ добраго дорожнаго товарища... Я хочу,— говорила она, разгораясь, сіяя своими синими глазами и дѣлаясь до того прелестной, что Марья Эрастовна начинала глядѣть на нее съ несвойственнымъ ея характеру умиленіемъ:— я хочу, изо всѣхъ силъ хочу, чтобы всякому, кто на короткое или на долгое время идетъ рядомъ со мною, было легче идти, легче, чѣмъ если бы меня рядомъ не было.

— Ты, мать моя, философъ!— сказала кругленькая генеральша, подняла брови и все, не отрываясь, глядѣла на Нину.

— Не знаю, кто я. Можетъ быть, и очень глупая, только я объ этомъ давно, давно ужъ думаю. И вотъ я знаю, что жить иначе нельзя, что только живя такъ, я буду счастлива. Можетъ-быть, я никогда не сумѣю облегчить путь моихъ дорожныхъ товарищей, можетъ быть, несмотря на все мое желаніе, на всѣ

мои усиля, я ничего для нихъ не сдѣлаю или вмѣсто добра, неволью дамъ имъ одно зло, тогда я буду очень несчастна. Но только нѣтъ, Богъ не допуститъ этого, я такъ сильно хочу и вѣрю, что Богъ мнѣ поможетъ...

Марья Эрастовна вдругъ встала и ушла къ себѣ въ свою спальню.

Она сама не отдавала себѣ отчета, что съ нею,-- и все же была смущена и разстроена.

Она присѣла къ столу, у котораго обыкновенно писала свои дѣловыя письма и гдѣ, въ запертыхъ ящикахъ, лежали ея бумаги. Она выдвинула одинъ изъ ящиковъ, вынула пакетъ, стала перечитывать вложенные въ него письма и документы, относившіеся къ дѣлу, задержавшему ее теперь въ Петербургѣ.

Ей предстояла необыкновенно выгодная покупка огромнаго доходнаго дома. Придется похлопотать, отдать на это дѣло мѣсяць времени -- и она будетъ получать процентовъ пятьдесятъ съ затраченнаго капитала. Это не первое выгодное дѣло въ ея жизни. Она давно ужъ удачно и ловко, совсѣмъ по-мужски, занимается дѣлами.

Есть у нея очень выгодный и удобный по-

мощникъ, такой Иванъ Иванычъ, старецъ бодрый, умудренный опытомъ, великій мастеръ на разныя дѣла и сдѣлки. Марья Эрастовна когда-то и чѣмъ-то одолжила его «по-гробъ жизни». Съ тѣхъ поръ онъ чувствуетъ къ ней мистическій трепетъ и служитъ ей какъ вѣрная собака -- за самое умѣренное вознагражденіе. Только онъ одинъ и можетъ знать, насколько она богата, какъ при ея скромной жизни, при ея наслѣдственномъ скопидомствѣ, съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ ея состояніе...

Прочла Марья Эрастовна письма и документы, и вдругъ ей стало скучно. Странное дѣло, она обыкновенно никогда не скучала.

Она наперла ящикъ стола и вернулась въ Нинину комнату.

Маленькая княжна сидѣла у окна все съ тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ, съ тѣми же вдохновенно сіявшими глазами.

Марья Эрастовна подошла къ ней и положила ей руку на плечо.

-- Такъ ты хочешь жить для другихъ... хочешь облегчать твоихъ дорожныхъ товарищей?!. Глупая дѣвочка... вотъ теперь сошлись

наши съ тобой дороги, я -- твой дорожный товарищъ...

Ея громкій веселый голосъ дрогнулъ, и она не договорила своей мысли.

Опять хотѣла она уйти, но осталась и все глядѣла на Нину будто старалась понять что-то -- и еще не понимая.

XV.

На Святой, послѣ холодовъ, вѣтровъ и даже гололедицы, наступили теплые, ярко-красные дни, какіе иной разъ задаются въ Петербургъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля. Запоздавшая было весна сразу сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

Весна чувствовалась во всемъ, и Нина ощутила ее неясной тревогой, нетерпѣливымъ раздраженіемъ, жаждой движенія, дѣятельности, жизни, а по временамъ -- тихой, пріятной грустью.

До сихъ поръ она почти не выходила изъ дома, только нѣсколько разъ выѣзжала съ Марьей Эрастовной въ каретѣ, спустивъ на лицо густой вуаль.

Когда изрѣдка у Марьи Эрастовны появля-

лись гости, Нина ни за что не хотѣла ихъ видѣть и оставалась въ своей комнатѣ. Если въ домѣ никого не было, она неслышно проходила въ большую гостиную, подсаживалась къ роялю и не то что играла, а тихо наигрывала свои любимые мотивы.

Цѣлые часы она проводила за чтеніемъ. По ея просьбѣ Марья Эрастовна перевезла ей всѣ ея книги. Каждый вечеръ, ложась спать, она долго читала Евангеліе и Апостольскія посланія, вдумывалась въ каждое слово, то и дѣло справлялась со своими записками, составленными ею со словъ ея законоучителя.

Передъ Страстной она заѣхала въ книжный магазинъ и купила сочиненіе Фаррара. Объ этихъ книгахъ она уже давно слышала и давно хотѣла познакомиться съ ними. Но въ прошломъ году княгиня рѣшила, что это для нея черезчуръ серьезно, а въ послѣдніе мѣсяцы, во время выѣздовъ и свиданій съ женихомъ, графомъ Ильинскимъ, она сама о нихъ позабыла.

Теперь же она принялась за нихъ съ жадностью.

На Страстной Нина вмѣстѣ съ Марьей Эра-

стовной говѣла во Владимірской церкви, но была недовольна своимъ говѣніемъ, никакъ не могла поднять себя и удержать на высотѣ должнаго настроенія, уже знакомаго ей по прежнимъ годамъ. Къ Свѣтлой заутрени ей попасть не удалось, такъ какъ Марья Эрастова во время говѣнія простудилась, а кромѣ нея не съ кѣмъ было отправиться въ церковь.

Но вотъ настали эти теплые весенніе дни, и Нина пришла въ новое настроеніе, сказавшееся прежде всего тѣмъ, что она увидала во снѣ Аникѣева и стала о немъ думать.

До сихъ поръ она ни о комъ особенно не думала, не думала и о немъ. Теперь же ей очень захотѣлось его видѣть.

Что онъ о ней думаетъ... Сколько времени прошло! Она обѣщала написать ему и не писала. Теперь, именно теперь, необходимо съ нимъ увидаться, поговорить. Вѣдь, все ужъ совершилось, и у нея накопилось многое, что она хотѣла бы сказать ему. Да и спросить его ей тоже нужно о многомъ.

А вдругъ его нѣтъ въ Петербургѣ? Всѣ разъѣзжаются... Что если онъ уѣхалъ и совсѣмъ не вернется? Что если онъ столкнул-

ся съ нею въ жизни только на одинъ мигъ, и дороги ихъ разошлись навсегда!

Нина, дойдя до этой мысли, испугалась и даже вся похолодѣла. Вотъ она о немъ не думала, какъ будто совсѣмъ позабыла его, но, вспомнивъ, почувствовала, что онъ такъ же нуженъ ей послѣ всего, что случилось, даже еще нужнѣе.

И вмѣстѣ съ этимъ вспомнила она свое впечатлѣніе, вынесенное отъ него. Она рѣшительно и смѣло говорила себѣ, что и она ему точно такъ же нужна. Нѣтъ, она недаромъ его встрѣтила, недаромъ была у него, она должна, должна его видѣть...

-- Тетя,-- сказала она за обѣдомъ Марья Эростовнѣ:-- вы помните, что я вамъ говорила объ Аникѣевѣ?

-- Помню, въ чемъ же дѣло?

-- Я хочу его видѣть...

Марья Эростовна подняла брови.

-- На всякое хотѣніе есть терпѣніе -- это разъ, а во-вторыхъ, гдѣ же ты это собираешься съ нимъ встрѣтиться? Что ты побѣжала къ этому господину въ забвеніи чувствъ -- это я еще, хоть и съ трудомъ, но все-таки понять

могу. Теперь же ты, надѣюсь, вышла изъ забвенія чувствъ, можешь понимать свои поступки, и нечего мнѣ объяснять тебѣ, что бѣгать по мужскимъ холостымъ квартирамъ - невозможно.

-- Я это понимаю, тетя, а потому прямо прошу васъ позволить мнѣ написать ему и пригласить его сюда, къ вамъ.

Марья Эрастовна поморщилась.

-- «Ма кузина», ты мнѣ совсѣмъ не нравишься. Ты затѣяла пустое!-- болѣе серьезно, чѣмъ шутливо сказала она.

И Нина почувствовала, что наткнулась на серьезное препятствіе. Но она не смутилась и заговорила очень спокойно:

-- Тетя, милая моя, я вижу, что намъ разъ навсегда надо рѣшить кое-что важное. Я васъ очень люблю и люблю все больше и больше... это правда!.. Я такъ рада, что вамъ нравлюсь и что вы взяли меня къ себѣ. Я поѣду съ вами, куда хотите... и въ деревню, и за границу... куда хотите, мнѣ все равно... Но я могу жить съ вами только въ одномъ случаѣ...

-- Ну-съ -- неопредѣленно спросила Марья Эрастовна.

-- Если вы будете довѣрять мнѣ... совсѣмъ, совсѣмъ довѣрять и оставите меня свободной... Если же вы думаете, что я, вотъ теперь, когда здорова, и когда меня никто не мучаетъ, и, не проклинаятъ, могу, сдѣлать что-нибудь дурное и гадкое, тогда я не могу у васъ жить...

-- Видишь ли, «ма кузина», если бъ я считала тебя дурной и гадкой, то ты теперь не сидѣла бы передо мною, и мы бы съ тобой не говорили,-- остановила ее Марья Эрастовна.-- Но ты забываешь, что ты еще почти дитя, хотя и начиталась и надумалась немало. Ты можешь не хотѣть ничего дурного, а все-таки сдѣлать это дурное по непониманію... Подожди, поживи, стань сначала взрослой...

-- Тетя, Аникѣевъ порядочный, благовоспитанный человѣкъ, человѣкъ съ удивительнымъ, чуднымъ талантомъ... увѣряю васъ, и вѣрьте мнѣ... Когда вы его увидите, вы сами скажете, что знакомство съ нимъ ни для кого на свѣтѣ не можетъ быть дурнымъ дѣломъ. Я не могу, жить, не имѣя знакомыхъ, или знакомясь съ такими людьми, которые мнѣ не интересны...

-- Да ты влюблена въ него что ли!-- перебила ее Марья Эрастовна, пристально глядя ей въ глаза.

Нина спокойно выдержала этотъ взглядъ, и у нея вырвалось:

-- Богъ съ вами, тетя! И ради Бога не говорите мнѣ никогда о влюбленности, это такая гадость!..

Ея живое лицо выразило, настоящее отвращеніе.

-- Вотъ какъ!-- произнесла Марья Эрастовна.-- Такъ для чего же онъ тебѣ нуженъ? Заговоръ у васъ съ нимъ что ли какой? Что за тайна?..

-- Когда вы увидите его, такъ и узнаете эту тайну,-- отвѣтила Нина:-- умоляю васъ, будьте такъ милы, позвольте мнѣ написать ему и пригласить его. Я ничего не хочу дѣлать тайкомъ отъ васъ, но мнѣ необходимо его видѣть. Если его нѣтъ въ Петербургѣ, если онъ уѣхалъ, я просто приду въ отчаяніе... Ну, тетя, тетя... добренькая, позвольте!..

-- А коли не позволю?!

-- Тогда я все же напишу ему и назначу свиданіе на улицѣ,-- серьезно и рѣшительно

отвѣтила Нина.

Марья Эрастовна подумала, качнула головою и разрѣшила.

-- Пиши, посмотрю, что за птица... И завтра, и послѣ-завтра вечеромъ я дома, а днемъ занята... Такъ ужь пусть прямо вечеромъ.

Нина, какъ ребенокъ, прыгнула со своего стула и стала обнимать и громко цѣловать Марью Эрастовну.

Но та была не въ духѣ.

XVI.

Пославъ свою пригласительную записку Аникѣеву, Нина очень волновалась. Ей чудилось, что отъ свиданья съ нимъ зависитъ нѣчто очень, очень важное въ ея судьбѣ. Не отвѣтитъ онъ, уѣхалъ изъ Петербурга -- значитъ, ей грозитъ неудача во всѣхъ ея планахъ и замыслахъ жизни. Здѣсь онъ, придетъ -- значитъ, все хорошо, -- хорошо есть и будетъ.

Онъ отвѣтилъ коротко, сухо, оффиціально, что исполнить ея приказаніе и явится въ назначенный часъ.

Она такъ обрадовалась, что не обратила даже вниманія на тонъ его отвѣта, который

въ другое время непременно показался бы обиднымъ ея юному самолюбію.

Съ утра уже она чувствовала себя въ возбужденномъ состояніи, какъ человекъ, давно жившій въ полномъ одиночествѣ и ожидающій скорого свиданія съ самыми близкими родными и друзьями. Это было именно такое чувство: все близкое, родное и интересное теперь заключалось для нея въ Аникѣевъ. Почему что такъ, откуда взялось это -- она ничего не понимала, да и не спрашивала себя объ этомъ.

Несмотря на всю свою живость, она такъ ужъ умѣла владѣть собою, что Марья Эрастовна, зорко за нею слѣдившая, ровно ничего въ ней не замѣтила.

Аникѣевъ въ назначенное время, то-есть, ровно въ половинѣ восьмого вечера, явился. Марья Эрастовна была сильно не въ духѣ. Она и досадовала на себя за то, что согласилась на сумасбродное желаніе Нины, и въ то-же время сознавала, что не согласись она -- и эта занозистая, полоумная, но уже милая ей дѣвчонка сдѣлаетъ что-нибудь еще несуразнѣе.

Пусть ужь лучше всѣ ея глупости будутъ открыты, у нея на глазахъ.

Однако, что-же подумаетъ этотъ господинъ, что онъ вообразить? Какова роль ея, Марьи Эрастовны?

«А чортъ съ нимъ! Пусть думаетъ, что хочетъ!..» -- рѣшила она и въ то же время почувствовала, что если нининъ пѣвецъ ей не понравится, она все-же сразу оборветъ это.

Когда о немъ доложили, она сказала Нинѣ: -- Оставайся пока у себя, тебѣ нечего мнѣ представлять его. Я сначала одна выйду въ гостиную, а потомъ ужь и ты можешь.

Увидя предъ собою нѣсколько смущенное, блѣдное и усталое лицо Михаила Александровича, она поразилась въ немъ сходствомъ съ кѣмъ-то. Но съ кѣмъ -- не могла вспомнить. Что-то знакомое, очень знакомое, далекое и малое для ѣя было въ этомъ чловѣкѣ. И притомъ совсѣмъ не такимъ она его себѣ представляла.

Она пригласила его сѣсть и, со свойственнымъ ей спокойнымъ апломбомъ, объяснила ему по своему всѣ обстоятельства. Она даже рекомендовала себя, какъ большую люби-

тельницу музыки и пѣнія, хотя въ дѣйствительности до сихъ поръ была довольно равнодушна ко всѣмъ искусствамъ. Она даже солгала, что много слышала о немъ, Аникѣевѣ, давно хотѣла съ нимъ познакомиться, но нигдѣ не могла его встрѣтить, такъ какъ живетъ въ Петербургѣ обыкновенно не долго и не бываетъ въ обществѣ.

-- Вы ужъ меня, старуху, извините,-- говорила она:-- я человекъ простой, такъ сказать, отставная полковная дама. На пріѣхали бы вы такъ вотъ, безъ церемоніи, я бы и сама къ вамъ поѣхала, не смутилась...

«Шутъ бы побралъ эту Нинку,-- думала она:-- этакую ерунду я порю по ея милости!.. Коли дуракъ -- такъ повѣрить!..»

Аникѣевъ не то что вѣрилъ или не вѣрилъ, а просто чувствовалъ себя очень неловко. Приглашеніе Нины его даже разсердило, но онъ не нашелъ въ себѣ силы, по своему характеру огорчить эту маленькую хорошенькую психопатку, быть съ нею невѣжливымъ. Конечно, въ немъ было при этомъ и нѣкоторое любопытство посмотреть, что все это значитъ и что такое творится теперь съ

Ниней. Была въ немъ, наконецъ, и злость: онъ зналъ, отъ Вово о сплетнѣ, соединившей его имя съ именемъ Ninette... все это было необычно, дико, странно,— а онъ любилъ необычное.

Его смущенье скоро прошло. Кругленькая генеральша, хотя мысленно и бранилась, и толковала что-то не совсѣмъ подходящее, все-же сразу ему понравилась. Онъ отвѣтилъ ей приличными по обстоятельствамъ фразами, поблагодарилъ за вниманіе любезность и комплименты, и ждалъ -- какъ выйдетъ и что скажетъ Нина.

Она вышла очень спокойная по виду, крѣпко сжала его руку, сѣла напротивъ него и глядѣла ему въ глаза съ непонятнымъ вопросомъ въ глубокихъ синихъ глазахъ.

Онъ нашель, что она измѣнилась въ эти три съ половиною недѣли, будто выросла, будто стала больше женщиной. И при этомъ она еще похорошѣла. Онъ любовался ею. Неловкое молчаніе началось и продолжалось. Но ни Аникѣевъ, ни Нина его не замѣчали; замѣчала его только Марья Эрастовна.

«Охъ, влюблены! Ишь глядятъ другъ на

друга!.. Охъ, чтобъ васъ -- изволь теперь во- звиться!..»

Наконецъ, Аникѣевъ сообразилъ, что надо прервать молчаніе, и заговорить съ Ниной. Хотя маленькая княжна и отдала ему торже- ственно свою братскую дружбу, но все-же въ такой обстановкѣ, при этой совсѣмъ новой и совсѣмъ еще непонятной кругленькой ста- рушкѣ -- какой интересный разговоръ могъ быть между «браткомъ и сестрицей?»

Аникѣевъ ухватился за единственное: онъ заговорилъ о Вово.

-- Я никого съ тѣхъ поръ не видала,-- сказа- ла Нина:-- и его тоже. Онъ всегда называлъ се- бя моимъ другомъ и, если-бы хотѣлъ меня видѣть, могъ бы пріѣхать сюда, тетя его зна- етъ... я бы его приняла. Я его люблю, онъ доб- рый... Очень жаль... Я вижу, что и онъ теперь меня боится...

-- Не взводите на него напраслины, княж- на,-- перебилъ ее Аникѣевъ:-- его уже давно нѣтъ въ Петербургѣ. Около двухъ недѣль тому назадъ я получилъ отъ него записку, всего нѣсколько словъ: «прости, ради Бога, прости! Буду писать изъ Рима. Вернусь скоро». И я его

простиль. Простите его и вы, княжна, вѣдь, онъ всегда такъ, и на него нѣтъ возможности сердиться. Почему такъ неожиданно, въ одну минуту? Что ему Римъ и что онъ Риму?!. Вернется, станетъ объяснять и -- ничего не поймешь... Его надо брать такимъ, каковъ онъ есть, и надо его любить, потому что несмотря на все, онъ все-же лучшій изъ лучшихъ.

-- Да, вы правы,-- задумчиво сказала Нина, и нѣсколько минутъ поговорили они о хорошенькомъ князѣ.

Марья Эрастовна слушала и пристально смотрѣла на Аникѣева.

-- Знаете, что?-- вдругъ перебила она ихъ бесѣду:-- на свѣтѣ бываютъ странныя, поражающія сходства. Вотъ гляжу я на васъ, Михайль Александровичъ, какъ только вы вошли, и все удивляюсь: на кого вы похожи, необыкновенно похожи! Только сейчасъ вспомнила. Въ моей молодости знала я одну чудесную свѣтскую дѣвушку. Она даже мнѣ свойственницей приходилась, и я ее очень любила... Нельзя было не любить ея! Красавица была, доброты ангельской, музыкантша, какъ пѣла!.. Вотъ и въ этомъ опять съ вами

сходство... Я тогда зиму проводила въ Петербургѣ, въ домѣ у дяди Лотухина, выѣзжала тоже, и мы подружились, хотя и совсѣмъ ужъ не подходили другъ къ другу. Я деревенщика, толстушка, дурнушка. Меня отецъ иначе, какъ тумбой, и не называль никогда. Она, говоря изящнымъ «штилемъ»,-- греза поэта! Она покоряла всѣхъ, изъ-за одной ея улыбки братья и закадычные друзья готовы были перѣзаться и перестрѣляться. Всѣ думали, что ее ждетъ какая-нибудь высокая, счастливая доля. А между тѣмъ...

Но Аникѣевъ ужъ понималъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы Марья Эрастовна продолжала.

-- Мнѣ кажется,-- сказалъ онъ, перебивая ее:-- вы говорите о графинѣ Садовской, о Софѣ Михайловнѣ... о моей матери...

Марья Эрастовна даже поднялась съ кресла и ротъ разинула, а потомъ ударила себя своей маленькой толстой рукой по лбу.

-- Батюшки, вотъ затменіе-то! Да, вѣдь, я знала, что она вышла замужъ... и фамилію помнила. Нечего сказать, хороша! Такъ вы сынъ нашей Софи? Ну, знаете, милый мой, это ужъ совсѣмъ другое... дайте мнѣ обнять

вась!

Она по родственному взяла руками голову Аникѣева и крѣпко поцѣловала его въ лобъ.

Въ одно мгновеніе всѣ они оживились, и больше всѣхъ преобразился Михаилъ Александровичъ.

Онъ говорилъ о матери, спрашивалъ, какимъ-же это образомъ Марья Эрастовна совсѣмъ потеряла ее изъ виду: вѣдь, они такъ часто жили въ Петербургѣ.

Марья Эрастовна объяснила ему всѣ обстоятельства своей жизни, свои скитанія, свою нелюбовь къ Петербургу, куда она, особенно въ прежніе годы, пріѣзжала только по необходимости и на короткое время. Потомъ они перебрали свое свойство и родство и то и дѣло находили общихъ дальнихъ родственниковъ, какъ это всегда случается между русскими дворянами.

Нина молча и внимательно слушала, слушала и радовалась: теперь знакомство ея, свиданія съ Аникѣевымъ обезпечены; тетя тряхнула стариной, ушла въ воспоминанія молодости и вонъ какъ ласково глядитъ на Аникѣева... Да и онъ совсѣмъ оживился!

Ахъ, какъ хорошо, какъ весело!

XVII.

Оживленная бесѣда между Аникѣевымъ и Марьей Эрастовной продолжалась и въ столовой, куда они перешли пить чай около десяти часовъ. Кончилось тѣмъ, что Михаилъ Александровичъ совсѣмъ побѣдилъ сердце кругленькой генеральши.

Самъ же онъ, подѣ влияніемъ ея воспоминаніи и рассказовъ о покойной Софѣ Михайловнѣ, впалъ въ грустно-пріятное, музыкальное настроеніе. Онъ ощущалъ какъ-бы близость своей матери, что съ нимъ случалось время отъ времени. Это ощущеніе всегда приносило ему атмосферу его дѣтства и юности, всегда рождало въ душѣ міръ образовъ и звуковъ, просившихъ воплощенія.

Такъ случилось съ нимъ и теперь -- онъ долженъ былъ пѣть. Тайнственнымъ, но неизмѣннымъ процессомъ въ немъ созрѣвала импровизація.

Когда они снова пришли въ гостиную, -- онъ прямо направился къ роялю.

Нина восхищенно переглянулась съ теткой. Онъ сѣли рядомъ на диванчикъ, въ глубинѣ комнаты. Нина такъ вся и насторожилась.

Будто тихія волны, медленно набѣгая одна на другую, полились съ клавишей рояля. Потомъ издали донеслись звонкія трели соловьиной пѣсни. Но вотъ все стихло, открывалась какая-то таинственная завѣса, пахнуло какъ бы душистой теплотой -- и пробужденный, задумчивый голосъ запѣлъ:

*Полночныхъ розъ сильнѣй благоуханье,
Весь замеръ садъ въ объятыхъ тишины,
Все глубже тѣнь, и все яснѣй сіянье
Изъ-за вѣтвей прокравшейся луны...*

И Нина видѣла передъ собою эту чудную ночь», и тишина обступила ее, и благоухали розы, посеребренные луннымъ сіяньемъ...

Откуда-же взялась эта весенняя ночь, со всей полнотою своего обаянія? Не сонъ-ли это?

И вотъ, сейчасъ-же отвѣчая ей, голосъ пѣвца поднимался выше и выше, разгорался вдохновеніемъ:

*Не свѣтлый сонъ незримою рукою
Передо мной завѣсу распахнулъ,
Нѣтъ, не во снѣ далекою весною
Мой старый садъ вновь на меня
дохнулъ...
Не ты-ль мечта, давно забытый
геній,
Мнѣ принесла воскресшіе цвѣты,
Не ты-ль зовешь изъ мрака
привидѣній
Въ завѣтный міръ безсмертной
красоты?..
Передъ тобой не скрою я страда-
нья
Незримыхъ ранъ, невыплаканныхъ
слезъ...
О, мчи меня въ безбрежныя сіянья
Счастливыхъ грезъ!..*

Сколько пережитаго страданія, сколько долгой, тайной тоски, сколько душевныхъ слезъ слышалось въ этихъ звукахъ... И Нинѣ хотѣлось плакать, хотѣлось нѣжной, безконечной лаской залѣчить эту тоску, это

страданіе, высушить эти тайныя слезы. Ей хотѣлось унестиcь вмѣстѣ съ измученнымъ поэтомъ въ безбрежныя сіянья счастливыхъ грезъ, въ завѣтный міръ безсмертной красоты -- чистой, высокой, безгрѣшной, какъ эта весенняя ночь, какъ эти могучіе, вдохновенные звуки.

Марья Эрастовна сидѣла, задумчиво опустивъ голову.

Опять зашептали волны -- и стихли...

-- Боже мой, какъ ему не грѣхъ нападать на искусство, считать лишнимъ, вреднымъ, грѣховнымъ!-- воскликнула внѣ себя Нина.

-- Кому?-- спросилъ Аникѣевъ, будто просыпаясь и отходя отъ рояля.

-- Толстому... Въ «Кренцеровой Содатѣ».

-- А вы развѣ читали?

-- Матушки! когда-жъ это ты успѣла?-- встрепенулась Марья Эрастовна.

-- Я прочла съ Ольгой Травниковой, у нея,-- просто отвѣтила Инна.

Кругленькая генеральша качала головою.

-- Михаилъ Александровичъ, я не читала,-- обратилась она ль Аникѣеву:-- говорятъ, это ужасно... правда?

-- И да, и нѣтъ, тамъ много страшной истины; но такъ же много и преувеличенія; во всякомъ случаѣ, это не для легкаго чтенія и... такой молодой дѣвушкѣ, какъ княжна, читать совсѣмъ бы не слѣдовало,-- говорилъ Аникѣевъ.-- Я помню, мнѣ было лѣтъ двѣнадцать, одинъ очень почтенный монахъ меня сталъ исповѣдывать по подробному требнику... Я многихъ грѣховъ совсѣмъ не понималъ и, думаю, до сихъ поръ бы, несмотря на мою грѣховность, не зналъ бы объ ихъ существованіи. Монахъ счелъ нужнымъ дать мнѣ всѣ объясненія. Я ушелъ отъ него съ ужасомъ и омерзѣніемъ въ душѣ, я долго думалъ, что если въ мірѣ такіе отвратительные и бессмысленные грѣхи и если даже дѣти моихъ лѣтъ могутъ такъ грѣшить, а иначе зачѣмъ же было меня о нихъ спрашивать, то люди совсѣмъ не должны существовать... Мнѣ кажется, княжна, что и вы это-же самое чувствовали послѣ «Крейцеровой Сонаты». Такъ, вѣдь?

-- Да, вы угадали,-- вспыхнувъ, произнесла Нина:-- только вотъ-же вы сами говорите, что много ужасной правды...

-- И въ требникъ тоже правда,-- сказалъ Аникѣевъ:-- но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нелѣпѣйшіе грѣхи, существованія которыхъ человекъ, проживя всю жизнь, можетъ совсѣмъ и не подозрѣвать, составляютъ общее правило, обычное явленіе даже и въ дѣтяхъ... А Толстой именно говоритъ обо всемъ, какъ объ общемъ правилѣ... Однако, онъ ли говоритъ? «Крейцерова соната» возбуждаетъ столько толковъ, что, можетъ-быть, онъ самъ объяснить, гдѣ тутъ его собственныя мысли... Пока-же я думаю, что устами Позднышева говоритъ вовсе не авторъ.

-- Почему-же вы такъ думаете?-- нетерпѣливо спросила Нина.

-- Потому что мнѣ странно предположить, что Толстой выбралъ въ провозвѣстники своихъ убѣжденій Позднышева, вложилъ свои мысли въ уста помѣшаннаго человека. А что Позднышевъ помѣшанный, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Толстой, со всѣмъ своимъ талантомъ, создалъ живой образъ помѣшаннаго. Онъ придалъ ему всѣ черты, всѣ, какъ внутренніе, такъ даже и внѣшніе признаки ненормальности, психической

болѣзни. Не только врачъ, но и всякій, кто видалъ сумасшедшихъ и маньяковъ, ошибиться въ Позднышевѣ не можетъ.

Нина задумалась.

-- Такъ вы увѣрены, что тамъ очень много преувеличеній?-- спросила она.

-- Конечно, вѣдь, вотъ вы сами воскликнули, что онъ грѣшитъ, считая искусство вреднымъ и ненужнымъ... Такъ и во многомъ другомъ. Но много тамъ и правды, часто встрѣчающейся въ нашемъ обществѣ, и эта правда сказана съ огромною силой!.. Только выводы Позднышева -- выводы помѣшаннаго, страдающаго *idée fixe* маньяка, и не могутъ быть выводами здравомыслящаго человѣка. Если есть люди, даже много людей, которые совсѣмъ заглушили въ себѣ духовнаго человѣка и живутъ, какъ звѣри -- это еще не значить, что все человѣчество превратилось въ стадо животныхъ. Если Позднышевы, хотя-бы имя имъ было легионъ, не понимаютъ ни истинной любви, ни настоящаго брака -- это еще не значить, что совсѣмъ и нѣтъ любви, и что бракъ мерзость. Если музыка Бетховена на кого-нибудь имѣла дурное вліяніе и

помѣшаннаго челоуѣка подтолкнула на гнусное преступленіе -- это еще не значитъ, что искусство, высшій изъ даровъ природы, подлежитъ позорному истребленію. Провозглашать все это, требовать этого и видѣть спасеніе отъ зла въ прекращеніи челоуѣчества можетъ только безумецъ, такъ правдиво изображенный Толстымъ.

Аникѣевъ замолчалъ.

Молчала и Нила. У нея явились и новыя мысли, и новыя ощущенія. Она была согласна съ Аникѣевымъ и радовалась, что въ «Крейцеровой Сонатѣ» такъ много преувеличеній. Но все-же оставалось для нея много неяснаго, оставались тяжелыя противорѣчія. Она хотѣла бы поговорить обо всемъ этомъ съ Аникѣевымъ, и ей жаль было, что именно съ нимъ объ этомъ говорить нельзя, и она никогда не рѣшится.

-- Непремѣнно достану «Крейцерову Сонату» и прочту!-- сказала Марья Эрастовна.

XVIII.

Они не замѣтили, какъ кто-то позвонилъ въ передней, какъ отворили двери. Въ гостиную входилъ высочайшій сухой старикъ съ гладко выбритымъ лицомъ и бѣлою, какъ снѣгъ, головой. Благообразный и даже важный, весь въ черномъ и съ черепаховымъ рinсе-pez на широкой лентѣ, онъ походилъ на отставного министра; но былъ всего-на-всего Иваномъ Ивановичемъ, скромнымъ стряпчимъ, «по гробъ жизни» преданнымъ генеральшѣ.

— Простите, ваше высокопревосходительство, что я въ столь позднее и неурочное время рѣшился васъ побезпокоить,— говорилъ онъ, направляясь къ Марьѣ Эрастовнѣ:— новость есть небольшая по нашему дѣлу, такъ не хотѣлъ тянуть, надо-бы къ завтрашнему утру имѣть отъ васъ инструкціи.

— И прекрасно, что не теряете времени, Иванъ Ивановичъ,— отвѣтила ему, вставая, Марья Эрастовна:— пожалуйста, пройдите, и я за вами...

Иванъ Ивановичъ «прошелъ», а Марья

Эрастовна обратилась къ Аникѣву:

-- Извините, дѣла! Этотъ господинъ какъ захватить, такъ не скоро выпускаетъ, человѣкъ онъ обстоятельный... но, вѣдь, вы еще посидите!

Такимъ образомъ Аникѣвъ съ Ниной остались вдвоемъ.

Она подѣла къ нему поближе, взглянула ему въ глаза и улыбнулась. Въ этой улыбкѣ было что угодно: и безсознательное кокетство, и признаніе въ своей радости, и просьба о снисхожденіи.

-- Вы на меня не сердитесь?-- тихо спросила она.

Аникѣвъ отвѣтилъ ей ласковымъ взглядомъ.

-- Если-бъ и было за что,-- сказалъ онъ:-- развѣ можно сердиться на васъ, когда вы умѣете такъ улыбаться!.. Вѣдь, мы друзья, я такъ и считаю... вы сами мнѣ предложили дружбу... Кажется, у васъ все устроилось, и устроилось хорошо? Я очень радъ за васъ, въ Марьѣ Эрастовнѣ ошибиться нельзя, и я чувствую, это видно сразу, она васъ любитъ.

-- Да, слава Богу, мои дѣла устроились хоро-

шо, и такъ быстро, такъ быстро! Я скоро начну жить, я ужъ отъ всего прежняго отдохнула, и скоро начну жить! А вы вотъ поблѣднѣли... vous etes bien triste, bien fatigué![2] Это нехорошо и этого не должно быть!

-- Запретите, да такъ, чтобы я не смѣлъ васъ слушаться,-- съ печальной улыбкой проговорилъ Аникѣевъ.-- Вылѣчите меня,-- je ne demande pas mieux!

-- Чтобы лѣчить, надо знать болѣзнь, а я, вѣдь, ничего не знаю,-- отвѣтила ему Нина.-- И ни о чемъ я не смѣю васъ спрашивать и знаю, что моя навязчивость просто неприлична, что она можетъ васъ навсегда оттолкнуть отъ меня... и непременно я должна знать, отчего вы такой, потому что больше желать вамъ добра и счастья, чѣмъ я желаю, нельзя, нельзя!

Не въ первый разъ слышалъ Аникѣевъ такія слова. Часто его и жалѣли, и желали ему счастья, и увѣряли его въ чистой братской любви и дружбѣ... И когда онъ не хотѣлъ понять, вѣрнѣе, дѣлалъ видъ будто не понимаетъ, что эта чистая любовь и дружба лишь дипломатическая или военная хитрость, на

него сердились.

Но тутъ было совсѣмъ не то -- Аникѣевъ чувствовалъ, что къ нему стремится дѣйствительно чистая, юная душа, проснувшаяся для жизни и полная всякой благодати. Онъ ужъ не охлаждалъ себя разсужденіемъ о томъ, что Нина «психопатка». Ему просто вдругъ стало хорошо и уютно съ нею, отъ нея вѣяло на него тепломъ, и ея синіе прекрасные глаза ровно ничего не говорили его чувственности; но много говорили его очень уставшему сердцу. Кто-жъ и пойметъ его, кто-жъ и пожалѣетъ, какъ не такое юное созданіе, еще не успѣвшее умудриться жизнью, еще не научившееся считать и глупостью и пустяками то, отъ чего стонетъ душа бѣднаго художника!..

-- Смотрите-же, не пеняйте потомъ на меня!-- упавшимъ голосомъ, едва слышно, сказалъ онъ Нинѣ.-- Не пеняйте на меня, если моя дружба принесетъ вамъ тягость! Между нами цѣлая бездна... но, можетъ быть, вы и черезъ эту бездну меня разслышите и поймете... Я въ васъ вѣрю, сейчасъ, вдругъ повѣрилъ! И мнѣ не трудно, не стыдно ска-

зять вамъ все, только всего сразу не скажешь. Пока -- знайте одно изъ многого: есть такое, что мнѣ дороже и ближе всего въ мірѣ, и это самое дорогое и близкое у меня отнимаютъ, губя этимъ и его, и меня...

-- Господи! Что-жъ это такое?-- широко раскрывая глаза и даже блѣднѣя, прошептала Нина.

-- Это моя дочь, моя Соня.

Маленькая княжна нѣсколько мгновений не могла произнести ни звука.

-- У васъ есть дочь? Вы женаты?-- наконецъ, воскликнула она.

-- Да, я женатъ... только ужъ давно убѣжалъ отъ моей жены... видите, какой я ужасный человекъ, какой я неподходящій другъ для молодой дѣвушки...

Она молчала совсѣмъ пораженная. Но потомъ шепнула:

-- Ради Бога говорите все, что можете.

Тогда онъ разсказалъ ей все, что могъ, относительно и Сони, и своего разоренія и той безысходности, въ которую поставили его дѣйствія Лидіи Андреевны, рѣшившейся во что бы ни стало заставить его вернуться къ

ной...

-- Это все? Вы мнѣ все сказали?-- почти рѣзко, строго спросила Нина.

-- Нѣтъ, не все... только довольно и этого.

-- Не таите, ничего не таите!-- настойчиво, почти плача, требовала Нина.-- Теперь вы уже не можете, не должны ничего таить отъ меня... Такъ пришлось, такъ надо... Вы сказали, что повѣрили въ меня, то-есть, повѣрили въ то, что я достойна вашей дружбы и откровенности. Не теряйте этой вѣры! Я все сдѣлаю, все, чтобъ облегчить ваше горе, найти для васъ выходъ... Я не знаю, что я могу, но вѣрю, Богъ мнѣ поможетъ... Не холодѣйте, не думайте, не разсуждайте, а скажите все!

Но онъ ужъ не могъ не думать, на него повѣяло холодомъ, ему стало неловко и стыдно за себя, за свою глупость.

«Какъ пошлый мальчишка разнѣжился и выложилъ передъ бѣдной, доброй дѣвочкой весь этотъ мракъ, всю эту путаницу!-- думалось ему.-- Что-жъ это? говорить ей еще и объ Алинѣ, посвящать ее и въ эту тайну?! Да, вѣдь, это было бы не только пошло и глупо, а просто безнравственно»...

Долго ждала Нина; но онъ молчалъ, и она рѣшилась:

-- Такъ я сама скажу вамъ: вы кого-нибудь любите!

Онъ молчалъ.

-- Ну, и не говорите. Я и безъ вашихъ словъ это вижу. Иначе быть не можетъ, такъ всегда бываетъ... И мнѣ кажется, что все ваше горе, самое ужасное ваше горе отъ этой любви...

Она воодушевилась и говорила будто подъ наитіемъ:

-- Ваша любовь несчастна... не потому, что ея не раздѣляютъ.... Я увѣрена, что и васъ тоже любятъ. Но все-таки она несчастна, потому что ея не должно быть... Я чувствую, что эта любовь не хорошая -- и вотъ она омрачаетъ вашу душу, влечетъ ея къ гибели...

Аникѣевъ разсердился.

-- Вы пророчествуете, княжна,-- настойчиво сказалъ онъ:-- и всему виной «Крейцера Соната»!

Она хотѣла ему отвѣтить, что его горе, его невыносимая семейная жизнь, разрывъ съ женой печальная судьба его дочери -- все это, дѣйствительно, подтверждаетъ ужасы «Крей-

церовой Сонаты». Она хотѣла сказать ему и еще многое, но въ дверяхъ гостиной показала Марья Эрастовна, а за нею громадная фигура Ивана Ивановича.

Иванъ Ивановичъ почтительно поклонился сначала княжнѣ, потомъ Аникѣеву и шель въ переднюю, что-то тихо «докладывая ея высокопревосходительству».

Черезъ нѣсколько минутъ Аникѣевъ простился. Однако, Марья Эрастовна выпустила его только, когда онъ обѣщаль ей непременно пріѣхать въ воскресенье къ обѣду.

Выйдя на улицу, онъ осмотрѣлся. Онъ обѣдалъ у Алины и пріѣхаль прямо оттуда. Теперь онъ сообразилъ, что ему всего нѣсколько минутъ ходьбы до дому, и тихо пошелъ самой дальней дорогой, чтобы освѣжиться въ блѣдномъ, прозрачномъ сумракѣ свѣжей, апрѣльской ночи.

Какъ неотвязчивый мотивъ, то и дѣло повторяющійся и котораго нѣтъ возможности отогнать отъ себя, повторялись въ его головѣ слова Нины: «несчастливая... недолжная... нехорошая любовь, омрачающая душу и влекущая

къ гибели!»!

«Да это философъ какой-то, проповѣдница,— эта милая синеглазая куколка!.. Скороспѣлка!»...-- думаль онъ.

И вспоминались ему встрѣчи съ такими-же дѣвушкамы-скороспѣлками. Въ семнадцать-восемнадцать лѣтъ онъ обращали на себя общее вниманіе. Онъ встрѣчалъ ихъ и въ Россіи, и заграницей. И все это были русскія дѣвушки. Онъ гоношили и писали иной разъ очень серьезныя вещи, поражали своей талантливостью, горѣли яркимъ душевнымъ огнемъ... Однѣ изъ нихъ быстро сгорѣли. Такъ сгорѣла и самая яркая изъ нихъ, Марія Башкирцева... Другія -- гдѣ онъ? Во что обратилась ихъ скороспѣлость?.. Аникѣевъ потерялъ ихъ изъ виду...

«Несчастливая... недолжная... нехорошая любовь»!-- снова повторялись неотвязныя слова.

Онъ весь былъ полонъ этой любовью. Эта любовь должна была вернуть ему прежнее «снѣжковское» блаженство, примирить его съ тягостью жизни, съ горемъ и неудачами, напоить, насытить, усыпить въ сладкомъ опьяненіи...

Но кромѣ мрака и ужаса, кромѣ тоски и съ каждымъ днемъ возроставшаго возмущенія -- ничего не было въ душѣ его.

XIX.

Алина не обманула ожиданій своего мужа, и всѣ ея хлопоты за него увѣнчались полнымъ успѣхомъ. На Святой князь чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человекомъ. Онъ дѣлалъ безчисленные визиты съ такимъ сознаниемъ своего новаго достоинства, съ такимъ чваннымъ выраженіемъ на отвратительномъ лицѣ, что швейцары принимали его не иначе, какъ за японскаго посланника.

Мелькая по городу въ красивой коляскѣ на резиновыхъ шинахъ, запряженной парой безупречныхъ вороныхъ рысаковъ, съ величественнымъ кучеромъ на козлахъ, -- «la bête» испытывалъ такое блаженное опьяненіе, какого ему никогда не давали былыя его оргіи. Проѣзжая по нѣкоторымъ улицамъ, онъ вспоминалъ себя на нихъ во дни своего паденія, лѣтъ пятнадцать, десять тому назадъ.

Вотъ здѣсь, у этихъ самыхъ домовъ, по этимъ плитамъ тротуара, бывало, бродилъ онъ

подъ дождемъ, въ слякоть. Порыжѣлая, помятая шляпа на головѣ, на плечахъ отрепанное пальто, на ногахъ сапоги съ протертыми подошвами. Небритый, нечесаный, беззубый, съ распухшимъ носомъ и отекившимъ лицомъ,— онъ самъ себя пугался, самъ себѣ былъ противенъ, проходя мимо зеркалъ въ Пассажѣ. Онъ цѣлые дни, смотря по состоянію своего жалкаго кошелька, проводилъ то на улицѣ, то въ подозрительныхъ ресторанахъ и трактирахъ, то въ разныхъ притонахъ, подкарауливая себѣ подходящую жертву.

Онъ примазывался къ кутящимъ купчикамъ или къ юнымъ провинціаламъ, покинувшимъ родное гнѣздо и затерявшимся въ столицѣ. Онъ спаивалъ ихъ самымъ ловкимъ образомъ, посвящалъ ихъ во всѣ таинства самого неслыханнаго разврата и, живя на ихъ счетъ, временно приводилъ въ порядокъ свою внѣшность, наполнялъ свой кошелекъ.

Доходило до того, что два, три мѣсяца онъ могъ выдавать себя снова за богатаго человѣка, катался какъ сыръ въ маслѣ, расширялъ свои операціи. Но у него никогда не хватало ума довести дѣло до конца, онъ не

въ состояніи былъ надолго держать въ повиновеніи избранную жертву. Жертва скоро возмущалась и начинала чувствовать къ нему невыносимое отвращеніе. Не разъ все кончалось для «la bête» крупными «физическими» неприятностями и даже послѣ одной изъ нихъ ему пришлось недѣль шесть вылежать въ больницѣ.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за разгульными и пьяными мѣсяцами, наступала почти полная нищета. Никто этого не знаетъ; но, вѣдь, ему приходилось нѣсколько разъ протягивать руку...

Вотъ онъ мчится теперь по Малой Морской мимо магазина «Штоля и Шмита». И вспоминается ему: Морозный день, ледяной вѣтеръ пронизываетъ, а онъ въ осеннемъ пальто на легонькой подкладкѣ. Онъ второй день не ѣлъ, такъ таки и не ѣлъ ничего, въ карманѣ ни копѣйки. Онъ дрожить всѣмъ тѣломъ и не стучитъ зубами только потому, что зубовъ нѣтъ.

Нарядная молодая дама вышла отъ «Штоля и Шмита» и собирается сѣсть въ карету.ⁱ

-- Madame, au nom du ciel... je meurs de faim!-

- простоналъ онъ, подходя къ ней.

Она взглянула ему въ лицо и отшатнулась отъ него съ невольнымъ слабымъ крикомъ ужаса и отвращенія.

Но хорошій выговоръ французской фразы сдѣлалъ свое дѣль. Дама вынула портъ-монэ, бросила ему пятирублевую бумажку и поспѣшила сѣсть въ карету.

Это была счастливая пятирублевая бумажка. Благодаря ей «la bête» не только утолилъ свой голодъ и жажду, но въ тотъ же вечеръ нашелъ самаго глупаго и довѣрчиваго юнаго провинціала, помогшаго ему экипироваться и вернуть себѣ болѣе или менѣе человѣческой образъ.

А потомъ скоро подоспѣло неожиданное, огромное наслѣдство дѣда. «La bête» подлѣчился, избавился отъ опухоли носа, отековъ лица, вставилъ великолѣпныя челюсти, пересталъ пить, вернулъ себѣ давно покинутую приличность, въ которой былъ когда-то воспитанъ и, хоть и мало выигравъ въ привлекательности, все-же вотъ дошелъ, наконецъ, до того, что швейцары стали принимать его за японскаго посланника.

Даму, бросившую ему пятирублевую бумажку, онъ не только встрѣчалъ въ свѣтъ, но встрѣчалъ и у себя, такъ какъ она состояла членомъ того благотворительнаго общества, гдѣ предсѣдательствовала Алина. Онъ даже особенно любилъ бесѣдовать и любезничать съ этой дамой. Ей, конечно, не могло и присниться, что этотъ глупый и любезный уродъ, принадлежащій къ одному съ нею кругу и даже приходящійся какимъ-то дальнимъ родственникомъ ея мужу, тотъ самый ужасный нищій, котораго она такъ испугалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выходя изъ магазина «Штоля и Шмита».

Онъ же глядѣлъ ей въ глаза, и ему было пріятно, до сладострастія пріятно мысленно повторять: «ну, а что, кабы ты знала? что, кабы знала?!»

Онъ былъ спокоенъ: именно такое прошлое, и именно при такой перемѣнѣ обстоятельствъ, никогда не всплываетъ. А еслибы даже и всплыло, кто-жъ бы этому повѣрилъ, кто-жъ бы не почелъ все это лишь гнусною клеветою, придуманной отъ зависти къ богатому и знатному человѣку, крѣпко утвердив-

шемуся въ «обществѣ»

Да, онъ теперь у пристани, на благодатной землѣ. Онъ ужъ пустиль корни, и ничѣмъ не сковырнешь его. Впереди только блескъ, торжество, всякое благополучіе. И надо признаться почти все это дѣло рукъ Алины. Безъ нея ничего не давалось, въ руки. Главное-же, онъ помнилъ, какъ одинъ разъ случилось, что, недовольная имъ, она взяла да и уѣхала изъ Петербурга. Онъ хохоталъ и скрипѣлъ:

— Ну что-жъ, матушка, съ Богомъ, скатертью дорога! Теперь я безъ няньки обойдусь, ходить-то выучился!

Однако, черезъ три, четыре недѣли для него стало ясно, что безъ этой няньки совсѣмъ плохо. Онъ былъ слишкомъ глупъ, безтактно развязенъ и противенъ. На него качали коситься, имъ пренебрегали, онъ слышалъ только вопросы о княгинѣ, онъ не получалъ интересныхъ для него приглашеній. Пришлось вернуть няньку и обѣщать ей никогда по выходить изъ повиновенія, пришлось согласиться на всѣ ея требованія. И жизнь опять покатила плавно и мягко, «какъ на резиновыхъ шинахъ».

Теперь, постигнувъ цѣли своихъ самыхъ свѣтлыхъ мечтаній, князь болѣе чѣмъ когда-либо убѣдился во всемогуществѣ Алины. Онъ глядѣлъ на нее съ невольнымъ уваженіемъ и относился къ ней бережно, не желая ничѣмъ раздражать ея. Онъ не позволялъ себѣ никакихъ намековъ на счетъ Аникѣева, хоть и ясно видѣлъ, что «она вернулась къ старымъ шашнямъ».

«А чертъ съ нею!-- думалъ онъ.-- Мнѣ-то что!.. Благо она хитра и не теряетъ голову. Все у нея шито-крыто, вѣдь, вотъ при постороннихъ никогда его нѣтъ, да и бываетъ онъ, кажется, не всякія день... Ну, да это ихъ дѣло! Умна, не полѣзеть въ петлю... Про Аникѣева чортъ знаетъ что болтаютъ: тутъ и жена его, и эта маленькая Хрепелева, а объ Алинушкѣ ни звука... Можетъ, она сама и сплетни-то всѣ эти пустила, для отвода глазъ... Ловка, ловка!»!

Онъ совсѣмъ успокоился, на половину жены и не заглядывалъ, а встрѣчаясь изрѣдка съ Аникѣевымъ, любезно скрипѣлъ ему:

-- А! Михайль Александровичъ! chér cousin! Ну, какъ дѣлишки?..

XX.

Однако, «la bête» ошибался. Алина хоть и не совсѣмъ, но все же въ достаточной степени потеряла голову. На нее налетѣла настоящая гроза долго скоплявшейся, долго сдерживаемой страсти.

Она не могла теперь понять, какъ это прожила столько лѣтъ безъ своего Миши. Она уже забыла созданную ею «легенду», въ которой не было больше надобности, и спѣшила наслаждаться счастливымъ настоящимъ, разъ оно пришло и не уйдетъ отъ нея. Ей, дѣйствительно, представлялось, что ея съ Мишей будущее обезпечено навсегда. Никакихъ упрековъ совѣсти, никакихъ опасеній, никакой неловкости она не чувствовала.

Да и какіе упреки, какая неловкость въ ея-то положеніи, съ фиктивнымъ мужемъ, получившимъ отъ нея даже больше того, что слѣдовало ему по договору!

Этотъ мужъ въ первую минуту смутилъ Аникѣва: но теперь все объяснилось, Аникѣвъ ей вѣрять и уже не поднимаетъ этихъ противныхъ вопросовъ. Они счастли-

выми даже тайна ихъ любви, необходимость скрываться, только придаетъ, какъ ей чувствуется, больше прелести и поэзіи ихъ встрѣчамъ, ихъ блаженнымъ свиданіямъ

Они ужъ провели въ уютной тишинѣ ея маленькой гостиной и причудливой спальни нѣсколько зачарованныхъ вечеровъ. Никто не могъ нарушить ихъ уединенія. И такихъ вечеровъ будетъ много. Алина объявила мужу, что она всю весну и даже, пожалуй, часть лѣта останется въ Петербургѣ, а потомъ поѣдетъ одна въ Петровское. Онъ отлично понималъ, что все это значитъ; но не сказалъ ей ни слова, а только пожалъ плечами и хрюкнулъ въ знакъ дружескаго предостереженія и совѣта быть осторожной.

Между тѣмъ «общество» разъѣзжалось, и Алина съ каждымъ днемъ чувствовала себя свободнѣй и свободнѣй. Она не стѣсняясь почти каждый день могла видаться съ Аникѣевымъ, звала его обѣдать съ нею вдвоемъ и не отпускала его до поздняго вечера

Всегда сдержанная, обдумывавшая всякое свое слово, всякое движеніе, передъ нимъ она сбрасывала свѣтскую маску, становилась

юной, веселой, даже болтливой. Она рассказывала ему все, чего навидалась и наслушалась за эти годы. Она передавала ему закулисную, скандальную хронику, гдѣ было, конечно, много ужасающей правды; но еще больше, гораздо больше завѣдомой лжи и клеветы, созданныхъ въ глубинѣ какой нибудь мстящей, мелкой, безсильной душонки и пущенныхъ въ обращеніе.

Сначала онъ слушалъ всѣ эти исторіи съ видимымъ интересомъ, глядѣлъ ей въ глаза не отрываясь, смѣялся вмѣстѣ съ нею, ловилъ каждое ея слово.

Но дѣло въ томъ, что онъ совсѣмъ даже и не думалъ объ этихъ исторіяхъ, смыслъ ихъ ускользалъ отъ него. Ему просто доставляло наслажденіе любоваться ея красотой, оживленіемъ, блескомъ ея глазъ, улыбками, смѣхомъ, звукомъ ея голоса.

Она умѣла хорошо рассказывать, представлять въ лицахъ; это выходило у нея живо, смѣшно, комично. Порою она становилась остроумна и зла, и очень тонко и колко язвила тѣхъ, кто былъ ей почему-либо непріятенъ.

Она еще полна была впечатлѣніями того времени, когда ей съ большимъ трудомъ приходилось устраивать свое положеніе въ обществѣ. Прежде чѣмъ завоевать себѣ, съ могущественной помощью Натальи Порфирьевны Талубьевой-Вилимской, прочное и почетное мѣсто, она прошла черезъ длинный строй всяческихъ щелчковъ ея самолюбію, и никогда не могла забыть этого.

Всѣ эти «обоего полы знатныя особы», когда-то вольно или невольно нанесшія ей большія и малыя обиды, были ея врагами. Нужды нѣтъ, что они давно забыли старое и теперь относились къ ней совсѣмъ добродушно, признали ее лучшимъ украшеніемъ своихъ гостиныхъ, звали ее къ себѣ, бывали у нея, считались ея добрыми знакомыми, ея «кружкомъ».

-- О, я еще припомню ей это!!-- говорила она Аникѣеву про какую-нибудь свѣтскую даму.

-- Ну, да онъ прошлою зимой на горькомъ опытѣ могъ бы узнать, что меня нельзя обижать безнаказанно. Жаль только, что онъ врядъ-ли догадался, кто это устроилъ ему

нѣсколько неприятныхъ сюрпризовъ...-- объясняла она про какого нибудь господина, не пожелавшаго въ свое время оказать «la bête» протекцію.

Если-бы она не потеряла головы отъ страсти, если-бы попрежнему владѣла собою, она остереглась бы посвящать Аникѣева въ такіе тайники своихъ дѣлъ и отношеній. Но ей было не до разсужденій, въ ней кипѣла потребность говорить съ этимъ дорогимъ человѣкомъ, съ этимъ единственнымъ другомъ, безъ всякихъ сдержекъ, съ той прежней «снѣжковской» откровенностью. Вѣдь, она такъ долго таила въ себѣ все, вѣдь, и она была такъ же одинока, какъ и Аникѣевъ, такъ же глубоко одинока и несчастна, только почти не сознавала своего несчастья...

И онъ ее слушалъ, любуясь ея гнѣвомъ, злыми огоньками, загоравшимися въ глазахъ ея, маленькими ядовитыми змѣйками, внезапно мелькавшими въ уголкахъ ея прелестныхъ, насмѣшливо и язвительно складывавшихся губъ. Особенно красивы, волшебны и странно, чудно гармоничны были быстрые переходы отъ этого гнѣва, злыхъ огоньковъ и

ядовитыхъ змѣкъ къ порывамъ страсти и нѣжности, къ милой, беззавѣтной, почти дѣтской, ласкѣ. Въ этой женщинѣ заключалось столько побѣдоносной, одуряющей, чисто женственной прелести.

И художникъ, истомленный жаждой пластической красоты и гармоніи, жадно упивался ею...

Это было опьяненіе, и, какъ опьяненіе, не могло долго длиться. Изъ-за безусловно-красивой внѣшней формы, красивой во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, то и дѣло выглядывало внутреннее содержаніе, и чуткая, хоть опьяненная теперь, душа Аникѣева должна была его замѣтить.

Въ первые дни своей новой жизни онъ повторялъ себѣ: «это прежняя, совсѣмъ прежняя, это моя Алина!»! А между тѣмъ прежней Алины давно не существовало -- она умерла тамъ, въ Снѣжковѣ, она похоронила себя и оплакала въ ту далекую глухую осень, сидя въ унылой комнаткѣ стараго деревенскаго дома и слушая чахоточный кашель своей больной матери.

Прежняя Алина, его Алина, была богато

одаренная природой дѣвушка, всѣмъ существомъ стремившаяся къ жизни и наслажденію, отдавшаяся безъ оглядки молодому чувству. Въ теперешней, созрѣвшей Алинѣ воплотилась свѣтская интриганка, честолюбивая, расчетливая, холодная, заморившая въ себѣ всѣ душевные и сердечные запросы. Въ ней вотъ закипѣла прежняя страсть; но даже и въ этой страсти не было прежней молодой свѣжести, не было «снѣжковской» поэзіи.

Аникѣевъ еще не понималъ, но уже все сильнѣе и сильнѣе чувствовалъ это. Разнозвучія начинались...

Она рассказывала ему какую то скверную «свѣтскую» исторію. Весело, зло и остроумно, нѣсколькими фразами, она уничтожала очень извѣстную женщину, уже немолодую, жену и мать. Вдругъ Аникѣевъ перебилъ ее.

— Я уже слышалъ все это!-- съ раздраженіемъ сказалъ онъ.-- Я очень мало ее знаю, но увѣренъ, что все это ложь...

— Помилуй, какъ же ложь? Это всѣ знаютъ, спроси у кого хочешь!-- воскликнула, даже обидясь, Алина.

-- А если бѣ и правда, такъ тебѣ-то какое дѣло?-- еще больше раздражаясь, продолжалъ Аникѣевъ.-- Что она, твой лютый врагъ что ли? Мстишь ты ей за какое-нибудь несмываемое оскорбленіе?

-- Ничуть, я съ нею въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но ты понимаешь... всѣ это знаютъ.

-- Зачѣмъ же ты думаешь и говоришь о такихъ ужасахъ, на которые нѣтъ и не можетъ даже быть доказательствъ, говоришь съ радостью, со злобой? Зачѣмъ чужая бѣда, чужой грѣхъ, чужой развратъ доставляютъ тебѣ наслажденіе? Вѣдь, радоваться всему этому, кричать, указывать пальцами, раздувать могутъ только люди, желающіе прикрывать чужой чернотой свою собственную черноту. Такъ всегда и бываетъ. Чистый человекъ не станетъ носиться съ чужой чернотой, но станешь о ней думать, если она не грозитъ серьезнымъ интересамъ общества. А чѣмъ же это чужое, личное дѣло, къ тому-же еще, я увѣренъ, выдуманное завистниками и клеветниками, грозитъ обществу? Чѣмъ оно грозитъ тебѣ и мнѣ, что мы говоримъ о немъ, что

ты такъ радуешься и злобствуешь?

Алина поблѣднѣла.

Она разслышала въ тонѣ Аникѣева настоящее негодованіе и признала въ словахъ его правду. Она поспѣшила сдаться..

-- Да, ты правъ,-- сказала она:-- свѣтъ очень золь, только не всѣ злословятъ съ какой-нибудь цѣлью... просто такъ, по привычкѣ... Вотъ и у меня явилась эта дурная привычка... Помнишь, я тогда, въ Снѣжковѣ, вдругъ стала горбиться... ты сразу отучилъ меня. Это то же самое. Отучи меня и отъ этой дурной привычки. Брани меня, наказывай... Не буду больше... Миша, милый мой, не буду, не буду!..

Она прижалась къ нему и заглядывала ему въ глаза влюбленными, нѣжными и кроткими глазами.

Онъ сталъ цѣловать эти глаза, и впивалъ въ себя тонкій милый запахъ ея волосъ, и снова пьянѣлъ.

Но разнозвучіе ужъ оскорбило его душу.

XXI.

Николай Александровичъ, какъ было условлено между братьями въ «Европейской гостиницѣ», пріѣхаль ознакомиться со всѣми документами относительно Снѣжкова.

Онъ все подробно выпросилъ, и ему легко было убѣдиться, что братъ находится въ послѣдней крайности. Денегъ доставать больше неоткуда, не онъ же, въ самомъ дѣлѣ, будетъ давать ихъ ему! Расходы большіе, особенно при барскихъ замашкахъ и совсѣмъ дѣтской непрактичности Михаила Александровича. Доходы съ запущеннаго и совсѣмъ погибающаго въ неумѣлыхъ рукахъ имѣнія незначительны, и, наконецъ, срокъ крупнаго платежа въ банкъ давно ужъ пропущенъ.

-- Что-жъ, продавай,-- сказалъ онъ брату:-- я къ тебѣ являюсь въ самое время. Сегодня же напишу тестю, и этакъ черезъ недѣлю дѣло будетъ кончено. Я думаю, онъ не станетъ спорить и торговаться, дастъ шестьдесятъ тысячъ.

-- Шестьдесятъ тысячъ! Николай, побойся Бога... за Снѣжково шестьдесятъ тысячъ!-- по-

чти въ ужасъ воскликнулъ Аникѣевъ.

-- Да развѣ есть какая-нибудь возможность дать больше?-- грустнымъ голосомъ отвѣтилъ Николай Александровичъ.-- На имѣніи такой долгъ. Ты ухитрился обезцѣнить его до невозможности. Соглашайся съ закрытыми глазами. Что я, надувать тебя что ли стану! Вѣдь, посредствомъ дворянскаго банка такое имѣніе, съ такимъ долгомъ и настолько разоренное всегда можно купить и за тридцать тысячъ -- спроси кого хочешь...

-- Можетъ быть, можетъ, быть, развѣ я тебѣ не вѣрю -- растерянно шепталъ Аникѣевъ.-- А домъ? собраніе рѣдкостей?.. всѣ коллекціи тапан... картины?..

Николай Александровичъ даже ничего не отвѣтилъ и только передернулъ плечомъ, скрывая за этимъ жестомъ свое раздраженіе.

-- Въ такомъ случаѣ, рѣшимъ такъ,-- наконецъ, сказалъ онъ:-- я напишу тестю, заручусь его согласіемъ и буду съ своей стороны готовъ приступить къ купчей, когда тебѣ угодно. А ты подумай, поговори съ кѣмъ знаешь... Можетъ быть, ты найдешь болѣе выгоднаго покупателя. Я вовсе не хочу пользоваться-

ся твоимъ затруднительнымъ положеніемъ, я только знаю, что больше шестидесяти тысячъ дать нельзя, и тесть мой больше не дастъ. А можетъ быть, ты какъ-нибудь и выпутаешься, можетъ быть, и обойдешься безъ продажи! Это бы, конечно, для тебя всего лучше. Еслибъ у меня были теперь свободныя деньги, я бы, разумѣется, началъ съ того, что предложилъ тебѣ четыре тысячи. Вѣдь, тебѣ теперь для всѣхъ этихъ выплатъ надо не меньше четырехъ тысячъ. Но, ей Богу, голубчикъ, у меня лишнихъ денегъ нѣтъ, а расходы теперь, самъ понимаешь, страшные. Вѣдь, это не то, что въ провинціи, да и тамъ дорого, а Петербургъ совсѣмъ-таки кусается. Я квартиру отдѣлываю, деньги такъ и текутъ. Вотъ пятьсотъ рублей хочешь? Это я могу, возьми пожалуйста...

Аникѣевъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, благодарю тебя, Николай, мнѣ и въ мысль не приходило занимать у тебя.

Николай Александровичъ, уже приготовившійся было вынуть бумажникъ, тотчасъ же застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы и поспѣшилъ покончить съ этимъ

дѣломъ.

-- Ну, не хочешь, какъ знаешь! Если можно обойтись безъ долга, даже родному брату, тѣмъ лучше... А затѣмъ, прощай... дѣлъ у меня сегодня!

Онъ приложилъ губы къ щекѣ Аникѣева и направился въ переднюю.

-- Платонъ,-- крикнулъ Аникѣевъ.

Платона Пирожкова звать было нечего, онъ уже снималъ съ и вѣшалки пальто Николая Александровича.

Платонъ Пирожковъ заперъ дверь, а потомъ прямо и смѣло пошелъ къ Аникѣеву.

-- Что-же это, сударь,-- глухимъ голосомъ сказалъ онъ:-- ну, какъ Николай Александровичъ покупать хотятъ Снѣжково?

-- А ты подслушивалъ?

-- А вы нѣшто шептались?! Уши-то, вѣдь, есть, такъ и слышишь... и не хочешь иной разъ слушать, да невольно слышишь. Ну и что-жъ, сударь, вы такъ-таки имъ Снѣжково и продадите... за шестьдесятъ тысячъ, то есть, такъ надо сказать, задаромъ?.. Имъ-то оно лестно! Ну, а мы что станемъ дѣлать? Эти самья шестьдесятъ тысячъ уплывутъ у насъ, а

потомъ? Я-то этого ничего не увижу, я еще до продажи уйду, у меня вотъ ужъ и мѣсто найдено, настоящее, княжеское... А вы какъ же сударь?

Аникѣевъ хотѣлъ было разсердиться на «дятла», хотѣлъ было крикнуть ему, чтобъ онъ не мѣшался не въ свое дѣло, но никакъ не могъ этого. Тотчасъ же явилось другое желаніе, желаніе кинуться на шею этому самому «дятлу», вызывающе на него глядѣвшему, глупо отставившему ногу и грозно подносящему носъ. Рыданія подступили къ горлу. Не то что было жаль разставаться со Снѣжковымъ,— о Снѣжковѣ совсѣмъ въ эту минуту и не думалось. Просто Аникѣевъ чувствовалъ себя совсѣмъ раздавленнымъ: въ немъ стонала и ныла его гордость, невыносимая гордость, которую онъ никогда не понималъ въ себѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ всѣмъ своимъ существомъ сознавалъ себя жалкимъ, ничтожнымъ и былъ самъ себѣ противенъ.

Онъ молча, широко раскрытыми, потемнѣвшими, померкнувшими глазами глядѣлъ на Платона Пирожкова.

— Такъ какъ же, сударь, неужто и вправду

продадите?-- совсѣмъ упавшимъ голосомъ проговорилъ «дятель».

-- Что-жъ мнѣ дѣлать?!-- наконецъ, сказала Аникѣевъ.-- Вѣдь, вотъ!..

Онъ выдвинулъ ящикъ стола и показалъ Платону Пирожкову нѣсколько мелкихъ, оставшихся кредитныхъ бумажекъ.

-- Знаю-съ!-- еще глуше и мрачнѣе заговорилъ «дятель».-- И для барыни, небось, забыли, чрезъ недѣлю надобно, а онѣ аккуратны, сроку не пропустятъ. Только съ этимъ-то мы еще вывернемся. На мѣсяць жизни хватить, я ужъ знаю, какъ сдѣлать. Это будьте спокойны... А вы, сударь, все-жъ таки, теперь что-нибудь придумайте... нельзя же такъ... посоветуйтесь съ добрыми людьми, авось кто и добрый совѣтъ подастъ и поможетъ въ дѣлѣ...

-- Кто же это? Гдѣ эти добрые люди?!-- самъ не сознавая, что выговорилъ громко эти слова, произнесъ Аникѣевъ.

Платонъ Пирожковъ злобно фыркнулъ носомъ и оцетинилъ усы.

-- Вотъ то-то оно самое!-- пробурчалъ онъ.-- Жили мы, жили до самыхъ, то есть, сдѣхъ

волось дожили, а друзей себѣ не нажили... хоть шаромъ покати! Ну, да мое дѣло сторона, я вамъ докладываю: на мѣсяць жизни хватитъ, извернусь, а больше ни одного, то есть, дня. И коли, ежели, сударь, вы взаправду вздумаете отдать Николаю Александровичу Снѣжково, такъ ужъ будьте столь милостивы, скажите мнѣ заранѣе, потому я безъ Снѣжкова оставаться не согласенъ. У меня мѣсто княжеское готово, двадцать пять въ мѣсяць жалованья, окромя прочихъ доходовъ... Это, значить, мое послѣднее, то есть, слово... такъ, сударь, и знайте...

«Дятель» клюнулъ носомъ, чуть не задѣвъ имъ свою жилетку, и бокомъ пошелъ къ передней.

XXII.

Николай Александровичъ ни за что не хотѣлъ выпустить изъ рукъ Снѣжкова. Со стороны, дѣйствительно, могло показаться, что за это разоренное и заложенное имѣніе нельзя дать больше шестидесяти тысячъ. Поэтому онъ не безъ основанія рассчитывалъ, что врядъ ли братъ, особенно сразу, найдетъ болѣе выгоднаго покупателя.

Но онъ-то, вѣдь, отлично зналъ, какое золотое дно Снѣжково, какъ, вложивъ въ него сразу нѣкоторый капиталъ и найдя дѣльнаго управляющаго, можно возвысить его доходность. А лѣтъ черезъ десять это имѣніе превратится въ цѣлое большое состояніе. Притомъ же у Николая Александровича былъ въ виду для управленія имѣньемъ именно такой человѣкъ, какого требовалось,— знающій, энергичный и «до глупости» честный.

«Русскій дворянинъ» Самуиловъ, конечно, тутъ былъ не причемъ. Николай Александровичъ дѣйствовалъ за свой страхъ и на свой собственный, оказавшійся у него капиталъ.

Обезцѣнивъ въ юности отцовское родовое

имѣніе, а потомъ распродалъ его по частямъ, Николай Александровичъ давно уже помышлялъ о Снѣжковѣ и глубоко возмущался тѣмъ, что оно въ рукахъ у брата. Онъ считалъ это несправедливостью къ нему то стороны покойной матери, тѣмъ болѣе, что у Михаила Александровича не было сына, а одна только дочь.

Теперь, послѣ свиданія съ братомъ, онъ былъ не совсѣмъ удовлетворенъ. Онъ разсуждалъ:

«Какъ знать, а вдругъ «Сарданапаль» откуда-нибудь и достанетъ денегъ! Вѣдь, вотъ именно у такихъ-то нелѣпыхъ, ни на что негодныхъ людей и бываетъ иной разъ шальное счастье... Не войти ли въ союзъ съ Лидіей? Она ровно ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, жадна и глупа... Ну, въ крайнемъ случаѣ прикину тысячь шесть, семь, тамъ вонъ въ галлереѣ, въ лѣвомъ углу, Гвидо Рени прячется... хоть потемнѣлъ, а настоящій... Мишенька-то, видно, забылъ про него... такъ дуралей Хаминскій мнѣ за эту старую мазню тысячь тридцать отвалить, да еще пальчики будетъ себѣ лизать».

Дойдя до такого рѣшенія, онъ, дня чрезъ три послѣ свиданія съ братомъ и не получая отъ него никакихъ извѣстій, заѣхалъ къ Лидіи Андреевнѣ.

Она приняла его съ нѣжными, родственными объятіями.

— Ну вотъ, спасибо, спасибо, Коля, что заглянулъ,— говорила она, усаживая его въ гостиной на; диванчикъ, подъ портретомъ Аникѣева.— Я особенно цѣню, что ты ко мнѣ заѣхалъ именно теперь: вѣдь, я понимаю, сколько у тебя дѣла, какъ тебѣ не до меня! Это, право, очень мило съ твоей стороны, и я тебѣ такъ благодарна... Вѣдь, я совсѣмъ одинока, совсѣмъ покинута... Вотъ даже и Сони моей нѣтъ со мной. Я ее оставила у madame Фрумъ въ Царскомъ. Бѣдная дѣвочка, она такая нервная!.. преслѣдованія Михаила Александровича легко могутъ довести ее до эпилепсіи или чего-нибудь въ этомъ родѣ... Это мнѣ докторъ сказалъ, и необходимо везти ее на лѣто на Кавказъ и въ Крымъ. Необходимо, а между тѣмъ у меня нѣтъ для этого средствъ... Михаилъ Александровичъ не даетъ... Что же дѣлать... я рѣшилась, ты видишь... укладыва-

юсь понемногу... сдамъ квартиру, мебель частью поставлю въ складъ, частью въ квартиру madame Бубеньевой... Ты, вѣдь, помнишь madame Бубеньеву?

Николай Александровичъ усмѣхнулся кончиками губъ и сказалъ:

-- Какъ-же не помнить! Что она -- все такая-же дура пѣтая, и все еще закатываетъ глаза, все еще ищетъ мужа и выпиваетъ съ горя?

Лидія Андреевна засмѣялась

-- Ну, Коля, не будь такимъ злымъ! Конечно, у нея много маленькихъ слабостей, и глупа она иногда непроходимо, но все-таки, право, она такая добрая и принимаетъ во мнѣ большое участіе... А я научилась цѣнить участіе дороже всего, я слишкомъ мало его вижу,-- прибавила она съ глубокимъ вздохомъ.

-- Зачѣмъ же ты перемѣняешь квартиру?-- спросилъ Николай Александровичъ.

-- Ахъ, очень просто, я уѣду съ Соней на Кавказъ и въ Крымъ до глубокой осени. Это, вѣдь, цѣлыхъ полгода, и я такимъ образомъ на квартирѣ выгадаю пятьсотъ рублей. Все, что есть, заложу, кое-что продамъ. Только та-

кимъ образомъ я и могу устроить эту поѣздку. Конечно, это ужасно! Но для Сони, ты самъ понимаешь, я готова на всѣ жертвы! А что будетъ съ нами потомъ, осенью, когда мы вернемся, я стараюсь объ этомъ не думать...

Ея голосъ дрогнулъ, углы губъ опустились, и на глазахъ показались слезы.

-- Вотъ въ какое положеніе поставилъ меня, а, главное, Соню, Михайлъ Александровичъ!-- проговорила она, вынимая платокъ и вытирая глаза.-- Ну, да я не хочу смущать тебя моимъ горемъ, милый Коля, что обо мнѣ говорить, поговоримъ о твоихъ дѣлахъ, это веселѣе.

-- Нѣтъ, зачѣмъ!-- сказалъ Николай Александровичъ.-- Наши дѣла для меня не чужія дѣла, и я именно хочу съ тобой о нихъ потолковать. Я, видишь ли, былъ у брата, и онъ объяснилъ мнѣ все положеніе. Снѣжково, дѣйствительно, на самомъ краю неизбѣжной гибели.

Лидія Андреевна выпрямилась и застыла.

-- Что? Продается съ аукціона? Неужели?-- воскликнула она, прижимая руку къ сердцу.

-- Нѣтъ еще, но на это очень похоже... И

вотъ я предлагаю брату продать Снѣжково моему тестю.

-- Продать... то есть, тебѣ?-- невольно проговорила Лидія Андреевна.-- А за сколько?

-- За шестьдесятъ тысячъ.

На лицѣ Лидіи Андреевны появились красныя пятна, и глаза ея злобно сверкнули. По она удержалась и только протянула:

-- За... шестьдесятъ тысячъ?!

Николай Александровичъ спокойно представилъ ей всѣ доказательства тому, что, по обстоятельствамъ дѣла, это самая подходящая и даже очень высокая цѣна.

Она внимательно слушала, опустивъ глаза, и только губы ея вздрагивали.

-- Да, можетъ быть,-- наконецъ, сказала она:--я, вѣдь, ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю. Я знаю только, что еще недавно Снѣжково приносило болѣе десяти тысячъ доходу, и всѣ говорили, что оно непременно со временемъ будетъ давать вдвое больше.

-- Ну, а теперь оно не приноситъ почти ничего, и заложено, и будетъ продано съ аукціона за безцѣнокъ, такъ что отъ него ничего и не останется,-- медленно говорилъ Ни-

колай Александровичъ.-- А тутъ шестьдесятъ тысячъ чистыми деньгами...

-- И больше ты ничего не дашь?-- спросила Лидія Андреевна.-- Это послѣднее твое слово?

-- Развѣ я торгашъ?!-- съ достоинствомъ сказалъ Николай Александровичъ.-- Я... то есть, эти деньги не мои, а тестя... я предлагаю такъ много потому, что Снѣжково -- старое родовое имѣніе, и разъ оно погибаетъ, мнѣ хотѣлось бы спасти его для моего сына. Этой цѣны никто теперь не дастъ... Ну, да знаешь ли что, я прибавлю еще пять тысячъ, собственно для тебя, тебѣ въ руки, для того, чтобы ты не стѣснялась и могла спокойно ѣхать съ Соней въ Крымъ, или за-границу, или куда тамъ доктора найдутъ нужнымъ.

Онъ тотчасъ же замѣтилъ въ лицѣ Лидіи Андреевны быструю перемену.

Она взглянула на него, и глаза у нея заблестѣли. Однако, это было лишь на мгновеніе.

-- Господи!-- съ отчаяніемъ воскликнула она,-- Вѣдь, онъ мигомъ ихъ уничтожитъ! А потомъ что же? Окончательная нищета! Еще если бъ я могла положить эти деньги на имя

Сони, такъ чтобъ онъ не могъ до нихъ до-
браться!.. Послушай, вѣдь онъ расточитель,
вѣдь, мнѣ всѣ умные люди говорятъ, что онъ
явный расточитель, что онъ... подлежить
опекѣ...

-- Хм!.. Это ужъ слишкомъ строго,--
усмѣхнулся Николай Александровичъ:-- а
впрочемъ, твое дѣло! Конечно, Соню слѣдуетъ
обезпечить. Конечно, нельзя допустить, чт-
объ онъ эти шестьдесятъ тысячъ растрати-
лъ... Но опека, это неприлично, скандально и
вообще затруднительно. Можетъ быть, его
можно будетъ какъ-нибудь уговорить, безъ
шума, спокойно. Вѣдь, есть же у него чувство
къ дочери, не можетъ же онъ не подумать
объ ея будущемъ!

-- Чувство... у него?!-- презрительно сказала
Лидія Андреевна

Но Николаю Александровичу некогда было
долго бесѣдовать съ нею.

-- Такъ какъ же?-- спросилъ онъ.-- Въ прин-
ципѣ относительно этой продажи ты ничего
не имѣешь?

-- Ахъ, Боже мой,--отвѣчала Лидія Андреев-
на:-- я ничего и сообразить-то не могу. Дай по-

думать... Снѣжково... и шестьдесятъ тысячъ!.. дай подумать... обсудить это...

-- И пять тысячъ тебѣ въ руки,-- сказалъ Николай Александровичъ: -- такъ ты подумай, Лидія, а потомъ извѣсти меня. Только я тебя предупреждаю: очень долго тутъ думать нельзя, а то аукціонъ, и какой-нибудь кулакъ за безцѣнокъ овладѣетъ Снѣжковымъ.

Николай Александровичъ уѣхалъ, а Лидія Андреевна долго ходила взадъ и впередъ по своей гостиной.

«Вотъ жуликъ! Вотъ негодяй!-- чуть громко не кричала она:-- Снѣжково за шестьдесятъ тысячъ! Выгодная афера! Видно, ужъ очень выгодная, даже мнѣ даетъ взятку въ пять тысячъ!.. Однако, если иначе нельзя!? Что теперь дѣлать, что дѣлать?!»

Она рѣшила посовѣтоваться съ умными людьми и прежде всего уѣхала къ своимъ друзьямъ въ Царское.

XXIII.

Умные люди въ Царскомъ Селѣ объяснили Лидіи Андреевнѣ, что прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, выгодно или нѣтъ предложеніе Николая Александровича, необходимо имѣть всѣ самыя подробныя свѣдѣнія о Снѣжковѣ! Такихъ свѣдѣній Лидія Андреевна не имѣла. Она ненавидѣла Снѣжково, какъ и всякую русскую деревню. Пребываніе тамъ всегда представлялось ей чѣмъ-то вродѣ тюремнаго заключенія. Она могла назвать только цифру прежнихъ доходовъ, но съ какихъ хозяйственныхъ статей и какимъ образомъ получались эти доходы, не знала.

-- Имѣніе большое,-- вспоминала и соображала она:-- есть заливные луга, поля, лѣсъ, какія-то пустоши... Когда-то все это было en grand, только теперь одно разореніе и ничего больше... Домъ огромный, старинный, тоже вродѣ развалинъ. Помилуйте, я едва три комнаты могла выбрать для себя и Сони, гдѣ можно было жить! Остальныя -- сараи какіе-то, галереи, обвѣшанныя старыми, темными картинами въ облупившихся рамахъ, статуи

съ отбитыми носами, вазы безъ ручекъ... Ну, словомъ, bric-à-brac... Мебель такое старье, что нельзя себѣ и представить!.. Конечно, можно все обновить, реставрировать, только для этого милліонное состояніе надо... Мой фантазеръ мужъ считалъ, да, вѣрно, и теперь считаетъ, сокровищемъ эти свои коллекціи. Но, вѣдь, это все фантазія! Кому нужны облупившіяся картины, да безносыя статуи?! Если ихъ, напримѣръ, въ Петербургъ перевезти, такъ одинъ перевозъ будетъ стоить больше ихъ цѣнности... Паркъ заглохъ совсѣмъ, мѣстами такая сырость, просто болото, и пройти невозможно... А скука, я вамъ скажу! Кругомъ ни живой души! Богатые помѣщики не живутъ въ своихъ имѣніяхъ, такъ все и разрушается. Да еслибъ и были порядочные сосѣди, въ такой развалинѣ принять совѣстно...

Лидія Андревна, по своему обыкновенію, преувеличила. Она говорила, главнымъ образомъ, на основаніи своей вражды къ деревнѣ.

Въ Снѣжковской усадьбѣ вовсе ужъ не было такого разоренія. Она сохранилась насколько возможно, благодаря неусыпнымъ

стараніямъ покойной Софьи Михайловны. А означеніи и художественной цѣнности выведенныхъ изъ Польши снѣжковскихъ коллекцій Лидія Андреевна, конечно, не могла имѣть никакого понятія.

Эти коллекціи собирались многими поколѣніями графовъ Садовскихъ, когда-то богачей и польскихъ магнатовъ, а потомъ совсѣмъ обрусѣвшихъ и растратившихъ большую часть своихъ имѣній.

Въ томъ старомъ хламѣ, который, по мнѣнію Лидіи Андреевны, слѣдовало сложить на чердакъ, попадались большія рѣдкости. Особенно хороши были картины и старый саксонскій фарфоръ.

Какъ бы то ни было, ей объяснили и она поняла, что необходимо относительно Снѣжкова разузнать всѣ подробности какое тамъ количество земли, ея доходность и тому подобное. Когда она представитъ эти свѣдѣнія, ей обѣщали переговорить съ опытными людьми. Но откуда-же она узнаетъ? Одинъ только Михаилъ Александровичъ можетъ сообщить ей все, что надо.

Она подумала и вдругъ рѣшила отправить-

ся къ нему. Она достаточно его помучила и, кажется, доказала ему свою силу и твердость своего характера. Авось онъ будетъ теперь стговорчивѣе...

Въ квартирѣ Аникѣева, въ одиннадцатомъ часу утра, раздался довольно сильный звонокъ. Михайль Александровичъ, вставшій по обыкновенію поздно, только что напившійся чаю и сидѣвшій за піанино, пересталъ играть.

Звонокъ повторился.

Платонъ Пирожковъ, въ своей вышитой косовороткѣ и сѣромъ пиджакѣ, лѣниво прошель по коридору и отворилъ дверь.

-- Баринъ дома?-- строго спросилъ знакомый голосъ.

«Дятель» отскочилъ отъ двери и совсѣмъ растерялся.

Но Лидія Андреевна, не дожидаясь его отвѣта и не глядя на него, вошла въ переднюю, а оттуда, не снимая пальто, въ «музыкальную» комнату.

Аникѣевъ вздрогнулъ и остался на тубаретѣ возлѣ піанино.

-- Здравствуйте, Михайль Александровичъ,-- развязано сказала Лидія Андреевна, под-

ходя къ нему, но не протянула руки.

Онъ тоже не протянулъ ей руку и ждалъ.

-- Я по очень серьезному дѣлу,-- говорила она:-- относительно продажи Снѣжкова... Я долго васъ не задержу...

Онъ молчалъ.

Тогда она подошла къ двери передней, заперла ее, разстегнула свое пальто и подсѣла къ столу.

-- Этотъ вашъ Платонъ всегда подслушиваетъ,-- объяснила она.-- Ну, да, впрочемъ, ничего тайнаго нѣтъ. У меня былъ Nicolas.

Она рассказала Аникѣеву все уже ему извѣстное, только, разумѣется, умолчавъ о предложенныхъ ей пяти тысячахъ.

Онъ продолжалъ молчать и не глядѣлъ на нее.

-- Вы понимаете,-- говорила она:-- я не стала бы во все это вмѣшиваться, не стала бы утруждать васъ своимъ появленіемъ: не знаю, кому изъ насъ это тяжелѣе, но, вѣдь, тутъ дѣло въ Сонѣ, въ ея будущности...

Аникѣевъ всталъ и пошелъ къ своей спальнѣ съ цѣлью запереться тамъ. Это появленіе, этотъ разговоръ были слишкомъ

для него невыносимы. Но Лидію Андреевну, когда она находилась въ такомъ рѣшительномъ настроеніи духа, трудно было смутить. Она раньше него была у двери спальни и ее заперла,

— Да, запереть дверь все же не мѣшаетъ,— проговорила она.— Михайль Александровичъ, ради Бога будьте благоразумны... Вѣдь, не звѣрь же вы въ самомъ дѣлѣ!.. есть же у васъ какое-нибудь чувство... должны же вы понимать, что при такомъ дѣлѣ, какъ продажа Снѣжкова, я имѣю право говорить съ вами объ интересахъ Сони...

Аникѣевъ не выдержалъ.

— Гдѣ она?! Какъ вы смѣете скрывать ее отъ меня?! Какъ вы не понимаете, что такъ поступать невозможно?!— крикнулъ онъ, чувствуя, что вся кровь приливаетъ ему въ голову.

— Ради Бога не волнуйтесь!— мягко произнесла Лидія Андреевна.— Кто виноватъ, что между нами борьба, что мы враги?.. Каждый изъ насъ борется своимъ оружіемъ. Вы всегда ко мнѣ слишкомъ несправедливы; при такихъ отношеніяхъ я не могу допустить, чтобы

вы видались съ Соней... Я не могу... я сказала вамъ это разъ навсегда... и всѣ порядочные люди на моей сторонѣ! Можетъ быть, мнѣ самой тяжело лишать васъ свиданій съ дочерью... Да, вотъ вы, конечно, мнѣ не повѣрите, но мнѣ тяжело это, мнѣ жаль васъ... Если бы не было во мнѣ этого чувства, такъ я давно рѣшилась бы на многое... и вотъ никакъ не могу рѣшиться... Михаилъ Александровичъ, придите въ себя, очнитесь, не будьте звѣремъ... умоляю васъ... Господи!..

Она схватилась руками за голову и, неожиданно для себя самой, зарыдала, почти падая въ кресло.

-- Что я за несчастная!.. Что мнѣ дѣлать?!-- стонала она.

Слезы такъ и лились изъ глазъ ея, и сама она становилась неузнаваемой, дѣйствительно жалкой. Аникѣевъ противъ воли глядѣлъ на нее и противъ воли начиналъ видѣть въ ней ту далекую, прежнюю Лидію, ту избалованную, капризную дѣвочку, которая когда-то глядѣла ему въ глаза влюбленными глазами и шептала.

«Если ты не можешь жениться на мнѣ, та-

къ и не надо!... Позволь мнѣ только возлѣ тебя... быть твоей служанкой!..»

Откуда взялись эти воспоминанія? Откуда взялись они теперь, когда эта женщина провела его черезъ всѣ муки, когда онъ гналъ отъ себя всякую мысль о ней, потому что при такой мысли въ немъ поднималась ненависть, злоба, отвращеніе?..

Но, вѣдь, вотъ, во всѣ эти мучительные годы, послѣ того далекаго времени, никогда, ни разу, ни въ какія самыя тяжелыя и ужасныя минуты ихъ совмѣстной жизни не было у нея этого прежняго лица! И, вѣдь, это то самое жалкое, несчастное лицо, выраженія котораго онъ никакъ не могъ вынести, изъ-за котораго онъ погубилъ себя... Это лицо не лжетъ, не притворяется. Она дѣйствительно несчастна...

И почему знать -- не встрѣтся она съ нимъ, можетъ быть, она была бы и гораздо счастливѣе, и гораздо лучше. Куда уйти отъ такой мысли, когда она пришла?!

-- Боже мой, вѣдь, когда-то вы были добрымъ человѣкомъ!-- между тѣмъ, все продолжая плакать, прошептала Лидія Андреевна.--

Неужели у васъ нѣтъ жалости?.. хоть на минуту пожалѣйте меня ради Сони... Я съ вами борюсь, да, иначе быть не можетъ... Но если бы вы знали, какъ я сама несчастна...

Онъ видѣлъ это, онъ это чувствовалъ. И въ немъ не было ужъ къ ней ни ненависти, ни злобы, ни отвращенія.

-- Перестань, Лидія,-- сказалъ онъ, самъ не замѣчая, что говоритъ ей «ты» и называетъ ее Лидіей:-- перестань, успокойся... Ну, если хочешь, поговоримъ...

XXIV.

Слезы Лидіи Андреевны остановились, и она взглянула на Аникѣева съ робкимъ удивленіемъ. Она ѣхала сюда, какъ ѣдутъ къ смертельному врагу, во всеоружіи своей мести, ненависти и злорадства. Она сознавала, что всѣ выгоды теперь на ея сторонѣ и что онъ не можетъ не чувствовать себя побѣжденнымъ ею.

Онъ упорствуетъ, не сдается; но все же безсиленъ. Это свиданіе, можетъ быть, его наконецъ, сломитъ. Она докажетъ ему, что онъ напрасно затѣялъ съ нею борьбу... О, еще по-

просить онъ, попросить пощады! Она еще потѣшится, еще выместитъ всѣ оскорбленія, всѣ свои муки!..

Что-жъ это такое случилось? Зачѣмъ она плачетъ, чего расчувствовалась?..

Она никогда не могла бы объяснить и понять неожиданную переменъ, происшедшую съ нею. Все шло какъ слѣдуетъ. Она говорила именно то, что надо было говорить, повторяла заранѣе приготовленныя ею фразы. И вдругъ...

Можетъ быть, и ей вспомнилось давно забытое прежнее время. Вѣдь, и она пережила съ этимъ ненавистнымъ ей теперь человѣкомъ хоть и краткія, но все же счастливыя минуты.

Главное же, она вотъ только теперь, сейчасъ почувствовала, что очень устала. Она боролась, повторяла себѣ и другимъ: «я долго терпѣла и подчинялась ему во всемъ; но этого больше не будетъ, я ни на какія уступки несогласна. Онъ упрямъ -- и я тоже, нашла коса на камень!» Все это послѣднее время она только и дѣлала, что разыгрывала несчастную жертву передъ всѣми, а его выставляла какимъ-то

извергомъ, да къ тому же и сумасшедшимъ. Двѣ-три ея пріятельницы помогали въ этомъ. Особенно старалась вдова Бубеньева, ради ея интересовъ временно забывшая даже о своихъ собственныхъ скорбяхъ и о своемъ больномъ сердцѣ.

Чего собственно добивалась Лидія Андреевна, всячески портя репутацію мужа и въ то же время желая и настаивая, чтобы онъ къ ней вернулся -- надъ этимъ она не задумывалась. Она просто мстила.

Когда Бубеньева являлась къ ней и, запыхавшись, щуря глаза и хватаясь за сердце, рассказывала о томъ, какъ теперь «всѣ, всѣ» презирають Михаила Александровича, а ее жалѣють, сочувствуютъ ей,-- она испытывала удовольствіе. Когда «въ Царскомъ» ее встрѣчали тѣмъ, что Соня вѣрно не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, что она часто бываетъ грустна, задумчива и даже иной разъ неохотно и вяло играетъ со своими подругами,-- она вздыхала, говорила: «да, вѣдь, это онъ, все онъ,-- погубить онъ мою бѣдную дѣвочку!» -- и внутри себя была довольна.

За Соню она вовсе не боялась, считала ее

здоровой, крѣпкой и только... «фокусницей», въ отца. Она никогда ея не любила, мало того -- эта дѣвочка всегда дѣйствовала не нее раздражающимъ образомъ. Ей казалось, что она совсѣмъ какъ будто и не ея дочь.

Въ ней такое удивительное, все возрастающее сходство съ Софьей Михайловной, ну а свою «*belle mère*» Лидія Андреевна тайно ненавидѣла не только при жизни, но и послѣ смерти. Она никогда не могла простить ей противодѣйствія браку сына, да и потомъ, всегда чувствовала себя въ присутствіи этой изящной, гордой и, въ то же время, простой женщины -- очень неловко.

Софья Михайловна приняла ее ласково и ни разу до самой своей смерти ничѣмъ не обидѣла. Но по временамъ Лидія Андреевна подмѣчала въ ея глазахъ что-то неуловимое. И это неуловимое наполняло ее ненавистью, унижало, оскорбляло.

Она говорила мужу: -- Твоя мать глядитъ на меня такъ, будто я что-нибудь у нея укра-ла! Хотя я, кажется, и не заслужила этого, но она меня презираетъ...

-- Богъ съ тобой!-- горячо возражалъ ей

Аникѣвъ.-- Мама такъ добра, она сама сказала мнѣ, что любитъ тебя...

-- Нечего... нечего! Хорошо любить!. Да, говоря откровенно, еслибъ я умерла, она не стала бы плакать. Я помѣшала ея блестящимъ планамъ относительно тебя; женись на мнѣ, ты сдѣлалъ mesaillance -- и она никакъ вотъ не можетъ простить мнѣ этого!

-- Ты совсѣмъ не знаешь мама,-- говорилъ Аникѣвъ:-- по жалу иста, выбрось изъ головы такія глупости и сама-то относись къ ней посердечнѣе...

Но Лидія Андреевна продолжала въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи «тапан» видѣть для себя обиду.

И вотъ Соня становится вылитымъ портретомъ этой ненавистой женщины и даже, по временамъ, положительно точно такъ же, какъ та, на нее смотритъ. Такъ можно ли любить эту противную дѣвченку, эту кривляку, которая на зло ей, своей, бѣдной, несчастной матери, дѣлаетъ видъ, будто обожаетъ недостойнаго отца!

За Соней была и еще одна тяжкая вина передъ Лидіей Андреевной: рожденіе этого пер-

ваго и единственнаго ребенка слишком дорого обошлось юной матери. Муки, дѣйствительно, были ужасны, и тяжелыя, непріятныя послѣдствія ихъ остались навсегда не въ одномъ только воспоминаніи.

Въ первое время пострадавшая мать не могла даже безъ ужаса и отвращенія глядѣть на своего ребенка.

Несмотря, однако, на все это, развивавшаяся красота Сони льстила самолюбію Лидіи Андреевны, и она ужъ начинала строить планы, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ найдетъ ей богатѣйшаго жениха и посредствомъ ея брака устроить свое собственное благополучіе. Она любила помечтать объ этомъ и заранѣе обдумывала свои будущія дѣйствія. Наконецъ, въ послѣдніе годы, она такъ привыкла представлять передъ всѣми безумно любящую, несчастную и нѣжную мать, что временами входила въ свою роль и сама считала себя нѣжной матерью.

Но теперь она позабыла всѣ свои роли, не играла никакой комедіи и плакала самыми настоящими, горькими слезами, какими плачетъ одинокая, уставшая и ничѣмъ не удовле-

творенная женщина. Мало того -- за минуту передъ нею былъ врагъ, ненавидимый человекъ; котораго надо было скрутить по рукамъ и по ногамъ и потомъ надъ нимъ хорошенько посмѣяться, наказать ею такъ, чтобы онъ, наконецъ, почувствовалъ и понялъ это. И этотъ ненавистный врагъ вдругъ исчезъ.

Лидія Андреевна глядѣла на Аникѣева и видѣла въ немъ такого же, какъ и она, несчастнаго, одинокаго, уставшаго человека.

-- Ахъ, зачѣмъ мы такъ испортили жизнь другъ другу? Зачѣмъ мы такъ враждуемъ? Зачѣмъ?..-- вырвалось у нея съ глубокимъ вздохомъ.

Аникѣевъ старался не глядѣть на нее. Тоска въ немъ возрастала.

Онъ тихо повторилъ:

-- Успокойся, Лидія... поговоримъ...

И потомъ продолжалъ:

-- Мнѣ невыносима мыслью продажъ Снѣжкова... но дѣла такъ сложились... я не въ силахъ выпутаться..

Лидія Андреевна встрепенулась.

-- Могу я... можешь ты мнѣ дать всѣ свѣдѣнія о Снѣжковѣ... вѣдь, я... къ стыду мое-

му... не знаю даже, сколько тамъ десятиныхъ и какія теперь цѣны на землю; объясни мнѣ, пожалуйста, все... можно?-- ласково и печально спрашивала она.

-- Конечно, объясню... покажу всѣ документы,-- отвѣтилъ Аникѣевъ, подходя къ столу и выдвигая ящикъ.

Онъ приступилъ къ подробнымъ объясненіямъ, и Лидія Андреевна скоро поняла, что положеніе безнадежно. Ей стало, съ другой стороны, ясно и то, что продать это имѣніе за шестьдесятъ тысячъ, значитъ отдать его почти даромъ.

-- Я всегда считала Николая Александровича не Богъ вѣсть какимъ человѣкомъ,-- съ негодованіемъ сказала она:-- но все же не думала, что онъ способенъ на такую гадость.

-- Оставимъ это,-- замѣтилъ Аникѣевъ:-- онъ, видишь ли, практичекій, благоразумный человѣкъ, и въ его дѣйствіяхъ никто не найдетъ ничего предосудительнаго. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ предлагаетъ хорошую цѣну... Что же, однако, мы будемъ дѣлать?

-- Необходимо найти деньги, чтобы выйти

изъ теперешнихъ затрудненій, а потомъ непременно надо сдать землю въ аренду, на короткій срокъ... или отыскать опытнаго и честнаго управляющаго... Это мнѣніе очень дѣльныхъ людей, съ которыми я совѣтовалась.

-- Я и самъ хорошо знаю... только гдѣ же найти денегъ? Эти невозможно!

-- Я постараюсь... мнѣ обѣщали,-- сосредоточенно сдвигая брови, сказала Лидія Андреевна.-- Мнѣ, можетъ-быть, и дадутъ деньги подъ вторую закладную... только... для этого необходимо, чтобъ я была увѣрена въ... твоихъ дѣйствіяхъ... И, словамъ, я не вѣрю, не смѣю вѣрить...

Она была ужъ снова совсѣмъ спокойна и холодно глядѣла на мужа.

-- Что-жъ надо?-- спросилъ онъ.

-- Надо, чтобы мы оба перестали думать только о себѣ, а думали единственно о Сонѣ. Вы совсѣмъ разстроили еще недавно прекрасное состояніе, вы непрактичны, и передѣлываться вамъ поздно, а потому надо такъ устроить, чтобы впредь не было возможности новаго разоренія, чтобы Соня

дѣйствительно получила Снѣжково.

-- Я только этого и желаю,-- дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Аникѣевъ:-- но прежде всего я хочу видѣть Соню.

-- Вы ее увидите, когда я убѣждусь, что вы одумались, когда вы поступите относительно нея и относительно меня такъ, какъ подобаетъ порядочному человѣку... когда вы къ намъ вернетесь.

-- Да, вѣдь, вы сами-же понимаете, что это невозможно!-- внѣ себя воскликнулъ Аникѣевъ.

-- Почему?

-- Потому, что все... потому, что вы, потому, что мы снова начнемъ мучить другъ друга... и Соня первая погибнетъ отъ нашей вражды и мученій!

Лидія Андреевна поднялась съ кресла. Ея усталости, душевнаго затишья и мелькнувшаго добраго чувства къ мужу какъ не бывало. Мало того, она ужъ себя не помнила отъ гнѣва. Глаза ея стали злыми, губы дрожали.

-- Въ такомъ случаѣ, мнѣ не о чемъ говорить съ вами. Вы сами отнимаете у меня возможность щадить васъ. Вы неисправимы! Вы

безчувственный, безнравственный человекъ! Вы расточитель! Вы сумасшедшій? Всѣ это теперь знаютъ, всѣ!.. Вы довели меня... такъ ужъ не пеняйте, если на этихъ дняхъ съ нами случится какой-нибудь сюрпризъ!-- кричала Лидія Андреевна, вся багровѣя и дрожавшими руками застегивая свое пальто.

-- Вотъ какъ! Что-жъ это вы... подъ опеку меня, что ли?-- едва выговорилъ Аникѣвъ.

Онъ задыхался. Въ груди поднялась невыносимая боль, голова кружилась.

Между тѣмъ, Лидія Андреевна очнулась. Она поняла, что проговорила, что слишкомъ рано открыла ему свои карты. Она уходила; но у двери въ переднюю остановилась, обернулась и сказала:

-- Не забудьте, что завтра я должна получить отъ васъ пятьсотъ рублей... У меня ни гроша, и надо заплатить за квартиру, гувернанткѣ, прислугѣ. Или, можетъ быть, мнѣ не ждать и этихъ денегъ?

-- Вы ихъ получите,-- отвѣтилъ Аникѣвъ, съ невыносимымъ отвращеніемъ и ужасомъ соображая, что у него всего-на-всего рублей пятнадцать въ карманѣ.

Всѣ мѣры предосторожности, принятыя Лидіей Андреевной противъ любознательности Платона Пирожкова, оказались, какъ и всегда, напрасными. Притаясь у двери спальни, онъ слышалъ все, отъ слова и до слова. Да не только слышалъ, а и видѣлъ, приставивъ глазъ къ замочной скважинѣ. Съ его длиннымъ носомъ это, казалось, было очень затруднительно; но долготѣняя практика научаетъ всему, и онъ зналъ такое хитрое положеніе, когда и носъ не являлся слишкомъ большой помѣхой.

Сначала «дятель» рѣшительно сочувствовалъ Лидіи Андреевнѣ, такъ какъ пуще всего желалъ, «чтобы баринъ вернулся къ барынѣ». Такое желаніе съ его стороны было болѣе чѣмъ безрассудно

— Такъ что-жъ, мнѣ ждатель, пока онъ уйдетъ изъ Петербурга?— едва сдерживая свое раздраженіе, восклицала она.

— Куда уѣдетъ... зачѣмъ? Некуда ему ѣхать.

— Помилуйте, какъ куда? Возьметъ да и уѣдетъ. Что-жъ я тогда сдѣлаю?

-- Въ такомъ дѣлѣ надо дѣйствовать осмот-
рительно,-- стояли на своемъ умные люди.

Она совсѣмъ запуталась, потеряла подъ но-
гами почву и находилась въ самомъ озлоб-
ленномъ настроеніи.

Она перевезла свою мебель и вещи частью
въ складъ, частью къ Бубенъевой. Сдала квар-
тиру и переѣхала пока въ Царское, къ
madame Фрумъ, дамѣ добродушной и совсѣмъ
ослѣпленной добродѣтелями «этой милой,
несчастной madame Аникѣевой».

Соня продолжала по временамъ очень за-
думываться. Иной разъ она поглядывала на
мать «исподлобья», тѣмъ самымъ, ненавист-
нымъ, «бабушкинымъ» взглядомъ, но ничего
не спрашивала объ отцѣ, не смѣла спраши-
вать. Ей было объявлено, что онъ внезапно
уѣхалъ изъ Петербурга. Она этому не вѣрила.

Она думала о немъ часто и все ждала че-
го-то.

XXVII.

Маленькой княжнѣ плохо спалось послѣ перваго вечера, проведеннаго съ Аникѣевымъ. То, что она узнала о немъ, было такъ для нея неожиданно и почему-то, хотя она сама не знала почему, ей очень не нравилось. Однако, мало-по-малу, она примирилась со всѣми этими обстоятельствами и раздумывала, какъ же ему теперь быть, чтобы отогнать отъ себя бѣды, соединиться съ дочерью и стать счастливымъ.

Она задала себѣ вопросъ -- что такое счастье? Неужели счастья, если оно само не приходитъ, человѣкъ не можетъ завоевать себѣ своими собственными силами? И она сейчас же рѣшила, что если и нельзя достигнуть, одной своей силой, внѣшняго счастья, то внутреннее, -- а, вѣдь, это самое важное, -- всегда во власти человѣка.

Люди несчастны не потому, что ихъ мучаютъ другіе, а потому, что они сами себя мучаютъ. Есть люди, которые никакъ не могутъ уйти отъ такого мученія, они ставятъ себѣ земныя цѣли, гонятся за всякимъ успѣхомъ,

терзаются честолюбіемъ, завистью; достигнуть одного, стануть тянуться къ другому,— и опять мученія. Такіе люди, разумѣется, не въ силахъ помочь себѣ.

Но, вѣдь, Аникѣевъ не таковъ. Онъ мало того, что художникъ, въ немъ, несмотря на все, есть что-то монашеское. Какъ ни странно это, но она сразу подмѣтила въ помъ такую черту, еще даже тогда, на вечерѣ у Талубьевой, а потомъ у него, и, наконецъ, теперь, вчера вечеромъ.

Онъ не стремится къ обществу, а бѣжитъ отъ него, любитъ уединеніе, живетъ особнякомъ. Онъ замкнутъ въ себѣ, одинокъ. Вотъ, вѣдь, онъ говорилъ, что иногда по долгу живетъ гдѣ-нибудь за границей или у себя въ деревнѣ совсѣмъ одинъ, и не замѣчаетъ времени.

Значитъ, онъ можетъ легко найти счастье внутри себя и, значитъ, если не находитъ, если такъ, измученъ, такъ несчастенъ, то именно потому, что въ душѣ у него метутся, какъ онъ говоритъ злые вихри. А если въ этой душѣ настанетъ тишина, если въ ней зазвучитъ гармонія и засвѣтится красота,— а, вѣдь

вотъ онъ сказалъ, что безъ красоты и гармоніи жизнь -- одно томленіе,-- тогда все и будетъ хорошо. Тогда ужъ не будутъ ему страшны никакія бѣды, и онъ не станетъ гоняться за блѣдными, невѣрными тѣнями. Какъ же достигнуть ему этой внутренней красоты и гармоніи? Отчего онъ его покинули?..

Нина думала, думала -- и вдругъ ей стало ясно. У него не спокойна совѣсть, ему, хотя, можетъ быть, онъ и самъ не замѣчаетъ этого, стыдно передъ собою за многое. Душа у него высокая чуткая, жаждущая правды и свѣта. Развѣ иною можетъ быть душа человѣка, способнаго на такое вдохновеніе! Но эта душа опутана мракомъ, забрызгана грязью...

У него дочь -- невинный, прелестный ребенокъ... Этотъ ребенокъ его любитъ и страдаетъ въ разлукѣ съ нимъ. Кто же виноватъ? Конечно, онъ. Развѣ онъ смѣлъ уйти отъ своей дочери и оставить ее въ такихъ рукахъ?! Значить, онъ о ней не думалъ, а думалъ только о себѣ. Онъ поступилъ и поступаетъ, такъ, какъ долженъ былъ бы поступать, если бы совсѣмъ не любилъ ея. А между тѣмъ, онъ ее любитъ.

Такъ развѣ можно, съ его-то чуткой душой, быть счастливымъ при такомъ противорѣчїи! Потомъ, вѣдь, вотъ онъ понимаетъ и другую, иную любовь, самую настоящую, чистую и прекрасную, какъ вдохновеніе, какъ природа, ту любовь, про которую безумецъ Позднышевъ въ «Крейцеровой Сонатѣ» говоритъ что ея нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ.

Но она есть, и Аникѣевъ понимаетъ ее, и всю жизнь къ ной стремится... Въ женѣ своей онъ не могъ найти этой любви и, вѣрно, подумалъ, что нашелъ ее въ другомъ мѣстѣ. Онъ не хотѣлъ признаться, онъ молчалъ: но она сразу все угадала и увидѣла полное подтвержденіе своихъ догадокъ въ его молчанїи.

Она рѣшилась сказать ему, что эта любовь его нехорошая, недолжная, что она влечетъ его къ гибели.

Почему она рѣшилась, почему сказала? А вотъ именно потому, что онъ молчалъ, молчалъ и стыдился. Развѣ сталъ бы онъ молчать и стыдиться, если бъ это было то чистое, высокое чувство, которое даетъ истинное сча-

стѣ? Развѣ бы онъ былъ несчастливъ, если бы любилъ по настоящему и та женщина была бы достойна такой любви?!..

Вѣдь, это такъ просто, такъ понятно. Настоящая чистая любовь непременно дастъ счастье, она скрашиваетъ собою все, при ней безсильны всякія бѣды... А онъ тоскуетъ.

Значить, ему надо уйти отъ нечистой любви, надо вернуться къ дочери, жить для нея -- и тогда, мало-по-малу, всѣ бѣды отойдутъ отъ него, и онъ отдохнетъ, найдетъ если и не полное счастье, то, по крайней мѣрѣ, гармонію духа...

Это былъ почти бредъ. Это было невѣдомо откуда приходившія, невѣдомо какъ рождавшіяся мысли. Нина сама къ нимъ прислушивалась, какъ къ чьему-то чужому, звучащему въ ней голосу...

Эти мысли ее, наконецъ, убаюкали; но и въ сновидѣніи мелькали ихъ обрывки и вмѣстѣ съ ними мелькало утомленное и милое ей лицо Аникѣева съ устремленными на нее, полными вдохновенія и просящими счастья глазами.

Она проснулась поздно, совсѣмъ успоко-

енная, освѣженная, и опять думала объ Аникѣевѣ; но ужъ совсѣмъ иначе. Она думала не о душѣ его, а о земныхъ его дѣлахъ, объ его разореніи. Она рѣшила, что въ воскресенье непременно узнаеть обо всемъ этомъ, какъ можно подробнѣе.

«Не о хлѣбѣ единомъ живѣ чловѣкъ,-- говорила она себѣ: -- но и безъ хлѣба жить на землѣ невозможно»...

Вопросъ о «хлѣбѣ» навелъ ея мысли на совсѣмъ иной предметъ. Она вспомнила про Ольгу Травникову и почувствовала внутри себя упрекъ совѣсти. Вѣдь, все это время она не покидалась съ Ольгой. Правда, она два раза писала ей, но въ отвѣтъ получила только одну записочку на Страстной.

Въ этой записочкѣ не было ничего особеннаго, однако, Нина прочла между строкъ что-то неладное, и не по отношенію къ себѣ, нѣтъ. Ольга ничуть на нее не сердится за ея внезапное исчезновеніе. Вотъ она даже выразила радость, и навѣрное искренно, что Нина такъ хорошо устроилась. Нѣтъ, съ ней самой, съ Ольгой, должно быть творится что-то странное.

«Нечего сказать, хороша я,— подумала Нина: -- видно я болтунья, хвастунья и ничего больше!.. Говорила тетѣ, что стану помогать своимъ дорожнымъ товарищамъ -- и только, значить, хвасталась!.. Вѣдь, и Ольга такой же мой товарищъ, а я о ней забыла»...

Маленькая княжна рѣшила немедленно же ѣхать на Васильевскій островъ и объявить объ этомъ теткѣ.

Марья Эрастовна, подумавъ, дала свое согласіе.

-- Только ты поѣзжай въ каретѣ, я велю закладывать. Да смотри, не засиживайся тамъ... нечего! Еще эти неучи тебѣ какія-нибудь дерзости надѣлаютъ... Пусть ужъ лучше эта твоя госпожа Травникова, коли тебя любитъ, сюда приходитъ. Я ее помню у васъ тогда она была такая скромная дѣвушка... Кстати, вотъ и посмотрю -- какія такія нынче ученія дѣвицы да толстовскія сектантки бываютъ. Слыхатъ о нихъ слыхала, а видать не приходилось.

XXVIII.

День былъ такой ясный и теплый, весеннее солнце стояло высоко на небѣ, все казалось Нинѣ такимъ оживленнымъ, бодрымъ, веселымъ. Когда ея карета остановилась у воротъ многоэтажнаго дома на Васильевскомъ островѣ, этотъ домъ, темный, страшный, таинственный въ ту ненастную и навсегда памятную ночь, теперь глядѣлъ спокойно и даже привѣтливо рядами своихъ вымытыхъ къ празднику оконъ.

Маленькая княжна выпорхнула изъ кареты и храбро вбѣжала въ ворота, ничего не боясь, никакихъ старшихъ и младшихъ дворниковъ. Однако, высокая крутая лѣстница, на которую тогда она не обратила никакого вниманія, теперь представилась ей во всей своей неряшливости и совсѣмъ ей не понравилась.

Дѣвочка Саша отворила дверь и, увидя княжну, вытаращила большіе круглые глаза, разинула во всю ширину ротъ, показывая два ряда крѣпкихъ и бѣлыхъ зубовъ.

-- Ахъ, барышня, это вы-съ,-- радостно

взвизгнула она:-- пожалуйста-сь. Наша барышня дома, только онѣ очень нездоровы,-- прибавила она все съ тѣмъ же сіяющимъ лицомъ.

-- Больна она?!-- встревоженно проговорила Нина и хотѣла скорѣе пройти къ Ольгѣ, но остановилась.

-- Съ праздникомъ, Саша, Христось Воскресе!-- сказала она, приподняла вуаль и потянулась, чтобы похристосоваться съ дѣвочкой.

-- Ахъ-сь, барышня... во истину-сь,-- взвизгнула та, а потомъ, съ видимымъ восторгомъ, бережно чмокнула Нину.

-- Вотъ, милая, возьмите на красное яичко.

Нина всунула ей въ руку зеленую бумажку.

-- Покорно благодаримъ-сь. Ахъ-сь, барышня, пожалуйста-сь!-- заметалась, совсѣмъ ужъ себя не помня, Саша, отворяя дверь.

Нина вошла. Но въ первой комнатѣ Ольги не было. Тогда она подошла къ маленькой спальнѣ.

-- Кто это? Нина? вы?.. Я раздѣта, лежу, да ужъ все равно, это не суть важно... входите,-- отозвалась Ольга.

Княжна вошла въ грязную, еще болѣе запыленную чѣмъ прежде комнату и увидѣла свою пріятельницу, лежавшую на кровати. Она подбѣжала къ ней и остановилась, пораженная переменой, происшедшей съ Ольгой за это короткое время. Она пожелтѣла и похудѣла такъ, что на нее жалко было смотрѣть. Глаза ввалились и были обведены темными кругами.

-- Милая, что съ вами, вы очень больны?-- испуганнымъ голосомъ, наклоняясь къ ней и цѣлуя ее, шепнула Нина.

-- Какъ видите,-- съ печальной усмѣшкой отвѣтила та, прикасаясь къ Нининой щекѣ сухими губами.

-- Да что-же такое? Давно ли? Былъ-ли у васъ докторъ? Отчего вы мнѣ не написали или не прислали Сашу? Господи, если-бъ я знала.

-- Именно и хорошо, что вы не знали, Нина,-- все тѣмъ-же насмѣшливо-грустнымъ тономъ заговорила Ольга.-- Да, я была очень больна, кажется, близка отъ смерти. Это случилось на слѣдующій день послѣ того, какъ я вамъ написала. Со вчерашняго дня мнѣ лучше, только такая слабость, что вотъ не могу

подняться.

-- Да расскажите же... какъ, что было съ вами?

-- Ну чего тутъ рассказывать... ничего хорошего... было и прошло,-- закрывая глаза и становясь совсѣмъ похожею на мертвую, говорила Ольга:-- все это не суть важно... А я вотъ лежала, да и думала, отчего мнѣ такая неудача: другая-бы непременно умерла, а я жива, и Николаева, это -- женщина-врачъ, которая меня лѣчитъ, увѣряетъ, что я черезъ недѣлю, при благоразуміи, буду совсѣмъ здорова. А я такъ хотѣла умереть!.. и это вовсе не страшно, когда близко... издали только пугаетъ...

-- Боже мой, что такое вы говорите, опомнитесь!-- почти крикнула Нина, хватая ее за руку:-- успокойтесь... Если вы слабы, полежите молча, а потомъ тихонько расскажите мнѣ, какая была у васъ болѣзнь, что случилось.

Ольга послушно замолчала и продолжала лежать съ закрытыми глазами.

Нина глядѣла на нее все съ возроставшей жалостью.

«Какое лицо, какая страшная переменна! Такъ больна и совсѣмъ одинока, среди чу-

жихъ, въ этой страшной грязной комнатѣ... Гдѣ-же Вейсъ? Вѣдь, онъ ея женихъ. Они любятъ другъ друга. Онъ имѣетъ право ухаживать за своей невѣстой».

-- Отчего его нѣтъ?-- громко сказала она свою мысль.

-- Кого?-- спросила Ольга.

-- Вашего жениха.

-- У меня нѣтъ жениха, нѣтъ... слышите?... Все это прошло... сонъ... кошмаръ... Поймите-же теперь, что я имѣла право желать смерти!

Она открыла глаза и даже приподнялась съ подушки. На исхудавшихъ желтыхъ щекахъ ея вспыхнулъ слабый румянецъ.

-- Не волнуйтесь, Ольга, вамъ это такъ вредно. Простите меня... этотъ мой глупый вопросъ. Могла-ли я думать?-- растерявшись, говорила Нина.

Но возбужденіе Ольги усиливалось.

-- Да, я знаю, мнѣ это вредно, очень вредно!.. Да мнѣ-то какое дѣло! Развѣ я могу объ этомъ но думать... не волноваться... но говорить... Не спросили-бы вы, я сама бы вамъ все рассказала. Я не могу молчать... Онъ глупецъ,

жалкій глупецъ, и притомъ самый низкій человекъ, какого только можно себѣ представить!! Ахъ, что онъ со мною сдѣлалъ... слушайте... знайте... я не могу молчать, и вы, вѣдь, не станете срамить меня... на васъ можно положиться... Да, знайте... вы такъ неопытны, не имѣете никакого понятія о людяхъ, о жизни... вамъ полезно знать, что бываетъ на свѣтѣ.

И она рассказала испуганной Нинѣ всю исторію и развязку своей любви. Эта любовь уже имѣла естественныя послѣдствія, которыя, какъ рѣшили между собой Ольга и Вейсъ, должны были, въ самомъ скоромъ времени, прикрыться «церковнымъ обрядомъ». Но «Крейцера соната» произвела на автора «Смысла жизни» такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ совсѣмъ «ошалѣлъ», по выраженію Ольги. Когда она, въ день отъѣзда Нины, прибѣжала къ нему и требовала объясненія его словъ о томъ, что къ преступному и грязному прошлому не должно быть возврата, онъ спокойно отвѣтилъ ей:

— Вся эта мерзость, называемая любовью, которой мы предавались какъ грязные звѣри,

навсегда должна быть кончена между нами. Отнынѣ мы можемъ быть только братомъ и сестрою, если наши взгляды, убѣжденія и вѣрованія вполнѣ сходятся. Но, во всякомъ случаѣ, мы должны провѣрить и себя самихъ, и другъ друга. Мы еще слабы, намъ грозитъ новое паденіе, а потому намъ необходимо разлучиться на болѣе или менѣе продолжительное время. «Смысль жизни» почти окончена, остается всего двѣ-три главы, и я уѣзжаю...

Бѣдная Ольга старалась его образумить, объяснить ему все неблагородство его поступка съ нею, но онъ ничего не понималъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ. Наконецъ, онъ сдался и какъ будто даже расчувствовался. Онъ сказалъ, что разъ съ ними случилось такое несчастіе, онъ готовъ «подвергнуть себя церковному обряду». Хорошо, они обвѣнчаются, но потомъ сейчасъ-же разойдутся и, въ отдаленіи другъ отъ друга, начнутъ взаимное испытываніе.

Съ этимъ Ольга и ушла отъ него. «Церковнаго обряда» нельзя было совершить постомъ, и поневолѣ пришлось отложить его до

Оминой подѣли.

Прошло нѣсколько дней. Вейсъ не явился къ Ольгѣ. Она опять побѣжала къ нему, но его не застала.

Наконецъ, на Страстной, онъ явился. Она такъ надумалась, такъ намучилась за это время, ей сдѣлалось такъ ужасно невыносимо и стыдно, что она не могла молчать передъ нимъ и притворяться.

Она высказала ему все, всю накипѣвшую въ ея обманутомъ сердцѣ ненависть къ «великому учителю». Она сама не помнитъ теперь, что говорила. Но, вѣдь, онъ, чуть не прибилъ ее! Онъ такъ кричалъ и бѣсновался, что фрейленъ Хазонклеверъ прибѣжала и грозила послать за полиціей. Тогда онъ нѣсколько успокоился и объявилъ Ольгѣ, что жестоко въ ней обманулся, что она неспособна ни на какое развитіе, что она -- грязная самка и ничего больше, что у ней позднышевскіе идеалы, и онъ вовсе не намѣренъ губить ради нея свою жизнь, которая еще пригодится на великое дѣло оздоровленія общества. Онъ оскорблялъ ее самымъ грубымъ образомъ и довелъ, наконецъ,

до того, что вотъ «это самое» и случилось. Тогда онъ испугался и побѣжалъ за женщиной-врачемъ.

Но потомъ, потомъ, на слѣдующій же день, онъ объявилъ Ольгѣ, что сама судьба развязала его съ нею, что теперь онъ имѣетъ полное нравственное право не считать себя связаннымъ, и о «церковномъ обрядѣ», такъ какъ послѣдствій ихъ бывшаго звѣрскаго преступленія нѣтъ, но можетъ быть и рѣчи. О братскихъ отношеніяхъ тоже нечего думать при такой разницѣ убѣжденій. Онъ уѣзжаетъ немедленно и въ Петербургъ долго не вернется. Она свободна теперь искать себѣ подходящаго звѣря для звѣрской жизни.

И онъ ушелъ, и ушелъ навсегда.

Вотъ тогда-то ей и стало такъ дурно, что она чуть не умерла и ждала смерти съ радостью, звала эту смерть, какъ освобожденіе отъ позора...

Досказавъ свою исповѣдь, Ольга впала въ истерическій припадокъ, и Нина совсѣмъ не знала, что дѣлать съ нею.

Пришлось позвать на помощь фрейленъ Хазепклеверъ. Та явилась изъ кухни со своей

голой шей и короткими рукавами, принесла воды, послала Сашу за женщиной-врачемъ; но сама относилась къ своей постоялицѣ съ большимъ негодованіемъ и ворчала:

— Фуи, Schande, Schande!.. я бѣдни дѣвицъ, но благородна дѣвицъ... и вотъ, въ мой шести квартирь такой шкандаль, такой безобразій!..

Она почти силой отвела Нину въ сосѣдную компату и, вся багровая, шептала ей:

— Ich bin barmherzig, zu barmherzig!.. у мене добраго, золотого сердце... я не могу ее больной выгоняль, но скажите ей, когда она виздоравливалъ, пускай сичасъ съѣзжалъ... мой квартирь -- честни квартирь...

Нина хотѣла бѣжать отъ всего этого ужаса. Она невольно чувствовала къ Ольгѣ теперь больше отвращенія, чѣмъ жалости, но изъ всѣхъ силъ старалась побѣдить въ себѣ такое чувство.

«Она страдаетъ, она несчастна... хороша я буду, если теперь ее брошу, когда она одна на всемъ свѣтѣ».

И Нина, какъ только могла, старалась

успокоить больную.

Саша вернулась не заставъ женщину-врача, которая должна была прїѣхать домой только къ вечеру.

Тогда Нина написала Марьѣ Эрастовнѣ о томъ, что Ольга Травникова сильно больна и при ней кикого нѣтъ, что она остается у нея до вечера, а, можетъ быть, и дольше, до тѣхъ поръ, пока ея присутствіе будетъ необходимо.

Съ этой запиской уѣхалъ кучеръ.

Мало-по-малу Ольга успокоилась и забылась сномъ. Она спала долго и не успѣла еще проснуться, какъ въ передней раздался звонокъ. Нина слышала этотъ звонокъ, только не обратила на него, вниманія.

Между тѣмъ, то была сама Марья Эрастовна.

Ей отперла фрейленъ Хазенклеверъ и, приблизительно узнавъ, кто она такая, задержала ее въ передней своими объясненіями.

Кругленькая генеральша возмутилась и вознегодовала не на шутку, разобравъ въ чемъ дѣло и какого рода болѣзнь у Нининой прїятельницы.

Нина, совсѣмъ разстроенная сидѣла возлѣ

кровати Ольги, сторожа ея сонъ, когда у двери спальни появилась фрейленъ Хазенклеверъ и поманила ее пальцемъ.

-- Баришня, пожалуйста!-- многозначительно произнесла она.

Нина подошла къ двери.

-- Васъ спрашиваютъ...

-- Кто?

-- Ihre Frau Tante...

Нина вышла въ переднюю и разглядѣла грозное лицо Марьи Эрастовны.

-- Бери пальто и -- маршъ за мною!-- повелительнымъ «военнымъ» голосомъ произнесла та. А затѣмъ прибавила:-- Ну, безъ разсужденій, тебѣ здѣсь, матушка, не мѣсто...

Нина, однако, ничуть не смутилась.

-- Тетя, войдите,-- спокойно сказала она, взяла Марью Эрастовну за руку и почти силой втащила ее въ первую Ольгину комнату.

Она приперла дверь спальни и горячимъ шопотомъ рассказала все, что узнала отъ Ольги.

Марья Эрастовна слушала строго, но внимательно. Выслушавъ все до конца, она сказала:

-- Хорошо, но все-же тутъ тебѣ не, мѣсто. Ей нужна опытная сидѣлка. Вспомни, вѣдь, я взяла тебя на свое попеченіе, я обѣщала твоимъ отцу съ матерью слѣдить за тобою... въ какое же положеніе ты меня ставишь!.. Пожалуй-ста, не упрямясь, поѣдемъ!

-- Все это такъ, тетя,-- отвѣтила ей Нина.-- мнѣ, вотъ, и самой здѣсь тяжело...Только я все-же сдѣлаю то, что надо. Вѣдь, эта несчастная Ольга совсѣмъ одна, она одна на цѣломъ сѣтѣ, у нея никого нѣтъ, и если я не буду при ней, пока она не поправится... да она умретъ отъ отчаянья въ своемъ одиночествѣ! Наемная сидѣлка не дастъ ей того, что могу дать я... вѣдь, я знаю ее съ дѣтства, и она все-же меня любитъ... Я одна еще могу помочь ей подняться послѣ всего этого... Она меня не заразитъ и не испортитъ, а если я не сдѣлаю для нея того, что приказываетъ мнѣ Христосъ -- вотъ тогда я буду очень грѣшна, заражена, испорчена!.. Такъ не сердитесь на меня, тетя, не мѣшайте мнѣ.

Марья Эрастовна соображала и видѣла, что Нина «занеслась», и что съ этой почвы ее не сдвинешь.

-- Ну вот что,-- наконецъ, сказала она:-- дѣлать нечего,-- разъ ужъ я имѣла глупость отпустить тебя сюда, сиди тамъ съ нею, а я сейчасъ-же поѣду, отыщу и привезу сидѣлку.

XXIX.

Нина, конечно, поставила на своемъ и, несмотря на присутствіе опытной сестры милосердія, присланной изъ Общины, всѣ дни проводила съ Ольгой. Она уѣзжала домой только поздно вечеромъ, когда больная засыпала.

Не только чувство нравственной брезгливости относительно Ольги, безслѣдно прошло въ маленькой княжнѣ, но она испытывала теперь къ этой несчастной дѣвушкѣ почти материнскую нѣжность. Она подолгу ласково глядѣла на нее ясными синими глазами, совсѣмъ по-дѣтски улыбалась ей, а когда Ольга начинала говорить и волноваться, закрывала ей ротъ рукою и требовала безусловнаго повиновенія.

-- Милочка, лежите спокойно и молчите,-- объявляла она:-- а то я разсержусь не на шутку и уѣду!

Она ужъ видѣла и чувствовала, что ея присутствіе, ея ласковый голосъ, улыбки, всякое ея движеніе доставляютъ Ольгѣ удовольствіе, развлекаютъ ее, отводятъ отъ мрачныхъ мыслей.

Самое тяжкое въ положеніи Ольги теперь, дѣйствительно, было одиночество, сознаніе покинутости, и вотъ это-то сознаніе стихало и забывалось отъ прикосновенія Нины...

-- Ну что? какъ сегодня? лучше?-- спрашивала княжна по утрамъ, входя въ первую комнату и снимая шляпку.

-- Конечно, лучше,-- добродушно улыбаясь, отвѣчала ей толстуха «сестра», съ первой-же минуты влюбившаяся въ «эту милушку, эту умненькую «золотую куколку», какъ она называла ее и Ольгѣ, и Сашѣ, и даже Генріеттѣ Богдановнѣ Хазенклеверъ, благородное негодованіе которой уже замѣтно стихло.

-- Конечно, лучше,-- повторяла она:-- только мы ужъ скучать было, начали: вдругъ, молъ, наша барышня-красавица не пріѣдетъ. То и дѣло съ часами справлялись... А теперь, какъ взошло наше красное солнышко, такъ еще лучше будетъ -- въ минутку совсѣмъ

поздоровѣемъ...

-- Это я-то «красное солнышко», сестрица? Развѣ я рыжая?-- весело говорила Нина и спѣшила въ спальенку Ольги.

-- Вотъ и я... вы думали, я заспалась? Ничуть! Проснулась я рано и давно ужъ выѣхала изъ дому, только по дорогѣ кое-куда заѣхала, - щебетала она, цѣлуясь съ Ольгой и глядя ее по головѣ какъ малаго ребенка.-- Вы думаете, я съ пустыми руками? Извините, ошибаетесь, въ трехъ магазинахъ была... Посмотрите-ка!

Она убѣгала въ переднюю и возвращалась съ громадными апельсинами, съ конфетами, съ душистыми цвѣтами...

Бѣдныя, унылыя и закопченныя комнатки сразу оживлялись. Пахло свѣжими цвѣтами, раздавался звонкій смѣхъ Нины. «Сестрица» молодѣла и принималась рассказывать дѣвушкамъ разныя интересныя вещи. Она многого навиделась на своемъ вѣку и даже «была на войнѣ».

Кончалось тѣмъ, что Ольга, сначала молчаливая и разсѣянная, мало-по-малу заинтересовывалась -- и сама смѣялась. Въ такихъ пріятныхъ бесѣдахъ «о страшномъ,

съѣстномъ и домашнемъ» проходилъ весь день.

Пріѣхавъ утромъ въ воскресенье, Нина застала Ольгу сидящей на диванчикѣ, въ первой комнатѣ. Она была еще очень слаба; но глаза стали совсѣмъ живыми. Въ этотъ день Нина не осталась до вечера, а уѣхала къ обѣду домой, уѣхала на свиданіе съ другимъ «больнымъ», о которомъ не переставала думать...

Аникѣевъ явился къ обѣду, но такой блѣдный, усталый и, видимо, совсѣмъ разстроенный, что у Нины упало сердце, когда она на него взглянула.

Дѣла его ни въ какомъ отношеніи не улучшились, и каждый новый день только ухудшалъ ихъ. Наканунѣ онъ съ утра поѣхалъ въ Царское и пробродилъ тамъ до вечера, надѣясь такъ или иначе увидѣть Сою. Но онъ не успѣлъ въ этомъ.

Спасительный *deus ex machina* относительно Снѣжкова тоже оставался ней тѣмъ же, заключаясь въ предложеніи Николая Александровича. А между тѣмъ, Аникѣевъ упорно отгонялъ отъ себя мысль о необходимости разстаться со своимъ любимымъ ста-

рымъ гнѣздомъ, завѣщаннымъ ему матерью.

Алина продолжала привлекать его, но каждый разъ онъ уходилъ отъ нея все съ большей и большей тоскою. На душѣ было совсѣмъ противно, и внутреннее недовольство самимъ собою, презрѣніе къ себѣ быстро возрастало. Все это подѣйствовало на его здорье. Онъ просыпался по утрамъ совсѣмъ разбитымъ. По временамъ сильно болѣло сердце и кружилась голова.

Но все же, по привычкѣ хорошо владѣя собою, онъ постарался казаться какъ можно веселѣе предъ Марьей Эрастовной и Ниной. Во время обѣда, какъ съ нимъ случалось и какъ бываетъ часто съ очень нервными людьми, самъ не зная отчего, онъ оживился, говорилъ много, рассказывалъ Марьѣ Эрастовнѣ о своей матери и о разныхъ родственникахъ, которыхъ она когда-то знала.

Нина слушала его со вниманіемъ и пристально въ ного вглядывалась. Но обмануть ее своимъ оживленіемъ онъ не могъ.

«Надо, непременно надо узнать отъ него все о томъ, какъ онъ разорился и въ чемъ дѣло...-- думала она:-- я безъ этого не выпущу

его сегодня»...

XXX.

Ей не пришлось даже прилагать особенны-
хъ стараній для исполненія своего желанія.
Въ этомъ ей скоро помогла Марья Эрастовна,
всегда интересовавшаяся всѣми матерьяльны-
ми дѣлами своихъ ближнихъ.

— Михаилъ Александровичъ,— спросила
она еще за обѣдомъ:— вѣдь, насколько помню,
Софья Михайловна была очень богата. Какъ
единственная дочь, она должна была полу-
чить все отцовское и материнское состояніе...
Помнится, три большихъ, отличныхъ имѣнія,
да и капиталъ изрядный. Говорили тогда, что
въ одномъ изъ имѣній графовъ Садовскихъ
просто дворець, съ разными собраніями
рѣдкостей.. Или я спутала?

— Нисколько,— отвѣтилъ ей Аникѣевъ:— ма-
ма, дѣйствительно, была очень богата и да-
же сохранила значительную часть своего
состоянія. Насъ много, мы раздѣлились. Но
все-же и я не мои. бы теперь жаловаться, ес-
ли-бы... былъ другимъ человѣкомъ. То
имѣніе, о которомъ вы говорите, я имѣю

владѣю, оно еще существуетъ... И даже всѣ коллекціи цѣлы въ старомъ домѣ. А все-таки у меня ничего нѣтъ...

-- Что-жъ это вы, батюшка, прокутили?-- воскликнула Марья Эрастовна, заинтересованная до послѣдней степени.

Аникѣевъ сразу потерялъ все свое оживленіе и хотѣлъ отдѣлаться отъ любопытной своей хозяйки нѣсколькими словами, но это оказалось совсѣмъ невозможно.

Марья Эрастовна принялась безцеремонно, даже до полной жестокости, вывѣдывать отъ него всѣ мельчайшія подробности. Онъ переводилъ разговоръ на посторонніе предметы, но она не сдавалась. Кончилось тѣмъ, что онъ пересталъ бороться съ нею и рассказалъ ей обо всемъ.

-- Ну вотъ,-- говорилъ онъ:-- теперь вы знаете, что я съ собой сдѣлалъ... Можетъ быть, вы даже лучше моего поймете, какъ я это сдѣлалъ, потому что я самъ почти ничего не понимаю. Было все въ рукахъ, было -- и годъ за годомъ, незамѣтно, понемногу разсыпалось. Конечно, если-бы не Медынцевъ со своими аферами...

-- Медынцевъ!-- сердито крикнула Марья Эрастовна:-- да, вѣдь вольно-же вамъ было входить въ компанію съ этимъ человѣкомъ! Вѣдь, даннымъ давно не только въ Петербургѣ, но и по всей Россіи знаютъ, что это за птица, сколькихъ онъ разорилъ! Что-же въ: теперь намѣрены дѣлать?

Аникѣевъ даже ничего не отвѣтилъ. Онъ больше ужъ не могъ говорить объ этомъ,--слишкомъ стало противно. Марья Эрастовна совсѣмъ пересолила въ своемъ жестокомъ любопытствѣ. Она измучила гостя до того, что онъ часа черезъ полтора послѣ обѣда устало взглянулъ на Нину и сталъ прощаться.

Ни Марья Эрастовна, ни княжна его не удерживали. Нина, потому что у нея созрѣлъ планъ, который она желала тотчасъ-же привести въ исполненіе, а генеральша потому, что ждала къ себѣ Ивана Ивановича. Она должна была съ нимъ заняться всякими дѣлами часъ, другой,-- и вовсе не хотѣла на такое долгое время оставлять Аникѣева вдвоемъ съ Ниной.

-- Однако, твой пріятель не изъ разумныхъ,-- сказала она племянницѣ, проводивъ го-

стя:-- эти господа поэты, пѣвцы, музыканты, художники витають тамъ все гдѣ-то по своимъ эмпиреямъ, а въ жизни глупѣе малаго ребенка... И ровно ничего тутъ нѣтъ хорошаго, очень даже стыдно!.. У него вотъ дочь, а онъ что надѣлалъ? вѣдь, нищимъ будетъ. Просто вчужѣ обидно.

-- И вамъ его не жалко, тетя?-- спросила Нана.

-- Не плакать ли прикажешь?

-- Зачѣмъ плакать, и я не плачу... Только мнѣ жаль его такъ, что и рассказать вамъ не могу! Этого дѣла оставить нельзя, надо его, непременно надо, спасти -- и для него, и для его дочери...

-- Ну, вотъ ты бы и спасала,-- насмѣшливо перебила ее Марья Эрастовна:-- жаль только, нѣтъ у тебя сотенки тысячъ, ты бы ихъ ему и предложила, а онъ бы взялъ, шаркнулъ ножкой и по благодарилъ: Мерèи, мошь, сударыня, очень вамъ благодарень...

-- Что-жъ это вы смѣтеть надо мною, тетя!-- вспыхнувъ, сказала Нина.-- Я очень хорошо знаю, что ни отъ меня, ни отъ васъ онъ не возьмъ бы денегъ... Но это и не надо.

— Ахъ, такъ ты думаешь, что безъ денегъ можно его выручить и сохранить ему его имѣніе? Дѣловой ты человѣкъ, «ма кузина»!

— Дѣловой человѣкъ не я, а вашъ Иванъ Ивановичъ, и если онъ такой... практичный и умный, какъ вы говорите, такъ и онъ навѣрно можетъ придумать, какъ выручить Аникѣева. А вы, тетя, вы должны, непременно должны, постараться объ этомъ. Вѣдь, вы же знали его мать, любили ее, я замѣтила даже, что у васъ глаза заблестѣли, когда вы о ней вспоминали. Такъ хоть ради нея постарайтесь помочь ему. Ну что-жъ, развѣ я глупости говорю, развѣ я не права?!

Она присѣла къ теткѣ, обняла се и заглядывала ей въ глаза.

— Ахъ, да! вѣдь, онъ твой дорожный товарищъ!-- усмѣхнувшись, сказала Марья Эрастовна.-- И ты желаешь облегчить его ношу...

— Конечно. Только онъ точно такой же мой дорожный товарищъ, какъ и вашъ. Подумайте-ка, какъ это было неожиданно, что вы такъ хорошо знали и любили его мать и что онъ даже почти въ родствѣ съ вами. Можетъ быть, это сама судьба привела его въ вашъ до-

мъ, именно въ такое трудное для него время... И вовсе это не шутки... И вовсе это не глупости!..

— Да, да...— морща лобъ, отвѣтила Марья Эрастовна:— Судьба не судьба, а съ Иваномъ Иванычемъ я поговорю, пожалуй, сегодня же поговорю. Это удовольствіе я тебѣ для праздника сдѣлаю.

— А мнѣ нельзя быть при вашемъ разговорѣ?— спросила княжна.

— Нѣтъ, нельзя, «ма кузина», никакъ нельзя, я терпѣть не могу, чтобы мнѣ мѣшали.

Кругленькая генеральша даже какъ-то нахохлилась, говоря это, и въ голосъ у нея прозвучало настоящее неудовольствіе.

— Простите, тетя, не буду больше, но буду,— поспѣшила увѣрить ее Нина.— Вѣдь, я отчего... я вовсе не изъ празднаго любопытства, или чтобы мѣшать вамъ... а хорошо ли вы помните все, что онъ говорилъ... чтобы въ точности передать Ивану Ивановичу?

— Слава Богу, еще память сохранила, дѣло ясное...

— Мнѣ больше ничего и не надо!-- радостно воскликнула Нина, поцѣловала тетку, блесну-

ла глазами и упорхнула въ свою комнату.

Марья Эрастовна подозрительно посмотрѣла ей въ слѣдъ и подумала:

«Охъ, влюблена она въ этого пѣвца сладкозвучнаго!.. Хоть сама еще и не понимаетъ, а влюблена»...

XXXI.

Ясная погода продолжалась, и въ понедельникъ на Фоминой задался почти лѣтній день.

Алина, противъ своего обыкновенія, проснулась довольно рано и уже въ девятомъ часу нажала пуговку электрическаго звонка, помѣщавшагося у изголовья ея кровати.

Вѣра своимъ ушамъ не повѣрила, заслыша трижды повторенный звонъ.

Это княгиня зоветъ ее въ такую-то рань!

Вѣра сама еще нѣжилась на кровати въ своей маленькой, но почти даже кокетливо устроенной комнатѣ. Она кое-какъ наскоро одѣлась, пробѣжала по коридору и постучала у двери спальни.

-- Войди!-- услышала она голосъ княгини.

-- Ванна готова?-- спросила Алина, когда

Вѣра вошла въ спальню.

— Извините, ваше сіятельство, вѣдь, такъ еще рано, половина девятаго, когда же вы брали ванну раньше одиннадцатаго часу!

— Ну, такъ, пожалуйста, поторопись, не заставляй меня долго ждать,— произнесла Алина нетерпѣливо и даже сердито.

Вѣра скрылась.

Алина закрыла глаза и задумалась. Два дня не видала она Аникѣева. Да и въ послѣдній разъ онъ ушелъ отъ нея такимъ мрачнымъ, грустнымъ и разстроеннымъ. Она знала почти все относительно его дѣлъ и много объ этомъ думала. Не только что думала, а даже и дѣйствовала.

Кому же какъ не ей выручить его въ такія трудныя минуты? Какъ она будетъ счастлива, давъ ему хоть нѣкоторое спокойствіе, отгнавъ отъ него тяжелыя заботы о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ не привыкъ думать и заботиться. Ея помощь, возможность этой помощи будетъ первымъ настоящимъ оправданіемъ ея поступка съ нимъ тогда, шесть лѣтъ тому назадъ, первымъ осязательнымъ доказательствомъ ея любви къ нему.

Уже вчера у нея было все готово, и она ждала его, заранѣе, радуясь тому, что онъ уйдетъ отъ нея не такимъ, какъ въ прошлый разъ. Но онъ совсѣмъ не прїѣхалъ ни на одну минуту.— Ужъ не боленъ ли онъ?

Конечно, боленъ, и это неудивительно: онъ такой нервный, и непрїятности окружають его со всѣхъ сторонъ.

И вотъ Алина рѣшила исполнить то, на что до сихъ поръ не осмѣлилась ни разу. Она пораньше выйдетъ изъ дому на прогулку въ Лѣтній садъ... Вотъ, вѣдь, какое чудесное, ясное утро!.. Она и на прошлой недѣлѣ долго гуляла одна пѣшкомъ... Это не возбудитъ ни въ комъ подозрѣнія...

Вѣра, съ помощью страстно и безнадежно влюбленнаго въ нее лакея, совершила почти чудо, ванна была готова такъ скоро, что княгиня не успѣла разсердиться за промедленіе...

Въ туалетѣ по возможности скромномъ, но прелестномъ, дѣлавшимъ ее похожей на молодую дѣвушку, Алина вышла изъ дому и направилась пѣшкомъ къ Лѣтнему саду. Она быстро, своей легкой граціозной походкой, прошла къ противоположному выходу. Спу-

стивъ густую вуальку и нѣсколько робко озираясь, миновала она Цѣнной мостъ и остановилась только у Симеоновскаго, гдѣ стоялъ рядъ извозчичьихъ каретъ, Алина взяла ее на часы, прижалась въ уголокъ и поѣхала къ Аникѣеву.

-- Здравствуй, Платонъ,-- ласково сказала она, когда «дядель» отворилъ ей дверь.

Платонъ Пирожковъ вытаращилъ глаза и остолбенѣлъ.

-- Что-жъ это? Ты не узнаешь меня?

Онъ тряхнулъ головою и мрачно произнесъ:

-- Какъ не узнать-съ, ваше сіятельство...

-- Баринъ дома? Здоровъ?

-- Дома-съ, пожалуйста!-- глубоко вздохнулъ «дядель» и отворилъ дверь «музыкальной» комнаты.

Аникѣевъ сидѣлъ передъ столомъ и что-то писалъ. Онъ не обернулся.

Алина неслышно прошла по ковру и дотронулась до его плеча.

-- Вы?!.-- могъ онъ только выговорить и такъ странно, что она не въ состояніи была рѣшить, доволенъ онъ или нѣтъ ея приходо-

мъ.

Между тѣмъ, «дятель» тщательно заперъ двери и, конечно, притаился за ними.

— Ты здоровъ? Отчего не былъ у меня ни третьяго дня, ни вчера?— шептала Алина, съ нѣжностью глядя ему въ глаза.— Я была увѣрена, что ты боленъ. Сегодня я почти всю ночь не могла заснуть отъ этой мысли и вотъ не утерпѣла... Ахъ, Миша, еслибы ты зналъ, какъ давно мнѣ хотѣлось побывать у тебя. Это неблагоприятно? Да?.. Но, впрочемъ, теперь врядъ ли бы я могла кого встрѣтить. А слѣдить за мной некому. Ну, ты здоровъ, по крайней мѣрѣ на ногахъ, и то слава Богу... Отчего же ты у меня не былъ?

Она обвила его, прижалась къ нему, все продолжала глядѣть ему въ глаза съ возраставшей горячей нѣжностью. И ему стало тепло, и онъ забылъ сразу все, что за минуту передъ тѣмъ тревожно и мучительно наполняло его мысли.

Онъ снялъ съ нея накидку и шляпу.

— А какъ все-таки хорошо, что ты здѣсь, у меня,— сказалъ онъ съ загорѣвшимися глазами.— Ты говоришь, Алина, что почти не спала

ночь и рано встала, а я спалъ много, всталъ недавно, но чувствую себя совсѣмъ плохо, то есть, чувствовалъ, потому что ты меня оживила. Знаешь ли, я еще ничего не ѣлъ сегодня и голоденъ. Я велѣлъ Платону подать мнѣ завтракъ. Ты, вѣрно, тоже еще не завтракала,

-- Да и тоже голодна.

-- Вотъ и отлично!. Позавтракаемъ вмѣстѣ.

-- Платонъ!-- крикнулъ Аникѣевъ.

Платонъ отскочилъ отъ двери въ передней и вошелъ съ противоположной стороны.

-- Что же завтракъ -- скоро?

-- Сейчасъ подаю,-- уныло отвѣчалъ «дятель».

-- А на мою долю хватить?

-- Коли не побрезгуете,-- пробурчалъ онъ:-- чай отъ моей стряпни давно отвыкли, ваше сѣятельство, невкуснымъ покажется.

-- Да, если ты съ тѣхъ поръ разучился и моришь голодомъ своего барина. Тогда, въ Снѣжковѣ, ты готовилъ отлично.

«Дятель» не обратилъ никакого вниманія на эти слова и вышелъ бокомъ, со всѣми признаками самаго дурного настроенія духа.

Минуть черезъ десять онъ внесъ и накры-

ль небольшой складной столъ, а затѣмъ скоро подалъ яичницу съ ветчиной, маленькую сковороду съ телячьей ножкой въ мадерѣ и два великолѣпныхъ бифштекса. Онъ превзошелъ самъ себя. Все было такъ вкусно приготовлено, что самый капризный гастрономъ не могъ бы ни къ чему придраться.

-- Вотъ-съ, извольте попробовать, какъ я морю съ голода барина,-- не утерпѣлъ онъ, взглянувъ вызывающе на Алину.

Затѣмъ появилась бутылка старой Снѣжковской наливки.

Аникѣевъ и Алина завтракали съ большимъ аппетитомъ.

-- Послушай, Платонъ, да, вѣдь, ты достигъ совершенства, сказала Алина, рѣшившись еще разъ полюбезничать съ «дятломъ»:- я давно такъ вкусно не ѣла. Мой поваръ мнѣ ни разу не подавалъ такого удивительнаго мяса.

Но Платонъ Пирожковъ былъ не умолимъ и только повелъ усами, будто совсѣмъ и не слышалъ обращеннаго къ нему комплимента.

-- Кофею прикажете?-- уныло спросилъ онъ Аникѣева.

-- Конечно,-- отвѣтилъ тотъ.

-- Ecoute, mais il va m'empoisonner!-- смѣясь, шепнула Алина, когда «дятель» вышелъ.-- Онъ меня, должно быть, совсѣмъ ненавидитъ. Я передъ нимъ разсыпаюсь, а о въ глядитъ на меня, будто у меня ножъ за пазухой!.. И какъ онъ постарѣлъ за эти годы... бѣдный Платонъ! Ну, ничего, пусть ненавидитъ, а я его люблю,-- я знаю, какъ онъ тебѣ преданъ...

-- Да, можетъ быть, это единственный другъ мой!-- печально сказалъ Аникѣевъ.

-- Единственный?!-- спросила она, весело засмѣявшись

Когда кофе былъ поданъ, а складной столъ съ остатками завтрака вынесенъ Платономъ Пирожковымъ, Алина рѣшилась подойти къ главной цѣли своего посѣщенія. И все-таки ей невольно было жутко начать; неясное сознаніе подсказывало ей теперь, что все это не такъ легко, какъ ей казалось. Она оглядывала комнату, любовалась ея гармоническимъ убранствомъ, потомъ остановилась передъ портретомъ Софьи Михайловны и долго молча на него глядѣла, восхищенная, поражаюсь удивительнымъ, хотя и неуловимымъ

сходствомъ этой прелестной женщины съ ея Мишей.

-- Помнишь,-- наконецъ, сказала она:-- какъ хорошо висѣлъ этотъ портретъ въ Снѣжковѣ, какъ онъ всегда былъ эффектно освѣщенъ. Помнишь, какъ мы подъ нимъ съ тобой сидѣли въ зеленой комнатѣ.

-- Да,-- глухо отвѣтилъ Аникѣевъ:-- но ужъ больше никогда сидѣть тамъ не будемъ, все рѣшено, ты застала меня за письмомъ къ брату. Я пишу ему, что согласенъ, пусть онъ покупаетъ Снѣжково. Другого выхода нѣтъ...

Щеки Алины вспыхнули, и глаза ея радостно сверкнули.

Онъ самъ началъ, теперь нужно...

XXXII.

-- Выходъ есть, и очень простой,-- сказала она:-- завтра у насъ будутъ деньги.

-- Какія деньги?-- изумленно спросилъ онъ.

-- Обыкновенныя, настоящія, какія всегда бывають,-- отвѣчала она, подходя къ нему, обнимая его и нѣжно ему улыбаясь.-- Къ несчастію, не столько, сколько бы мнѣ хотѣлось и сколько нужно для того, чтобы отогнать отъ тебя всѣ эти противныя заботы, чтобы сдѣлать тебя такимъ же свободнымъ и безпечальнымъ, какимъ ты былъ прежде. Но погоди немного, не больше году -- и все придетъ, все придетъ, моя радость...

Онъ сразу поблѣднѣлъ и отстранилъ ее отъ себя задрожавшей рукой.

-- Что ты говоришь? Что такое? Ты, кажется, предлагаешь мнѣ деньги... твоего... мужа...

-- Ахъ, Боже мой, милый, не дѣлай такихъ страшныхъ глазъ!-- еще нѣжнѣе продолжала она.-- Я вовсе не предлагаю тебѣ денегъ князя. Это мои, мои собственныя деньги. Я тебѣ не говорила, вѣдь, я, наконецъ продала мою землю и даже очень, очень выгодно. И вооб-

це, какъ могла и сумѣла, за это время я устроила свои собственныя денежныя дѣла. Ну, словомъ, у меня теперь, сейчасъ вотъ, есть готовые деньги... конечно, une misère, всего, какихъ-то тамъ тридцать пять тысячъ... Но для начала, чтобы покончить со всѣми твоими теперешними затрудненіями, вѣдь этого довольно?

-- Алина!-- воскликнулъ внѣ себя Аникѣвъ.-- Подумай о томъ, что ты говоришь!.. Ты меня оскорбляешь... Конечно... я понимаю... ты не даешь себѣ отчета въ своихъ словахъ... ты по поняла, что они значать. Ну, такъ оставь же это, и никогда не вздумай возвращаться къ подобному вздору, если не хочешь, чтобы я не на шутку разсердился... Мнѣ и такъ тяжело,-- говорилъ онъ, въ волненіи отходя отъ нея и садясь къ столу.-- Я все же думалъ, я, вотъ видишь ли, былъ совсѣмъ увѣренъ, что ты хоть немного меня знаешь и что такого предложенія мнѣ... мнѣ и ты не сдѣлаешь!

Она его знала, знала его мнительную обидчивость, его, иной разъ, совсѣмъ бользненное самолюбіе. Поэтому-то до сихъ поръ она и но

рѣшалась предложить ему свои деньги. Поэтому-то ей и трудно было начать такое объясненіе.

Но, вѣдь, вотъ прошла послѣдняя минута, послѣдняя крайность, и только она одна можетъ дѣйствительно выручить, что же тутъ для него, обиднаго?..

Должно быть, она не такъ принялась, сказала какое-нибудь неумѣстное слово. Какое? Ей казалось, что она говоритъ именно какъ слѣдуетъ, и то, что слѣдуетъ. Но онъ такъ чувствителенъ, такъ нервенъ. Онъ совсѣмъ боленъ. Надо, однако, его уговорить, успокоить...

Она вся была полна страстной къ нему нѣжностью и въ то же время боялась его, боялась въ немъ тѣхъ для нея непонятныхъ сторонъ его характера, его внутренняго міра, которыя и тогда еще, въ счастливое снѣжковское время, иной разъ выступали передъ ней наружу и пугали ее потому, что она ихъ не понимала.

Онъ такъ добръ, такъ нѣженъ, такъ терпѣливъ и деликатенъ, но въ то же время, изъ-за чего-то неуловимаго, изъ за какого ни-

будь слова, намека, даже ложно понятого намека, въ немъ просыпается какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ -- жестокой, неумолимый, котораго ничѣмъ нельзя тронуть. Онъ превращается въ какой-то камень и стоитъ на своемъ, хоть погибай все на свѣтѣ...

Неужели и теперь нашла на него такая минута? Но, вѣдь, любитъ же онъ ее, любитъ. Какъ же смѣетъ онъ оскорбляться, какъ можетъ самъ онъ не понимать того, что такъ просто, такъ ясна?..

-- Миша,-- сказала она, подходя къ нему, опускаясь передъ нимъ на колѣни на коверъ и беря его холодную руку въ свои маленькія, горячія и сильныя руки:-- Миша, вѣдь, ты для меня все... дороже тебя никогда, никогда у меня не было и быть не можетъ... вѣдь, я тебя люблю, я твоя не на день, не на годъ... а на всю жизнь... Вѣдь, наша любовь не шутка, не капризъ, не развратъ. Вѣдь, если и теперь ты взялъ меня... значитъ, и ты также меня любишь!.. Если наша жизнь сложилась не такъ, какъ мы бы хотѣли... если передъ свѣтомъ мы должны притворяться чужими другъ для друга, такъ все же по настоящему, въ

дѣйствительности, ты мнѣ мужъ, а я тебѣ жена... мы съ тобою одно... По какому же праву на мое самое простое и естественное предложеніе ты мнѣ такъ отвѣчаешь? Какъ смѣешь ты мнѣ говорить, о какомъ-то оскорбленіи?! Развѣ твои дѣла для меня не все равно, что мои собственныя? Развѣ мы не обязаны выручать другъ друга, если можемъ?!

Но на него именно нашло то, чего такъ боялась Алина. Его гордость, его самолюбіе рвали его на части. Онъ поддался имъ и увлекся. А когда онъ увлекался чѣмъ бы то ни было, его подхватывалъ какой-то вихрь, кружилъ ему голову, путалъ его мысли, и онъ, обезволенный, уносился все впередъ и впередъ, не имѣя силы остановиться и даже не помышляя объ этомъ.

Онъ оказывался въ области фантастической, и дѣйствительность для него исчезала...

-- Не старайся уговорить меня, Алина, -- мрачно сказалъ онъ:-- все это не то, совсѣмъ не то! Ты, можетъ быть, и была бы права при иныхъ обстоятельствахъ. Но, вѣдь, вотъ, хотъ ты и хочешь меня увѣрить, что предлагаешь

мнѣ свои деньги, онѣ все же не твои деньги, а того господина, котораго всѣ называютъ, да и ты сама называешь, твоимѣ мужемъ. И отвратительнѣе, обиднѣе того, что ты мнѣ Предлагаешь, ничего быть не можетъ... Очнись...

-- Нѣтъ, это тебѣ надо очнуться,-- перебила она его:-- я тебѣ говорю, что это мои... мои собственные деньги! Хочешь, я тебѣ покажу копію съ купчей, объясню и докажу происхожденіе каждаго рубля...

-- И все же ничего не докажешь, такъ какъ ты тратишь на себя средства князя, и тратишь такъ много! Этимъ самымъ все, что у тебя есть и можетъ быть, откуда бы оно ни прошло къ тебѣ, принадлежитъ ему. Ты связана съ нимъ матеріально неразрывными цѣпями. Представь, вдругъ онѣ завтра разорился, потерялъ все. Онѣ приходитъ къ тебѣ и говоритъ: «Жена, ты все время жила на мой счетъ, и я содержалъ тебя роскошно, я тратилъ на тебя огромныя деньги; теперь у меня ничего нѣтъ; но у тебя есть свои средства, верни же мнѣ хоть малую часть того, что я на тебя затратилъ... Что-жъ ты ему отвѣтишь?

Вѣдь, если ты скажешь ему, куда именно дѣвала свои деньги... онъ узнаетъ, что ты, принимая отъ него, содержаніе, сама... содержала Аникѣева!.. Какая гадость!.. Нѣтъ, Али-на, я виноватъ во многомъ, я жилъ глупо, можетъ быть, даже преступно передъ своей душою, потому, что вотъ начинаю неволью и все сильнѣе презирать себя, а это значитъ же что-нибудь!-- но на роль какого-то «Альфонса» я неспособенъ...

Будто электрическій ударъ пронизалъ ее. Она выпустила его руку, поднялась и стала вередъ нимъ, сама теперь поблѣднѣвшая и негодующая.

-- Не я, а ты меня оскорбляешь, жестоко оскорбляешь, хоть я отъ тебя и не заслужила этого,-- произнесла она глухимъ голосомъ.-- Это ты не понимаешь, что такое говоришь!..

Она замолчала и потомъ, уже болѣе спокойно и даже слабо улыбнувшись, прибавила:

-- Однако, не ссориться же намъ... Я понимаю, ты такъ разстроены, нервенъ, нездоровъ... Ну, успокойся же, милый, и не говори страшныхъ словъ, они между нами

неумѣстны...

Аникѣевъ былъ внѣ себя. Онъ совсѣмъ потерялъ способность разсуждать спокойно и видѣть дѣйствительность. Вихрь уязвленной гордости крутилъ его все сильнѣе. А между тѣмъ онъ не выказывалъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ раздраженія. Онъ говорилъ, какъ въ тихомъ бреду, усталымъ голосомъ:

-- Нѣтъ, я совсѣмъ спокоенъ и сказалъ именно то, что есть. Къ чему себя убаюкиваютъ сказками! Наше положеніе и тяжело, и некрасиво... Наша любовь трудна... да и та ли это, прежняя ли любовь?.. Вотъ тогда, помнишь, мы любили другъ друга по настоящему, тогда ты не стала бы унижать ни себя, ни меня, предлагая мнѣ деньги...

Алина взглянула на него, и въ ея глазахъ изобразился ужасъ. Онъ продолжалъ, не замѣчая этого ужаса, не видя и не понимая, что каждымъ своимъ словомъ, какъ ножомъ, рѣжетъ Алину.

-- Ты вотъ теперь,-- тогда вечеромъ,-- объясняла мнѣ, что ждала меня шесть лѣтъ и готовила наше свиданіе, готовила нашу новую

любовь. Ты говорила, что ушла отъ меня для того, чтобы не очутиться со мной въ бѣдности, при которой поэзія жизни для меня невозможна. Ты и потомъ объясняла мнѣ это, и выходило такъ, что ты дѣйствовала только для меня, жила только мною... Ахъ, но, вѣдь, все это не то... все это самообманъ!.. Что бы мы съ тобой отвѣтили, если бы кто-нибудь сказалъ намъ: вы, значить, испугались бѣдности и захотѣли нѣжиться и наслаждаться каждый на чужой счетъ!..

-- Молчи, довольно!-- воскликнула Алина, закрыла лицо руками и тихо зарыдала.-- Я вижу, понимаю!.. Ты меня больше не любишь...-- разслышала онъ сквозь эти рыданія ея шопотъ.

Вихрь его чувствъ перемѣнилъ свое направленіе и также быстро уносилъ его теперь совсѣмъ въ другую сторону.

Онъ кинулся къ ней, сталъ цѣловать ея мокрое отъ слезъ лицо и повторялъ:

-- Нѣтъ, я люблю... я люблю тебя... только это не прежняя наша любовь... Несмотря на все, она была тогда легка, а теперь стала тяжелой, мучительной... Ну, что-жъ, будемъ му-

читься... Нѣтъ, я люблю тебя, только никогда не возобновляй этого разговора, не касайся моихъ денежныхъ дѣлъ... не то я уйду, уйду навсегда, хоть и люблю тебя...

Онъ усадилъ ее и самъ сѣлъ рядомъ съ ней, положилъ къ себѣ на грудь ея голову и глядѣлъ на нее, страстно любуясь ею.

Она не шевелилась, даже глаза ея были закрыты. Она ни о чемъ не думала, тоскливо прислушиваясь, какъ въ ея сердцѣ росло то самое мучительное, горькое чувство, съ которымъ она когда-то боролась, рѣшась принять предложеніе князя и разстаться съ Аникѣевымъ.

Да, вотъ онъ здѣсь, не говоритъ и не думаетъ о разлукѣ; но она чувствуетъ эту, такъ неожиданно надвигающуюся и ужъ не отъ нея зависящую разлуку.

XXXIII.

Никакими ласками не могъ привести Аникѣевъ Алину въ хорошее настроеніе.

Онъ даже спѣлъ ей свою «Легенду рожденія художника», такъ любимую ею по воспоминанію о первыхъ дняхъ ихъ зарождавшейся взаимной страсти. Алина стояла за нимъ, и онъ не видѣлъ, какая печаль изобразилась на лицѣ ея во время его пѣнія и какъ, наконецъ, тихія слезы покатались по ея щекамъ.

Желая разсѣять ее, онъ этой легендой только нанесъ ей новую рану.

Наконецъ, она печально сказала:

— Ну, вотъ мнѣ и пора... Прощай, Миша...

Ему не хотѣлось отпускать ея. Ему самому эта разлука начинала казаться послѣдней разлукой.

— Куда ты спѣшишь? Еще рано... и знаешь, не уходи такъ, у тебя такое нехорошее, грустное лицо... Улыбнись... улыбнись мнѣ по настоящему!..

Но она не улыбалась, а, напротивъ, лицо ее стало еще серьезнѣе и печальнѣе.

-- Видишь ли что, Миша,-- сказала она:-- если я въ «свѣтъ» ношу маску и умѣю ее носить отлично, то это еще не значить, что въ глубинѣ души я комедіантка. Передъ тобою я всегда была искренна... Я не могу улыбаться... Я ѣхала къ тебѣ съ легкимъ сердцемъ, а вотъ ты положилъ на грудь мою камень, и онъ меня такъ давить, и я знаю, что мнѣ отъ этого камня никогда не избавиться. Можетъ быть, сегодняшній день окажется самымъ тяжелымъ, самымъ страшнымъ днемъ въ моей жизни...

-- Ну, вотъ ты сама себѣ придумываешь теперь всякіе страхи,-- сказалъ Аникѣевъ:-- достаточно дѣйствительныхъ страховъ и опасностей. Сегодня вечеромъ я къ тебѣ заѣду, можно? Авось, ты будешь въ лучшемъ настроеніи...

-- Заѣзжай... конечно, я буду тебя ждать,-- проговорила она, обнимая его и прощаясь.

Уходя, она остановилась у порога передней и быстрымъ взглядомъ окинула всю комнату, какъ бы прощаясь съ нею. На глазахъ у нея стояли слезы.

Заперевъ за княгиней дверь, Платонъ Пи-

рожковъ подошелъ къ Аникѣеву и передалъ ему письмо.

-- Вотъ, получите,-- видимо, до послѣдней степени сердясь на барина, самымъ дерзкимъ тономъ сказалъ онъ.

Аникѣевъ разорвалъ конвертъ. Это писала ему Марья Эрастовна.

Она просила его заѣхать къ ней по весьма важному для него дѣлу или сегодня вечеромъ, или завтра до двухъ часовъ дня. Она просила также до свиданія съ ней не рѣшать относительно продажи имѣнія и непременно отвѣтить ей съ подателемъ этой записки, когда именно, въ какомъ часу, онъ у нея будетъ.

-- Что-жъ, человѣкъ дожидается отвѣта?-- спросилъ Аникѣевъ.

-- Дожидался, да ушелъ,-- пробурчалъ «дядель»:- вы вотъ за пѣніемъ-то и звонка не изволили слышать...

-- Отчего же ты мнѣ не тотчасъ подалъ письмо?

-- Не смѣлъ тревожить ея,-- весьма язвительно отвѣтилъ Платонъ Пирожковъ.

Но тутъ онъ солгалъ. Дѣло было не совсѣмъ такъ.

Узнавъ, что человѣкъ, отъ новой и совсѣмъ еще невѣдомой ему генеральши, онъ воспользовался предлогомъ и объяснилъ посланному Марьи Эрастовны, что подать письмо теперь не можетъ, такъ какъ баринъ не любитъ, чтобы его прерывали, когда онъ поетъ.

-- И вы, любезнѣйшій, ступайте себѣ,-- рѣшительно потребовалъ онъ:-- какъ баринъ отвѣтъ напишутъ, я тотчасъ же его вашей генеральшѣ и доставлю; адресочекъ только дайте, гдѣ, то есть, проживаете.

Посланный сказалъ:

-- Э, да вѣдь, это рукой подать! Ступай, пріятель, скажи: отвѣтъ, молъ, тотчасъ же будетъ. Я до васъ мигомъ добѣгу.

Посланный ушелъ, а Платонъ Пирожковъ, все время, благодаря присутствію Алины, мрачный и озлобленный, остался очень доволенъ собою. Вотъ онъ пойдетъ, и узнаетъ все, что надо -- какая еще тамъ генеральша завелась у барина и чего ждать отъ нея -- добра или худа.

-- Ну, хорошо, ты снесешь отвѣтъ,-- сказалъ Аникѣевъ, подходя къ столу:-- это близко. Я,

впрочемъ, на конвертѣ напишу адресъ.

-- Слушаю-съ, тотчасъ сбѣгаю.

Аникѣевъ отвѣтилъ Марьѣ Эрастовнѣ, что будетъ у нея сегодня въ восьмомъ часу.

«Дятель» снесъ письмо, но вернулся не особенно скоро.

Однако, Аникѣевъ никуда не выходилъ.

-- Снесъ!-- объявилъ «дятель», появляясь передъ бариномъ и уже не такъ злобно на него глядя.-- А знаете, Михаилъ Александровичъ,-- прибавилъ онъ:-- вѣдь, генеральша-то страсть какъ богата.... одинъ домина этакій чего стоитъ!..

-- Ну такъ что же?

-- Ничего-съ. Онѣ сказали, что будутъ ждать васъ...

Аникѣевъ не замѣтилъ, какъ «дятель» быстро скосилъ глаза на лежавшую открытую записку Марьи Эрастовны, не замѣтилъ, какъ онъ бокомъ подобрался къ столу и, дѣлая видъ, будто что-то прибираетъ и сдуваетъ пыль, прочелъ эту записку.

Между тѣмъ, дятель мгновенно преобразился и поднялъ носъ. Всѣ собранныя имъ свѣдѣнія говорили ему въ пользу новаго зна-

комства, сдѣланнаго его бариномъ. А эта записка являлась самымъ лучшимъ подтвержденіемъ надеждъ и плановъ, зародившихся въ его сердцѣ.

«Спѣшное дѣло по имѣнію... Ишь ты! Никакъ онъ и впрямь надумался и за умъ взялся... дай-то Господи!» -- думалъ онъ

Записка Марьи Эрастовны заинтересовала и Аникѣва.

Неужели спасеніе?.. И когда же -- въ послѣднюю минуту!.. Но только что же? Можетъ быть, нашла болѣе выгоднаго покупателя или сама хочетъ купить... Да развѣ это нужно? Такъ тяжело расставаться съ Снѣжковымъ. А если продавать его, то ужъ лучше продать брату даже за плохую цѣну, все-же оно останется въ родѣ. Однако, вотъ что: въ случаѣ найдется покупатель, дающій больше шестидесяти тысячъ, тогда, можетъ быть, и братъ надбавить...

Раздумывая такъ и гадая. Аникѣвъ дожидаясь нетерпѣливо своего свиданія съ Марьей Эрастовной и былъ у нея даже нѣсколько раньше назначеннаго имъ времени.

-- Извините, Михаилъ Александровичъ,

что я васъ такъ взбудоражила,— сказала Марья Эрастовна:— впрочемъ, когда выслушаете, что я имѣю сказать вамъ, можетъ быть, и не поспѣете.

— Что-жъ это такое?— спросилъ онъ.— Ваше письмо заинтересовало меня до послѣдней степени.

— А вотъ что, батюшка, прежде всего извольте-ка присѣсть. Мы съ вами одни. Моей княжны дома нѣтъ. Она, видите-ли, съ утра у одной своей больной знакомой и даже не подозрѣваетъ о томъ, что я къ вамъ посылала... Знаете вы меня мало, и мнѣ надо самой вамъ рекомендоваться. Я, видите, женщина коммерческая... одинока я, такъ вотъ отъ скуки всякими дѣлами занимаюсь и кое-что въ этихъ дѣлахъ смыслю. Несимпатично вамъ это покажется, я такъ полагаю. Ну, да ужъ что-жъ тутъ дѣлать! Не всѣмъ за облаками витать, кому-нибудь надо и по землѣ ползать... вотъ я и ползаю, совсѣмъ *terre à terre*. Вчера вы меня такъ разсердили, такъ обидѣли, что и сказать не могу...

— Я разсердилъ... обидѣлъ... чѣмъ же, Марья Эрастовна?

-- Да вотъ дѣлами-то вашими... Вѣдь, вы, извините, Богъ знаетъ что съ собой сдѣлали. Сначала я просто ужаснулась, а потомъ, какъ обсудила, такъ и вижу: вамъ все еще поправить можно. Да-съ, можно поправить, но только въ томъ случаѣ, если вы будете умницей и во всемъ станете меня слушаться.

-- Готовъ, приказывайте,-- улыбаясь, сказалъ Аникѣевъ.

Въ лицѣ Марьи Эрастовны онъ видѣлъ такое добродушіе, въ глазахъ ея такую ласковость, что у него на сердцѣ становилось тепло и ждалось чего-то очень хорошаго.

-- Прикажете... Я буду слушаться,-- повторилъ онъ.

-- У меня есть вѣрный и знающій человекъ,-- продолжала Марья Эрастовна:-- да вы его видѣли, такой высокій, благообразный старикъ... зовутъ его Иваномъ Ивановичемъ...

Аникѣевъ кивнулъ головою.

-- Онъ былъ у меня вчера послѣ вашего ухода. Вотъ мы и потолковали съ нимъ. Онъ меня и надоумилъ. И мнѣ, и ему представляется, что имѣніе ваше, какъ говорится, золотое дно.

-- Такъ его знающіе люди всегда и называли,-- перебилъ ее Аникѣевъ.

-- Вотъ видите. Мы въ этомъ убѣдимся, все доподлинно узнаемъ. Пошлемъ туда вѣрнаго человѣка. У меня есть такой на примѣтъ. И если все это такъ, то вы не только не должны будете продать имѣнія, но черезъ нѣсколько лѣтъ будете получать значительный чистый доходъ.

-- Какимъ-же это образомъ?! Зачѣмъ вы меня дразните, Марья Эрастовна?

-- Очень просто: у меня есть свободныя деньги, я дамъ вамъ возможность выкупить имѣніе изъ банка и сама возьму его у васъ въ залогъ. Притѣснять я васъ не буду, удовольствуюсь самымъ небольшимъ, законнымъ процентомъ. Поставлю я вамъ опытнаго управляющаго, онъ приведетъ все въ порядокъ и возвыситъ, на сколько возможно, доходность вашей земли. Помилуйте, какъ можно продавать. Цѣнность земли растетъ съ каждымъ годомъ, въ землѣ вся наша будущность, только надо хорошо хозяйничать. Ну, да мы еще сто разъ обо всемъ этомъ переговоримъ съ вами, а теперь мнѣ надо знать одно -- со-

гласны вы имѣть вмѣсто банка меня своимъ кредиторомъ?

Городъ Аникѣевымъ какъ-будто разорвалась черная, нависшая надъ нимъ туча, и изъ-за нея разлился ясный солнечный свѣтъ.

-- Марья Эрастовна,-- прошепталь онъ:-- вы предлагаете мнѣ спасеніе... развѣ отъ этого отказываются!

Но онъ еще боялся вѣрить.

-- Однако, мое Снѣжково, можетъ быть, и не такъ интересно, какъ вы думаете. Къ тому-же пока вашъ повѣренный поѣдетъ туда, будетъ его осматривать, пройдетъ много времени. И въ это время со мной могутъ случиться очень непріятныя вещи.

-- Это, вѣрно, по вашимъ расчетамъ съ банкомъ? Не безпокойтесь, если даже я и найду для себя невыгоднымъ освободить васъ отъ всего банковскаго долга, то на небольшую, нужную вамъ сумму мы во всякомъ случаѣ можемъ сдѣлать вторую закладную. Ну, что же по рукамъ?

Аникѣевъ взялъ протянутую руку генеральши и поцѣловаль ее, вложивъ въ этотъ крѣпкій поцѣлуй всю свою благодарность.

-- Я нарочно просила васъ,-- сказала она:-- назначить мнѣ время, когда вы у меня будете, для того, чтобъ извѣстить Ивана Ивановича. Онъ скоро прїѣдетъ, и мы потолкуемъ обстоятельно. Онъ васъ будетъ спрашивать, а вы извольте ему отвѣчать.

-- Такъ знаете ли что,-- сказалъ Аникѣевъ:-- я сейчасъ съѣзжу домой и привезу всѣ мои документы, всѣ счета, словомъ, все, что у меня есть относительно Снѣжкова.

-- Вотъ это дѣло!-- одобрила Марья Эрастовна.

XXXIV.

Объясненія Аникѣева съ Марьей Эрастовной и ея повѣреннымъ не затянулись. Просмотрѣвъ документы и ознакомясь съ планомъ Снѣжкова, оба они увидѣли, что погубить такое имѣніе могъ только человекъ, приложившій къ этому всѣ старанія и не понимающій самыхъ простыхъ вещей.

-- Все обстоитъ благополучно, какъ мы вчера и предположили,-- сказала Марья Эрастовна Аникѣеву, ласково и въ то-же время насмѣшливо ему улыбнувшись:-- и затѣмъ я

вась освобождаю на сегодня. Отъѣзжайте съ духомъ спокойнымъ и сердцемъ чистымъ. Портфельчикъ вашъ у насъ оставьте, мы еще все пересмотримъ. А затѣмъ, завтра же вечеромъ, вотъ въ этомъ же часу, исполнивъ за день все, что надо, Иванъ Ивановичъ къ вамъ явится. Теперь ужъ вы съ нимъ будете имѣть дѣло.

-- Времени терять не станемъ-съ!-- такъ-же ласково и такъ же насмѣшливо взглянулъ на Аникѣева и Иванъ Ивановичъ изъ-подъ своего ринсе-pez на широкой лентѣ.

Аникѣевъ ушелъ, дѣйствительно, съ легкимъ сердцемъ и чистой совѣстью. Онъ чувствовалъ себя какъ узникъ, вырвавшійся на свободу. И только теперь, какъ слѣдуетъ, осязательно, ясно понялъ онъ -- какая отвратительная, грубая тяжесть его давила и какое счастье, избавиться отъ этой тяжести.

Его первая мысль была о Сонѣ. Онъ представилъ себя съ нею въ аллеяхъ снѣжковскаго парка. «Когда-же, какъ это будетъ?! Это должно быть, это будетъ!» -- повторялъ онъ себѣ и чувствовалъ, что теперь все возможно.

Въ немъ кипѣлъ приливъ новыхъ силъ, энергіи. Усталости, томившей его все это время, какъ не бывало. Онъ взглянулъ на часы -- еще не поздно. Онъ поѣхалъ къ Алинь.

Она была такъ-же печальна, какъ и утромъ, имѣла разсѣянный видъ; но тотчасъ-же замѣтила оживленіе Аникѣева.

-- Что случилось? Какая-нибудь пріятная новость?-- спросила она.

-- Да, представь себѣ, я спасень! И это спасеніе пришло ко мнѣ въ то самое время, какъ мы съ тобою вели такіе невеселые разговоры...

Онъ рассказалъ ей все подробно, въ радостномъ волненіи.

Но она слушала его съ померкшими глазами. Она совсѣмъ поблѣднѣла.

-- Послушай,-- сказала она, когда онъ кончилъ свой рассказъ:-- отчего-же ты мнѣ никогда не говорилъ про эту... Марью Эрастовну?

-- Ахъ, Боже мой, я такъ недавно и совсѣмъ случайно познакомился съ нею!..

-- Постой, вспоминала и соображала Али-на:-- да, вѣдь, это та самая тетка княжны Хрепелевой, которая взяла ее къ себѣ и, гово-

рять, дѣлаетъ ее наслѣдницей какихъ-то милліоновъ?!

-- Относительно наслѣдства и милліоновъ я ничего не знаю,-- отвѣтилъ Аникѣевъ.-- Ну да, это тетка княжны Хрепелевой,-- такъ что же?!

Алина закрыла лицо руками.

-- Теперъ мнѣ все ясно!-- съ отчаяніемъ въ голосъ прошептала она.

-- Что ясно? Что?

Полный своей радости и оживленія, онъ все еще ничего не соображалъ.

-- Такъ вотъ гдѣ моя погибель?!-- врядъ-ли сознавая, что говоритъ это громко, выговаривала Алина.-- Вотъ кто тебя у меня отнялъ!.. Значить, въ этихъ свѣтскихъ сплетняхъ была правда... А я-то... я смѣялась!.. Зачѣмъ-же ты мнѣ не сказалъ прямо?!-- поднялась она вдругъ и сверкнула глазами на Аникѣева.-- Зачѣмъ же ты вель эту двойную игру... Ты!..

Наконецъ, онъ все понялъ.

-- Алина, ты съ ума сходишь!-- воскликнулъ онъ.-- Какъ тебѣ не стыдно, наконецъ, выдумывать такой вздоръ... и за кого-же ты меня считаешь?

Но онъ ничѣмъ ужъ теперь не въ состояніи былъ разубѣдить ее. Вѣдь, она чувствовала, что близится разлука, и это ощущеніе не могло обмануть ее. Она только не понимала, отчего все это случилось, и такъ быстро, за что она его теряетъ... Все объяснилось теперь очень просто: у нея оказалась соперница. И кто же! Эта осрамившая себя, сумасшедшая, истеричная дѣвчонка, эта глупая маленькая кукла!..

Въ ней поднялся цѣлый адъ. Въ ней закипѣла такая злоба, на какую она еще никогда не была способна.

-- Ахъ... я убаюкивала себя сказками!-- вся содрогаясь, съ искаженнымъ лицомъ заговорила она, подходя въ упоръ къ Аникѣеву и глядя на него злыми глазами.-- Ахъ, наша любовь но прежняя, она стала тяжела... Я понимаю теперь, что для васъ, можетъ быть, и нелегко справляться съ этой... двойной любовью, обманывая и меня, и ее... Ну, такъ я помогу вамъ... Неужели вы думаете, что я способна дѣлать васъ съ этой скверной дѣвчонкой?..

Она едва переводила дыханіе.

-- Алина, ты съ ума сходишь, ты совсѣмъ больна,-- началъ было, Аникѣевъ, чувствуя, что въ немъ поднимается знакомое ему отвратительное ощущеніе, какое онъ всегда испытывалъ во время сценъ и объясненій съ Лидіей Андреевной.

Алина его не понимала и даже не слышала.

-- Низкій, фальшивый человѣкъ... Я предложила помочь вамъ въ дѣлахъ, вы оскорбились и оттолкнули меня... Она предложила то же самое, и вы приняли отъ нея, и вы счастливы!.. О, какъ я васъ ненавижу! Оставьте меня!.. Уходите!..-- крикнула она рѣзкимъ пронзительнымъ голосомъ и почти выбѣжала изъ комнаты.

Онъ простоялъ нѣсколько мгновеній не шевелясь, сознавая одно: передъ нимъ была сейчасъ вовсе не Алина, а Лидія. Да, это она, одна и та же, съ тѣми же самыми злыми глазами, съ тѣмъ же тупымъ непониманіемъ, съ той же отвратительной несправедливостью!..

И гдѣ-же ея красота, не терявшая даже въ порывахъ гнѣва своей пластической прелести?!

Онъ не сталъ ждать ея и ушелъ безъ сожалѣнiя, полный невыносимой, противной душевной усталости.

Онъ вернулся домой съ такимъ лицомъ, что Платонъ Пирожковъ, взглянувъ на него, сразу весь какъ-то съежился и потемнѣлъ. Бѣдный «дятель» совсѣмъ измаялся, въ ожиданiи своего барина. Онъ не посмѣлъ его задерживать, когда тотъ заѣзжалъ за портфель съ документами.

«Повезъ документы, значитъ, дѣло не шуточное,— думалъ онъ.— О, Господи, что-то будетъ? Эхъ, кабы Снѣжково не пропало, не досталось въ руки Николая Александровича... Кабы все это божеское испытанiе, наконецъ, окончилось, и жизнь-бы пошла человѣческая, а не собачья...»

«Дятель» ждалъ, то и дѣло поглядывая на часы, считая минуты, переходя изъ одной комнаты въ другую, безцѣльно переставляя вещи, не зная, какъ убить время, что съ собою подѣлать. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и вышелъ на улицу. Онъ пошелъ по дорогѣ къ дому генеральши, то и дѣло останавливаясь и оглядываясь по сторонамъ, въ надеждѣ

увидѣть возвращающагося Аникѣева. Онъ дошелъ до самаго дома, не утерпѣлъ и обратился къ швейцару съ разспросами.

Но швейцаръ отнесся къ нему недружелюбно.

-- Мало-ли тутъ господъ ходитъ по лѣстницѣ, всѣхъ не запримѣтишь... Да и что ты ко мнѣ присталъ? Чего тебѣ отъ меня надо? Проваливай, братъ, своею дорогой. Много васъ такихъ шляется, будто за дѣломъ... кто-жъ васъ разбереть... А тамъ отвѣчай за васъ...

«Дятель» выбранился крѣпкимъ словцомъ и побрелъ обратно.

-- Что, баринъ не возвращался?-- спросилъ онъ у «своего» швейцара.

-- Никакъ нѣтъ, не возвращался,-- отвѣтилъ тотъ.

«Дятель» окончательно разсердился, но не пошелъ во дворъ и, не будучи въ силахъ справиться со своими чувствами, началъ «критиковать» швейцара.

-- А ты это что-жъ... ты что о себѣ думаешь?.. развѣ такъ-то можно?..

-- Что такое?-- изумленно спросилъ швейцаръ.

-- Да какая на тебѣ одежда? Мы, по условію, квартиру со швейцаромъ нанимаемъ, такъ ты и долженъ быть швейцаромъ, при своей амуниці, ливреѣ, то-есть... А ты ишь срамоту такую куцую на себя напялилъ -- стыдъ одинъ, неприличество... Ну, и лѣстница тоже у тебя,-- не метешь ты ее...

-- Ахъ ты долгоносое чучело! Туда-же! Что ты мнѣ за указчикъ?-- озлился швейцаръ.

Черезъ минуту между ними была уже форменная ссора. Еще черезъ минуту швейцаръ, малый рослый и сильный, схватилъ за шиворотъ Платона Пирожкова и, несмотря на всѣ его рѣзкія и смѣлыя тѣлодвиженія, потащилъ къ воротамъ, впихнулъ въ калитку, далъ ему подзатыльникъ, а затѣмъ спокойно вернулся на парадную лѣстницу.

Эта встряска подѣйствовала на «дятла» освѣжающимъ образомъ. Онъ поразмялся, потеръ себѣ спину, энергически плюнулъ и сталъ взбираться по черной лѣстницѣ. Онъ заварилъ на кухнѣ чай и сидѣлъ, попивая съ блюдечка въ прикуску и то и дѣло прислушиваясь. Наконецъ, раздался звонокъ.

Онъ кинулся со всѣхъ ногъ въ переднюю,

уже готовый забыть всё свои невзгоды; но лицо барина ошеломило его несравненно сильнѣе, чѣмъ здоровый подзатыльникъ, полученный имъ отъ швейцара.

Аникѣевъ молча снялъ пальто и прямо прошелъ въ спальню.

-- Чаю прикажете?-- спрашивалъ, идя за нимъ по пятамъ, «дятель».

-- Ничего не надо, можешь идти.

Платонъ Пирожковъ поставилъ свѣчу на туалетный столъ, но не уходилъ.

-- Михаилъ Александровичъ,-- началъ онъ заискивающимъ, жалобнымъ голосомъ,-- Христомъ Бугомъ прошу: не томите!

Аникѣевъ устало взглянулъ на него.

-- Вѣдь, душа вся изныла... Какъ дѣло стоитъ съ генеральшей насчетъ Снѣжкова?

-- Да ты откуда-же знаешь?-- изумленно спросилъ Аникѣевъ.

-- Какъ откуда знаю?! Дуракъ я, дуракъ, а все-жъ таки въ головѣ не одно сѣно. Большой догадки не нужно, и такъ видно. Вотъ и за портфелемъ пріѣзжали, и портфель тамъ оставили, не на дорогѣ-же его потеряли...

-- Догадливъ ты!-- усмѣхнулся Аникѣевъ.--

Ну, радуйся: относительно Снѣжкова все хорошо...

Онъ разсказаль ему въ чемъ дѣло. «Дятель» будто воскресъ, подняль носъ, отставиль ногу и. приняль воинственную позу. Однако, горделивое чувство торжества, его наполнившее, быстро замѣнилось умиленнымъ состояніемъ духа.

-- Слава тебѣ Господи!-- сказаль онъ и перекрестился.-- Ну, сударь, честь имѣю поздравить. Вотъ онъ когда пришелъ, нашъ свѣтлый праздникъ!.. Запоздалъ малость, а заглянулъ-таки и на нашу улицу. Теперь, слава Богу, все устроится! Да что-жъ вы-то глядите невесело? Али болитъ что?

-- Оставь!-- сказаль Аникѣевъ.

-- Ну вотъ, сейчасъ и «оставь»,-- протянулъ «дятель».-- Оставить-то легко, сударь, да что въ томъ проку... чѣмъ Бога благодарить, а вы -- «оставь». Хоть разъ бы, разъ-бы послушались меня, Михаилъ Александровичъ. Ну, о чемъ теперь тужить, махнули-бы рукою, плюнули-бы, право! Какого еще рожна, прости Господи, надо... Прикажите-ка лучше помаленьку укладываться, да и въ Снѣжково! вес-

на теперь, хорошо тамъ у насъ на волѣ, и для
моціона, то-есть, гигиена самая, настоящая...
Только безъ барышни, безъ Софьи Михайлов-
ны нашей, не уѣзжайте...

-- А ну-ка, достань ее!-- вырвалось у
Аникѣва.

-- Гдѣ мнѣ достать!-- подходя къ кровати и
оправляя ее на ночь, отвѣчалъ «дятель»!-- не
моего ума это дѣло. Я что... я услужитель! А
вы, сударь, коли захотите въ серьезъ, такъ и
достанете. Вотъ, хоіъ-бы съ генеральшей
посоветуйтесь, она, по всему видно, барыня
умная и на путь васъ наставитъ... Потому --
безъ Сонюшки, то-есть, безъ барышни, намъ
въ Снѣжковѣ никакъ невозможно... Чаю-то
прикажете?.

Но Михаилъ Александровичъ не слышалъ.
«Папа! гдѣ ты, папа?!» -- зазвучало въ
немъ, и этотъ призывъ заглушилъ собою всю
его тоску, тревогу, усталость.

XXXV.

Съ этого дня прошло три недѣли. Каждый день приносилъ Аникѣву что-нибудь новое, хотъ и не всегда желаемое. Онъ не вернулся къ Алинѣ и ждалъ, что она или сама опять къ нему прїѣдетъ, или позоветъ его запиской. Онъ не могъ себѣ представить, какъ встрѣтится теперь съ нею и чѣмъ кончится ихъ свиданіе. Но, прежде всего, онъ долженъ заставить ее понять, до чего неосновательна ея ревность и какъ она убійственна для ихъ любви.

Да, онъ думалъ еще о своей любви къ Алинѣ, онъ еще называлъ свое чувство любовью, только ужъ зналъ, что прежній, согрѣвавшій его свѣтъ померкъ и врядъ ли возгорится когда-либо.

Снѣжковская, волшебная, его Алина -- погибла, а новая Алина была... какъ всѣ.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ онъ нея записку. «Я знаю, что очень виновата,» - писала она:-- и всегда буду раскаиваться въ своей несдержанности. Я пришла въ себя, я покойна, но во мнѣ осталось то же чувство, та

же увѣренность: вы ошиблись, вы меня больше не любите. Права ли я, покажетъ время и ваши дѣйствія. Вы слишкомъ искренни и долго обманывать себя не можете. Я уѣзжаю сегодня за-границу и не меньше мѣсяца пробуду въ Парижѣ -- вы всегда говорили, что нѣтъ ничего лучше Парижа въ это время года. Увижу, такъ-ли это. Прощайте или до свиданія. А».

Бѣдная Алина дѣлала послѣднюю попытку. Если онъ ее любитъ, письмо это будетъ для него ясно. Если онъ ее любитъ -- она скоро увидитъ его въ Парижѣ, и лѣто ихъ закончится въ Снѣжковѣ и въ Петровскомъ.

Но Аникѣевъ не понялъ этого письма, ничего не прочелъ между строкъ. Ему стало тяжело, горько и обидно, а мысль, что Алина ждетъ его, что она съ отчаяньемъ его призываетъ -- не пришла ему въ голову...

Николай Александровичъ заѣхалъ къ брату въ концѣ Оминой и, узнавъ, что Снѣжково ускользнуло, прибѣгнувъ ко всей своей выдержкѣ, чтобы не показать охватившей его досады и злости.

-- Ну и прекрасно,-- говорилъ онъ, щуря

глаза и закусывая губы:-- поздравляю съ удачей и желаю, чтобы твои затрудненія больше не возвращались. Не стану тебя заранѣе разочаровывать... А какъ-же насчетъ службы? Искать тебѣ мѣста?

-- Какое теперь мѣсто!-- отвѣтилъ Аникѣевъ.-- Спасибо... Теперь мнѣ Снѣжково надо приводить въ порядокъ.

-- Хозяинъ!-- усмѣхнулся Николай Александровичъ.-- А я въ Петергофъ очень удачно дачу нанялъ. Жена и дѣти прїѣзжаютъ. Милости просимъ!

Онъ уѣхалъ и въ тотъ же день написалъ Лидіи Андреевнѣ, сообщая ей о случившемся, а также выражая сожалѣніе, что не удалось помочь ей.

«Попробуй-ка, достань пять тысячъ на увеселительную поѣздку! прозѣвала!...» -- почти съ ненавистью думалъ онъ.

Если это письмо не особенно огорчило Лидію Андреевну, то единственно потому, что она ужъ и такъ была огорчена до послѣдней степени. Всѣ ея планы рушились, и, наконецъ, она потерпѣла полное пораженіе: власть имѣющіе люди, къ которымъ она обратилась

съ просьбою о назначеніи опеки надъ ея мужемъ, отвѣтили ей отказомъ, не усматривая достаточныхъ поводовъ для такого дѣйствія. Подобное рѣшеніе зависѣло отъ того, что ея главные защитники уже уѣхали изъ Петербурга, «позабывъ» предупредить, кого слѣдовало, въ ея пользу.

Лидію Андреевну такъ поразила эта послѣдняя неудача, что у нея разлилась желчь, и она не на шутку заболѣла въ Царскомъ...

Между тѣмъ, «Снѣжковское дѣло», благодаря энергіи и умѣлости Ивана Ивановича, близило къ окончанію. Новый управляющій, еще молодой человекъ, скромнаго, хоть и рѣшительнаго вида, ужъ отправился къ мѣсту своей дѣятельности. Расчеты съ банкомъ были сдѣланы, и въ рукахъ Аникѣева оказалась значительная сумма: въ виду дѣйствительной стоимости имѣнія, Марья Эрастовна выдала подъ залогъ его гораздо больше, чѣмъ было дано банкомъ.

Какъ-то такъ, само собою, случилось, что Аникѣевъ почти ежедневно бывалъ у генеральши и видался съ Ниной, за которой тет-

ка, занятая своими дѣлами, спѣшившая ихъ скорѣе окончить, не въ состояніи была усмотрѣть.

Маленькой княжнѣ и Аникѣеву казалось, что они всю жизнь были дружны. Они говорили другъ съ другомъ безъ всякаго стѣсненія и не замѣчали времени въ этихъ разговорахъ. Нина хитро, исподволь вывѣдала отъ своего «дорожнаго товарища» все, что ей надо было знать.

Какъ-то вечеромъ, послѣ чаю, воспользовавшись приходомъ Ивана Ивановича, отвлекшаго генеральшу, Нина приступила къ тому, о чемъ все больше и больше думала.

— Вотъ мы скоро разъѣдемся въ разные стороны, Михайль Александровичъ,— сказала она особенно серьезнымъ тономъ:— и когда-то еще увидимся! Что-жъ, вы такъ и уѣдете въ Снѣжково съ камнемъ на душѣ?

— Я на этихъ дняхъ сдѣлаю еще попытку увезть Сою,— рѣшительно отвѣтилъ онъ

Она встревожилась.

— Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете! Вы не возьмете Сою, а вернетесь къ ней и къ ея матери... Иначе не можетъ быть,— это ваша обя-

занность.

— Мнѣ давно всѣ совѣтуютъ то же самое. Вотъ даже и Марья Эрастовна. Только васъ недоставало!— мучительно волнуясь, заговорилъ онъ.— Но поймите-же, княжна, поймите, другъ мой, что я не могу этого. Я слишкомъ измученъ! Вы посылаете меня на каторгу!

Она поблѣднѣла, опустила глаза; но тотчасъ же подняла ихъ на него и, повидимому, спокойно сказала:

— Такова судьба ваша. Вѣдь, случается, что люди идутъ на каторгу не только по винѣ, но и безъ вины, вслѣдствіе одной ошибки, своей или даже чужой... идутъ и находятъ жизнь и на каторгѣ!.. Я чувствую, я увѣрена, что вы на этой каторгѣ найдете свою просвѣтленную и успокоенную душу... Я увѣрена, что миръ и счастье для васъ настанутъ только тогда, когда вы вернетесь къ вашей Сонѣ... не возьмете ее, а вернетесь къ ней. Ахъ, если бъ я могла передать вамъ, вложить въ васъ эту мою увѣренность!

Онъ ничего ей не отвѣтилъ, а когда заговорилъ, то заговорилъ совсѣмъ о другомъ. Но она чувствовала, что сдѣлала свое дѣло, что

ея слова, можетъ быть, и не пропадутъ даромъ...

XXXVI.

Когда Аникѣевъ въ этотъ вечеръ вернулся къ себѣ, Платонъ Пирожковъ встрѣтилъ его новостью: князь Вово пріѣхалъ изъ Рима.

-- Они очень сожалѣли, что васъ не застали,-- говорилъ «дятель», очевидно, чѣмъ-то довольный:-- завтра вечеромъ безпремѣнно быть обѣщались и вотъ... извольте полюбоваться

Онъ поднесъ Аникѣеву большую картонку съ цѣлой коллекціей галстуховъ, перчатокъ и разныхъ бездѣлушекъ.

-- Сувенирчики вамъ привезли-съ... изъ Вѣны... Запасецъ., надолго теперь намъ хватитъ.

-- Да что, даже и меня не забыли,-- самодовольно прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана и показывая большой портсигаръ.-- Занятная вещица... на пружинѣ-съ... безъ замка открывается -- и этакъ вотъ, и такъ тоже можно! Тутъ вотъ для денегъ... и что-бъ вы думали: положили цѣлыхъ двадцать пять

цѣлковыхъ... Ужъ такой баринъ! дай Богъ имъ здоровья...

Вово не обмануль, и на слѣдующій вечеръ влетѣль, съ визгомъ и смѣхомъ, въ «музыкальную» комнату. Онъ такъ зацѣловаль Аникѣева, что тотъ даже сталъ защищаться.

-- Миша, mon vieux, прости, что я сбѣжалъ не простясь,-- трещаль онъ:-- я вотъ тебѣ и галстучковъ, и штучекъ привезъ, чтобъ усахарить, чтобы ты не ругался.

-- Спасибо, голубчикъ, очень тебѣ благодаренъ,-- сказалъ Аникѣевъ:-- только все-же объясни мнѣ, чего это тебя вдругъ такъ помчало въ Римъ?

Вово сморщилъ брови и принялъ дѣловой видъ.

-- Ali! mais, vois-tu, c'étais très sérieux... мое присутствіе было тамъ необходимо... la vieille comtesse de Montefiore... tu sais... et puis Нетти Луцкая... et ce grand nigaud Santoukoff... они мнѣ написали...

-- Довольно, садитесь!-- смѣясь, пер:билъ его Аникѣевъ.-- Мое любопытство удовлетворено вполнѣ...

-- Que tu es drôle, vraiment... tu ne veux pas

comprendre, началъ было Вово, но сейчасъ же и переѣнилъ тонъ.-- И то правда, не во мнѣ дѣло, а ты вотъ лучше похвали меня, я ужъ наверстываю потерянное... Вчера только вернулся... въ Петербургъ никого нѣтъ, хоть шаромъ покати... un désert!... Я прямо къ тебѣ... Платонъ Пирожковъ мнѣ все и разсказаль... Слава Богу! все хорошо, что хорошо кончится...

-- Да... если хорошо кончится, а этого еще не видно,-- замѣтилъ Аникѣевъ.

Вово вскочилъ на диванъ какъ обезьяна, поджалъ подъ себя ноги, вынулъ изъ жилетнаго кармана свою эмалированную бонбоньерку, принялся грызть то мятныя шарики, то анисовыя крупинки и, многозначительно поднявъ брови, говорилъ:

-- Конечно, вотъ я и сталъ думать -- скорѣе бы все это кончилось. Платонъ Пирожковъ объяснилъ, что Лидія Андреевна въ Царскомъ, и адресъ ея далъ. Сегодня, какъ всталъ,-- прямо туда. Приняла и была милостива... Но я такъ и ахнулъ. Она больна была... mais tout de bon! похудѣла, пожелтѣла -- это у нея печень, отъ огорченій... Видно, вся желчь вышла на-

ружу, такъ она и подобрѣла... Томная такія, грустная, на все согласна...

-- На что согласна?-- тихо спросилъ Аникѣевъ.

-- Да чтобы Соню отпустить съ тобою на лѣто въ Снѣжково. А сама она, если ты дашь «приличныя средства», непременно за-границу, въ Карльсбадъ, лѣчиться, а потомъ отдыхать на югѣ... Она такъ слаба... докторъ сказалъ ей, что всякое волненіе, безпокойство и хлопоты -- для нея смертельный ядъ, особенно во время лѣченія. Ей необходимъ полный отдыхъ. Ну и, понимаешь, Соню ей взять съ собой, значитъ, невозможно, хоть она не знаетъ, какъ проживетъ безъ своей дѣвочки... Съ ней собирается ѣхать и за ней ухаживать вдова Бубеньева... Я, вѣдь, и эту «совушку» тамъ видѣлъ: Imprayable!..

Аникѣевъ, внѣ себя, схватилъ руку Ново и заговорилъ прерывающимся голосомъ:

-- Милый, поѣзжай... или напиши ей, что я дамъ сколько угодно, пусть только ѣдетъ съ Бубеньевой, съ кѣмъ хочетъ... а Соню мнѣ оставить. Пусть она завтра... Завтра привезетъ мнѣ Соню... и, сама, если хочетъ, уѣдетъ

за-границу отсюда... мѣста хватить -- тамъ, вѣдь, у меня двѣ пустыхъ комнаты въ коридоръ -- устрою! Я вынесу даже Бубеньеву... буду любезничать съ нею!.. Вѣдь, она, Лидія, была у меня, толковала, что Соню необходимо везти этимъ лѣтомъ на Кавказъ, въ Крымъ, только она ужъ, конечно, позабыла объ этомъ,-- необходимость для Сони въ лѣченьи прошла... теперь ей надо лѣчиться за-границей... француженку она ужъ отпустила... Я самъ, я самъ съ Соней... да въ Снѣжковѣ, вѣдь, старая ея няня, Авдотья... Какой Кавказъ, какой Крымъ! она такъ поздоровѣетъ за лѣто въ деревнѣ!.. И какъ только Лидія уѣдетъ за-границу, я дня здѣсь не пробуду лишняго... сейчасъ-же съ Соней въ Снѣжково!... Напишешь, Вово? Пожалуйста, сегодня-же, съ вечера... да вотъ, садись и пиши.

-- Non, ça ne m'arrange pas!-- рѣшительно сказалъ Вово.-- Письма... это... знаешь... всегда только путаница! Я сейчасъ пошлю ей телеграмму, чтобъ она ждала меня завтра утромъ, и самъ пойду. Я ужъ знаю... изъ нея теперь веревки вить можно... радехонька будетъ... Ей за-граница и на яву мерещится... и вмѣстѣ

съ Бубенъевой! Ты представь только... се délicieux voyage!.. Кстати-же мнѣ завтра и такъ надо быть въ Царскомъ, вѣдь, тамъ Гатарины...

На этомъ они и порѣшили...

XXXVII.

Черезъ два съ половиною года.

Аникѣеву отъ князя Вово.

(Переводъ съ французскаго).

С.-Петербургъ, 16 ноября 189..

Мой милый другъ, если бы ты зналъ, сколько у меня дѣла! Голова идетъ кругомъ, чувствую, что больше не могу и что плохо кончу. Какъ я завидую тебѣ, что ты въ Снѣжковѣ, далеко отъ этой сутолоки, отъ этихъ до тошноты прѣввшихся господъ и дамъ, отъ новостей и слуховъ, пускаемыхъ въ обращеніе сегодня, а завтра оказывающихся суцимъ вздоромъ. Мнѣ все это до того опротивѣло, что я на-дняхъ подумывалъ: ужъ не бѣжать ли и мнѣ въ мое Заселково? Но, вѣдь, тамъ такая скука! Нѣтъ, Богъ съ ней, съ нашею

милой русской деревней!

Зима обѣщаетъ быть веселой, насколько Петербургъ способенъ веселиться. Кой-гдѣ начались ужъ приемы. Вчера я далъ слово нашей добрѣйшей Натальѣ Порфирьевнѣ участвовать въ ея спектакль, о которомъ ужъ начинаютъ поговаривать, хотъ ждать его еще долго. Она, кажется, хотеть затмить всѣхъ и замышляетъ нѣчто грандіозное. Жаль только, что не французская комедія -- это было бы во всѣхъ отношеніяхъ пріятнѣе, понятнѣе и живѣе. А то изволь-ка выступить въ російской исторической драмѣ! Одно утѣшеніе -- боярскіе костюмы (хотъ и они, по правдѣ, изрядно надоѣли). Наталья Порфирьевна о тебѣ спрашивала и даже сказала, что, несмотря на все, любитъ тебя попрежнему. Она въ восторгѣ отъ твоей симфоніи, которую скоро будутъ у нея, въ большомъ концертномъ залѣ, разыгрывать любители. Просила узнать -- правда ли, что ты готовишь оперу? Что мнѣ велишь отвѣтить ей на это? Она была бы очень не прочь, если бы ты самъ у нея дирижировалъ и находитъ,

что теперь это ужъ можно и было-бы для тебя весьма полезно. Прямо она къ тебѣ не обратится: это должно сдѣлаться какъ бы случайно, само собой. Совѣтую тебѣ, милый снѣжковскій медвѣдь, подумать объ этомъ,-- безъ людей не проживешь. Братъ твой, Николай, у нея въ большой милости и вообще сумѣлъ себя поставить. Онъ заставляетъ о себѣ говорить, и многіе находятъ, что онъ именно такой человѣкъ, какихъ теперь надо.

Представь, на-дняхъ я встрѣтилъ въ Михайловскомъ театрѣ вдовицу Бубеньеву и, такъ какъ она упорно глядѣла на меня въ лорнетку, рѣшился подойти къ ней, забывъ обо всѣхъ опасностяхъ такого шага. Она превратилась въ настоящій шаръ и до того красна, до того пылаетъ, что, я увѣренъ въ этомъ, ее скоро хватитъ кондрашка. Отъ нея я узналъ, что Лидія Андреевна уже въ Петербургѣ; но тебя съ Соней ждуть не раньше, какъ въ январѣ. «Вдовица» представила мнѣ сидѣвшаго рядомъ съ нею, длиннаго безусаго юношу, и мнѣ не трудно было замѣтить,

что она то и дѣло поглядываетъ на него съ нѣжнымъ вопросомъ. Юноша показался мнѣ, однако, совсѣмъ безчувственнымъ къ прелестямъ этой дамы.

Отойдя отъ нея, я зашелъ въ двѣ логи. Въ одной изъ нихъ сіяла своей неизмѣнной красотой княгиня Алина - «la belle», а изъ-за ея кресла, для контраста, выглядывала сказочная морда «la bête». Княгиня попрежнему холодна, какъ мраморъ, привлекаетъ всѣ взоры и совсѣмъ покорила Наталью Порфирьевну, которая, кажется, оставляетъ ей по духовному завѣщанію въ наслѣдство свою «святую улыбку».

Во второй ложѣ были Хрепелевы. Папа Хрепелевъ испыталъ недавно изрядную неприятность: одна изъ его прежнихъ таинственныхъ незнакомокъ устроила ему шантажъ. Объ этомъ говорили цѣлыхъ два дня. Однако, онъ откупился и замялъ дѣло. Теперь онъ разговариваетъ, главнымъ образомъ, о необыкновенныхъ достоинствахъ шведскаго массажа и о Браунъ-Секаровскихъ вспрыскиваніяхъ, которыя, какъ онъ

увѣренъ, чуть ли не навсегда вернули ему молодость. Мама Хрепелева, говорятъ, пишетъ книгу: «Хорошій тонъ или сводъ десяти тысячъ свѣтскихъ приличій». Впрочемъ, я не ручаюсь за вѣрность этого слуха, тѣмъ болѣе, что онъ выпущенъ въ свѣтъ... мною. Эти добрые родители до сихъ поръ не пускаютъ къ себѣ свою преступную дочь и даже, кажется, совсѣмъ отрицаютъ самое ея существованіе. Но я часто выдаюсь съ нашей маленькой княжной у ея тетки. Ninette навсегда отказалась отъ свѣта, хоть свѣтъ во все теперь не сталъ бы отъ нея отказываться. Марья Эрастовна на нее не надѣшется и сама мнѣ сказала, позволивъ напечатать это хоть въ газетахъ, что оставляетъ ей послѣ себя почти три милліона. Ninette все хорошеетъ, но, къ несчастію, по временамъ на нее находитъ пугающая меня серьезность. Къ тому же она, мнѣ кажется, пересаливаетъ: стала какою-то бѣлой монахиней. И это смѣшно въ дѣвушкѣ нашего круга...

Однако, всѣхъ не переберешь. Обнимаю

тебя. Прізьжай скорѣе.

* * *

Княжнѣ Хрепелевой отъ Аникѣева.
Снѣжково. 27 ноября 189...

И вы, моя дорогая княжна, торопите меня въ Петербургъ! Если бы это было въ октябрѣ или началѣ ноября, я бы еще, пожалуй, соблазнилъ. Но три мрачныхъ осеннихъ недѣли, наводящія въ деревнѣ уныніе, прошли. У насъ зима, и Соня каждый день катается на конькахъ по расчищенному большому пруду. Снѣгу напало много, и мое старое милое гнѣздо оправдываетъ свое прозвище. Длиныя аллеи парка превратились въ лабиринтъ съ бѣлыми мраморными стѣнами и со сводами изъ брилліантовыхъ кружевъ, сверкающихъ и переливающихся на зимнемъ солнцѣ.

Эта великолѣпная, сразу ставшая зима дала мнѣ именно то настроеніе, котораго я искалъ для послѣдняго акта моей оперы. Работа подвигается, и пока я ея не кончу, — не тронусь отсюда.

Къ тому же есть и другія дѣла по имѣнію. Вотъ, на прошлой недѣлѣ, мнѣ пришлось провести, конечно, съ Соней и ея почтенной воспитательницей, а также и съ моимъ вѣрнымъ другомъ, Платономъ Пирожковымъ, два дня въ городѣ. Я встрѣтилъ тамъ вашу пріятельницу, m-elle Травникову. Многіе расхваливали мнѣ ее, какъ учительницу. Теперь она вся поглощена устройствомъ профессиональной школы. Мы говорили о васъ, и, знаете ли, что она мнѣ сказала? «Я обязана Нинѣ всѣмъ: тѣмъ, что я живу и хочу жать. Она меня спасла не тѣмъ, что ухаживала за мною во время моей болѣзни, а тѣмъ, что примирила меня съ жизнью и согрѣла мою совсѣмъ застывшую душу. Какъ она это сдѣлала -- не знаю, но только это такъ».

Я отвѣтилъ ей, что вы и для меня сдѣлали то же самое. Да, мой маленькій дорогой другъ, -- мое настоящее, въ очень значительной степени, дѣло рукъ вашихъ. Я до сихъ поръ не говорилъ вамъ этого; но теперь говорю. Вы подошли ко мнѣ въ самое трудное время моей жизни, подошли прямо,

смѣло, неудержимо, какъ-бы по
наштію. Вы ничего новаго мнѣ тогда
не говорили, все это и такъ ужъ было
во мнѣ, повторялось въ душѣ моей...
Но, Боже мой, мало ли что говорится
иной разъ въ душѣ нашей -- и, все-таки,
безплодно замолкаетъ!

Великое дѣло -- въ самую важную ми-
нуту услышать убѣжденное, вдохно-
венное подтвержденіе своей внутрен-
ней, душевной рѣчи. Я самъ говорилъ
себѣ многое -- и бездѣйствовалъ, и пре-
зиралъ себя, и погибалъ въ безсиліи. Вы
сказали мнѣ то же самое, и я нашелъ
въ себѣ силу, потому что услышалъ ва-
съ въ самую важную, рѣшающую мину-
ту...

Вы были нравы -- съ тѣхъ поръ прошло
два съ половиной года -- и я чувствую
себя возрожденнымъ душой, я живу, я
не презираю себя больше. У меня такъ
много чудесныхъ, счастливыхъ ми-
нутъ: ихъ даютъ мнѣ Соня и мое дѣло.
Какая отрада -- эта дѣвочка и какъ я
безумно былъ виноватъ предъ нею и
передъ собою! Я долго не могъ глядѣть
на нее безъ упрёка совѣсти. Теперь мо-
гу: она здорова, весела, счастлива, А

какъ она растетъ, какъ развивается!
Ей ужъ четырнадцать лѣтъ, она ста-
новится все больше и больше похожа
на мою мать, и она будетъ хорошей
піанисткой, хорошей пѣвицей -- теперь
я это знаю. Мы вмѣстѣ работаемъ, я
 снова переживаю мое далекое время.
И она меня любитъ, я тоже знаю это.
И этой любви у меня никто и ничто
отнять не можетъ.

А того, что я считалъ «каторгой» -- я
почти не замѣчаю. «Не бойтесь льва, и
онъ станетъ васъ бояться» -- сказано
въ одной древней, мудрой книгѣ. Ну, а я
вовсе и не со львомъ имѣю дѣло...

Итакъ, вы помогли спасенію моей ду-
ши и моей жизни, а Марья Эрастовна,
опять-таки, благодаря вамъ, устро-
ила мое благосостояніе. Мой
управляющій не только творитъ чуде-
са, но и меня, -- это самое удивитель-
ное чудо! -- заинтересовываетъ хозяй-
ствомъ. Знаете ли, что я въ этомъ
году внесу Марьѣ Эрастовнѣ около
двѣнадцати тысячъ въ погашеніе мо-
его долга! -- Это похоже на сказку, а
между тѣмъ, это самая живая
дѣйствительность моего «золотого

дна» -- Снѣжкова.

Вотъ и работается, вотъ и опера моя растеть, растеть и, кажется, превращается въ органически цѣльное созданіе. Но мнѣ все же противно думать, что скоро придется вынести ее предъ всѣми. Вѣдь, я стою особнякомъ, не принадлежу ни къ какому кружку, за моей спиной нѣтъ друзей-прославителей. А у насъ все дѣло въ этомъ: «кто не съ нами, тотъ врагъ нашъ». Я знаю -- меня станутъ или замалчивать, или травить анонимными газетными статейками. Меня будутъ «стирать съ лица земли» десятками полуграмотныхъ строчокъ, топить въ ложкѣ съ водой. Но авось, Богъ милостивъ, не сотрутъ и не утопятъ. Вѣдь, у слушателей есть тоже свои уши, и не всѣ ими хлопаютъ по желанію и приказу газетныхъ анонимовъ. Главное же -- всякій долженъ дѣлать свое дѣло, рыть свой кладъ и не оглядываться по сторонамъ, не пугаться ночныхъ привидѣній...

Конецъ.

Примечания

1

другим, мой дорогой друг, см. немного Это!
(фр.)

[^^^]

2

вам очень грустно, очень устали! (фр.)

[^^^]